АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

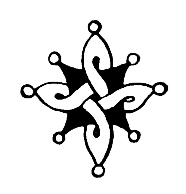
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
А.М. АСТАХОВОЙ

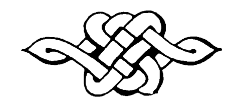
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

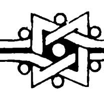
Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

ТЕКСТЫ



БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ОБЩЕРУССКОЙ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII–XX ВЕКОВ





ПОЛУЧЕНИЕ СИЛЫ (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ-СИДНЯ, ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР)

1

[Получение силы]

В славном городе во Муромле,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын.
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожия
Под тое окошечко косявчето,
Говорят калики таковы слова:
— Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкия,
Пусти-ка калик к себе в дом.
Ответ держит Илья Муромец:
— Ай же вы, калики перехожия!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу цело тридцать лет,
Не владаю ни рукамы, ни ногамы.
Опять говорят калики перехожия:
— Выставай-ка, Илья, на резвы́ ноги,

Отворяй-ка ворота широкия,
Пускай-то калик к себе в дом.
  Выставал Илья на резвы́ ноги,
Отворял ворота широкия
И пускал калик к себе в дом.
Приходили калики перехожия,
Они крест кладут по-писа́ному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелося,
Его белое тело распотелося.
Воспроговорят калики таковы слова:
— Что чувствуешь в собе, Илья?
  Бил челом Илья, калик поздравствовал:
— Слышу в собе силушку великую.
  Говорят калики перехожия:
— Будешь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тобе на бою не писана:
Бейся-ратися со всяким бога́тырем
И со все́ю паленицею удалою;
А столько не выходи драться
С Святогором-бога́тырем:
Его и земля на себе через силу носит;
Не ходи драться с Самсоном-бога́тырем:
У него на голове семь власов ангельских;
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка сыра земля;
Не ходи още́ на Вольгу Сеславьича:
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня собе богатырского,
Выходи в раздольице чисто́ поле,
Покупай первого жеребчика,

Станови его в срубу на три месяца,
Корми его пшеном белояровым,
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону,
Поезжай на нем, куда хочешь,
Будет носить тебя.
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колодья:
Он дубье-колодье всё повырубил,
В глубоку реку повыгрузил,
А сам и сшел домой.
Выстали отец с матерью от крепкого сна — испужалися:
— Что это за чудо подеялось?
Кто бы нам это сработал работушку?

Работа-то была поделана, и пошли они домой. Как пришли домой, видят: Илья Муромец ходит по избы. Стали его спрашивать, как он выздоровел. Илья и рассказал им, как приходили калики перехожия, поили его питьицем медвяным: и с того он стал владать рукамы и ногамы и силушку получил великую.

Пошел Илья в раздольице чисто́ поле.
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Что запросил мужик, то и дал;
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой;

И прошло поры-времени три месяца,
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал,
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону.
Тут Илья Муромец
Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшка, у матушки
Прощеньице-благословеньице,
И поехал в раздольице чисто по́ле.

Наехал Илья в чистом поле на шатер белополо́тняный, стоит шатер под великим сыры́м дубо́м, и в том шатре кровать богатырская не малая: долиной кровать 10 сажен, шириной кровать шести сажен. Привязал Илья добра коня к сыру́ дубу́, лег на тую кровать богатырскую и спать заснул. А сон богатырский крепок: на три дня и на три ночи.

На третий день услыхал его добрый конь великий шум с-под сиверныя сторонушки: мать сыра земля колыбается, темны лесушки шатаются, реки из крутых берегов выливаются. Бьет добрый конь копытом о сыру землю, не может разбудить Илью Муромца. Проязычил конь языком человеческим: «Ай же ты, Илья Муромец! Спишь себе, проклаждаешься, над собой незгодушки не ведаешь: едет к шатру Святогор-богатырь. Ты спущай меня во чисто поле, а сам полезай на сырой дуб». Выставал Илья на резвы ноги, спущал коня во чисто поле, а сам выстал во сырой дуб.

Видит: едет богатырь выше лесу стоячего, головой упирает под облаку ходячую, на плечах везет хрустальный ларец. Приехал богатырь к сыру́ дубу́, снял с плеч хрустальный ларец, отмыкал ларец золотым ключом: выходит оттоль жена богатырская. Такой красавицы на белом свете не видано и не слыхано: ростом она высокая, походка у ней щепливая, очи ясного сокола, бровушки черного соболя, с платьица тело белое. Как вышла из того ларца, собрала на стол, полагала скатерти браныя, ставила на стол ествушки сахарния, вынимала из ларца питьица медвяныя. Пообедал Святогор-богатырь и

пошел с женою в шатер проклаждатися, в разныя забавы заниматися. Тут богатырь и спать заснул. А красавица жена его богатырская пошла гулять по чисту́ полю, высмотрела Илью в сыро́м дубу́. Говорит она таковы слова: «Ай же ты, дородний добрый молодец! Сойди-ка со сыра́ дуба́, сойди, любовь со мной сотвори; буде не послушаешься, разбужу Святогора-богатыря и скажу ему, что ты насильно меня в грех ввел». Нечего делать Илье: с бабой не сговорить, а с Святогором не сладить; слез он с того сыра дуба и сделал дело повеленое. Взяла его красавица, богатырская жена, посадила к мужу во глубок карман и разбудила мужа от крепкого сна. Проснулся Святогор-богатырь, посадил жену в хрустальный ларец, запер золотым ключом, сел на добра коня и поехал ко Святым горам.

Стал его добрый конь спотыкаться, и бил его богатырь плеткою шелко́вою по тучны́м бедра́м, и прого́ворит конь языком человеческим: «Опере́жь я возил богатыря да жену богатырскую, а нонь везу жену богатырскую и двух богатырей: дивья мне потыкатися!» И вытащил Святогор-богатырь Илью Муромца из кармана, и стал его выспрашивать, кто он есть и как попал к нему во глубок карман. Илья ему сказал всё по правды по истины. Тогда Святогор жену свою богатырскую убил, а с Ильей поменялся крестом и называл меньшим братом.

Выучил Святогор Илью всем похваткам, поездкам богатырским, и поехали они к Сиверным горам, и наехали путем-дорогою на великий гроб, на том гробу подпись подписана: «Кому суждено в гробу лежать, тот в него и ляжет». Лег Илья Муромец: для него домовище и велико, и широко. Ложился Святогор-богатырь: гроб пришелся по нем. Говорит богатырь таковы слова: «Гроб точно про меня делан. Возьми-тко крышку, Илья, закрой меня». Отвечает Илья Муромец: «Не возьму я крышки, больший брат, и не закрою тебя: шутишь ты шуточку не малую, сам себя хоронить собрался». Взял богатырь крышку и сам закрыл ею гроб; да как захотел поднять, и прого́ворил Илье Муромцу: «Ай меньший брат! Видно, судьбина поискала меня, не могу поднять крышки, попробуй-ка приподнять ю». Попробовал Илья Муромец поднять крышку, да где ему! Говорит Святогор-богатырь: «Возьми мой меч-кладенец и ударь поперек крышки». Илье Муромцу не под-силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зовет его

Святогор-богатырь: «Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочке, я дохну на тебя духом богатырскиим». Как наклонился Илья, и дохнул на него Святогор-богатырь своим духом богатырскиим: почуял Илья, что силы в нем против прежнего прибавилось втрое, поднял он меч-кладенец и ударил поперек крышки. От того удара великого посыпались искры, а где ударил меч-кладенец, на том месте выросла полоса железная. Зовет его Святогор-богатырь: «Душно мне, меньший брат, попробуй още ударить мечом вдоль крышки». Ударил Илья Муромец вдоль крышки, — и тут выросла железная полоса. Опять проговорит Святогор-богатырь: «Задыхаюсь я, меньший братец: наклонись-ка ко щелочке, я дохну още на тебя и передам тебе всю силушку великую». Отвечает Илья Муромец: «Будет с меня силы, больший братец; не то земля на собе носить не станет». Промолвился тут Святогор-богатырь: «Хорошо ты сделал, меньший брат, что не послушал моего последнего наказа: я дохнул бы на тебя мертвым духом, и ты бы лег мертв подле меня. А теперь прощай, владай моим мечом-кладенцом, а добра коня моего богатырского привяжи к моему гробу. Никто кроме меня не совладает с этим конем». Тут пошел из щелочки мертвый дух, простился Илья с Святогором, привязал его добра коня ко тому гробу, опоясал Святогоров меч-кладенец и поехал в раздольице чисто поле.

2

[Исцеление Ильи Муромца]

Как во том-ле было прежде городе Муроме,
Кабы жил, кабы был тут нонь стар казак,
Кабы стар, пишут, казак Илья Муромец.
Он сидел-то на печеньке-то тридцать лет,
Не имел при себе он как ведь рук-ле, ног.
Как ушли его нонь отец-ле, ноньце матушка,
Он остался на пецьке на муравленке,
Как пришли-ле тут две калеки нонь убогия,
Как зашли ноньце к ему, богу помолилися,
Говорят они старому Илье Муромцу:
— Ох ты ой еси, старыя Илья Муромеч!

Ты ставай-ко ноньце с печеньки муравленой.
Говорит на то старо́й им, ответ дёржит:
— Ох вы ой еси, как люди нонь хрещоныя!
Я сидю ноньце на пеценьке земляноей, право,
Я невного нонь немало, ровно тридцать лет.
Говорят ему калеки во второй нако́н:
— Ты отведай-ко, ставай ноньце как с пеци-то.
Кабы стал ноньце их-де, право, слушатьсе,
Он змахнул ноньце своима рукамы белыма,
Шевелить как стал ногами ноньце резвыма,
Говорят ему калеки таковы слова:
— Слезывай-ты ноньце с пецьки земляной, право.
Он как стал ноньце слезывать, право, со пеценьки,
Как задействовали его руки белыя,
Заслужили как его нонь ноги резвыя.
Как говорят ему калеки нонь прохожие:
— Ты возьми как ведро ноньце водя́ное,
Ты поди-ко нонь сходи как за водой, право,
Ты на ту как нонь на реценьку Карчагу-ле,
Принеси-ко ты ведром воды, право.
Он пошел-ле старой нонь за водой, право,
Он принес нонь воды, право, ключевоей.
А сидят-ле тут калеки, говорят, право,
Говорят они старому Илье Муромцу:
— Ты повыпей-ко же ноньче воды, сколько хочетсе.
Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:
— Ты учуюл-ле нонь в себе, право, цего-сего?
Говорит ноньце старо́й как им ответ дёржит:
— Я поцюл ноньце в себе силу великую.
Говорят на то ище калики-то:
— Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно,
Зашел ноньце скот да кабы топцет-ле.
Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар.
Как ушли-то калеки нонь убогия,

А пошел он как хранить полё отцовское.
Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Кабы полё-то сры́м ду́бьём огораживал,
Он ведь рвал тут как ду́бьицо с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на удивленьицо.
Как пришли его отец-ле, ронна матушка,
Как пришли они, увидели свое полё,
Кабы всё оно как ду́бьями заклажено,
Они тут как бы сами удивилисе:
— Кабы що эки чудеса у нас сотворилися?
Зашли они в комнату свою теплую,
Как увидели — старо́й их сын здоровой стал.
Говорит ноньце старо́й как отцу, матушке:
— Ох ты ой еси, отец-ле нонь родимыя!
Ох ты ой еси, как матушка любимая!
Вы как дай ноньце вы мне было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ехать в стольнёй Киев-град,
Я хоцю нонь посмотреть князя Владимера
Со его любой, со матушкой любимоей.
Кабы дали тут ему благословленьицо,
Кабы ехати ему на стольнёй Киев-град
На своем-то коне-ле право белыём;
Кабы был-то у отца его конь белой весь,
Наубел весь как белыя ку́ропать,
Его хвос был-ле грива научер-черна.

3

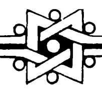
[Илья Муромец и Святогор]

Ездил-то стар да по чисту́ полю,
Выехал стар да на Святые горы́,
Да наехал стар да на бога́тыря.
А богатырь едет на кони́ да дремлет он.

— Что это за чудо есть?
Сильние могучие богáтыре
Мог ба выспаться да во белóм шатри.
Да розъехался Илья Муромец,
Да ударил богáтыря крепко-нáкрепко.
Богáтырь еде всё вперед.
— Ах да что я за сильнии богáтыре,
От моей руки никакой богатырь не мог на кони́ усидеть,
Дай-ко розъедусь во вторы́е раз.
Как розъехался Илья Муромец,
Да ударил крепко-нáкрепко,
Богатырь еде всё вперед.
— Что это за чудо есть?
Видно, я ударил худо ево.
Как розъехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-нáкрепко,
Да ударил ево плотно-нáплотно.
Тут-то богáтырь пробудился ото сна.
Хватил-то Илью да своей прáвою рукой,
Положил-то Илью да к себе в корман,
Возил-то Илью да двои суточки,
Да на третьи сутки конь и стал потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибатися.
Как ударил Святогор да своево доброго коня:
— Что ты, конь, потыкаешься?
Говорит-то конь таково слово:
— Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниех могучиех богáтырей,
Третьёго вожу коня да богатырского.
Тут Святогор вынимал Илью да из кармана вон,
Но раздёрнули шатер белополóтняной,
Стали с Ильей да опочик держать.
А побратались они крестами с Ильей Муромцем,

Назвались они крестовыма братьями.
Но ездили-гуляли по Святым горам,
Съезжали-то они да со Святых ведь гор
На те ли на площади широкие,
На те ли лужка они зеленые.
Как увидели-то они чудо-чудноё,
Чудо-чудноё да диво-дивноё:
Как состроен стоит да ведь бе́лой гроб.
Говорит-то Илья да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Для ково ж этот гроб состроен есть?
Соходили они да с ко́ней добрыих,
Ложился-то Илья да во сей-от гроб,
А Святогор-от говорил да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть,
Дай-ко я ведь лягу да во сей-от гроб.
Дак лег Святогор во сей гроб спать,
Говорил Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой мой да брателко,
Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.
Говорил-то Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой мой ты брателко,
Хорошо здесь во гробе жить,
Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
Отокрой-то дощечки дубовые.
Как Илья Муромец стал открывать дощечки дубовые,
Да не может оторвать никакой доски.
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не могу я открыть никакой доски.
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Да Илья ведь Муромец!
Бей-ко своей боевою-то палицею.
Илья-то начал палицей бить:

Куды ударит — туды обручи железные.
Говорил-то Илья да таково слово:
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Куда ударю — туды обручи железные.
Говорил-то Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Видно, мне-ка туто бог и смерть судил.
Тут Святогор и помирать он стал,
Да пошла из его да пена вон,
Говорил Святогор да таково слово:
— Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Дак ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богáтырей,
Никакого сильнего могучего богáтыря.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

4

Первая поездка Ильи Муромца в Киев

Как из славного города из Мурома,
Из того села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Наряжался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Чрез те леса Брынские,
Чрез черны грязи смоленские;
И залег ее, дорогу, Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла ровно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену́ стрелу.
Берет благословение великое у отца с матерью.
А и только его, Илью, видели.
Прощался с отцом, с матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкие;

Как стегнет он коня по тучны́м бедрам,
А и конь под Ильею рассержается,
Он перву скок ступил за пять верст,
А другого ускока не могли найти.
Поехал он чрез те леса Брынские,
Через те грязи смоленские.
Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах, во Брынских,
Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
И заслышал Соловей-разбойник
Того ли топу конининого
И тоя ли он поезки богатырские,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел, разбойник, по-змеиному,
А втретьи зрявкает по-звериному:
Под Ильею конь окорачился,
И падал ведь на ку́корачь.
Говорит Илья Муромец Иванович:
— А ты волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, во темных лесах,
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал ты шипу змеиного,
А того ли ты крику звериного,
А звериного крику, туриного?
Разрушает Илья заповедь великую,
Вымает калену́ стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника.
И попал Соловья да в правой глаз,
Полетел Соловей с сыра́ дуба́
Комом ко сырой земли.
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы́ руки.
Привязал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую,

Подъезжает ко подворью дворянскому:
И завидела-де его молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И збегала она на чердаки на вышние —
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тынинке по маковке,
И по той по голове богатырския —
Наводила трубками немецкими
Его, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброго молодца Илью Муромца,
И бросалась с чердака во свои высокие терема,
И будила она девять сыновей своих:
— А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокие,
Берите мои золотые ключи,
Отмыкайте мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречайте удала доброго молодца:
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-то вашего в тороках везет!
   А и тут ее девять сыновей закорилися,
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокие,
Не берут ее золотой казны,
А худым ведь свои думушки думают:
Хочут обвернуться черными во́ронами,
Со темя носы железными,
Они хочут расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подъезжает он ко двору ко дворянскому.
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается.

— Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!
А его-то дети, Соловьевы,
Неучливо они поговаривают.
Они только Илью и видели,
Что стоял у двора дворянского.
И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по тучны́м бедра́м,
Как бы конь под ним осержается:
Побежал Илья, как соко́л летит.
Приезжает Илья он во Киев-град,
Середи двора княженецкого,
И скочил он, Илья, со добра коня,
Привязал коня к дубову́ столбу,
Походил он во гридню во светлую
И молился он спасу со пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.
У великого князя Владимера
У него, князя, почестной пир,
А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных могучих бога́тырей;
И поднесли ему, Илье, чару зелена́ вина
В полтора ведра.
Принимает Илья едино́й рукой,
Выпивает чару едины́м духом.
Говорил ему ласковой Владимер-князь:
— Ты скажись, молодец, как именем зовут,
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству пожаловати.
И отвечает Илья Муромец Иванович:
— А ты ласковой стольной Владимер-князь!
А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,

И проехал я дорогу прямоезжую
Из стольного города из Мурома,
Из того села Корочаева.
Говорят тут могучие бога́тыри:
— А ласково солнце, Владимер-князь!
В очах детина завирается,
А где ему проехать дорогою прямоезжею?
Залегла та дорога тридцать лет
От того Соловья-разбойника.
Говорит Илья Муромец:
— Гой еси ты, сударь, Владимер-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника
На двор к тебе.
И втапоры Илья Муромец
Пошел с великим князем на широкой двор
Смотреть его удачи богатырския.
Выходили туто князи, бо́яра,
Все русские могучие бога́тыри:
Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Домантьевич,
Светогор-богатырь и Полкан другой,
И семь-то братов Збродовичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы —
Только было у князя их тридцать молодцов.
Выходил Илья на широкой двор
Ко тому Соловью-разбойнику,
Он стал Соловья уговаривать:
— Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змей, по-змеиному,
Зрявкай, зверь, по-туриному
И потешь князя Владимера.
Засвистал Соловей по-соловьиному,

Оглушил он в Киеве князей и бояр,
Зашипел злодей по-змеиному,
Он втретье зрявкает по-туриному;
А князи и бояра испужалися,
На корачках по двору наползалися,
И все сильны бога́тыри могучие.
И накурил он беды несносныя:
Гостины кони с двора разбежалися,
И Владимер-князь едва жив стоит
Со душой княгиней Апраксевной.
Говорил тут ласковой Владимер-князь:
— А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника,
А и эта шутка нам не надобна!

5

[Первая поездка Ильи Муромца]

Не сы́рой дуб к земле клонится,
Ни бумажныи листочки расстилаются:
Расстилается сын перед батюшком,
Он и просит сее благословеньица:
— Ох ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мне свое благословеньицо,
Я поеду в славной стольной Кеев-град
Помолиться чудотворцам кеевским,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру хрисьянскую.
Отвечат старо́й хресьянин Иван Тимофеевич:
— Я на добрые дела тее благословленье дам,
А на худые дела благословленья нет.
Поедешь ты путем и дорогою,

Ни помысли злом на татарина,
Ни убей в чисты́м поле хресьянина.
Поклонился Илья Муромец отцу до́-земли,
Сам он сел на добра́ коня,
Поехал он во чисто́ поле.
Он и бьет коня по крутым бёдрам,
Пробиват кожу до черна́ мяса;
Ретиво́й ёго конь осержается,
Прочь о́т земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже о́болока ходячего.
Первой скок скочил на пятнадцать верст,
В другой скочил, колодезь стал;
У колодезя срубил сы́рой дуб,
У колодезя поставил часовенку,
На часовне подписал сво и́мичко:
«Ехал такой-то сильной, могу́чой богатырь,
Илья Муромец сын Иванович»;
В третий скочил — под Чернигов-град.
Под Черниговым стоит сила — сметы нет;
Под Черниговым стоят три царевича,
С кажним силы сорок тысячей.
Богатырско серцо разго́рчиво и неуёмчиво,
Пушше огня-о́гничка серцо разыграется,
Пушше пля́штово мороза разгорается.
Тут возго́ворит Илья Муромец таково слово:
— Не хотелось было батюшку супротивником быть,
Ишша знать-та ёго заповедь переступи́ть.
Берет он в руки саблю боёвую,
Учал по силушке погуливать:
Где повернется, делал улицы,
Поворотится — часты плошшади,
Добиваетца до трих царе́вичов.
Тут возго́ворит Илья таково слово:
— Ох вы гой естя, мое три царевича!

Во полон ли мне вас взять,
Ай с вас буйны головы снять?
Как в полон мне вас взять, —
У меня доро́ги заезжие и хлебы аво́зныи,
А как головы снять, — царски се́мины погубить.
Вы поедьте по свым местам,
Вы чините везде такову славу́,
Што святая Русь не пуста́ стоит,
На святой Руси есть сильны́-могу́чи бога́тыри.
Увидал его воевода черниговской:
— Што эта господь сослал нам за сослальника!
Очистил наш славной Чернигов-град.
Возго́ворит воевода свым князьям-бо́ярам:
— Подите, позовите до́бра мо́лодца
Ко мне хлеба-соли кушати.
Пошли тут князи-бо́яря к Муромцу:
— Ох ты гой еси, дородной доброй мо́лодец,
Как тея честны́м и́менем зовут,
Как тея величают по отечеству?
— Меня именем зовут — Илейкой,
А величают — сын Иванович.
Возго́ворят ему князи-бо́яря:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Ты пойдешь-ка к воеводе нашему,
Ты изволь у него хлеба-соли кушати.
— Нейду я к воеводе вашему,
Не хочу у него хлеба-соли кушати;
Укажите мне прямую дороженьку
На славной стольной Киев-град.
Ответ держат князи-бо́яря:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Пряма дорожка не проста стоит:
Заросла дорога ле́сы Брынскими,
Протекла тут река Самородина;
Ишшо́ на дороге Соловейко-разбойничик

Сидит на тридевяти дубах, сидит тридцать лет,
Ни конному ни пешому пропуску нет.
Поклонился им Илья Муромец,
Поехал он лесами Брынскими.
Услыхал Соловейко богатырской топ
И свиснул он громким голосом.
Конь под Муромцом спотыкается.
Возго́ворит Илья своему коню доброму:
— Ох ты гой еси, мой богатырской конь!
Аль не езживал ты по тёмны́м лесам,
Аль не слыхывал пташьего по́свисту?
Берет Илья калёны стрелы:
Перво́ стре́лил, не дострелил,
А вдруго́ридь — перестрелил,
В третьи стре́лил, попал в правой глаз,
И сошиб ёго с тридевяти дубов,
Привязал ёго к коню во ка́раки;
Поехал Муромец в славной Кеев-град.
Возго́ворит Соловейко-разбойничик:
— Ох ты гой еси, Илья Муромец!
Мы заедем-ка с тобою ко мне в гости.
Увидала Соловейкина ма́ла дочь:
— Ишша вон едет наш батюшка,
Ведет кривого мужика [у] коня в ка́раках.
Взглянула Соловейкина большая дочь:
— Ах ты дура не пови́тая! Это едет доброй мо́лодец,
И ведет нашего батюшка коня в ка́раках.
И бросили́сь они на Илью Муромца с дре́кольем.
Возго́ворит Соловейко-разбойничик:
— Не тумаши́теся, мое малы́ детушки,
Не взводите в задор до́брого мо́лодца.
Возго́ворит Илья Соловейке-разбойнику:
— Што у тея дети во единой лик?
Отвечат Соловейко-разбойничик:
— Я сына-та выросшу, за нёго дочь отдам,

Дочь-ту выросшу, отдам за́ сына,
Штобы Соловейкин род не перево́дился.
За досаду Илье Муромцу показалося,
Вынимал он саблю свою вострую,
Прирубил у Соловья всех детушок.
Приехал Илья Муромец во Кеев-град,
И вскричал он громким голосом:
— Уж ты батюшка Володимир-князь!
Тее на́да ль нас, принимаешь ли
Сильных могучих бога́тырей,
Тее́, батюшка, на поче́сь-хвалу,
Твому граду стольному на и́зберечь,
А татаровьям на посе́ченье?
Отвечат батюшка Володимир-князь:
— Да как мне вас не нады-та!
Я везде вас ишшу, везде спрашиваю,
На приезде вас жалую по добру́ коню,
По добру́ коню, по латынскому, богатырскому.
Возго́ворит Илья Муромец таково слово:
— У меня свой конь латынской, богатырской;
Стоял я с родимым батюшком у заутрени,
Хотелось постоять с тобой у обеденки,
Да на дороге мне было три помешиньки:
Перва помеха — очистил я Чернигов-град;
Друга́ помеха — я мостил мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Самородину;
Третья помеха — я сошиб Соловья-разбойника.
Возго́ворит сам батюшка Володимир-князь:
— Ох ты гой еси, Соловейко-разбойничик!
Ты взойди ко мне в полату белу-ка́менну.
Ответ держит Соловейко-разбойник:
— Не твоя слуга, не тее служу, не тея и слушаю,
Я служу и слушаю Илью Муромца.
Возго́ворит Володимир: — Ох ты гой еси, Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!

Прикажи ёму взойти в полату белу-ка́менну.
Приказал ему взойти Илья Муромец.
Тут возго́ворит Володимир-князь:
— Ох ты гой еси, дородной доброй мо́лодец,
Илья Муромец сын Иванович!
Прикажи ёму свиснуть громким голосом.
Возго́ворит Илья Муромец таково слово:
— Уж ты батюшка наш Володимир-князь!
Не во гнев бы тее, батюшка, показалося:
Я возьму тея, батюшку, под пазушку,
А княиню-ту закрою под дру́гою.
И говорит Илья Муромец таково слово:
— Свисни, Соловейко, в по́лсвиста.
Свиснул Соловейка во весь голос:
Сня́ло у палат верьх по оконички.
Разломало все связи железныя,
Попадали все сильны могу́чи бога́тыри,
Упали все знатны князи-бо́яря,
Один устоял Илья Муромец.
Выпушшал он князя со княиней из-под пазушок.
Возго́ворит сам батюшка Володимир-князь:
— Исполать тее, Соловейко-разбойничик!
Как тея взял это Илья Муромец?
Ответ держит Соловейко-разбойничик:
— Видь на ту́ пору больно пьян я был,
У меня большая дочь была именинница.
Это слово Илье Муромцу не показалося:
Взял он Соловейку за вершиночку,
Вывел ёго на княжене́цкой двор,
Кинул ёго выше дерева стоя́чего,
Чуть пониже оболока ходячего,
До сыро́й земли допускывал — ино подхватывал,
Расшиб Соловейко свое все тут косточки.
Пошли теперь к обеду княженецкому.
Возго́ворит сам батюшка Володимир-князь:

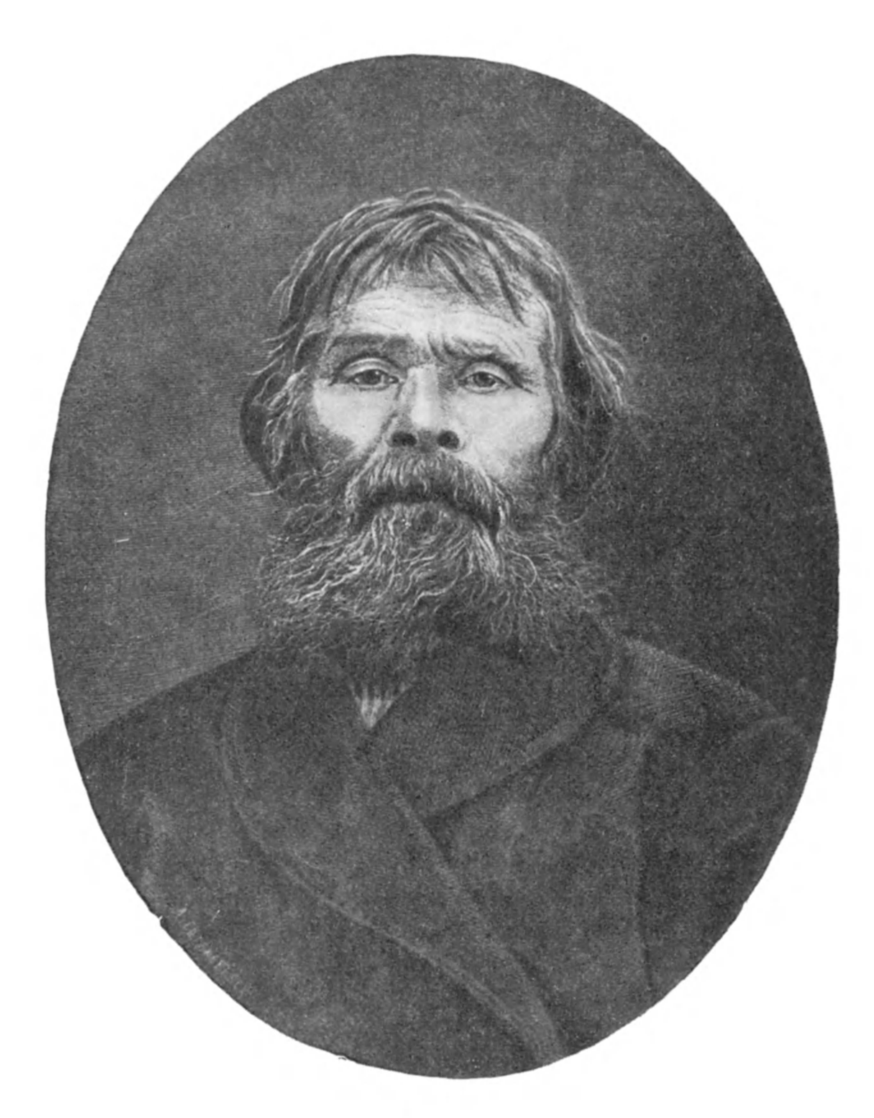
— Ох ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Жалую тея трёмя́ я ме́стами:
Пе́рво место — подле меня ты сядь,
Друго́ место — супроти́ меня,
Тре́тье — где ты хочешь, тут и сядь.
Зашел Илья Муромец со ко́нничка,
Пожал он всех князей и бо́ярей
И сильных могу́чих бога́тырей:
Учутился он супроти́ князя Володимира.
За досаду Олеше Поповичу показалося:
Взял Олеша булатной нож,
Он и кинул его в Илью Муромца:
Пымал на полету́ Илья булатный нож,
Взоткнул его в дубовой стол.

6

Илья и Соловей-разбойник

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольнёй Киев-град
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки черны́м-черно,
А й черны́м-черно, как черна во́рона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,

А й побил он эту силу всю великую.
Ён подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же, мужички да вы черниговски!
А нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольний Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя бога́тырь святоруськии!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Си́ди Со́ловей-разбойник во сыром дубу,
Си́ди Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей до по-соло́вьему,
Ён крычит злодей разбойник по-звериному,
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-мура́вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольноёй дорожкой цела тысяща.
Он спустил добра коня да й богатырского,



Трофим Григорьевич Рябинин.
(Былины 6, 18, 26, 31).

Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырскии
С горы на́ гору стал перескакивать,
С холмы на́ холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке по Смородинки,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Со́ловей да й по-соло́вьему,
Закричал злодей разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися,
Его доброй конь да богатырскии
А он на корзни́ да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни́, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьяго,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой ту́гой лук розрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ен тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в то́го Со́ловья-разбойника,
Ему выбил право око со косичею.
Ен спустил-то Со́ловья на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечки булатнему,

Ён повез его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнездышко́ повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих;
Бо́льша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:
— Едет-то наш батюшко чисты́м полем,
А сидит-то на добро́м кони,
Да везет ён мужичищо-деревенщину,
Да у правого стремени прикована.
Поглядела его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшко роздольицем чисты́м полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована.
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичищо-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добро́м кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатнего у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косичею.
Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же, мужевья наши любимыи!
Вы берите-тко рогатины зверины́и,
Да бежите-тко в роздольице чисто́ поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину.
Эти мужевья да их любимыи,
Зятевья-то есть да Соловьиныи,
Похватали как рогатины звериныи,
Да и бежали-то они да й во чисто́ поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же, зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины звериныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В сво́ё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьицем медвяныим,
Да й дарите ёму да́ры драгоценные.
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звериныи
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту́ полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
Ён приехал-то во славный стольнёй Киев-град
А ко славному ко князю на широкой двор.
А й Владымир-князь он вышел со божьёй церквы,
Он пришел в полату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На́ пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писа́ному,
Вел поклоны по-учёному,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владымиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенныим.
Тут Владымир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мо́лодец,
Тобе как-то молодца да именём зовут,

Звеличают удала́го по отечеству?
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Говорит ему Владымир таковы слова:
— Ай же, старыя казак да Илья Муромец,
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженкой ты ехал в стольнёй Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владымир стольнё-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
Мимо славную березу-то покляпую,
Мимо славный ехал Левонидов крест.
Говорил ёму Владымир таковы слова:
— Ай же, мужичищо-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славнаго у города Чернигова
Нагнано́ тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А й у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноёй у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпою,
У того креста у Леванидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Со́ловей да по-соло́вьему,
Как кричит злодей разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво́ лежат.
Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты Владымир-князь да стольнё-киевской!
Соловей-разбойник на твоем двори,
Ему выбито ведь право око со косичею,
Й он ко стремени булатнему прикованной.
То Владымир-князь-от стольнё-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы́ ножки,
Куныю шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Со́ловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владымир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному.
Говорил-то Со́ловей ему разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.
Говорил-то как Владымир-князь да стольнё-киевский:
— Ай же, старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Со́ловью да й по-соло́вьему,
Прикажи-тко закрычать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же, Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во по́л-свисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во по́л-крыку зверинаго.
Говорил-то ёму Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын:

— Ай же, старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахáрныи,
Не могу я засвистать да й по-солóвьему,
Закрычать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владымиру
Налить чару мни да зеленá вина,
Я повыпью-то как чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы порозóйдутся,
Да й уста мои сахарни поросхóдятся,
Да тогда я засвищу да по-солóвьему,
Да тогда я закрычу да по-звериному.
Говорил Илья-тот князю он Владымиру:
— Ты Владымир-князь да стольнё-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Сóловью к разбойнику.
То Владымир-князь да стольнё-киевской
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то ён ко Сóловью-розбойнику.
Соловей-розбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку-ту Соловей одны́м духóм,
Засвистал как Соловей тут по-солóвьему,
Закрычал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покри́вились,
А окóленки во теремах рассыпались
От него, от посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшок, так вси мертвы́ лежат;
А Владымир-князь-от стольнё-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто́ поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тоби полно-тко свистать да по-соло́вьему,
Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
Тоби полно-тко вдовить да жен моло́дыих,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.
А тут Соловью ему и славу́ поют,
А й славу́ поют ему век по́ веку.

7

Илья Муромец

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ЕГО В КИЕВ

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребенка у попа за 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать.

Выводил Илья Муромец добра коня
Из завозеньки из новыя,
Накладывал он потнички бумажные,
На потнички седелышко черкасское,
Клал обет на палицу боевую
И на саблю на острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.
И ставал в стременышко гольяшное,
И садился в седелышко черкасское.
Не ясен сокол в перелет летал,

Не белый кречет перепархивал,
Туто ехал удалой добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец.
Он и едет ко городу ко Кидошу.
Над Кидошом-градом по грехам учинилося:
Подступала сила поганая.
Бил, топтал он силу поганую,
Бил, топтал трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во том во городе во Кидоше
Выходили попы, отцы дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
— То ли город наш бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую?
И едет старый казак ко городу Кидошу,
И едет мимо той церкви соборныя,
И говорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Садись за стол хлеб-соль кушати,
Ты скажи нам свою отчину.
Проговорил удалой добрый молодец:
— Я по поездке Юриш-Мариш-Шишмаретин,
По потехе Борис-королевич млад,
Не изволю я хлеб-соль кушати,
А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
И проговорят попы, отцы дьяконы:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Больша де дорожка прямоезжая
Прямо шла во стольный Киев-град,

Дак залег Соловей-разбойник,
Не пропущат ни конного, ни пешего.
Проговорил удалой добрый молодец:
— Мне туда и дорога-путь.
И подъе́зжает он к батюшке Днепру-реке.
Не случилось ни мостов, ни переездичков:
И зачал удалой добрый молодец дубье рвать,
Зачал он через Днепр-реку мост мостить,
Переезжат через Днепр-реку на ту сторону.
И заслышал Соловей, вор-разбойничек,
И заслышал за пятнадцать верст,
И летит навстречу добру молодцу;
И садился он на сырой дуб кряковистой,
И приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловей по-змеиному,
Заревел Соловей по-звериному.
Под Ильею конь пал на́корач.
И выдергивал он шелыгу подорожную,
Стягал коня по тучны́м бедрам,
Сам, молодец, приговаривал:
— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Не слыхал ты свисту богатырского,
Не слыхал ты шипу змеиного,
Не слыхал ты реву звериного?
Тут конь под Ильей рассержается:
Он скакал выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.
И брал старой свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелко́вую,
Стрелял Соловья, вора-разбойника,
Попадал ему в правый глаз.
И падает Соловей на сыру землю,
И приковал его ко стремену,

Ведет его по чисту́ полю,
И ведет его ко высоку терему.
У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива:
Отворяла она воротички широкие,
На ворота клала сабельку острую,
Хотела срезать старому буйну голову:
— Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Заезжай ко мне ты на широкий двор!
  А старый казак был сдогадливой,
Берет он ее на чинжалище острое,
Бросат ее на сыру́ землю.
И едет добрый молодец чистым полем,
И видит он в поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются,
И сами говорят таковы слова:
— Вон батюшко едет, мужика ведет.
  Наотворот того други́ говорят:
— Нет, мужик-от ведет нашего батюшка.
  И едет старый мимо молодцов;
Они хочут похитить добра молодца.
Проговорит старый казак Илья Муромец:
— Закликни ты своих малых детей,
Не закликнешь — самого смерти предам.
  Проговорит Соловей, вор-разбойник:
— Не троньте вы удала добра молодца;
У меня силушки не с вашу есть,
Да старый казак в горсти зажал,
Насыпайте вы тележки златокованны,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во стольный Киев-град,
И везите на царев кабак,
Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы он меня пустил в живности.
  Едет Илья Муромец чистым полем

И видит опять девять сынов
Соловья, вора-разбойника,
В кулачки бьются.
Опять напирают на Илью Муромца.
Соловей им тут опять отказал:
— Вы не троньте стара казака,
Стара казака Илью Муромца,
Вы не троньте, лучше кланяйтесь.
  Едет он опять чистым полем
И завидел опять девять сынов в кулачки бьются.
И те опять напирают на стара казака,
Стара казака Илью Муромца.
Проговорит Соловей, вор-разбойник:
— Не троньте вы молодца прямоезжего,
У меня силы не с ваше, да старый в горсти зажал.
  И немного у него сынов — только двадцать семь.
И едет старой ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру;
И едет на улицу на широкую,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакивал,
Ни к чему коня он не привязывал,
Никому коня он не приказывал,
Идет к воротичкам решетчатым,
И спросил он у ворот приворотников,
И спросил он у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку.
И ступал он в палату потихошеньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланятся на все стороны:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
И со душечкой со княгинею!
  Князьям-боярам — на-особицу.

Говорит ласковый Владимир-князь:
— Добро пожаловать, удалой добрый молодец!
Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину.
— Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь!
Из того я города из Мурома,
Старый казак Илья Муромец.
Ехал я мимо Днепра-реки,
Очистил вам дорожку прямоезжую.
　Злые бояре подмолчивые
Говорят таковы слова:
— Мужик ты, мужик, деревенщина,
Хвастаешь не былье́й своей,
Чужим именем называешься:
Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника!
　Тут старому за беду стало,
За великую досаду показалося,
Говорит он таковы слова:
— Гой еси ты, ласковый Владимир-князь!
Скрой ты оконенку стеклянную,
Посмотри на улицу на ши́року,
Стоит ли мой добрый конь?
　Послушал его ласковый Владимир-князь,
Скрыл оконенку стеклянную,
Посмотрел на улицу на ши́року
И увидел, что стоит добрый конь
С Соловьем, вором-разбойником.
Тут старому за беду стало,
За великую досаду показалося,
Надевал он черну шляпу, вон пошел.
Тут ласковый Владимир-князь
Наливает чару зелена́ вина
И бежит скоро на красно́ крыльцо:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Хоть выпей ты чару зелена́ вина.
　И проговорит старый казак Илья Муромец:

— Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
На приходе ты гостя не употчивал,
На походе ты гостя не учествуешь.
  И зашел старый на царев кабак,
Пил-гулял трои суточки.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Ой ты гой еси, мой верный клюшничек,
Ты поди, позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пир,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько.
  Тут клюшничек не ослушался,
Зовет стара казака Илью Муромца:
— Пожалуйте, старый казак Илья Муромец,
И пожалуйте, тебя князь зовет,
Князь зовет да на почестный пир.
  Тут старый не ослушался:
Надевает черну шляпу, вон идет,
Идет он на улицу на ши́року,
Ко тому ко терему высокому,
Отворят он двери помалешеньку,
Запират он двери потихошеньку,
Крест кладет старый по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:
— Здравствуешь, ласковый Владимир-князь
Со душечкою со княгинею!
Князья, бояре, на-особицу!
  Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Добро жаловать, удалый добрый молодец,
Ты старый казак, Илья Муромец!
Ты садись-ко на лавочку булавую,
За один стол хлеб-соль кушати.
  Наливает князь чару зелена́ вина,

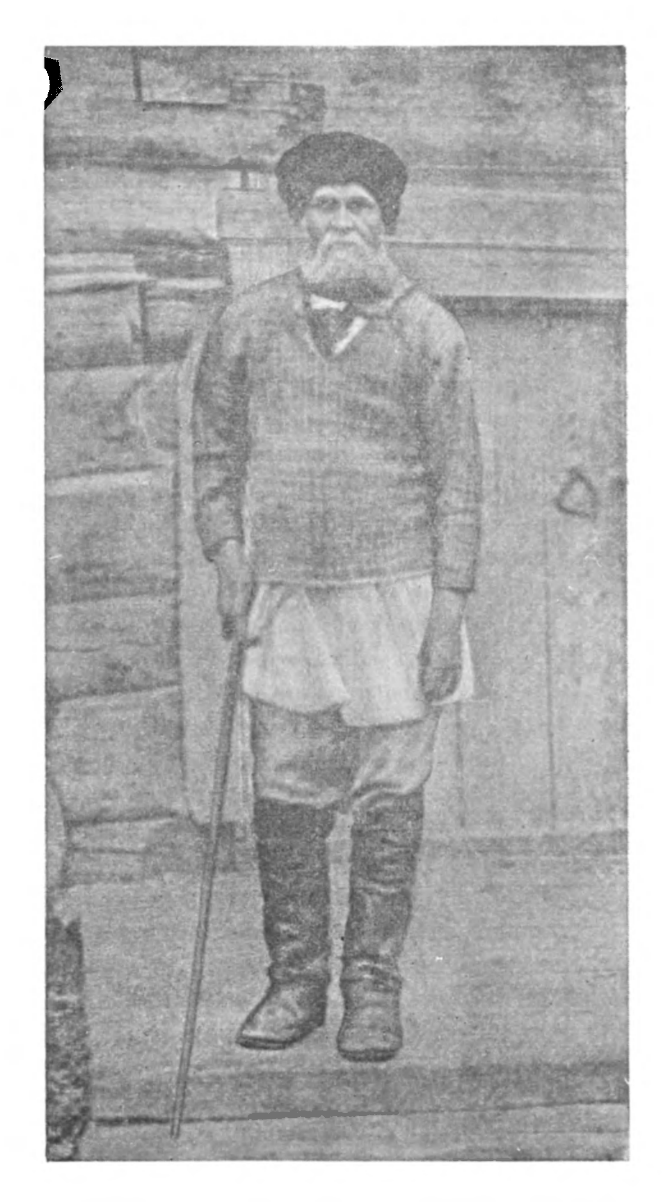
Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.
Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
— Гой еси ты, старой казак,
Ты старой казак Илья Муромец!
Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьему,
Заставь пошипеть по-змеиному,
Заставь пореветь по-звериному.
  Тут старый казак встал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязыват Соловья, вора-разбойника,
От того стременышка гольяшного,
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.
Берет старый казак князя под пазуху,
Молоду княгиню под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьему;
Тут бояре оглушилися,
Падают они на кирпищат пол.
Стал унимать Соловья Илья Муромец.
Тут Соловей прирассе́рдился,
Хотел оглушить Илью Муромца, —
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.
Тут старому за беду стало,
Схватил он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.

8

Первая поездка Ильи Муромца

А как перьвая была поездка Ильи Муромця
А из Мурома до Киева.
А как клал-то да промежь собой ведь заповедь
Межь заутреней поспеть к обедни воскресеньския.
А пошел-то он да на широкой двор,
А седлал, уздал своёго коня да лошадь добрую:
Шьто накладывал на спину лошадиную-ту войлучок,
А на войлучок накладывал седёлышко черкальскоё,
Вот затéгивал-то он двенадцеть отужинок,
А застегивал-то он двенадцеть пряжочок;
'шше отужинки были шелкóвыя,
А как пряжочки былú да золочéныя,
А как шпёнышки были булатныя,
А того-то белого булата заморьского, —
Шьто не ради-то красы, да ради крепости,
Ради тех-то пришпехов богатырскиях.
Он приковывал-то палицю ко стремену булатному;
А как клал-то он к палици заповедь великую,
Шьтобы от Мурума до Киева-то палици-то не отковывать.
А как одевалсе доброй молодець да в платьё богатырськое,
А прошшалсе он с отцём да родной матушкой:
— Ты прошшай-ко-се, да мой родной батюшко!
Он ведь лёкко скакал да на добрá коня.
А как видели тут молодца сряжаючись,
А не видели-то ёго поездки богатырския.
Он поехал из города из Мурома,
Из того же села да Карачаёва.
А как подъезжаёт к городу к Чернú-городу, —
Тут стоит-то под Черни-городом сила великая,
А хотят-то розбить, розорить-то город Чúженец,
А божьи церквы хочут да под конюшни взеть.

А сидиг-то старой на добро́м кони́ да призадумалсе:
— А шьто клал-то я собе-то заповедь великую,
Шьто от Мурома до Киева да палечи-ты не отковывать;
Как прости меня господь да в таковой вины!
Я не буду боле-то класть заповеди великия.
Отковал-то он ведь паличу тяжелою,
Он ведь постёгал коня да по крутым бедрам,
А заехал во ту силу великую;
А да вперед махнет, дак сделат улицей,
А назад махнет — дак переулками;
Коё бьет, больше конем всё мнет.
Он прибил, притоптал всю силу великую.
Говорят-то мужики черни́горци,
Они говорят да таковы речи:
— Уж как с нёба нам послал господь-от аньгела.
А други-ти: — Нет не аньгела господь послал,
А нам послал бог-то руського могучего бога́тыря.
А как стречают мужики-ти города Черни-города,
А стречеют, отпирают ёму воро́та городо́выя,
А стречеют, ёму низко кла́нетсе:
— А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-городи, хошь бояриным,
Хошь купцём у нас слови, гостем торговыма.
Мы ведь много да́йм тебе золотой казны несчётныя.
Говорит-то старой таковы речи:
— Не хочу-то у вас-то жить не князём, не бояриным,
Не купцём, гостем торговым жа;
Мне ненадобно-то ваша золота казна несчётная:
Золотой казной мне ведь не откупитисе!
Тольке вы скажите в красен-от Киев-град дорожку прямоезжую:
Кольке времени ехать какой дорогою?
— Прямоезжой дорогой надоть ехать три месеця,
А окольною дорогой надоть ехать три́ года;
Заросла-то прямоезжая дорожка равно тридцеть лет,



Гаврила Леонтьевич Крюков.
(Былина 8).

Заросла-то она лесым темным жа;
А как есть на ей три заставушки великия:
А как перьва-та застава — ле́сы те́мныя,
А втора-та застава — грези че́риыя,
А как третья-та застава есть ведь реченька Смородинка,
А у той-то у речки есть калинов мост;
А тут есть-то, тут Соловьюшко живет Рохма́ньёвич;
А сидит-то Соловеюшко да на девети дубах,
А как ревет-то Соловеюшко да по-звериному,
А свистит Соловейко по-соловьиному,
А сидит-то собака, шипит он по-змеиному.
А не конному, не пешому проходу нет,
А не серому волку́ прорыску нет,
А не ясному соко́лу проле́ту нет.
— Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку прямоезжую!
Он поехал по той дороге прямоезжою.
А как он приехал к лесу те́мному,
Сходил-то он да со добра́ коня,
А лево́й рукой-то он коня ведет,
А право́й рукой дубье рвет да ведь с ко́ринём,
С коринём рвет да ведь мост мостит:
Он проехал-то лесы те́мныя,
А проехал-то он да гре́зи че́рныя,
А доехал до той же речиньки Смородинки.
Как увидял ёго Соловьюшко Рахманьевич,
Зашипел-то Соловьюшко по-соловьиному,
Заревел-то Соловьюшко да по-звериному,
Как ведь зашипел он Соловьюшко по-змеиному;
Ише мать сыра земля да потрёсалась,
А сыро́ дубье да пошаталосе;
Как потнулсе ёго конь, на колени пал
А от того от свисту соловьиного,
А от реву-ту он от звериного.
А как бил он коня да по крутым бедрам:
— Уж ты волчья пасть да травяной мешок!

Не слыхал ты разе свисту соловьиного,
Не слыхал ли ты реву звериного,
А не слыхал шипотку-ту всё змеиного?
А как брал-то он да свой розрывчат лук,
Натягал-то он тетивоньку шолко́вую,
А накладывал-то он стрелочку каленую,
Сам ко стрелочки да приговаривал:
— А лети, моя стрела, да по-под-не́бёса,
А не падай не на́ воду, не на́ землю, не в сы́рой дуб,
А пади-тко-се Соловьюшку во правой глаз.
А как полетела стрелочка да по-под-не́беса,
А как падала стрела не на́ воду, не на́ землю, не в сы́рой дуб,
Она падала стрелочка Соловьюшку во правой глаз.
А как падал Соловьюшко да на сыру́ землю́;
Подъезжал тут старая стариньшина да под Соловьюшка,
А приковывал-то Соловьюшка да за белы́ руки,
Подымал Соловьюшка да на добра́ коня,
А приковывал ёго ко стремену булатному,
А подымал он Соловьюшка-то на добра́ коня;
А поехали они ко городу ко Киеву.
А как мимо ехали Соловьево высокое подворьицё,
А высокое-то дворьицё, высок терем;
Как увидели Соловьюшка да ро́дны дочери,
А больша-то говорит: «Как батюшко-то еде́т, мужика везет».
Да втора-то сёстра говорит: «То мужик-от едёт, везет батюшка».
А как едут они к Соловьюшку да к широку́ двору,
Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотела убить да Илью Муромця;
Подхватил-то ста́рый казак да Илья Муромець да подворотину,
Ухватил-то ей да из белы́х-то рук;
Тут он хватил свое востро́ копье

А сколол-то его большую дочь.
Говорит Соловьюшко Рохманьевич:
— Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гневите серьдца богатырьского;
Выкупайте мня да из неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста сéребра,
Насыпайте три-то мисы меди, всё козáрочки.
А поехал он ко городу ко Киеву.
А не зашел-то он к Соловьюшку в высок терем.
А приехал в славной Киев-град,
Ко ласкову приехал князю на широкой двор,
Как ведь соходил-то со добрá коня,
А вязал-то коня да середи двора,
Середи двора к дубову столбу да к золотý кольчу;
Как заходит на крылечико косисчато,
Со краснá крыльця в полаты княженецькия;
А он крест-от кладет да по-писáному,
А поклон-эт ведет да по-учéному,
А как бьет челом-ту князю во рученьку во правую:
— Уж ты здраствуй, князь Владимер стольне-киевской!
— Уж ты здрастуй-то, дородней доброй молодець!
Я не знаю твоёго не имени, не отчины —
Величеть тебя по имени, называть по отечесьву.
А князям, боярам всё — во левую.
— Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Ты садись-ко за ти столы окольния,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за розноличния.
А как сел-то Илеюшка за столы за белодýбовы.
Как-от пир идет навéсели,
Красно-то соньчё идет на éсени,
А как красно-то соньчё идет ко западу,
Ко западу идет, ко зáкату;
А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны, веселы,

Пьяны, веселы сидят, хвастают:
А как всё богатой-от хвастат золотой казной,
Иной-от хвастат широки́м двором,
Как иной-от хвастаёт добры́м конем,
Сильн-ёт хвастат своей силою,
Умной-от-то хвастат родным батюшкой,
А разумной-от хвастат ро́дной матушкой,
А неразумной-от ведь хвастает родно́й сестрой,
А как глупой-от хвастат молодой жоной.
Как Владимер-то по гридни-то похаживат,
А белыма-ти ручками розмахиват,
А желты́ма-ти кудрями принатряхиват.
А как сам он говорил да таковы слова:
— Уж у мня вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ишше вси у мня на честно́м хвастают,
А как приезжай-от гость сидит, нечи́м не хвастаёт.
Уж ты шьто жо, дороднёй молодець, нечи́м не хвастаёшь?
— А как чим-то я буду всё ведь хвастати?
Ише тим рази ведь я похвастаю —
Промежду заутринёй, обедней воскресеньския
Хотел-то я приехать из города из Мурома,
Из села-то приехать Карачеева.
А как ехал тут-то я путем-дорогою,
А стоит под городом Черни́-городом сила великая,
А великая сила, немалая,
Я тут побил ту силушку великую;
А приехал я ко городу Черногороду
А спросить у мужиков города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоезжую.
Указали мне дорожку прямоезжую, —
Ишше тридцеть лет по етой дорожочки не езжено;
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перьва-та застава были ле́сы те́мныя да гре́зы че́рныя;
Как приехал-то тут к двум заставушкам,

А сошел-то я со добра́ коня,
А лево́й рукой коня веду, право́й рукой ду́бьё рву,
А как ду́бьё-то рву да со всим с ко́ринём;
Как я проехал тут да гре́зи че́рныя да ле́сы те́мныя,
А приехал к третию́ заставушки,
Я приехал туто к речинки Смородинки.
А сидит-то Соловьюшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девети дубах:
Я его состре́лил с девети дубов.
Тут-то закричели князи, бо́яра:
— Уж ты гой еси, мужичонко приехал задле́ньшина ты, деревеньшина.
А как тут старо́му казаку за беду да показалосе:
— Уж вы гой еси, бояра кособрюхия!
А седит-то у меня Соловьюшко да на добро́м кони,
На добро́м кони, у князя середи двора,
А прикован у мня ко стремену булатному.
Говорил-то тут Владимер-князь:
— Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!
Навеку́ я не видал Соловьюшка Рохманьёва,
Не слыхал я ёго свисткотку́ соловьиного,
А не слыхал-то я реву звериного,
А не слыхал-та я да шипотку́ змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьюшка Рохманьёва,
А заставь ёго свистеть, реветь да по-звериному,
Шипеть ёго да по-змеиному.
Пошли они да на красно́ крыльцё;
Выходили тут бояра кособрюхия
А смотрить, слушать реву соло́вьиного-змеиного.
А как говорит-то стары́й казак да Илья Муромець:
— Уж ты гой еси, Соловьюшко Рохманович!
Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,
А реви-тко-се пол-реву ты звериного,
Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё змеиного.
А не послушал он да Ильи Муромця,

Засвистел-то он во весь свист-от соловьиныя,
Заревел во весь-то рев звериныя,
Как зашипел он во весь-то шипоток змеиныя.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А как у князя резвы ножки подломилисе,
Буйна голова с плеч да подкатиласе.
Захватил князя Илья Муромець во праву руку к себе под пазуху,
А кнегину захватил под руку-ту всё под левую;
А как дёржит-то их в охапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь замертво.
А как закрычал стары́й да зычним голосом:
— Уж ты гой еси, вор-розбойник Соловей Рохманьёвич!
Тебе полно реветь да по-звериному,
Перестань свистеть по-соловьиному,
Перестань шипеть да по-змеиному.
А как тут бояришка поверили, забое́лисе.
А как соходил стары́й со красна́ крыльця,
А отковывал от стремена булатныя,
А отсек Соловьюшку-ту буйну голову.
А как Соловьюшку у князя на двори да смерть кончаласе.

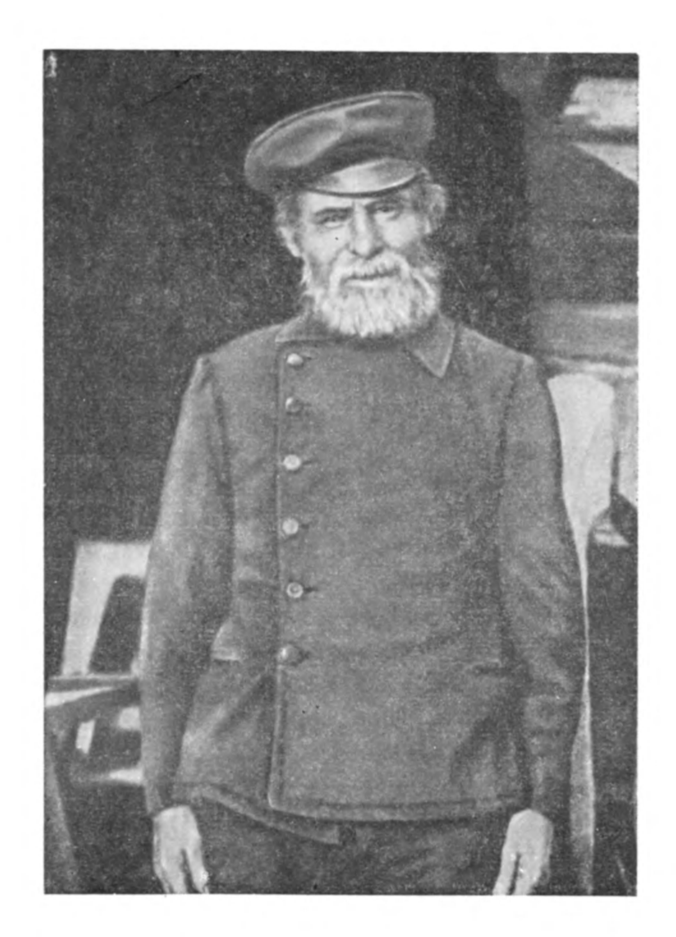
9

Илья Муромец и Соловей-разбойник

А ехал ста́рой по чисту́ полю́,
А по тому де раздольицку широкому,
А наехал ле ста́рой на росстаньюшки,
А наехал ле ста́рой на широкия,
А подписана доска ли есть исподрезана,
А поставлены буквы да позолочены:
«А во перву́ ле дорожецьку — быть богатому,
А во втору́ е дорожку — быть женатому,

А во третью́ дорожку — живому не быть».
А подумал ле старый во своёй башке́:
— А на што мне-ка ле старому быти богатому,
А на што мне старому быть женатому?
А я поеду то ли по дорожки — да живому мне-ка не быть.
А садился на коня, на коня да скоро-на́скоро,
А бьет-то коня по тучны́м ребра́м,
А под им карюшка россержаетця,
Да от земли-матушки отделяетця.
А наезжаёт ле старый да на станичничков,
А наезжаёт ле старый да-ко на разбойничков,
А хотят ле старого да бити ноне грабити,
А хотят и ле старого да розлучити с конем.
А говорил лишь старой да таковы́ слова:
— А бити ле вам старого вам не́ за шьто,
А взяти лё у старого не́чего,
А есть и ле у старого кунья́ шуба́,
А сто́ит шубочка восемьсот рублей,
А пуговок и ле на ей да на́ три тысечи.
А пуще станичницьки россержаютца,
А на старого крепче да поднимаютца.
А хотят и ле старого да бити нонь да грабити,
А хотят и то старого да розлучити с коне́м,
А говорил и еще старый да таковы́ слова:
— А бити ли вам стараго вам не за што,
А взяти-то у старого вам нечего.
А есть-то у старого как до́брой конь,
А доброму ле конецку цены как нет,
А потому-то конь вздымаетце,
А высокие горушки перескакиват,
А мелкие речки промеж ног берет.
А пуще станичники россержаютца,
А на старого крепче да подымаютца,
А хотят и ле старого бить да нонь грабити,

А хотят и то старого да розлучить с конем.
А говорил ище старый во третьий накóн:
— А есть у стараго тýгой лук,
А есть еще у старого десеть стрелочёк.
(Прежде лукáми стреляли)
А говорил ище старый да таковы́ слова:
— А старому смерть страшны́м-страшнó,
Страшны́м-страшнó, смешным-смешнó.
А у кого у вас ле есть дети малые,
У кого у вас ле есть да молóдые жоны́?
А закричал старый во всю голову,
А натягивал правой тýгой лук,
А накладывал стрелочку заколéную,
А спустил стрелочку о сырý землю.
А éта стрелочка извивается,
А засыпал их желты́м песком,
А закладывал сырóй землей крéпко-нáкрепко.
А испугалися станичнички-разбойнички,
А пали разбойнички на кóлени:
— Ой ты гой еси, Ильюша Муромец,
А не губи нас да недобрых людей,
А ты оставь нас при живности,
А оставь нас ты хоть на сéмена.
Бери сколько надо золотой казны,
А бери-ка цвéтное платьице,
А бери добры́х коней сколько надобно.
А говорил и ле старой да таковы́ слова:
— А кабы брал я да ле нонь золотой казны —
А копали как мне бы погребы глубокия,
А кабы брал я да цвéтно платьице —
А везли ле бы вóзы великия,
А как брал бы я да всё добры́х коней —
Да гнали бы за мной да табунами же.
Да садился на добра коня,
Да засверкала его сабля нонь вострая,



Яков Евдокимович Гольчиков.

(Былина 9).

А косил их скоро-на́скоро,
Да убил всех разбойницьков-станичницьков,
Да очистил дорожку прямоезжую.
А поехал старый конь в передний путь,
Да наехал на розбойника Рахматьича.
А сидит розбойник на семи столбах,
На семи столбах да на семи дубах.
А засвистел Соловей по-соловьиному,
А закричал Соловей по-звериному,
А у старого-то конь на колени пал,
От того от свисту богатырского.
А натягивал старой правой рукой ту́гой лук,
А клал стрелочку раскалёную,
А спускал прямо в правой глаз,
А попал Соловья прямо в правой глаз,
А и пал Соловей да на сыру́ землю́.
А подскочил Ильюша скоро-на́скоро,
А схватил он Соловья-ка разбойника,
А схватил он Соловья на добра́ коня,
А пристегнул Соловья к седёлку черкаському.
А говорил Соловей да таковы́ слова:
— Да поедем, удалой доброй молодец,
А поедем ко мне на широкий двор,
А поедем ко мне да во гринюшки,
Да хлеба-соли исть, пива с медом пить!
А поехал старой скоро-на́скоро,
А увидела да жена да конь в окошечко:
А едет Соловей да конь Рахматович,
А везет Соловей удалого мо́лодца.
А взгленули конь детушки в окошечко:
— Да не Соловей везет нынче, да Соловья везут.
— А отворяйте ворота конь да крепко-на́крепко,
А встречайте удалого доброго мо́лодца,
А пойте-кормите конь удалого!
А была дочь конь полёница:

— Я встречу его под подворотницей,
А не малая подворотница — в сорок пуд,
А убью удалого крепко-на́крепко.
  А подъехал он к широку́ двору́,
А загляну́л в подворотницу — стоит она,
Заколол палени́цу да приудалую.
А поехал старый да в передний путь,
А подъезжал к стольнему Киев-граду́,
А ко тому ли князю ко Владимиру,
Да заезжал ко князю на широкий двор.
А то был день воскресеньской же,
А собралась беседа да веселая,
А наезжали купцы люди торговые,
А сидят здесь богатыри все уда́лые.
А входит удалый в светлые гринюшки,
А поклонился старый во все стороны,
Князю Владимиру на-осо́бицу.
А садят как гостя да за дубовой стол,
А подносят кушанья саха́рные,
А наливают братыночку зелена́ вина,
А подносят старому кре́пко-на́крепко.
А берет старый едино́й рукой,
А пьет старый едины́м духо́м,
А заговорило у старого ретиво́ серьцё́.
А говорят-то старому таковы́ слова:
— А ты откудь, удалый добрый молодец?
А какой ехал дорожкой да окольноей,
А окольней ехал ли прямоезжоей?
— А я ехал дорожкой прямоезжоей,
А залегла та дорожка да нонеча тридцать лет.
  А не поверили ему да усмехнулисе:
— Во очах детинушка да завирается,
А пустяками детина да похваляется:
Да заросла та дорожка нонь тридцать лет,
А птица на ней не проле́тывала,

А удалой добрый молодец не проезживал,
А заросла та дорожка Соловьем в тридцать лет,
А Соловьем да всё Рохматовичем,
А заросла та дорожка разбойницьками,
Разбойницьками-станичницьками.
— Если хóчите знать — да Соловей у меня,
А Соловей да у меня сидит на добрóм коне.
Они приказали:
— Притащи-ка Соловья сюда в гринюшки светлые,
Тогда и поверим.
(Добрынюшка был догадлив, сказал, что не простой приехал. Тут ему приказали, он и привел).
Старый скочил скоро-нáскоро,
Побежал за Соловьем на широкой двор,
Принес Соловья-то разбойницька.
Все скочили здесь да ужáхнулися
(Вроде как испугались),
Принимают гостя дорогого,
Жалуют, значит, гостя цветным платьицем,
Дарят золотой казной.
— Прикажи-ка Соловью нам песню спеть,
Засвистеть в полýсвиста.
Поставил князя с княгиной наперед в середку
Закрыл их полой по ту и другу сторону,
Приказал Соловью запеть в полýсвиста.
Запел Соловей в полýсвиста,
Розвел Соловей во весь свист
(Хотел всех свистом убить),
Все пали бояре кособрюхие на пол
(Без ума, значит),
Хватил-то старый Соловья да Рохматовича,
Вытащил старый на широкой двор
(За это непослушание, значит).
Разорвал его крылья-пёрушки
(Два раза нáдвое),

Рассвистал по чисту́ полю.
Тут старому низко кланяютца,
Сделали старому великолепный пир,
Тут старого стали жаловать:
— Живи-ко, старый, в стольнем Киев-граде,
Положим тебе жалованье не малое.
Он тут уж остался в услуженье.

10

Илья Муромец

А во сла́вноём во ри́мыскоём царьсви,
А во той ли деревне Карачарове,
У чесных у славныих родителей, у матери
Был споро́жен тут сын Илья Иванович,
А по прозванью он был славной Муромець.
А не имел Илья во ногах хоженьиця,
А во руках не имел Илья владеньиця;
Тридцать лет его было веку долгого.
Во етоё во летушко во красное
А уходила родная матушка да батюшко
А на ту ли да на работку на тяжелую,
А оставался Илья да единешенек.
А сидит-то Илья, да Илья Муромець;
А приходили ко Ильи да три старчика:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець,
А ты напой-ка нас, да голоднешеньких,
А ты накорми-ко нас да сытешенько!
Ай говорил Илья да таковы слова:
— А накормил бы вас да сытешенько,
А напоил бы вас да пьянешенько,
А тридцать лет веку долгого

А у меня нету в ногах ли хожденьиця,
А во руках у меня нету ли влаженьиця.
А говорили ли старци прохожии:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
А ты стань-ко, напои да накорми нас ты, жаждущих.
А отвечал Илья да таковы слова:
— А уж я рад бы стать на белы́ ноги́, —
А у меня ноги есь, руки есь, —
А у меня ноженьки не владеют ли,
А у меня руценьки да не владеют ли,
А в тре́тьёй након говорили ему старци ли:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
А во ногах есь хожде́ньицё,
А во руках есь у тя влаже́ньицё.
А тут ли стал Илья да на резвы́ ноги́,
А крестил глаза на икону святых оцей:
— А слава да слава, слава господу!
А дал господь-бог мни хоже́ньицё,
А дал господь ми в руках ли влаже́ньицё.
А опустился ён во подвалы глу́боки,
А принес ли он цяру полную:
— А вы пейте-ко, стар(и)ци прохожии!
А ёны́ попили стар(и)ци прохожии:
А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глубокии,
А принеси-ко ты цярушку полнешеньку,
А ты выпьешь сам на здра́виё!
А ён принес ли цяру полнешеньку:
— А ты пей-ко ли, Илья, да на здоро́вьицé,
А ты кушай-ко, Илья, да на сибе ли ты!
А ён выпил ли цярушку полную.
А спросили его стар(и)ци прохожии:
— А уже что же ты, Ильюша, в сибе чувствуешь?
— А я цюствую ли силу великую:
А кабы было колецько во сырой земли́,
А повернул ли земе́лышку на ребрышко.

Ай говорили тут старцы таковы слова:
— А ты поди-ко в погреба славны глубокии,
А налей-ко ты цярушку полнешеньку!
А принес ён цяру полнешеньку.
— Ай уж выпей-ко цяру единёшенёк!
А уж выпил ён цяру единёшенёк.
— А топере, Илья, что ты цюствуешь?
— А нунь у меня силушка ли спáла ли,
А с(ы)пáла у мя сила в половинушки.
Ай говорили стар(и)цы прохожии:
— А ведь и живи, Илья, да будешь воином!
А на зимли тибе ведь смерть буде не писана,
А во боях тибе ведь смерть буде не писана!
А благословили ёны́ да Илью Муромца,
А распростились с Ильей да пошли ёны́.
А Илья как стал владеть рукамы, ножкамы,
А в избушки ли сидеть ему тоскливо ли, —
Ай ён пошел на ты поля-луга зеленыи,
А где его были родители сердецьнии.
А пришел ён ко славной Непры́-реки́:
— Бог вам помощь, родная матушка,
А бог ти помощь, родной батюшко!
А ёны́ да тут да удивилисе,
А ёны́ да тут да ужахнулисе:
— А уж ты, цядо, цядо милое,
А слава, слава да слава господу,
А господь-бог ти дал хожденьице,
А господь ти дал в руках влажденьице!
А ён и налез ли ду́быки подергивать,
А во Непру́-реку стал покидывать,
А накидал Непру́-реку́ дубов ли он,
А вода в реки худо побежала.
А говорили тут отець с матушкой:
— Ай же ты, мое цядо милое,
Ай господь ти бог дал си́лу великую!

А живи как ты да поскромнешеньку,
А не давай ретиву́ серьцю волюшки!
А пришли ли оны во дере́веньку;
А говорил ли Илья да отцю-матушке:
— А уж ты, батюшко да и матушка,
А вы давайте-ко благослове́ньицё,
А вы дайте-ко вы проще́ньицё
А мне-ка съездить во Киев-град
А ко солнышку ко князю ко Владимиру,
А во тыи мне во церкви богомольныи,
А помолитьсе-ко той ли богородици!
А отець и мать-то его уговаривать:
— А уж ты, цядо, цядо да цядо милое,
А мы только видели свету, свету белого,
А мы не видели свету це́лу по́лвеку.
Ай говорил Илья да таковы слова:
— А уж вы, мои сердецьные родители,
А уж дайте мне да благослове́ньицё,
А уж вы дайте мне-ка покоре́ньицё!
Говорила тут родна матушка:
— А уж поедешь ты ли, цядо нашо милое,
А ты во славнои да во Киёв-град,
А не кровав сабли кровавоей,
А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молоды́их жон!
Ай выводил он утром ранешенько
А своего коня-то, коня сизобурого
А на тую ли он денку [1] на ранную:
— А уж ты, Сивушко мой да белогривушко,
А ты котайсе-ко на роске на ра́нноёй,
Чтобы шерсть-та у тя сменяласе,
Чтобы силушка в тебе прибавлялась,

[1] Обеденку. *(Прим. собирателя).*

И ты служи-ко до́бру мо́лодцу
А на цисто́м поли разъезживать,
А церез стеноцьки городо́выи перескакивать!
А тут Илюшенка да справляитсе,
А он во путь снаряжаитсе:
— Ах вы, мужицьки церниговски,
А где дорожка-то есь прямоезжая?
— А уж ты, славной наш и молодой ли ты,
А молодой Илья, да Илья Муромець!
А тридцать лет, как дороги прямоезжей нет:
А сидит там Соловей-то Рахма́новиць,
А его гнездо да на семи дубах,
А на семи дубах да на семи верстах.
А что ль удалыих добрых молодцев не ездило,
А никакой оттуль не возвращаетсе.
А тут поехал Илья по дорожки прямоезжией;
А рукой коня ведет, другой мостит дубовые
А все ли ты мостики каленые,
А и́де всё вперед, вперед двигаетсе.
А под(ы)жал тут Илья Муромець
А ко тем мужицькам-карачаецям;
А ёны́ каютсе все да причащаютсе:
— Ай же вы, мужицьки да карачаевци,
Вы цего вы нуньче не чули́каетесь,
А чего же каетесь-причащаетесь?
— Ай заезжий славной мо́лодець!
Хоть приехал поганое Индо́лищо
А со своею силою великою:
А у его силы сорок тысяцей.
А он кругом вобъехал стенки городо́воёй,
А у нас некому с им да заборо́нитьсе,
А у нас некому с им да подратисе.
Ай говорил Илья таковы слова:
— А не велела мне да ро́дна матушка
А кровавить ли сабли ли во́строёй,

А не сиротать мне-ка малых детушек, —
А быти мне-ка посиротать малых детушек,
А быти мне-ка — молоды́их жен.
А ведь надо постояти за веру верную,
А за тын ли за церквы за соборныи!
А тут взял ён, сел ён на добра́ коня,
А поезжал к шатру да белополо́тняну.
А с(ы)пит тут прокля́тоё Удо́лище.
А говорил ён таковы слова:
— А уж ты стань, проснись, да что ты есь такой!
А ён спустил коня ко пшенице белояровой,
А конь пришел отпихал ёго́.
А пошел ли конь по цисту́ полю́.
А тут стал и проклятоей Индо́лищо:
— А уж ты, малый же [с]комаро́шина,
А у шатра ты распоря́дися,
А я сейчас, как стану, тебе вот покажу дружбу́!
А и говорил Илья да таковы слова:
— А не изыман сокол, не тереби его,
А не изыман, так не лови его!
А ён стал ли ён на резвы́ ноги́, —
А у его ли да голова, да как котел большой,
А меж глазами будто пивные бутылочки.
А говорил ли ён да скоморошини:
— А какой же ты поединщик мне?
Как ты́, на́ руку кладу да другой прижму —
Да с тибя ведь и блин ы тут!
Ой говорил Илья да таковы слова:
— А не тереби-ко да впереди себя,
А заседлывай-ко ты добра́ коня,
А мы пойдем с тобой да на цисто́ полё,
А ведь тут мы силушку узна́ём ли!
А тут сед(ы)лал коня́, да ко́ня доброго,
А садилеся они да на добры́х коней,
А разъезжали да на т(ы)ри версты,

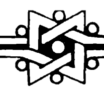
А на три версты, на три поприща.
Поразъехались да до́бры мо́лодци.
Как ударил его да в голову, —
А раскокалась голова да у Удо́лища;
А тут ён и пал со добра́ коня,
А зафати́л Удо́лища ён за ноги.
А поехал по силушке помахивать,
А куды махнё — туда улушка,
А перемахнёт — переу́лочёк.
А не прошло ли времени ли три́ цяса́, —
А в поле-то слова-голоса нет цёлови́цьего.
А подъезжал ён к мужицькям-карачаевцам:
— Ай вы, мужицьки-карачаевцы,
А вы живите-ко да нунь да со спокоюшком,
А вы скажите-ко дорожку да прямоезжую!
— Ах ты, доброй уда́лой, доброй мо́лодець,
А ведь нету т(ы)ридцать лет там;
А сидит ли Соловей-то Рахма́новиць,
А не пропус(и)тит прохожого,
А не пропус(и)тит ли проезжего,
А не проле́тят ни вол(о)ки,
А никаки з(и)вирья́ туды́ не про́скочат.
А тут поехал Илья той дорожкой прямоезжую;
А ён дубы на мосты мостит.
А подъезжал к гнезду да Соловьиному.
Ай замузга́л-застону́л во цело́й голо́с, —
А у Ильи ли конь да на колена пал:
Ай говорил Илья да таковы слова:
— А уж ты, волчья сыть да пеловой мешок,
А видно ты ли не бывал на бело́м, на белу́ свету́,
А не слыхал ты ры́кочки звери́ноёй,
А не слыхал ты ши́почки славной змеи́ноёй!
А говорил Илья да таковы слова:
— Ай ты ли, проклятое Индо́лище,
А ты повыстроил широко́хонькё,

А ты опустился у меня да понизехонько.
Ай натянул ён лук, стрелу калёную,
Ай ён спустил ему да [в] пра́во у́шко ли.
А вышла ли ему [в] глазушко, —
А слетел Соловей на сыру землю́.
Ай захватил Соловия ён за ноженьки,
А привязал ко стремени славной кони́ноей,
А привез ён к жилищу Соловьиному.
А подъезжал ён к жилищу Соловьиному,
А его там глядит семья в окну́:
— А слава да слава, слава господу,
А наш-то батюшко идё, мужика везё!
А поглядела тут да ро́дна матушка:
— А вы, детушки да мои ро́дные,
А мужик-то идё да отця везё,
А везё отця да не по-путному.
А отворяйте-ко воротушка широкии,
А запускайте-ко гостя во славно́й тере́м!
Подъезжал ли ён ко гнезду да Соловьиному,
А ко воротам ко тым ко славныим, —
А выходила его стар(ы)ша́я тут дочь.
А отворила ворота широкии,
А подынула подворотенку тяжелую,
А хотела Илью ударить по буйно́й да головы́.
А Илью-то было ли смерть не писана:
— Ах ты, проклятая ты Индо́лищо,
Разве так гостей дожидают, Индо́лищо!
А разве так и да стретают ли?
А схватил Илья да за резвы́ ноги́,
Да бросил Илья да о кирпитцят пол, —
А голова у ней вся да развалиласе.
А ён зашел в гнездо да Соловьиное,
А Соловьиное в его богатоё.
А ён руку жмет, дак руку и вон,
А за́ ногу — нога и прочь,

А ён всих их прибил и приломил тут.
А опять садилсе да на добра́ коня,
А привязал Соловья ён ко стремёнушке,
А ён поехал тут да во Киев-град.
А под(ы)ехал ён ко с(ы)лавному ко князю ко Владимиру:
— А уж ты, солнышко князь да сто́льнё-киеськой,
А пригласи-ко ты меня да на поцестен пир!
— А уж пожалуй-ко, дятинушка-засельщинка,
А уж пожалуй-ко, молодчик-деревеньщинка!
А ты какого есь роду-племени?
— А я из города сла́вна из Мурома,
А с деревни есть с Карача́ёвой,
А я — názваной сын Илья Муромець.
— А пожалуй-ко, заезжий доброй мо́лодець,
А во мои ли ты полаты белокаменны!
А ты каким нунь путем ехал, господь-то нес?
— А я ведь ехал ли дорожкой прямое́зжоёй,
А я ведь ехал ли дорожкой прямохо́жоёй.
— Тридцать лет ли дороженьки ведь не было:
А ведь там сидит Соловей да Рахма́новиць,
А ведь сидит ён да на дубах да на семи ён верстах.
— А уж ты, солнышко князь сто́льнё-ки́ёвской,
А поиди́м-ко, дак я тебе скажу
А про Соло́вьюшка да про Рахма́нова.
А поили, попили, покушали,
Ай говорил сол(ы)нушку князю сто́льнё-ки́ёському:
— Ай вести ли в палаты белокаменны
Ай этого проклятого Соло́вьюшку?
— А приведи в палаты белокаме́нны,
А покажи Соловья да ты Рахма́нова!
А приводили в палаты белокаменны.
Ай говорил и тут солнышко князь да сто́льнё-ки́ёськой:
— Ай уж ты, Соловей да й Рахма́новиць,

А ты сидил ли всё да супротивником,
А ты прибил ли сколько головушек безвинныих,
А ты бесчестил да и молодыих жон.
А попал ты, да Соловей, на до́бра мо́лодца.
А привез ли тебя да во Ки́ёв-град.
А засвищи-ко ты, а Соло́вьюшко!
— А ты не можешь мной распоряжатисе,
А не ты меня привез, не тебя слухать.
А хто привез, дак доложо́н того!
Ай говорил ту солнышко князь да сто́льнё-ки́ёськой:
— Ах ты, Илья, да Илья Муромець,
А ты вели-ко ему да замузгать ему во целой свист!
— А уж ты, солнышко князь сто́льнё-ки́ёськой,
А вы подвиньтесь ко мне да поблизехонько,
А зафацю я вас да коротехонько,
А прикажу ли я ёму да посвистать в по́лсвисту,
А прикажу ли да славно-то помозга́ть в по́лмозгу.
А говорил Илья да таковы слова́:
— А засвищи-ко ты, проклятое Индо́лищо,
А только в по́лмозгу да только по́лсвисту!
Ай засвистал тута ли ён в по́лсвисту,
Ай замызга́л да ён да в по́лмызгу,
А говорили — околенки посыпались,
А князь с княгиной — да раскаракою,
А Илья Муромець да поддярживат,
А тут и много ума лишилосе.
Ай говорил князь да таковы слова:
— А уж ты, добрый удалый мо́лодець,
А Илья ли ты с(ы)лавной ты Муромець,
А ты казни ёго, проклятого Удо́лища,
А чтобы не было па́мести,
А чтобы не шла про его слава великая.
А тут фатил Илья да за резвы́ ноги́,
А ударил ли его трупушку о корпитов пол, —
А разлетелось на дребезги;

А ён собрал его ли в кучу великую,
А ён наклал ли дров ли огня горюцего,
А сожгал его да на цисто́м поли́.
А ведь тут слава прошла, —
А Илью-то Муромця прославили.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

11

Калин-царь

Да из орды, Золотой земли,
Из тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбиралося с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру,

Что выбрал татарина выше всех:
А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень.
От мудрости слово написано:
Что возмет Калин-царь стольной Киев-град,
А Владимера-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ерлыки скорописчаты,
И послал его в Киев на́скоро.
Садился татарин на добра́ коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А и будет он, татарин, в Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скакал татарин с добра́ коня;
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он в гридню во светлую,
А спасову образу не молится,
Владимеру-князю не кланется,
И в Киеве людей ничем зовет.
Бросал ерлыки на круглой стол
Перед великого князя Владимера.
Отшед татарин, слово выговорил:
— Владимер-князь стольной киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град,
Без бою, без драки великие,
И без того кроволития напрасного.
Владимер-князь запечалился,
А наскоре ерлыки распечатывал
И просматривал,
Глядючи в ерлыки, заплакал, свет.
По грехам над князем учинилося:
Богатырей в Киеве не случилося.

А Калин-царь под стеною стоит;
А с Калином силы написано
Не много, не мало — на сто верст,
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тмы, по три тысячи;
По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком;
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал.
Втапоры Василей Пьяница
Збежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчатой,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,
А где-то сидит злодей Калин-царь.
И тот-то Василей Пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя;
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя его Сартака:
Угодила стрела ему в правый глаз,
Ушиб его до смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что перву беду не уту́шили,
А другую беду они загре́зили,
Убили зятя любимого
С тоя башни со стрельныя.
Посылал другого татарина
Ко тому князю Владимеру,
Чтобы выдал того виноватого.
А мало время замешкавши,
С тое стороны полуденные,

Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепо́рхивает,
Бежит паленица удалая,
Старой козак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Середи двора княженецкого
Скочил Илья с добра́ коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню во светлую;
Он молится спасу со пречистою,
Бьет челом князю со княгинею,
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
— Гой еси, сударь Владимер-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?
Владимир-князь стольной киевской
Подает ерлыки скорописчаты.
Принял Илья, сам прочитывал;
Говорил тут ему Владимер-князь:
— Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати,
Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град,
Без бою мне, без драки великие,
Без того кроволития напрасного?
Говорит Илья таково слово:
— Владимер-князь стольной киевской!
Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
Боже-спас оборонит нас,
А не что, пречистой, и всех сохранит!
Насыпай ты мису чиста се́ребра,
Другую — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю,
Со своими честными подарками,

Тот татарин-дурак нас прямо доведет.
Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною.
Поехали они ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В его лагери татарские.
Скочил Илья с добрá коня,
Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
— А и Калин-царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера:
Перву мису чиста сéребра,
Другу — красна золота,
Третью мису — скатного земчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися.
Говорит тут Калин таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватого,
Который стрелял с башни со стрельныя,
Убил моего зятя любимого!
Говорит ему Илья таково слово:
— А ты слушай, Калин-царь, повеленое:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимера.
Где нам искать такого человека и вам отдать?
И тут Калин принял золоту казну
Нечестно у него, сам прибранивает.
И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,

Говорил таково слово:
— Собака, проклятой ты Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?
И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Илье за беду стало,
Говорил таково слово:
— Собака, проклятый ты Калин-царь!
Отойди прочь с татарами от Киева:
Охота ли вам, собака, живым быть?
И тут Калину за беду стало
И плюет Илье во ясны очи:
— А русской люд всегды хвастлив,
Опутан весь, будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает.
И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи,
Скочил в полдрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками;
А сам татарину приговаривает:
— А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изо́рвется.
И только Илья слово выговорил,

Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.
Достальные татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватил он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
— Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают!
Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи ....
Достальные татара на побег бегут,
Сами они заклинаются:
— Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?
Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьяницу Игнатьева;
И скоро нашел его на кружале петровскием;
Привел ко князю Владимеру.
А пьет Илья довольно зелена́ вина
С тем Васильем со Пьяницей,
И называет Илья того Пьяницу
Василья братом названыим.
То старина, то и деянье.

12

[Илья Муромец и Батый Батыевич]

Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Тарака́шком,
Со любимым зятем, со У́льюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Сопущал собака якори булатные,
Выпущал шеймы шелко́выя,
Выметывал сходенки дубовыя,
Выходил на крут-красён бережок,
Раздернул бел-поло́тняный шатер,
Поставил в шатер дубовый стол,
Писал ярлыки скорописчаты,
Скрычал зычным голосом бога́тырским,
Созывал своих мурзо́в-бурзо́в, татаровей:
— Кто умеет говорить русским язы́ком, человеческим?
Кто бы съездил ко тому городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?
Поголовно молчат бурзы́-мурзы́, татаровя.
Закрычал он по второй након:
— Ой вы гой еси, мурзы́-бурзы́, татаровя!
Кто умеет говорить русским язы́ком, человеческим?
Кто бы съездил ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,

Отвез бы ему посольный лист, ярлык скорописчатый?
Тут выскочил бурза-мурза, татарович:
Стар, горбат, на перед покляп,
Синь кафтан, голубой карман,
Говорил сам таково слово:
— Уж ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!
Умею я говорить русским языком, человеческим,
Отвезу ему посольный лист, ярлык скорописчатый.
— Поезжай ты, бурза-мурза, татарович,
Поезжай не путем, не дорогою,
Через леса дремучие,
Через лузя́ дыбучие,
Поезжай ты ко Киеву,
Перескочи через стену городо́вую,
Через ту башню науго́льную,
Брось своего коня середь двора
Не привязана, не приказана,
Иди во гридни княженецкия,
Двери грудью на́ пяту бери,
Положь ярлык на ду́бов стол,
Оборотясь, приступи крепко, вон поди,
Приступи, чтоб спели светлые оконницы!
Видели, как мо́лодец коня седлал,
Двенадцать подпруг со подпругою натягал,
Не для басоты́ молодецкия, а для крепости богатырския.
Никто не видел поездочки богатырския;
Конь горы и долы промеж но́ги брал,
А маленькие речки хвостом устилал.
Приехал ко городу ко Киеву,
Перескочил через стену городо́вую,
Через те башни науго́льныя.
. . . .
Положил ярлык на ду́бов стол,
Оборотясь, приступил толь крепко, сам вон пошел.

Тут Владимир стольный киевский
Со своей женой Апраксией
Крычат сильных могучих бога́тырей:
— Уж вы гой есте, Добрыня Никитич и Алеша Попович млад!
Вы примайте ярлыки, распечатывайте,
Поскорее того прочитывайте,
Не утайте вы слова е́дного!
Говорили Добрыня Никитич с Алешей Поповичем:
— Ярлык, князь батюшко, не радостный:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град,
Просит Батый у нас трех сильных, могучих богатырей:
Богатыря — старого казака Илейку Муромца,
Другого бога́тыря — Добрыню Никитича,
Третьего бога́тыря — Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму,
Сильных богатырей под меч склоню,
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по пла́вь реки,
Добрых мо́лодцев полоню станицами,
Красный девушек плени́цами,
Добры́х коней табу́нами».

Надевал Владимир платье черное,
Черное платье, печальное.
Походил ко божьей церкви богу молитися;
В стрету идет нищая калика перехожая:
— Уж ты здравствуй, Владимир стольный киевский!
Ты зачем надел черное платье, печальное?
Что у вас во Киеве учинилося?
— Молчи, нищая калика перехожая.
Нехорошо у нас во Киеве учинилося:
Из-за моря, моря синего,
Из-за синего моря, из-за Черного,
Подымался Батый-царь, сын Батыевич,
Со своим сыном, с Таракашком,
Со любимым зятем, со Ульюшком.
Собрал собака силы трех годов,
Силы трех годов и трех месяцев;
За сыном было сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей,
Одних было сорок царей, царевичей,
Сорок королей, королевичей.
Подошел собака под стольный Киев-град.
Просит Батый у нас трех сильных, могучих богáтырей:
Богатыря — старого казака Илейку Муромца.
Другого богáтыря — Добрыню Никитича,
Третьего богáтыря — Алешу Поповича.
Похваляется: «Дашь — не дашь, за боём возьму.
Сильных богатырей под меч склоню.
Князя со княгинею в полон возьму,
Божьи церкви на дым спущу,
Чудны иконы по плáвь реки,
Добрых мóлодцев полоню станицами,
Красных девушек плени́цами,
Добры́х коней табу́нами».
— Не зови меня нищей каликой перехожею,

Назови меня старым казаком Ильей Муромцем.
Бил челом Владимир до сырой земли:
— Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!
Постарайся за веру християнскую
Не для меня, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксин,
Не для церквей и мона́стырей,
А для бедных вдов и малых детей!
Говорит стар казак Илья Муромец:
— Уж давно нам от Киева отказано,
Отказано от Киева двенадцать лет.
— Не для меня ради, князя Владимира,
Не для-ради княгини Апра́ксии,
А для бедных вдов и малых детей!
Проводил Владимир Илейка во гридни княженецкия,
Посылал его ко царю Батыю, сыну Батыевичу.
Брал Илейко с собою Алешу Поповича и Добрынюшку,
Брали они много злата-серебра,
Поезжали ко Батыю с подарками.
Увидали их бурзы́-мурзы́, татаровя,
Говорили сами таковы речи:
— Едет Владимир стольный киевский,
Везет нам Илейку во подарочки!
Подъезжает Владимир стольный киевский
Со старым казаком Ильей Муромцем
Ко Батыю-царю, сыну Батыевичу.
Подают ему они подарочки,
Сами просят сроку на три года,
На три года, на три месяца.
Дает Батый сроку только на три дня.
Наливает чару зелена́ вина,
Не велику чару — в полтора ведра,
Подавал чару князю Владимиру:

Принимал Владимир чашу в о́бе-ручь,
Прикушал из чаши с пивной стакан;
Подает чару Илье Муромцу:
Принимает он чару единóй рукой,
Выпивает он чару на еди́ной дух;
Расходилися плечи могучия,
Раскипелося сердце богатырское:
— Ты прощай, Батый-царь Батыевич!
Отправлялися в путь-дороженьку
К своему ко граду стольну Киеву.
Говорил казак Илейко Муромец:
— Запирай, князь, ворота крепко-на́крепко,
Засыпай их желты́м песком, серым камешком;
Я поеду, добрый молодец, на Почай-реку,
Я поеду созывать сильных бога́тырей.
Приезжал он на Почай-реку,
На Почай-реке богатырей не наехал:
Поезжал Илейко на Дунай-реку.
Тут богатыри сидят во белом шатре:
— Поедемте, братцы, отстаивать Киев-град
Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апра́ксин,
А для бедных вдов и малых детей!
Добры молодцы собиралися,
Садилися по своим добры́м коням,
Поезжали братаны за Дунай-реку.
Подъезжают братаны ко Дунай-реке:
Первый скочил племянник Самсон Колыванович,
Скочивши погряз посередь реки.
Расскочился дядюшка Самсона Колывановича,
Вытянул племянника и с лошадью.
Все богатыри переехали.
Подъезжали ко граду стольну Киеву,
Метали жеребей промеж себя:
Кому из них ехать в руку правую,

Кому из них ехать в руку левую,
Кого поставить в середку силы, в ма́тицу,
Доставалася Самсону рука правая,
Никите с Алешей рука левая,
Илейке дставалась середка силы, ма́тица.
  Бьются-рубятся двенадцать дней,
Не пиваючи, не едаючи,
Добрым коням вздоха не даваючи,
Поехали добры молодцы опочи́в держать;
Не поехал Илейко опочи́в держать.
Прогóворил его добрый конь по-человечьему:
— Уж ты, стар казак Илья Муромец!
Есть у татар в поле накопаны рвы глубокия,
Понатыканы в них копья мурзамецкия,
Копья мурзамецкия, сабли вострыя;
Из первого подкопа я вылечу,
Из другого подкопа я выскочу,
А в третьем останемся ты и я!
  Бил Илья коня по крутым ребрам:
— Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты не хочешь служить за веру християнскую!
  Пала лошадь во трете́й подкоп,
Остался Илейко во по́дкопе.
Набежали злые татаровья,
Оковали Илеюшку железами,
Ручными, ножными и заплечными,
Проводили ко Батыю Батыевичу.
Говорил ему Батый-царь, сын Батыевич:
— Уж ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Послужи мне-ка так же, как Владимиру,
Верою неизменною ровно три́ года́!
  Отвечал стар казак Илья Муромец:
— Нет у меня с собой сабли вострыя,
Нет у меня копья мурзамецкого,
Нет у меня палицы боёвыя:

Послужил бы я по твоей по шее по татарския!
Говорил Батый-царь, сын Батыевич:
— Ой вы, слуги мои верные!
Вы ведите Илейку на широкий луг,
Вы стреляйте стрелами калеными!
То Илеюшке не поглянулося,
Говорил он таково слово:
— Ой ты гой еси, Батый-царь, сын Батыевич!
Ты так казни, как на Руси казнят богáтырей.
У нас выведут на поле на Кули́ково,
Положат голову на плашку на липову,
По плеч отсекут буйну голову:
Не толь старику будет смерть страшна!
То Батыю слово показалося:
— Выводите его на поле Кули́ково,
Положите голову на плаху на липову,
По плеч срубите буйну голову!
Возмолится стар казак Илья Муромец
Тому угоднику божьему Николаю:
— Погибаю я за веру християнскую!
У Илейки силы вдвое прибыло;
Рвал он оковы железныя,
Хватал он поганого татарина,
Который покрепче, который на жиле не рвется,
Взял татарином помахивать:
В которую сторону махнет — улица.
Подбегает к Илеюшке добрый конь,
Садился он на добра коня,
Бил татар чуть не до единого.
Убирался Батый-царь с большими убытками,
С большими убытками, с малыми прибытками,
С малыми прибытками, со страмотою вечною,
На мелких судах, на пáвозках.

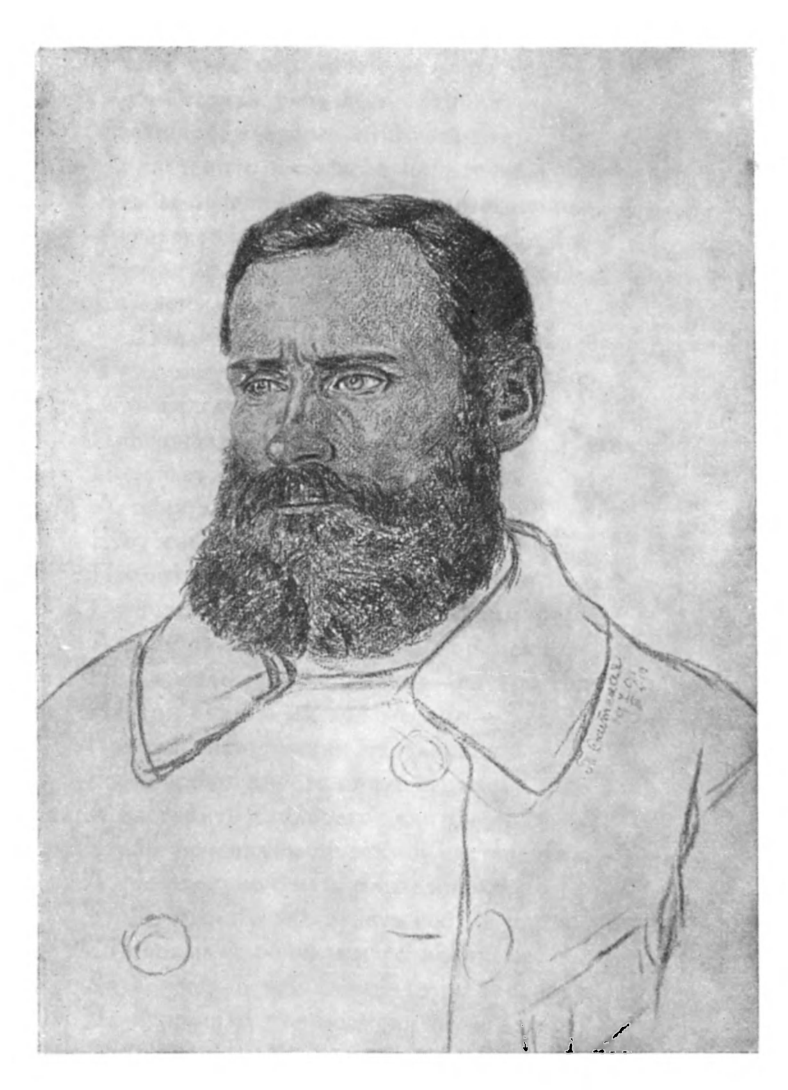
13

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир-князь да стольне-киевский
С Ильей Муромцем да й порассорился,
Порассорился с козáком Ильей Муромцем.
Засадил козáка Илью Муромца
А на тыя ль на погребы глубокии,
А на тыя ль на ледники холодныи,
А за тыи за решетки за железныи,
А на тыя на кáзени на смертныи.
Не на мало поры-времени — на трú году,
Нá три году й на три месяца,
Чтобы не был жив дородний добрый молодец.
У ласкового князя у Владимира
А любимая была дочка одинакая,
Она видит — дело есть нехорошее:
Посадúли дородня й добра молодца
А на тыя погребы глубокии,
А на тыи ль ледники холодныи,
А за тыи за решетки железныи,
А на тыя на кáзени на смертныи,
Не на мало поры-времени — на трú году,
Нá три году й на три месяца,
А который бы дородний добрый молодец
Постоять бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог да й стольней Киев-град,
А сберечь бы мог бы церквы божии,
А сберечь бы мог князя́ Владимира.
Она сделала ключи поддельныи,
Положила людéй да й потаéнныих,
А снесла óна й ествушки сахáрныи,
Да й снесла óна питьвица медьвяныи,
Да й перинушки-подушечки пуховыи,

А одьялышки снесла теплыи,
На себя она шубоньку ведь ю куньею,
Сапоженки на ноженки сафьянныи,
На головушку ша́пку соболиную,
В полону́ сидит дородний добрый молодец,
В полону́ сидит да й под обидою,
Он не старится да й лучше ставится.
А тут в ту ль пору, в тое ль времячко
Да й на тот на славный стольний Киев-град,
Воспылал собака ли царь Ка́лина.
Посылает он посла да й в стольней Киев-град,
Пословесно собака он наказывал,
Говорит-то й собака таковы слова:
— Поезжай-ка, мой посланник, в стольный Киев-град,
Заезжай-ка к князю й на широкий двор,
Станови коня ты богатырьского,
Выходи на матушку й сыру землю,
Ты й спускай коня на двор да й не привязывай,
Ты иди в палату белокаменну,
На пяту ты дверь да й поразмахивай,
Не за́пирай дверей в палату белокаменну,
Не снимай-ка кивера ты со головушки,
Не клади креста́ да й по-писа́нному,
Не веди поклонов по-ученому,
А ты князю Владимиру й не кланяйся,
Яго всем князьям да й подколенныим.
Положи-тка грамоту на зо́лот стол,
Пословесно князю выговаривай:
«Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
Все широ́ки дво́ры княженецкии,
А наставь-ка ты хмельни́х напиточёк,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоя́ть собаке царю Ка́лине

Со своима й войсками со великима».
Тут поезжáет посланник в стольней Киев-град,
Он садился молодец да на добрá коня,
Приезжал во славный стольней Киев-град,
Заезжал ко князю й на широкий двор,
Становил коня да й богатырьского,
Выходил на матушку й сырý землю́,
Он спускал коня во двор да й не привязывал,
Скоро шел в палату белокаменну,
На пяту он дверь да й поразмахивал,
Не запирáл дверей в палату белокаменну,
Не снимал он кивера да й со головушки,
Не кладет креста он по-писáнному,
Не ведет поклонов по-учéному,
А он князю Владимиру й не кланялся,
Яго всем князьям да й подколенныим,
Положил он грамоту й на зо́лот стол,
Пословесно князю й выговаривал:
— Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
А очисти-тка ты улицы стрелецкии,
Все широ́ки дво́ры княженецкии,
А наставь-ка ты хмельни́х напиточёк,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
А частехонько было, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине
Со своима й войсками со великими
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
А садился князь Владимир наременчат стул,
А писал он грамоту й посыльнию
А тому ль собаки царю Кáлины,
А просил он строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на три́ году,
Нá три го́ду и на три месяца:
— Ай же ты, собака ли царь Кáлина
А дай-ка мни сроку поры-времени



Иван Герасимович Рябинин-Андреев.

(Былина 13).

Не на мало поры-времени — на три́ году,
Приочистить улицы стрелецкия,
Все широ́ки дво́ры княженецкии,
А наставить хмельны́х напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Ка́лине,
Со своима й войсками со великима.
Подает он грамоту послу да й во белы́ руки,
Тут пошел посланник на широкий двор,
А садился посланник на добра́ коня,
Приезжал посланник к собаке царю Ка́лине,
Подавает он грамоту посыльнию
А тому ль собаке царю Ка́лины.
Етот собака ли царь Ка́лина
Прочитал он грамоту й посыльнию
От того ль от князя й от Владимира,
А дает он яму строку поры-времени,
Не на мало поры-времени — на три́ году,
На́ три году й на́ три месяца —
Приочистить улицки стрелецкии,
Все широ́ки дво́ры княженецкии,
А наставить хмельны́х напиточек,
Чтобы бочечка о бочечку й частехонько,
А частехонько были, близехонько,
Чтобы было б где стоять собаке царю Ка́лине
Со своима й войсками со великима.
Да й прошло тут времячки по год поры,
Да й прошло тут времени по два́ году,
Да й прошло тут времени по три́ году,
Ведь по три́ году й по́ три месяца.
Тут докла́дуют ко князю ко Владимиру:
— Ты Владимир-князь да й стольне-киевский,
Ты сидишь во тереме златом верьхи,
А ты ешь да й пьешь да й прохлаждаешься,

Над собой невзгодушки не ведаешь.
А ведь твой-то славный стольней Киев-град
В полону́ стоит да й под обидою, —
Обошла его литва поганая
А того ль собаки царя Ка́лины,
Он хочет черных мужичков твоих повырубить,
Хочет божья церквы все на дым спустить,
А тебя, князя́ Владимира, в полон-то взять
Со Опраксией да королевишной.
А в полон-то взять да й голову́ срубить.
Прикручинился Владимир, припечалился,
Он ходил по горенке столовоей,
Да й погуливал о столики дубовыи,
Да й рони́л Владимир горючи́ слезы.
Говорил Владимир таковы слова:
— А я глупость сделал князь да стольне-киевский —
Засадил дородня й добра молодца,
Старого коза́ка Илью Муромца
А на тыя погребы глубокии,
А на тыи ледники холодныи,
А за тыя ль решетки за железныи,
Не на мало поры-времени — на три́ году,
На́ три году й на́ три месяца,
А который бы дороднеи добрый молодец
По́стоя́ть бы мог за веру й за отечество,
Сохранить бы мог наш Киев-град,
А сберечь бы мог он церквы божии,
Да й сберечь бы мог меня, князя́ Владимира.
Тут у славного у князя й у Владимира
А любима й была дочь одинакая,
Говорит она да й таковы слова:
— Ай же, батюшка да й ты Владимир-князь,
А прости-ка ты й меня в вины великоей,
А я сделала ключи поддельныи,
Положи́ла людей потае́нных

На тыи погребы глубокии,
Да й снесли-та й ествушки сахáрнии,
Да й снесли-та й питьвица медьвяныи,
Да й перинушки-подушечки пуховыи.
Одеялушки снесли да й теплыи,
А сапоженки на ноженки сафьянныи,
На себя снесли да й кунью шубоньку,
А шапку на головушку й соболиную
А тому ль дороднию добру молодцу,
Старому козáку Илье Муромцу.
Он есть жив богáтырь святорусскии,
В полонý сидит да й под обидою,
Он не старится да й лучше ставится.
  Тут Владимир-князь да й стольне-киевский
А берет Владимир золоты ключи,
А идет на погребы й глубокии,
Отмыкает погребы глубокии,
Усмотрел он дородня добра молодца,
Старого козáка Илью Муромца.
На себе у негó да й кунья шубонька.
А сапоженьки на ноженьках сафьянныи,
На головке шапка соболиная,
Да й перинушки-подушечки пуховыи,
А одьялышки да й еще теплыи,
Перед ним стоит ествушка сахáрнии,
Перед ним стóит питьвицо медвяныи,
В полонý сидит богáтырь святорусськии,
Он не старится, да й лучше ставится.
Тут Владимир-князь да й стольне-киевский,
Он берет ёго й за ручушки за белыи,
Да й за перстни брал да й за злачёныи,
Целовáл во устá да й во сахáрнии,
Да й повел его в палату белокаменну,
Приводил его в палату белокаменну.
Да й во горенку он во столовую,

Да й садил за столики дубовыи,
За тыи за скамеечки окольнии,
Да й кормил я́го ествушкой саха́рноей,
Да й поил я́го питьвицем медьвяныим,
Говорит Владимир таковы слова:
— Ай же, старый козак ты Илья Муромец,
Ты прости меня в вины великоей,
На меня ты, князя, ведь не гневайся,
А постой-ка ты за веру й за отечество,
Да й за тот за славный стольней Киев-град,
Да й за тыя ль за церквы да й за божии,
За меня, за князя за Владимира:
Наш ведь Киев-град да й в полону́ стоит,
В полону́ стоит да й под обидою —
Обошла ведь его литва поганая
А того ль собаки царя Ка́лины,
Хочет черных мужичков он всех повырубить,
Хочет божьия церквы все на дым спустить,
А меня, князя Владимира, в полон возьмет
Со Опраксией да й королевишной.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Он поел тут ествушёк саха́рниих,
Да й попил тут питьвицов медьвяныих,
Выходил за столиков дубовыих,
Да й за тых скамеечек окольныих,
Выходил на славный на широкий двор,
Да й на тот на славный стольне Киев-град,
Он ходил-гулял по городу по Киеву,
Цельный день гулял с утра й до вечера,
Заходил в свою палату й белокаменну,
Да й во тую ль горенку столовую,
Он садился к столику дубовому,
А за тыи скамеечки окольныи,
Он поел тут ествушки саха́рноей,
Да й попил он питьвицов медьвяныих,

Спать ложился й на кроваточку тесовую,
Да й на тую ль на перинушку пуховую,
А поутрушку вставал ранёшенько,
Умывался он да до белёшенька,
Одевался он да й хорошёхонько,
Он одел одёжу драгоценную,
А снарядную одёжицу опальную,
Манишечки-рубашечки шелко́выи,
Да й берет свой ту́гой лук разрывчатой,
А набрал он много стрелочек каленыих,
А берет свою он саблю вострую,
Свое вострое копье да й муржамецкое,
Выходил мо́лодец тут на широкий двор,
Заходил он в конюшню во стоялую,
А берет тут молодец добра коня,
А берет коня за поводы шелко́выи,
Яго добрый конь да й богатырскии,
Не в приме́р лучше он выпоен да й выкормлен
У его ли паробка любимого.
Говорит тут старый козак Илья Муромец:
— Ай же, верный мой слуга ты неизменныи,
Я люблю тебя за то и жалую,
Что кормил, поил ты моего добра́ коня.
  Он берет коня за поводы й шелко́выи,
Выводил коня да й на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Стал добра ко́ня мо́лодец заседлывать,
Он заседлывал коня да й закольчуживал,
Сади́лся молоде́ц да й на добра́ коня,
Да й поехал молодец и с широка́ двора,
С широка́ двора в раздольице чисто́ полё,
Подъезжал ко рать-силы великоей.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не мог на́смотре́ть конца́ й краю́ силы́ тата́рскоей.

А скрозь пару-та ведь лошадиного,
Да скрозь того пару человечьего
Да й не может пропекать да й красно солнышко,
Ото ржания да й лошадиного
А от покриков да й человечецких
Ужахается сердечко й молодецкое.
А тут старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей,
Он тут ехал по раздольицу й чисту́ полю
А об этую рать-силу́ великую.
А скочил на ету гору на высокую,
Посмотрел на все четыре на сторонушки,
Он не смог на́смотре́ть конца́ й краю́ силы́ татарскоей;
От того ли пару лошадиного,
Скрозь того пару человечьего
Не может пропекать да й красно солнышко.
Ото ржания да й лошадиного,
От покриков да й человечецких
Ужахается сердечко й молодецкое.
Старый козак Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей,
Он тут ехал по раздольицу й чисту́ полю,
А об эту рать-силу́ великую.
Да й скочил на гору й на высокую,
Посмотрел на все четыре й на сторонушки,
Посмотрел он в восточную сторонушку, —
А во той восточноей сторонушки,
Во славноем во раздольице чисто́м поли
Стоят добры кони богатырскии
У того ль они да й у бела́ шатра,
Оны зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Он спускался с той горы высокоей

А поехал в восточную сторонушку
Ко тому он да й ко белу́ шатру.
Приезжал молодец тут ко белу́ шатру,
Становил коня он богатырского,
Выходил на матушку й сыру́ землю,
Принакинул ко́ню й поводы шелко́выи,
Он спустил коня к поло́тну белому.
Яго й добрый конь да й богатырскии
Смелой грудью шел к поло́тну белому,
А все добрыя кони расскочилиси.
Говорит старый козак тут Илья Муромец:
— А ведь верно есть еще й во бело́м шатри
А мне-то есть еще божья́ помочь.
Тут старый козак Илья Муромец
Заходил тут он да й во бело́й шатер,
А во том во славном во бело́м шатри
А его крестовый еще й батюшка,
А Сампсон-то и есть да и Самойлович
Со своей дружинушкой хоро́броей,
Он садится хлеба-соли кушати.
Говорит Самсон да й таковы слова:
— Ай же, крестничек да ты любимый мой,
Старый козак да Илья Муромец,
А садись-ка с намы за единый стол,
А поешь-ка ествушки саха́рнеей,
Ты попей-ка питьвицов медьвяныих.
А тут старый козак да Илья Муромец
А садился молодец тут за единый стол,
Да й поел он ествушек саха́рниих,
Да й попил он питьвицов медьвяныих.
Тут удалыя дородни добры молодцы
А ложатся спать да й во бело́м шатри.
Говорит Илья тут таковы слова:
— Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Сампсон же ты да и Самойлович!

А вы вся дружинушка хоробрая,
Вот седлайте-тка ко́ней богатырьскиих,
Да й поедемтя в раздольице в чисто́ поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира.
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:
— Ай же ты, любимыи мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,
Не поедем в раздольице й чисто́ полё
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелыи,
А на тыи ль побоища на смёртныи:
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,
Он их ко́рмит, пои́т, да он их жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Он ведь бьет челом еще-й на дру́гой раз,
Говорит тут молодец он таковы слова:
— Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович,
А вы вся дружинушка хоробрая.
А седлайте-тка ко́ней богатырьскиих,
Да й поедемтя в раздольице в чисто́ поле,
Постоимтя за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира.
Говорит тут Самсон еще й Самойлович:
— Ай же ты, любимыи мой крестничек,
Старый козак да Илья Муромец,
А не будем мы коней седлать,

Не поедем в раздольице й чистó полё,
В поле биться, больно й раниться,
А на тыи на удары й на тяжелыи,
А на тыи ль побоища на смёртныи:
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да и бояринов,
Он их кóрмит, поúт да и жалуёт,
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.
Старый козак да Илья Муромец
А он бьет челом еще й по третий раз,
Говорит молодец да й таковы слова:
— Ай же ты, крестовый мой батюшка,
А Самсон же ты да и Самойлович,
А седлай-тка кóней богатырьских,
Мы поедемте в раздольице чистó полё,
Постоимте за веру за отечество.
Сохранимте вы да й церквы божии,
Сберегёмте вы князя́ Владимира.
Так тут все молодцы́ на спокой легли.
А старый козак Илья да Муромец
Выходил молодец да из белá шатра,
Да й садился молодец тут на добрá коня,
А выехал в раздольице й чистó полё
Да й ко той ли рать-силе ко великоей.
Подъезжал он ко рать-силе ко великоей,
Он просил себе тут бога нá помочь,
Да й пречистую пресвятую богородицу,
Препускал коня он богатырьского
На етую на рать-силу великую.
А он стал как силы с крайчика потаптывать,
Как куда проедет — пáдёт улицмы,
Перевёрнется — дак переулкамы.
Яго добрый конь тут богатырьскии
Взлепетал язы́ком человечецким:
— Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,

Напускаешь ты на рать-силу й великую,
А ведь сила есть тут очинь сильняя,
А ведь воины-то есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи;
Есть три по́дкопа подко́паны глубокиих,
Я прогрязну в первы ямы-по́дкопы глубокии,
Я оттуда с по́дкопов повыскочу,
А тебя Илью й Муромца повыздыну;
Я прогрязну в други ямы-по́дкопы глубокии,
А я с дру́гих ям-то ведь повыскочу,
А тебя Илью Муромца й повыздыну;
Я й прогрязну в третьи ямы-по́дкопы глубокии.
Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,
А тебя Ильи Муромца не выздыну.
Разгорелося сердце й у бога́тыря
А у старого ль коза́ка Ильи Муромца,
Говорит тут он да й таковы слова:
— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок,
Ты оставить хочешь в ямах во глубокиих!
Он берет тут в руки плеточку шелко́вую,
Он тут бил коня да й по тучно́й бедры,
Перьвый раз он бил коня между ушей,
Дру́гой раз он между ноги между заднии,
А давал удары всё тяжелыи.
Яго й добрый конь тут богатырскии
По чисту́ полю он стал поскакивать,
Не в пример он зло поехал по чисту́ полю.
Он прогрязнул в перьвы ямы-по́дкопы глубокии,
А он с перьвых ям еще й повыскочил
Да й коза́ка Илью Муромца й повыздынул.
Он прогрязнул в други ямы-по́дкопы глубокии,
А он с дру́гих ям еще й повыскочил
Да й коза́ка Илью Муромца повыздынул.
Он прогрязнул в третьи ямы-по́дкопы глубокии,
С третьих ям конь еще й повыскочил,

А коза́ка Ильи Муромца й не выздынул,
Он свернулся с седелышка черкальского,
А упал в ямы-по́дкопы глубокии.
Не могли захватить коня й татарова.
Тут напа́дали татарова й поганыи
На того ль дородня добра молодца,
Да й сковали Ильи да й ножки резвыи,
Да й связали Ильи да ручки белыи,
Да й хотели срубить буйну й головушку.
Говорят тут татарова й поганыи:
— Не рубите-как ему буйно́й головушки,
Это есть бога́тырь святорусськии.
Вы сведемте его к собаки царю Ка́лину,
Что он знает — над ним дак то пусть и делаёт.
Повели тут дородня добра молодца
А к тому собаке царю Калину.
Приводили к собаке царю Калину
А вот оне да и во бел шатер.
Говорит собака ли царь Ка́лина:
— Ай же ты, стерьва й молодой щенок,
Напускаешь ты й на рать-силу великую,
А ведь сила есть тут очень сильняя,
Воины ведь есть могучии,
Поляницы есть ведь разудалыи,
Есть три по́дкопа подкопаны глубокии,
Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,
Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,
Ничего ведь вы от князя не предвидите,
А служи ты мне, собаке царю Ка́лины,
Положу я те́бе ествушку й саха́рнию,
Положу я те́бе питьвица медьвяныи,
Я дарить буду й да́ры драгоценныи.
Говорит собака ли царь Ка́лина:
— А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыи,
Развяжите-ка Ильи да ручки белыи.

Расковали Ильи да ножки резвыи,
Развязали Ильи да ручки белыи,
Старый козак тут Илья Муромец
А вставал мо́лодец на резвы́ ноги,
Говорит тут он да й таковы слова:
— Ай же ты, собака ли царь Ка́лина,
Не могу я служить тебе, собаке царю Ка́лины,
У меня сделаны за́поведи вели́кии,
Что служить мне князю-то Владимиру,
Сохранить мне надо стольний Киев-град,
Сберегать я й буду церквы божии,
Сохранять буду́ веру православную,
Сберегать буду́ князя́ Владимира.
Так тут старый козак Илья Муромец
Повернулся он тут в шатри белоем
Да й пошел в раздольице в чисто́ полё.
Говорит собака ли царь Ка́лина:
— Ай же, мои вы слуги верныи,
Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвыи,
Вы свяжитя Ильи да й ручки белыи.
Тут напа́дали татарова поганыи
На того ль коза́ка Илью Муромца,
А тут старый козак да Илья Муромец
Он схватил татарина как за ноги,
Он как стал татарином помахивать,
Он тут стал татар да й поколачивать,
А татары от него да й стали бегати.
А он бросил татарина тут в сторону
Да й пошел в раздольице й чисто́ полё.
Пригодились быть при себе свистки да й богатырскии,
Засвистал в свистки он богатырскии —
Яго добрый конь тут богатырскии
Прибежал он из чиста́ поля
А со всею сбруей богатырскоей.
А тут старый козак да Илья Муромец

Он берет коня за поводы шелко́выи,
Садился молодец тут на добра́ коня,
Да й поехал по раздольицу й чисту́ полю.
Он вскочил на гору й на высокую,
Посмотрел в восточную сторонушку, —
А во той восточноей сторонушки
А стоят кони богатырскии
У того ли они да й у бела́ шатра,
Они зоблют пшеницу белоярову.
Так тут старый козак да Илья Муромец
Выходил на матушку й сыру землю,
Скоро й ту́гой лук разрывчатой отсте́гивал
От правого ль стремечки булатнего,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил он стрелочку каленую,
Говорил Илья да й таковы слова:
— Ты просвистни, моя стрелочка й каленая,
А во славное раздольице чисто́ полё,
А пади-ка ты да й в етот бел шатер,
А ты выхвати крышку со бела́ шатра,
Да й пади Самсону на белы́ груди,
Выхвати цапеньку й немалую,
А немалую цапенку невреди́мую.
Да й спустил он тетивочку шелко́вую
А во ету стрелочку каленую.
Тут просви́стнула я́го стрелочка каленая
А во ето славныи во бело́й шатер,
Она й выхватила крышку со бела́ шатра,
Она пала Самсону на белы́ груди.
У того ль Самсона у бога́тыря
Пригодился быть да крест на вороти,
Крест на вороти да й ровно три́ пуда.
Пробудился он от звону от крестового,
Да й вскочил Самсон тут на резвы́ ноги,
Говорит Самсон тут таковы слова:

— Ай же, мои братьица крестовыи,
Вы бога́тыри да святорусскии,
Вы вставайте, братцы, на резвы́ ноги.
Да й седлайте ко́ней богатырскиих:
Прилетели нам гостинички-подарочки
От моего́ крестничка любимого,
А от старого коза́ка Ильи Муромца,
А его ведь стрелочка каленая
Выхватила крышку й со бела́ шатра,
А па́ла мне́ да й на белы́ груди.
Вы поедемтя в раздольице в чисто́ поле,
Постоимтя за веру за отечество,
Верно мало ему в поле можется,
Сохранимте мы да стольний Киев-град,
Сохранимте мы да й церквы божии,
Сберегёмте мы князя й Владимира.
  Тут удалыя дородни добры молодцы
Оседлали ко́ней богатырскиих,
А садились на ко́ней богатырскиих,
А поехали в раздольице й чисто́ поле,
А ко етой ко рать-силе великоей.
А стары́й козак тут Илья Муромец
Он тут смотрит с горы высокоей,
А куда поедут ети двенадцать да й бога́тырей —
А ко рать ли силе ко великоей,
Аль во то́е во раздольице чисто́ полё.
Тут поехали двенадцать-та й бога́тырей
А ко той ли рать-силе да й великоей.
А тут старый козак да Илья Муромец
Он поехал наперелуч тринадцатый.
Оны съехались тут, поздоровались,
Становили добрых ко́ней богатырскиих,
Оны делали сговор между собой,
Как же им побить литва поганая.
Говорит старый козак да Илья Муромец:

— Ай же, мои братьица крестовыи,
Вы бога́тыри да святорусскии,
А ведь сила есть тут очень сильная,
А ведь воины тут есть могучии,
Поляни́цы тут есть разудалыи.
Есть три по́дкопа подкопаны глубокии.
Тут удалый̆ дородни добры молодцы
А просили себе да й̆ бога на́ помочь,
Пречистую пресвятую богородицу.
Припускали до́брых ко́ней̆ богатырскиих
А на етую на рать-силу великую,
Стали силы с крайчика й̆ потаптывать.
А куда поедут — па́дёт улицмы,
Перевернётся — дак переулкамы.
Оны вытоптали силушку, повы́кололи,
А того ль собаку царя Ка́лину
А оне его да ведь и в пле́н брали́.
Говорят удалы добры молодцы:
— А отрубимтя собаке буйну й̆ голову.
Говорит старый̆ козак да Илья Муромец:
— Ай же, моя братьица крестовыи,
Вы бога́тыри да й̆ святорусскии.
Не рубите ему бу́йноей̆ головушки,
А свеземте яго да й̆ во стольний̆ Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Что он знает над ним, так то пусть делает.
Привозили тут собаку Калина
А во тот во стольний̆ Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру.
Говорят удалы добры молодцы:
— Ты Владимир да й̆ князь стольне-киевский̆.
Привезли тиби царя Ка́лину,
Что ты знаешь над ним, да то и сделаешь,
А яго мы рать-силу великую
Мы разбили в раздолице чисто́м поли.

Говорит тут князь Владимир таковы слова:
— Благода́рствуй вас, могучии бога́тыри,
Что стояли вы за славный стольний Киев-град.
Охраняли да й церквы божии,
Сберегли меня, князя Владимира.
А того собаку царя Ка́лину
Отпустил во славну во темну́ Орду.
Да и тым былиночка й покончилась.

14

Илья Мурович и Калин-царь

Што из далеча да из чиста́ поля,
Из того роздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
Тут не оболоко обкаталосе, —
Подымался собака-злодей Ка́лин-царь,
За ним сорок царей, сорок царевичей,
За ним сорок королей, королевичей,
За ним силы мелкой числу-смету нет,
Как по-руському на сороки́ верстах.
Тут и Киев-град знаменуетсе,
А и церькви соборны оказаютсе,
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченой верх.
Он садился на стул наременьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал.
Отдает послу немилосливу
А-й тому Борису-королевичу:
— Уж ты ой еси, Борис, королевич сын!
Уж ты будешь в городи в Киеви
У великого князя Владимера, —

Не давай ты строку на малой час.
  Ишшо тут Борис, королевич сын,
Он берет ерлык, во корман кладет,
Он ведь скоро скачёт на добра коня.
Он ведь едёт к городу Киеву,
Ко великому князю, ко Владимеру.
Становил коня к дубову́ столбу,
Он вязал коня к золоту́ кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираёт двери он на́ пяту;
Он в гридню идет, — богу не молитсе;
Через стол скочил, сам во место сел.
Он вымат ерлык, на стол кладет,
Ишша сам говорит таково слово:
— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!
Ты бери ерлык, роспечатывай,
Ты скоре того прочитывай;
Ты меня, посла, не задерживай.
  Как Владимёр, князь стольне-киевьской,
Он берет ерлык во свои́ руки́,
Отдает Добрынюшки Микитичу.
Говорил Добрынюшка Микитич сын:
— Я не знаю грамоты латыньскоё.
Ты отдай Олеши Поповичу.
  Отдают Олеши Поповичу.
(У того было мозгу в головы, дак...).
Как Алешичка и Поповиць сын
Он ведь скоро ерлык роспечатывал,
Он скорее того же прочитывал,
Говорил как он таково слово:
— Ты Владимёр, князь стольне-киевьской!
Хорошо в ерлычки написано
А написано со угрозою,
А су той угрозой великою:
Как стоит собака-царь середи поля;

За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-смету нет,
Как по-руському на сорокѝ верстах.
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без се́ченья
(Как нынешний ерманец),
Без того кроволитья великого.
Запечалился наш Владимер-князь.
Запечалился-закручинился:
Он повесил буйную голову
Што на ту на правую сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю́.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович,
Говорил как он таково слово:
— Ты Владимёр стольне-киевьской!
Ты бери свои золоты ключи,
Отмыкай-ко погребы глубоки жа;
Ты насыпь ларец чисту золота,
Ты второй насыпь чиста се́ребра,
Ты трете́й ларец скатна земчуга;
Ты дари-ко Бориса-королевича,
Ты проси-ко строку на три месяця,
Штобы всем во городи покаятьсе,
Нам покаятьсе да исповедатьсе.
Ишша тут жа как Владимёр-князь
Он берет свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки жа;
Он насыпал ларец чисту золота,
Он второй насыпал чиста се́ребра,
Он трете́й насыпал скатна земчуга,
Он дарит Бориса-королевича,
А просил ведь строку на три месяця,
Штобы всем во городи покаятьсе,

Нам покаятьсе да исповедатьсе.
Ишша тут Борис, королевич сын,
Не дает ведь строку на три месяця.
Он дает ведь строку только на три дня.
(Всё ж-таки дал!).
Спровожали Бориса-королевича,
Спровожали кнезья и бо́яра;
А во ту пору, во то времечко
Запечалился наш Бладимёр-князь.
Запечалился-закручинился,
Он повесил буйную голову
Што на ту на праву сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю́.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович.
Выходил на середу кирпичнею;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьёй матери, богородице,
Он пошел Илья на конюшон двор,
Он берет своёго добра́ коня,
Он накладыват уздицу тасмянную.
Он вуздат во уздилиця булатные,
Он накладывал тут ведь войлучёк.
Он на войлучёк седелышко,
Подпрягал двенадцать подпруженёк,
А ишша две подпружки подпрягаюци
Он не ради басы, ради крепости,
А не сшиб бы бога́тыря доброй конь,
А не сшиб бы бога́тыря в чисто́м поли.
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
У ворот приворотников не спрашивал.
А махал через стену городо́вую,
А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до бела́ свету.
Приезжает он ко меньшой реки.

Ко меньшой реки, ко синю морю;
Он нашел тут тридцать три богатыря.
Он с добра коня слезываючи,
Он низкой поклон им воздаваючи:
— Уж вы здрастуйте, доньски казаки!
— Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,
Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и всё ли у нас там по-старому,
А и всё ли у нас там по-прежнему?
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, доньски казаки!
И во городи у нас, во Киеви
Не по-старому, не по-прежнему;
Как стоит царь-собака середи поля,
За им сорок царей, сорок царевичей,
За им сорок королей, королевичей,
За им силы мелкой числу-сметы нет,
Как по-руському на сороки верстах.
Он ведь просит города Киева
Без бою, без драки, без сеченья,
Без того кровопролитья великого.
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Уж вы ой еси, доньски казаки!
Уж вы будете стоять ле за Киёв-град,
Вы за те церькви соборные,
Вы за те монастыри церьковные,
За того за князя за Владимера?
Говорят как тут доньски казаки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ишша как не стоять нам за Киёв-град,
Нам за те за церькви соборные,
Нам за те монастыри церьковные,
За того за князя за Владимера?
Они скоро скачут на добрых коней

И поехали к городу к Киеву,
Ко великому князю ко Владимеру.
И поехало тридцеть три бога́тыря, —
Затрясласе матушка сыра земля.
Они будут в городи в Киеви,
У великого князя у Владимера.
Зрадовался тут Владимер-от,
Он на радошшах им и пир срядил.
Он и пир срядил, пировати стал.
Ишше все на пиру напивалисе,
Они все на чесном наедалисе.
Как один на пиру не упиваитсе
А и стар казак да Илья Мурович:
Ишша сам говорил таково слово:
— Уж вы ой еси, до́ньски ка́заки!
Нынь приходит времечко строчнеё.
А кому у нас нынче ехати
На ту ли силу неверную?
Говорят как до́ньски ка́заки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты останьсе в Киеви в городе
Стерегчи-сберегчи кнезя́ Владимира!
Говорил как тут да Илья Мурович:
— Тут не честь-хвала молодецкая,
Ой не выслуга богатырская
Как Илейки в Киеви остатисе.
Будут малы робята все смеятисе.
Ишша тут Илья поезжаёт жа
А на ту силу неверную.
Он берет с собою только товаришша.
Он берет Добрынюшку Микитича:
И берет ведь второго товаришша,
Он Тороп-слугу да мала па́руха;
Он троима тут поезжаёт ведь
Он на ту на силу неверную.

А выходят на середу кирпичнею
Они молятся спасу пречистому,
Они божьей матери, богородици;
Они скоро скачут на добрых коней,
У ворот приворотников не спрашивали, —
Они машут через стену городовую.
Они едут как по чисту полю, —
Во чистом поли курева стоят,
В куревы богатырей не видети.
Выезжают на поле чистое
А на ту силу неверную.
Ишша тут два братця испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той ведь силы неверною;
Говорят они таково слово:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ты поставь этта нам бел шатер.
Дай ты нам опочи́н дёржать;
Как поставил Илья тут им бел шатер.
Ишша дал ведь им опочи́н дёржать.
Сам он тут им ведь наказывал,
А наказывал, наговаривал:
— Ой еси, вы два братця родимые!
Уж вы ой еси, до́ньски ка́заки!
Как Елейки худо будё можитьсе, —
Натяну я стрелочку каленую,
Я спушшу этта вам во бел шатер;
Уж вы гоните тогды во всю голову,
Вы рубите старого и малого.
Ишша сам Илья думу думаёт:
Он не знает, котору да ехати;
Он поехал силой середкою;
Поворотитсе, — дак переулками!
Он ведь день рубился до вечера,
Он и темну ночь до бела́ свету,

Не пиваючи, не едаючи,
А добру коню отдо́ху не даваючи.
Как Илейки стало худо можитьсе, —
Натянул он стрелочку каленую,
Он спустил богатырям во бел шатер,
Ишша тут бога́тыри ото сну скочили,
Они скоро скачут на добрых коней,
Они гонят тут во всю голову,
Они рубят старого и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до бела́ свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдо́ху не даваючи;
А прибили всех до единого.
Ишша тут два братця не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
— А было б в матушки, в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру́ землю́.
А другой говорил таково слово:
А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого.
По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был на́двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на́трое,
И восстало тут три тотарина.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж вы гой еси, два братёлка!
По грехам по нашим так сделалось.
Они поехали силой середкой;
Поворотятсе, — дак переулками!
Они бились день да до вечера,
Они те́мну ночь до бела́ свету,

Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдо́ху не даваючи;
И прибили всех до единого.
Ишшо тут два братця где девалисе,
Я не знай, куда подевалисе
(За похвасны слова скрозь землю прошли),
А один Илья оставаитсе.
Он поехал к городу ко Киеву,
Ко великому князю ко Владимеру.
(Дальше не поетця, а говоритця...
Дедушко так...).
Становил коня к дубову столбу,
Он вязал коня к золоту кольцю,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираё двери он на́ пяту;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
Он Владимеру-князю покланяитсе:
— Ты Владимёр-князь стольне-киевьской!
Ишша то ведь дело у нас сделано,
Ишша та роботушка сроблена.
Только не знать, где два братця девалисе,
И не знать, куда потерялисе.
Как перва они да испужалисе,
А потом они не натешились,
Не натешились, приросхвастались,
А один говорил таково слово:
«А было бы в матушки в сырой земли,
А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру́ землю́,
Я прибил бы там до единого».
А другой говорил таково слово:
«А была бы на небо листвиця,
Я прибил бы там до единого».
По грехам по нашим так сделалось:

А которой сечен был на́двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на́трое,
А восстало тут три тотарина.
Говорит как тут Владимёр-князь:
— Ишша нет как их, — дак не искать же стать.
Он на радошшах тут и пир срядил,
Он и пир срядил, пировати стал.

15

Илья Муромец и Калин

Ай во славном было городи во Киеви,
Там ведь жил-был старая стары́ньшина да Илья Муромецъ.
Илья Муромецъ был да сын Ивановицъ.
Ему придумалось-то съездить во цисто́ полё;
Как поехал он да позабавитьце
Он тима́-ти ведь дворяньскима забавами:
Пострелять-то он поехал гусей, ле́бедей,
Он пернясцатых-то мелких всё он утоцёк.
Он наехал во цисто́м-то поли три могуцёго бога́тыря,
Три того ли он три братёлка Борисьёвых:
Во цисто́м-то поли они деля́т всё красно золото,
Говорит-то Илья да таковы реци:
— Уж вы гой еси, три брата три Борисьёва!
Уж вы дайте-ко вы мне да красна золота.
Говорят-то ёму братьици Борисовы:
— Тебя скоро разлуци́м, стар, со белы́м светом.
Говорит-то казак да Илья Муромецъ:
— Шьто у старого, у бедного взеть нецёго,
Взеть-то нецёго вам, всё живота ведь нет:
Только есь у мня, у старого всё у седатого,
Що три есь у мня три стрелки всё каленыя;

Я стреляю ети стрелки по белым дням,
Собираю ети стрелки по тёмны́м ноцям:
По ноцям-то у мня стрелки как свешши́ горят.
Натягат скоро Илья да ведь он ту́гой лук,
Он спускаёт Илья Муромець всё калену́ стрелу;
Он застре́лил тут трех братьицей Борисьёвых,
Обирал-то он ведь тут злато-се́ребро,
А приехал-то ведь тут да в кра́сён Киев-град,
В кра́сён Киев-град приехал, ко князю на широ́кой двор.
Он дарил-то тут ети подароцьки,
Подарил-то злато-се́ребро ведь ласковому князю
со княгиною,
Со княгиной с Опраксе́ей с королевисьнёй.
Ишше князю-ту Владимиру ети подароцьки ёму всё
полюбилисе;
Он отдаривал ведь князь да всё Владимир-от,
Подарил-то ёму шубоцьку-кошу́лёцьку;
Да потя́нута шуба всё камцяткой мелкотравцятой,
На Владимире-то шубка как огонь горит.
Тут ведь вси-ти бояра на его розгневались,
На того ли казака всё Илья Муромця;
Тут бояра насказали на Илью князю Владимиру:
— Що ж ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимир-
князь!
Напилсе ведь Илья всё зелёна́ вина;
Он ведь ходит всё по городу по Киеву,
Он воло́цит ету шубку за един рукав,
Он воло́цит, сам ко шубки приговариват:
— Волоци́-тко-се ты шубку за един рукав,
Ай Владимира-та-князя за жёлты́ кудри!
Опраксею-королевисьню я за собя возьму.
Ишше тут-то князь Владимир пообидилсе;
Приказал-то копать по́дкопы глубокия,
Що глубокия пещеры ёму смёртныя;
Засадил он Илью Муромця с добры́м конем.

Тут узнала всё про ето цюдо цюдноё
Молода-то ведь княгина Опраксея-королевисьня,
И сама она тому да приросплакалась:
— Що неладно-то Владимир дело сделал-то,
Занапрасно посадил да Илью Муромця:
Насказали всё ёму бояра кособрюхия.
Подкопала она по́дкопы други́ ёму,
Она вроди как пещер ёму спасёныих,
Уносила всё ему книгу евангельё,
Присылала ёму свешш всё воскояровых;
Що сама-та пила, ела, она кушала,
Она тем же кормила Илью Муромця;
Она так ёго кормила, щобы князь не знал;
Ай добра́ коня спускали в зелёны́ лужка,
В зелёны́ лужка спускали, в шолкову́ траву.
Ай с того-то всё горя, горя великого
Тут уехало двенадцеть всё бога́тырей:
В перву голову уехал Самсон Сильния,
Во вторых-то уехал Пересмяка со племянницьком,
Тут ишшё-то как уехал всё Цюрило-свет всё Пле́нковиць,
Да ишше́-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
Да ишше́ да тут уехал всё Олешенька Поповиць млад,
Да ишшё да тут уехал всё ведь Дунаюшко Ивановиць;
Тут уехали бога́тыри — не всё ведь мы их знам да как их имене́м-то звать.
А ишше́-то с того горюшка великого
Да убилсе тут Добрынюшка Никитиць млад
Он о тот ли о горюцёй о сер ка́мешок:
— Олишили токо Илью-то всё бела́ свету,
А не буду без ёго да я на свети жить!
Ай прошло-то тому времени не год, не два,
Шьто не год, не два прошло ведь, братцы, да не три года.
Шьто прошло-то тому времени, тому три месяця;
Що прошла-то скоро вестоцька по всей земли,
Що по всей прошла земли по Святоруською;

Да дошла-то ета вестоцька до земли-то до поганыя,
Как до той ли до орды, до Золотой земли,
Там ведь жил-то был да всё собака Ка́ин-царь,
Собака Ка́ин-то царь да царь Кали́новиць.
Он заслушал, що нет живого Ильи Муромця;
Подымаетце собака ише Каин-царь,
Ише Каин-от-царь да всё Кали́новиць,
Он со тем ли со своим сыно́м с любимыим;
За сыно́м-то всё идет силушки всё несцётно-то:
Идет сорок-то цярей за им, цяревицей,
Идет сорок королей, всё королевицей;
Ай за кажным за царем да за цяревицём,
Що за кажным королем, за королевицём
Що идет-то ведь силушки по сороку всё тысяцей,
Ай за зётём силы-то идет да цисла-смету нет,
За самим же за собакой царем Каином
Идет силушки за им — да цисла-смету нет.
Тут не вёшна всё вода да розливалась,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаетце,
Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Що ко тем ли ко церьквам божьи́м соборныим,
Що соборныим, к церьквам всё богомольныим,
Що ко тем цюдны́м крестам животворяшшиим,
Ай ко тем ли ко мана́стырям к спасёныим.
Сам выходит царь-собака из бела́ шатра,
Що собака-та выходит ише Каин-царь,
Ише Каин ведь царь да Калинович,
Ай выходит собака, похваляетце.
Подошла сила ведь за́ версту́ за мерную;
Замогли́-то продувать да ветры буйныя,
Замогло́-то пропекать да красно солнышко
От того ли всё от духу от поганого,
От поганого от духу, от тотарьского,
От того ли всё от пару лошадиного.

Говорит-то ведь собака ишше Каин-царь,
Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:
— Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы ско́ре-ко мне-ка грамотку,
Вы пишите мне-ка грамотку да всё вы руськую,
Не пером-то вы пишите, не цернилами,
Не по белой по ербо́вой по бумажоцьки, —
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату,
Дорогим-то вы пишите сухим красным золотом.
Уж мы как ведь зайдем да в красен Киев-град.
Ишше тут ёму тотара отказалисе:
— Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
Не умем-то мы писать всё гра́мотки всё руською.
Закрыцял-то тут собака по-звериному,
Засвистел-то тут собака всё по-соловьиному:
— Уж вы гой еси, тота́рева-булановя,
Уж вы ти всё стихари всё получе́вныя!
(Писаря, значит, по-ихному),
Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту, немецкую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:
«Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива́ сдерем,
Опраксею-королевисьню мы всё с собой возьмем,
Увезем-то мы всё ей да во свою землю».
Они скоро написали ету грамотку;
Тут пошли-то ведь скоро́ всё три тотарина̀;
Ай приходят они ко князю на широкой двор,
С широка́ двора в полаты в белокаменны;
Принесли-то они грамотку тотарьскую,
Говорят-то они князю Владимиру
Всё не руським язы́ком-то, своим они:
— Получай-ко, князь Владимир, скору грамотку
Ай от нашого царя, царя от Каина,

Що от Каина-царя да всё Кали́новича.
    Тут как стали скоро роспецятывать;
Как по ихной-то всё пало по уцести:
На ту пору-то приехал тут Олешенька всё из циста́ поля,
Попроведать-то приехал всё он князя со княгиною.
Он ведь брал-то скоро грамотку, россматривал,
Он россматривал грамотку-ту, всё ведь он процитывал,
Ишше всё-то у тотарина написано:
— Мы зайдем-то ведь мы завтра в кра́сён Киев-град,
В красён Киев мы град ко князю ко Владимиру;
Мы не будём у его отсекать да буйной го́ловы,
Мы ведь будём ёго муцить-то мы муками:
У жива́ да мы ведь кожу-ту сдирать будём;
Опраксею-ту мы королевисьню мы с собой возьмем.
    Они стали-то цитать, да все заплакали.
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Уж вы гой еси, тота́рява поганыя!
Вы мне дайте-ко мне строку да трои́ мне сутоцьки:
Отслужить-то мне обедни со молебнами,
Со молебнами мне да с панафидами.
— Не дайм-то тебе строку́ на три де́ницька.
    Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,
Да по имени наш да всё Владимир-князь:
— У мня вси теперь в розъезди вси бога́тыри;
Теперь некому стоять будёт за веру православную,
Православну-ту веру, за божьи́ церькви,
За божьи-ти за церькви́, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стое́ть, за князя, за княгину-ту!
    Говорит тут Опраксея таковы реци:
— Уж ты гой еси, ты красно мое солнышко,
Ишше князь ты всё, Владимир стольнё-киевской!
Уж ты дай-ко россказать, мне всё поведать-то;
Я ноцесь мало спала, да много во сни видяла;
Как Илья-та ведь у нас будто живёхонёк,
Как живёхонёк у нас он, здоровёхонёк.

Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Кабы был у нас Илья кабы живёхонёк,
Не боелись бы собаки царя Каина,
Не розорил бы у нас да красна града Киева,
Не погубил бы у нас да всё божьи́х церквей,
Не убил бы тогда меня, князя Владимира,
Он не вырубил тогда бы всё со старого до малого!
Говорила Опраксея-королевисьня:
— Я скажу-ту всё тебе, правду поведаю:
Занапрасно посадил ты Илью Муромця;
Сохранила я ёго от смерти от голодныя;
Я поила-то ёго, корьмила всё любы́м куском,
Я тайком-то от тебя тольки, Владимир-князь.
Ты простишь ли теперь меня в такой вины?
— Тебя бог простит, всё Опраксея-королевисьня!
Да пойдем-ко мы Илью звать, низко кланитьце.
Ай приходят в пещеры-ти спасёныя;
Ему кланеитце князь Владимир-от низко́й поклон:
— Ты прости меня, старая старыньшина,
Уж ты славной мой казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць,
Ты прости, прости меня всё виноватого!
Говорил-то тут Илья, да Илья Муромець:
— Тебя бог простит, да красно нашо солнышко,
Тебя бог простит, да всё Владимир-князь!
Не своим-то ты умом да дело здумал делати:
Насказали-то тебе бояра кособрюхия.
Он ведь скоро выходит из по́дкопов — пеще́р спасёных,
А служили всё обедни-то да со молебнами,
Со молебныма всё, с панафидами,
Що во тих ли во божьи́х церьква́х соборныих,
Во соборныих церква́х да богомольныих,
Що у тих ли у попов, отцей соборныих.
Ай приходят во полаты из божьёй церквы́,
Он садит-то всё Илью да всё за дубовой стол,

Наливает ему цярочку всё зелёна́ вина,
Зелёна́-та вина цяру полтора ведра;
Он ишше́-то наливает пива пьяного,
Пива пьяного ему да полтора ведра;
Он ишше́-то наливает меду сладкого,
Меду сладкого он да полтора ведра.
Ишше стал-то тут Илья всё поговаривать;
Сшевелились у его всё могуци́ плеци,
Розыгралась-то в ём силушка великая,
Всё вели́ка-та сила богатырьская;
Он ведь скоро ведь стават всё на резвы́ ноги.
Он ведь скоро тут выходит всё из-за дубова́ стола;
Он молилсе-то всё тут богу-господу,
Всё царици-то небесной, божьёй матери,
Благословлялсе всё у князя со княгиною;
Он как скоро выходил сам на широкой двор,
Говорил скоро́ таки́ да реци горькия,
Реци горьки говорил да всё обидилсе:
— Тебе бог тебе судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимир славной киевськой!
Розлуцил ты всё меня да со добры́м конем,
Со добры́м меня конем всё с Вороне́юшком!
Ай выходит на широ́ку светлу улочку;
Он понес тольки в руках одну востру́ саблю,
Он ишше понес в руках всё палицю свою цяжолою,
Он цяжолу-ту палицю всё сорока пудов;
Он ишше́ же понес копье всё брузаменьское.
Недалёко отошел от города от Киева:
Тут бежит-то всё его да бежит доброй конь,
Бежит доброй его конь всё Воронеюшко;
Обнимат своёго ножками любимого хозяина,
Говорит своим язы́ком целовеческим:
— Я ходил-то, всё я бегал по зелены́м лужкам.
Всё я кушал-то траву, траву шолко́вую,
Уж я пил-то всё свежу́ воду ключо́вую,

Я не мог забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того ли всё Илью, да Илью Муромця,
Илью Муромця я, сына Ивановича,
Во сегодёшной-он мне да во денёцек-от
Приоткрылась мне дорожка токо к Киеву.
   Тут садилсе доброй молодец всё на добра коня,
Он поехал во те ли степны́ леса Саратовы,
Из тёмны́х из тех лесов всё на круту гору́,
Що на ту-то на круту гору́ на Арависькую,
Арависькую на го́ру на укатисту.
Выезжал-то тут Илья, да Илья Муромець,
Посмотрял с етой горы во трубоцьку подзорную;
Хоть-то думат доброй молодец, роздумыват:
— Этой силы на добро́м кони́ мне-ка будёт не о́бъехать,
Как серу́-ту всё волку́ будёт не о́бёжать.
   Помолилсе на восток всё богу-господу
Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку
Ко тому ли ко мана́стырю спасёному,
Ко тому ли ко Онтонию, Феодо́сею.
Да поехал-то он тут да доброй молодець,
Ишше конь-от у ёго да как соко́л летит,
Що Илья-та на кони́ да всё розмахиват
Он своей-то всё он палицей тяжолою;
Он всё палицёй-то бьет-то силу, всё саблёй секет,
Он копьем-то колет, больше конь топцет.
Он ведь сутоцьки бил силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третьи́ пришли;
Он добралсе до само́го царя Ка́лина;
Говорит-то он ёму да таковы слова:
— Теперь буду у собаки я кожу с жива́ сдирать,
Отмешшу разве тебе, собака, я слово похвальнёё;
Да не нать бы тебе, собака, всё хвалитисе,
Переди́-то страшать князя Владимира!
Ты пеце́лил всё у мня моёго красна солнышка,

Проливал ты ведь всё у ёго у князя горюци́ слёзы.
Ты теперece, собака, у меня в руках;
Я не буду-ту марать свои белы́ руки
О того я поганого тотарина,
О того ли о собаку царя Каина,
Я приму тебя, возьму я на востро́ копье,
Ростопцю тебя за то, возьму своим добры́м конем.
Он убил-то тут собаку царя Каина,
Он убил-то у ёго сына любимого;
Он убил-то у ёго зетя любимого;
Не оставил-то он силушки на се́мяна.
Бога́тыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают,
Они спят в шатрах да всё не знают-то.
Поехал Илья Муромець во Киев-град;
Приезжает он ко князю ко Владимиру,
Приезжает ведь он всё на широкой двор;
Он ведь бросил востру саблю, не повесил ей,
Говорит-то всё ведь он свое́й востро́й сабли́:
— Полёжи ты, моя сабелька, немножоцько,
И не служат у меня да руцьки белые,
Не могу тебя повесить-то на спичёцьку,
Я изьбилсо доброй молодець в цисто́м поли.
Не пивал ведь, не едал я трои сутоцьки.
Тут услышели скоро́ ведь всё придверницьки,
У ворот-то ведь да всё приворо́тницьки,
Донесли-то скоро́ они ласковому князю всё Владимиру,
Що приехал осударь наш Илья Муромець.
Говорили-то они князю Владимиру:
— Он приехал ведь у нас всё голоднёхонёк.
И идет-то скоро красно нашо солнышко,
На ши́роком двори у нас россве́тило,
Со своей-то со княгиной с Опраксею с королевисьню.
Как берут-то Илью да за белы́ руки,
Обнимаёт князь Владимир-от за шею за белу́ его,
Прижимает он к своёму к ретиву́ сердцю:

— А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё я буду, цим ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою.
Говорит-то ведь ста́рой казак Илья Муромець:
— Мне ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
Заслужила мне-ка Опраксея-королевисьня,
Що избавила меня от смерти всё от скорою,
Що от смерти мне скорою от голодною.
Говорил-то князь Владимир таковы реци:
— Я могу сделать тебя князём, боярином.
— Мне ненадобно на сём свети слава сосветная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхиих,
Лучше буду я ездить по цисту́ полю.
Собирал-то для ёго-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
Собирал-то для ёго всё пир великой-от
А й на целую недельку поры-времени;
Щобы́ собрать-то всех могуциих бога́тырей,
Щобы́ собрать-то всех князьей да що́бы бо́яров,
Щобы всех простых хрисьян прожитоцьных,
Щобы за здравье щобы ели, пили, кушали
Не за князя щобы́, не за княгину-ту, —
Щобы за славного могуцёго бога́тыря.

16

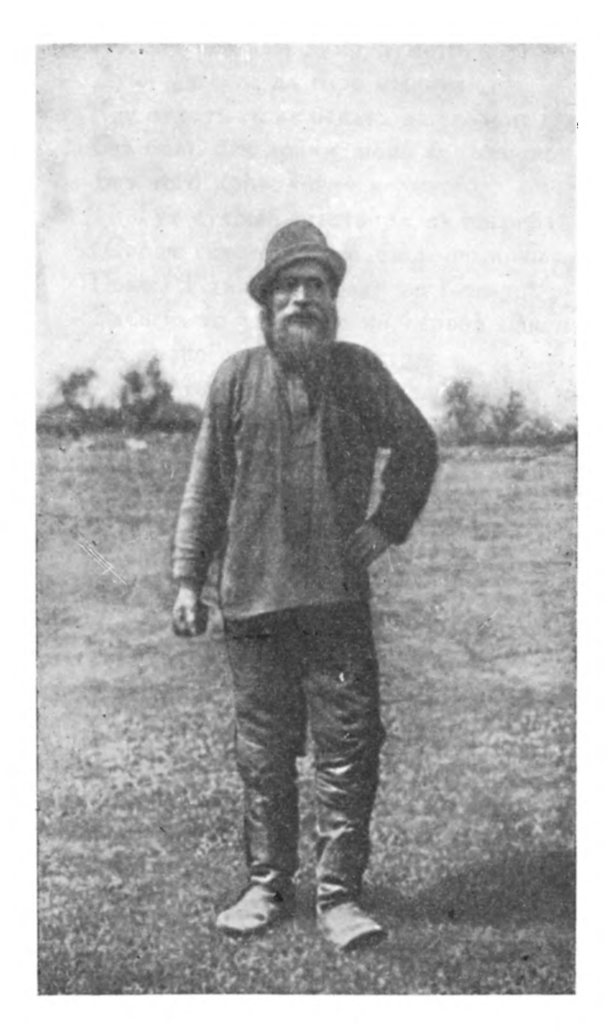
Про татарское нашествие

Подымалось чудищо не ма́лоё,
Да как и не малоё да не великоё.
Да голова у него да как пивно́й котел,
Да как глаза у него да как пивны́ цяши́,
Да промежу ушами калена́ стрела,
Да промежу глазами пядь бумажныя,
Да уж и плечи у него да как коса сажень,

Да как и коса саже́нь нонче печатная.
Набирал набор он ровна три́ года:
У которого было́ ведь семь сынов,
Он ведь шесть сынов ноньче себе берет,
А шестого дома он оста́вливал,
Да отцу-матушки́ да на пропи́танье.
У которого ведь было шесть сынов,
Он ведь пять сынов ноньче себе берет,
А шестого дома он оста́вливал,
Да отцу-матушки да на воспи́тание.
У которого было ведь пять сыно́в,
Он четыре ноньче ведь себе берет,
А пятого дома оста́вливал
(До одинака́ всё так).
Он ведь набрал силы много-множество:
Впереди его на сорок тысечей,
По право́й его руки́ да сорок тысечей,
По лево́й руки́ да сорок тысечей,
Да позади его да чи́слу-сме́ты нет.
Он пришел ко городу ко Киеву,
Што под те под стены он ведь каменны,
Он садился нонь да на ременчат стул,
Он писал ерлык да скорописчатой,
Он ведь просит у них да стольне Киев-град
Без бою, без драку, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Он послал посла да скоро-на́скоро:
— Да ты поди, посо́л, да скоро-на́скоро
Церез сте́нушку да городо́вую,
Мимо башенки да наугольнея.
У ворот не спрашивай воротников,
У дверей не спрашивай придверников,
Ты уж в гридню иди и лиця не чьти
(Прежде у князей так комнаты те назывались — гридни),

Да лиця не чьти, богу не кланейся,
Да ерлы́к на стол клади да сам вон иди.
Говори ты речь да не с упа́дкою,
Не с упадкою да не с охваткою
(Это наказывал Идолищо-то).
Пошел, пошел да скоро-на́скоро
Через стенушку да городовую,
Мимо башенки да наугольнея.
У ворот не спрашивал воротников,
У дверей не спрашивал придверников,
В гридню идет и богу не кланеетця,
Да ерлык на стол кладет да сам и вон идет,
Говорит речь да не упа́дкою,
Не с упадкою да не с охваткою.
Брал тут ноньце да Владимир-князь,
Брал ерлык да он прочитывал:
— Как пришло нонь поганое Издолищо
Ко тому ко городу ко Киеву,
Он и нагнал силы он несметные,
Он и просит нонь да стольне Киев-град
Без бою, без драки он, без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Тут-то князь и опечалился,
Да сам-то говорит да таково́ слово́:
— Кабы был по-прежнему Илья́-казак,
Илья́-казак, Илья Муромец
(Илья-то Муромец в погребе ведь засажо́н был).
Пособил-ка мне да думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать или не отдать стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Говорит кнегина тут Апра́ксея:
— Што батюшка нынь Владимир-князь.
Сходи-тко ты во глубок погрёб,

Не жив ли там Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович?
Как Владимир-князь красно солнышко
Пошел-то он да во глубо́к по́греб.
Открывали замки да всё немецкия,
Как снимали плеты́ железныя,
А сидит там стар, весь волосом оброс
(Книгу читат).
Падал тут князь на ко́ленки
Перед стары́м Ильей Муромцем,
Да низко ему поклоняитце:
— Уж ты батюшко наш стары́й казак,
Стары́й казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати:
Как пришло ко городу ко Киеву
Да поганое Издолищо,
Он нагнал силы много мно́жества,
Он ведь просит у нас да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Тут сидит-то старый — очей низвёл.
Побежал-то он ко кнегине Апраксине:
— Уж ты матушка кнегина Апраксина,
Ты поди-тко во глубо́к по́греб —
Там есь жив стары́й казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Попроси да ты его уж милости!
(Она его всё содержала, всё кормила).
Пошла кнегина тут Апраксина,
Пала она на коленки перед погребом:
— Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Наш стары́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!



Максим Григорьевич Антонов.
(Былины 16, 41, напевы 6, 17).

Пособи-тко нам думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Как отдать-то не отдать да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Тут старый выскочил из погреба.
(Сорок сажен погреб был, выскочил ещо выше)
Пошел Илья по городу по Киеву.
Забега́л-то князь да во перво́й нако́н.
Да низко ему поклонеитця:
— Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Старый казак Илья Муромец!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать или не отдать да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Идет-то старый, очей низвёл
(Не остановился, осерчал на его).
Забега́л-то князь во второ́й нако́н,
Ищо того ниже поклоняитце:
— Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Стары́й казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать иль не отдать стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кроволития великого.
Идет-то старый, очей низвёл.
Забега́л-то князь во трете́й нако́н,
Ищё того ниже поклоняитце:
— Уж ты батюшко наш стары́й казак,
Наш стары́й казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!

Пособи-тко мне думу думати,
Думу думати да горе мыкати,
Отдать иль не отдать стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без се́ценья,
Без того кровопития великого.
Я тебе-то жалую
Пятьдесят бочек зелена́ вина,
Пятьдесят-то бочек пива пьяного,
И пятьдесят боценков меду сладкого
(Жалует это князь),
Пли́су-бархату да на бело́й шатер.
Тут-то стар остоялся,
Говорит-то он таково́ слово́:
— Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
Со боярами да с толстобрюхими
(Бояра нажалили, прежде ведь было бояр!)
Попросите сроку на три́ года́
(Илья-то Муромец сказал).
Попросили сроку на три́ года́, —
Не дават поганый Издолищо на три месяца.
— Попросите сроку на три месяца!
Не дават ведь сроку на двенадцеть дён
(Войско нет, где скоро заве́рнешь?
Ишь сколько чудовищ было!).
— Попросите сроку на двенадцеть дён,
А на тринадцатый бою-драке быть.
Да призвал тут стар Добрыню Никитича:
— Ой еси, Добрыня Никитич млад,
Обседлывай ты своего добра коня,
Двенадцать дён объезжай всю вокруг землю́,
Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывай по укра́инам,
Забирай всё русских могуцих бога́тырей.
Обседлал Добрыня добра́ коня́,
Объеждял он в двенадцать дён всю вокруг землю́,

Всю вокруг землю́, повселенну всю,
Захватывал по украинам,
Забирал всё русских могуцих бога́тырей.

Ну вот он объехал в двенадцать дён и набрал, тут был Олёша Попович, Саксон Колыбанович, братья Суздальцы.

Как на утре-то было ранёшенько,
На светлой зори раноутренней
(Сейчас у их тут будет бой),
На выкате солнышка красного,
Вставал-то старый со постелюшки,
Умывался он да ключевой водой,
Утирался полотёнышком беленьким,
Помолился спасу преображенскому,
Божьей матушки да богородицы,
Ходил на улицу широкую
Да смотрел и здрел да во чисто́ полё:
Как неверно собранье да скошевалось,
Да оно стоит да в боевых ряда́х.
Забега́л-то стар да во бело́й шатер:
— Уж вы братьица мои да товарыщи!
Вы обсёдлывайте нонь да добры́х коней,
Надевайте латы вы булатныи,
На шеи кольцуги позолоцены,
Да берите палицы железныи,
Да берите сабельки вострыи,
Да берите копья немецкия,
Да берите ножи́що-чинжалищо.
Говорит тут стар да таково́ слово́:
— Ой еси, Добрыня Никитич млад,
Ты останься во бело́м шатре́,
Берегци́, стерегци́ бело́й шатер,
Потому што конь твой приубегался,
А ты на кони приуездилси.
Помолились спасу превышнему,
Божьей матушке да богородицы,

Дружка с дружкой распростилися
(Бат, не один живой не приедет!)
Говорит тут стар да тако́во слово:
— Я поеду се́редь ма́тицы
(Это, вишь, середкой),
А вы поезжайте по укра́инам.
Если бог нам будет нынце на́ помощь,
То рубите силу вы без вы́вету
(Не щадит никого).
Поехал стар-то середь ма́тицы,
Остальня дружина по укра́инам.
Поганой Издолищо заметалосе,
Не знать оно засыпаетси,
Не знать оно оглупаитси.
Махнул-то стар да саблей во́строю,
Слетела голова, как пуговиця
(Того убил).
Они рубили силу ту без вы́вету,
Днем вырубили да́ рано,
Приезжают они ко белу́ шатру́.
Было тут два братца да два Суздальця,
Их на дело не бывало и не видано.
Они пора́то пририсхвасталися:
— Кабы было во матушки во сырой земли золото кольцо́,
Повернули мать сыру́ землю́
(Хвастливо-то слово, видишь, мимо живё).
А была бы на небо лесница,
Присекли силу всю небесную!
Говорит-то стар да тако́во слово́:
— За эти за́ реци за похвальные
Всем завтра нам придетца лежать да во чисто́м полю́.
На утре-то было ране́шенько,
На светлой зори раноутренней,
На выкате солнышка красного,

Стал-то старый со постелюшки.
Умывался он да ключевой водой,
Утирался полотёнышком беленьким,
Помолился спасу преображенскому,
Божьей матушки да богородицы.
Выходил на улицу широкую,
Посмотрел и здрел да во чи́сто полё:
Как неверно собранье скошева́лосе,
Которого секли они на́трое,
Тот втроем садится на одну́ лошадь;
Которого секли на́двое,
Тот вдвоем садится на одну́ лошадь.
Забегал тут стар да во бело́й шатер:
— Уж вы братьица мои товарыщи,
Не докуль вам спать — пора́ вставать!
Я ведь был на улице широкое,
Я смотрел и здрел да во чисто́ полё,
Там неверно собранье нынче ожило:
Мы которого секли ведь на́трое,
Тот втроем садится на одну́ лошадь;
Которого секли мы на́двое,
Тот вдвоем садится на одну́ лошадь,
А поганое Издолищо о трех главах.
За вцерашние за реци за похвальныя
Всем нам будет лежать во чисто́м поли́.
Говорит тут стар да таково́ слово́:
— Вы обсе́длывайте нонече добры́х коне́й,
Не оставлю Добрыню во бело́м шатре́
Берегци́, стерегци́ бело́й шатер.
Помолились спасу ведь превышному,
Божьей матушки да богородицы,
Дружка с дружкою распростилиси.
Говорит тут стар да таково́ слово́:
— Я поеду по укра́ину,
А вы поезжайте середь ма́тицы,

Если бог нам будет на́ помощь,
Вы рубите силу нунь без вы́вёту.
Стар поехал по укра́ину,
А дружина поехала середь ма́тицы,
Поганое Издолищо заметалосе,
Не знать оно засыпаетсе,
Не знать оно оглупаетсе.
Махнул-то стар да саблей вострою,
Сле́тели головы, как пуговицы
(Три головы его отсекли).
Они рубили силу нунь без вы́вету,
Не мало не много — двенадцеть дён
(Ишь ведь дело!),
Не пиваючи и не едаючи,
И опочив они не де́ржали
(Без отдыху без всякого. И ничего они не де́ржали, не́ спали).
Приезжают они ко белу́ шатру,
Не приехало два братця, два Суздальця
(Которы-то хвастались).
Тем и кончилось.

17

Илья Муромец и Кудреванко

Из-за дале́-дале́чё, да из чиста́ поля́,
Да што из того же широкого раз́дольиця,
Да из проклято́й орды,
Да поднимался-то вор-собака, злой неверной пан,
Злой неверной пан да молодой солтан да сын Солтановиц,
Кудреван да царь да Кудревановиц.
Де он со многою силой войска многа-множеством,
Де сорок королей, сорок королевичей,

Де сорок же князей, сорок князевичей.
Ка́женому королю и королевицю
Де как давал он войска-силушки тысяцей по соро́к.
Де ка́жиному князю и князевицу
Де как давал же войска-силушки тысеча по соро́к,
Де под самим-то, под собакой, цисла-смету нету.
Де и как пошел вор-собака де он под Киев-град,
И не путем он шел да не дорогою,
Де как шел дорогами шел посторонима,
Посторонима да прямоезжима.
Де как полотном мать сыра земля от войска изгибалася,
Да на зеле́ныя луга вода от грузу розливалосе,
Де солнышко и луна нонце по̆меркла
Де што от духу человецьего,
Де све́тла месяцо как и поме́ркло же
Де всё от пару от лошадиного.
Де подошел вор-собака де он под Киев-град,
И становился он да на чисто́м поли,
Де как и роскидывал он да тут белы́ шатры,
Де как белы́ шатры, то̆нки поло́тнены.
Де становили они окольный стольницок,
Де тут писали они да скоры́й ерлык,
Де скоры́й ерлык да скорописцотый.
Не пером оне писали да не цернилами.
Де как писали-то красным золотом,
Красным золотом да всё ордынскиим.
Тут просили они у Владимера-та князя́
От города от Киева да отступитесе
Без бою да без драки и без се́чения,
Да без большого такого кроволитиця.
Тут и приараздвинется да мать сыра земля,
Де как приужжот она силушку Кудреванку
Де как посылали они ведь тут скора́ посла,
Де ехал и скорой посол на широкой двор.
Остановилсе он да у красна́ крыльця,

Де тут привязывал да он резва́ коня за колецушка
булатныя,
И де што за ту же он привязку богатырьскую.
Де сам и некого он тут не спра́шивал,
Де ни подворотников, ни придверников,
И заходил и он во светлу гриднюшку.
Ведь он, невежа, богу-то не молитце,
Де со Владимером-князём да не здороваетце,
Он и тут целом не бьет.
И у Владимера-князя во светлой гриднюшке
Стоял окольный стольницок,
И подходил он ко стольницку,
Де как выбросил он де тут да скорый ерлык,
Де как сам назад он пе́тился,
Да ище скоро и вон пошел.
И у Владимера-князя в то времё никого не погодилосе,
Де погодился только как один Олешенька Поповиць блад.
— Уж и ты ой еси, Олешенька Поповиць блад!
Да ты бери-тко-ся скорый ерлык да скорописчатый,
Да ты скорей да распецятывай,
Да поскорей ищо да ты прочитывай,
Да и поскорей ищо Владимеру-ко вёстку дай.
И как брал он тут скорый ерлык,
И скоро он да распецятывал,
И скорёхонько он да тут процитывал,
И поскоре ищо Владимеру он вёстку дал:
— Уж вы ой еси, Владимер-князь,
Владимер-князь да стольнё-киевский!
Как во цистом-то поли-то у нас деется нехо́рошо:
Де подошел и к нам вор-собака да злой неверной пан,
Де злой неверной пан, да молодой солтан,
И молодой солтан да сын Солтановиць,
И Кудреванко-царь да Кудревановиць,
И он со многою войска многа-множеством,
И он и просит и у вас от города от Киева да отсту́питьца

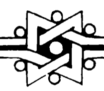
Всё без драки и без сéченья,
И де без большого такого кроволитиця.
— А уж и ты ой еси, Олешенька Поповиць блад!
Ты поди-тко на конюшей двор,
Да ты оседлай-ка два резвы́х коня,
Да на поедём-ка с тобой смотреть да силу Кудреванкову.
Де тут пошел Олешенька на конюшей двор,
И выбирал и он да два резвы́х коня.
Де как накладывал и он да два седелышка,
Де два седелышка да всё черкальские,
Да тут и застéгивал он двенадцати прядоцек серебреных
Да двенадцать же прядоцек жемчужныих,
И ведь тринадцату прядоцку церез хребетунцу,
Де ту не для ради басы́, а для ради крепости,
Де штобы бродягами нам не набродитеся.
Де уж видели мы тут посéдку молодецкую,
Де не завидели мы поездки богатырские,
И де только в цистом поле-то пошла курева́ столбом.
Де как отъехали от города от Киева,
Де тут завидели силушку Кудреванкову,
Де устрашились, поворота дали да и назад едут.
Де на красно́м крыльци стоит Опраксея да королевишня.
— Уж вы здорово ли, добрые молодцы, ездили?
— Уж ты ой еси, Опраксея-королевишня!
Де мы оступимся-ко с тобой города-то Киева.
Мы побежим-ко на горы на высокия,
Да што на те же мы горы на окатисты.
Де што на те же мы дорожки прямоезжия,
Де што на те же росста́ни богатырские.
— Де уж вы ой еси, Владимер-князь,
Да Владимер-князь да стольнё-киевский,
Как пошто же нам с тобой бежать до делышка?
Де ты пойди-тко-сь во божью церьков,
И ты молись-ка богам нашим могуциим:
Спасу да де прецистому,

Де пресвятой девы-то матери божьей богородице
Да не помилуёт ли нас госпо́дь?
Де тут пошел он во божью́ церьков,
Де как молился он спасу тут пречистому,
Де пресвятой девы-то матери божьей богородице,
Де помолился — из церкви-то вон пошел.
А де как настрецу ему идет старой-старенькой,
И старый-старенькой да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць:
— И уж вы здраствуйте и Владимер-князь,
Владимер-князь да стольнё-киевский!
— Уж и здрастуй же и старой-старенькой,
Старой-старенькой Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Ивановиц!
— И уж вы што же, Владимер-князь, у нас да не по-старому?
Всё не по-старому да не по-прежнему?
— Уж ты ой еси, старой, старой-старенькой,
Старый-старенькой Илья Муромец,
Да Илья Муромец, сын Ивановиц,
Как где же мне быть по-старому?
Де же мне быть ноне по-старопрежнему?
Как во чистом поле у нас деется нехо́рошо:
Как подошел к нам злой собака, злой неверной пан,
Да злой неверной пан, да молодой солтан,
И молодой солтан да сын Солтановиц,
Кудреван-то царь да Кудревановиц,
И он со многою войска многим-множества,
И просит и у нас-то города-то Киева,
Да отступиться да без драки да всё без се́ченья,
Да без большого такого кроволитиця.
— Уж вы ой еси, Владимер-князь стольне-киевской!
Уж как ты про эфто да мне не сказывай:
Да ездил я смотрел силу Кудреванкову
Де из подзорной трубоцки да три́ дни я и три́ ноци,

И де как не мог я тут цисла-смету дать.
Де как откати ты мне сорок бочек да зелена́ вина.
Де как откати-ка де сорок бочек пива пьяного.
Де сорок бочек меда сладково.
— А де уж ты ой еси, старой-старенькой.
И старой-старенькой да Илья Муромець.
Илья Муромець да сын Ивановиц!
Как всё преже от тебя было не за́перто
Так и ноне от тебя всё не за́мкнуто,
То ты бери-тко-сь, сколько тебе надобно.
Тут он пошел старый-старенькой да ко резву́ коню.
Де как поехал он де <в> цисто́ полё,
Де он роскидывал да тут бело́й шатер,
Бело́й шатер тонкой поло́тненой,
Де откатил он сорок боцек да зелена́ вина.
Де сорок же боцёк да пива пьяныго,
Де сорок же боцёк да меда сладково,
Де сам поехал он на горы да на высокия.
Де што на те же горы да на окатистые.
Што на те же он дорожки прямоезжия.
Де што на те же он росста́ни бога́тырьския
Де как роскидывал он да тут скоры́ ерлыцки.
Де собиралосе добрых молодцев во бело́й шатер
Де семьдесят без е́дного, —
Де старый-старенькой семидесятой был.
Де они 'де пили-ели, де тут и спать легли.
Де как у старого-то старенького
Зазнобушка была на́ серци́.
Де как ставал он поутру ранехонько:
— Уж вы ой еси, братцы вы добрые молодцы!
Де мы поедемьте-ко-ся сбить силу Кудреваныку.
Де поезжаете вы с фланку правого и левого,
А я поеду в серединушку силушки Кудреванковой
Де как засвистит моя вострая сабелька.
Де затальця́т мои серебрены колечушка.

Так уж вы бейте, секите, кто сколько можете,
А как не засвистит моя вострая сабелька,
Де как и не сбрякают мои серебрены колечушка,
Так вы не задевати лучше силушки Кудреванковой,
А поезжайте вы хыть хто куды знаите.
Де как поехал старый-старенькой,
К серединушки силушки Кудреванковой, —
Де в то время было ему старенькому лет ста семидесяти.
Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой
И одной рукой подал Кудреванку скоры́й ерлык,
Де как другой рукой он успел Кудреванку снять и голову.
Да засвистела тут вострая сабелька,
Де затальце́ли тут серебрены колечушка,
Де бились они дрались три дня и три́ ноци,
Де без пи́тенья да без е́денья,
Да победили тут силушку Кудреванкову.
Де собрались опять добры молодцы во бело́й шатер,
Де опеть де пили де ели тут и спать легли.
Де старой-старенькой он ставал да тут ранехонько,
Де выходил и он да из бела́ шатра́,
Де тут смотрел он в подзорную трубоцку.
Де увидал и он в цистом поле да два удалы́х,
Два Ивана, да два Ивановиця,
Де потешаются они булатной палоцькой:
Де как выбрасывают ей цють выше лесу дремучего,
Де цють пониже облака ходе́чего,
Да похвалютца они да не больми словьми:
Де как первой-то го́ворит:
— Кабы был-стоял в матери сырой земли да колокольный столп,
Де поворо́тил бы и я всю мать сыру́ землю.
Де как другой-от го́ворит:
— Кабы стояла бы на небо лестниця,
Дак там бы я залез и всех присек.
— Да как за эфто нас господь да не помилуёт.

Да тут восстала опеть силушка Кудреванкова
Де кого били и секли на́двоё, де тех двоё стало.
Де кого били, секли на́троё, да тех троё стало.
Де опеть съехались добрые молодци,
Де они бились и дрались шесть дней и шесть ноцей
И де без пи́тенья да всё без е́денья,
Да тут стали резвы́ кони бро́дить в крови до резва́ брюха.
Де тут приураздви́нулась и мать сыра земля,
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову
Ну больше конець.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

18

Илья Муромец и Идолище

Приезжал Одолище поганое в стольно-Киев-град
Со грозою со страхом со великиим,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру
И говорил посланник таковы слова:
— Ты Владимир-князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто́ поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться.
Тут Владимир-князь ужа́хнулся,
Приужа́хнулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
— Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
Поеду я в раздольице чисто́ поле,
И убью-то я Идолища поганого.

Обул Илья лапо́тики шелко́вые,
Подсумок одел он черна бархата,
На головушку надел шляпку земли греческой,
И пошел он ко Идолищу к поганому.
И сделал он ошибочку не малую:
Не взял с собой палицы булатния
И не взял он с собой сабли вострыя;
Идет-то дорожкой — пораздумался:
— Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка не времячко,
И с чим мне с Идолищем будет поправиться?
На тую пору на то времячко
Идет ему в стрету каличище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд.
Говорил ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мне клюхи на времячко, —
Сходить мне к Идолищу к поганому.
Не дает ему каличище Иванище,
Не дает ему клюхи своей богатырскоей.
Говорил ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
Сделаем мы бой рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана,
Я тобя убью, мне клюха и достанется.
Рассердился каличище Иванище,
Здынул эту клюху выше головы,
Спустил он клюху во сыру землю,
Пошел каличище — заво́рыдал.
Илья Муромец одва достал клюху из сырой земли.
И пришел он во палату белокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас бога́тырь Илья Муромец?
Говорит ему Илья таковы слова:
— Толь велик Илья, как и я.
Говорит ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?
Говорит Илья таковы слова:
— По стольку ест Илья, как и я.
По стольку пьет Илья, как и я.
Говорит ему Идолище поганое:
— Экой ваш бога́тырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю.
Говорил ему Илья таковы слова:
— У нашего Ильи Муромца батюшка был крестьянин.
У ёго была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула.
Это Идолищу не слюбилося:
Схватил свое кинжалище булатнее
И махнул он в калику перехожую
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромец в сторонушку малешенько,
Пролетел его мимо-то булатний нож,
Пролетел он на вонную сторону с простеночком.
У Ильи Муромца разгорелось сердце богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли греческой,
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на́ полы.
Тут ему Идолищу славу поют.

19

Илья Муромец и Идолище

Как сильноё могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросóлиму.
Как господу там богу помолитися,
Во Ёрдань там реченки купатися,
В кипарисном деревци сушитися,
Господнёму да гробу приложитися.
А сильнё-то могучо Иванищо,
У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюша-то у его ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотци поплётены
Каменья-то были самоцветныи.
Как меженный день да шел он по красному солнышку,
В осенну ночь он шел по дорóгому каменю самоцветному.
Ино тут это сильноё могучеё Иванищо
Сходил к городу еще Еросóлиму,
Там господу-то богу он молился есть,
Во Ёрдань-то реченки купался он,
В кипарисном деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он Иван поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от град.
Как тут было еще в Царú-гради
Наехало погано тут Идолищо,
Одолели как поганы вси татарева,
Как скоро тут святыи образа были поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьúх-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху.

Вытащил погана на чистó поле
А начал у поганого доспрашивать:
— Ай же ты, татарин да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолищо,
Велик ли-то он ростом собой да был?
Говорит татарин таково слово:
— Как есть у нас погано есть Идолищо
В долину две сажени печатныих,
А в ширину сажень была печатная,
А головúщо что ведь люто лохалищо,
А глазища что пивныи чашища,
А нос-от на роже он с локоть был.
Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросил он ёго в чисто полё,
А розлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванищо вперед опять,
Идет он путем да дорожкою,
На стречу тут ему да стречается
Старыи казак Илья Муромец:
— Здравствуй-ко ты, старыи казак Илья Муромец!
Как он ёго ведь тут еще здравствует:
— Здравствуй, сильноё могучо ты Иванищо!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой да путь держишь?
— А я бреду, Илья еще Муромец,
От того я города Еросóлима.
Я там был ино господу бóгу молился там,
Во Ёрдань-то реченки купался там,
А в кипарисном деревци сушился там,
Ко господнему гробу приложился был.
Как скоро я назад тут поворот держал.
Шел-то я назад мимо Царь-от град.
Как начал тут Ильюшенка допрашивать,
Как начал тут Ильюшенка доведывать:

— Как всё ли-то в Цари́-гради по-старому,
Как всё ли-то в Цари́-гради по-прежному?
А говорит тут Иван таково слово:
— Как в Цари-гради-то нуньчу не по-старому,
В Цари́-гради-то нуньчу не по-прежному.
Одолели есть поганыи татарева,
Наехал есть поганое Идолищо,
Святыи образа были́ поколоты,
В черныи грязи были́ потоптаны,
Да во божьих церквах там коней кормят.
— Дурак ты, сильноё могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки половинки нет.
За первыя бы речи тебя жаловал,
За эты бы тебя й на́казал
По тому-то телу по на́гому!
Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?
Как ино скоро розувай же с ног,
Лапотци розувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьяныи.
Сокручуся я каликой перехожею.
Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
— На-ко, сильноё могучо ты Иванищо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты езди ль, хоть водком води,
А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
Живи-то ты на уловном этом ме́стечки,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд.
Не до́йдет тут Ивану розговаривать,
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
Взимат-то он от ёго тут добра коня.

Пошел тут Ильюшенка скоры́м-скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Как приходил Ильюшенка во Царь-от град.
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто полё,
Как начал у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолищо?
Как говорит татарин таково слово:
— Есть у нас поганоё Идолищо
А росту две саже́ни печатныих,
В ширину саже́нь была печатная,
А голови́що что ведь лютое лохалищо,
Глазища что ведь пивныя чашища,
А нос-от ведь на рожи с локоть был.
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он ёго во чисто́ поле,
Розлетелись у ёго тут косточки.
Как тут-то ведь еще Илья Муромец
Заходит Ильюшенька во Царь-от град,
Закрычал Илья тут во всю голову:
— Ах ты царь да Костянтин Боголюбо́вич!
А дай-ка мне калики перехожии
Злато мне, мило́стину спасе́ную.
Как ино царь-он Костянтин-он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зра́дуется.
Как тут в Цари́-гради от крыку еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошаталися,
Хрустальнии оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужа́хнулось.
Как говорит поганой таково слово:
— А царь ты Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика перехожая?
Говорит тут Костянтин таково слово:

— Это есте русская калика зде.
— Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пой его,
Надай-ко ему ты злата-серебра,
Надай-ко ему злата ты до́люби.
Взимал он царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил-поил калику, зрадова́ется,
И сам-то он ему воспрого́ворит:
— Да не красное ль то солнышко поро́спекло,
Не млад ли зде светел месяц поро́ссветил?
Как нунечку-топеречку зде еще
Как нам еще сюда показался бы
Как старыи казак здесь Илья Муромец.
Как нунь-то есть было топеречку
От тыи беды он нас повыручит,
От тыи от смерти безнапрасныи!
Как тут это поганое Идолищо
Взимает он калику на доспрос к себи:
— Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас бога́тырь есть,
А старыи казак есть Илья Муромец?
Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зелена́ вина?
Как тут эта калика было русская
Начал он калика тут высказывать:
— Да ай же ты, поганоё Идолищо!
У нас-то есть во Киеви
Илья-то ведь да Муромец
А волосом да возрастом ровны́м с меня,
А мы с им были братьица крестовыи,
А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,
А пьет-то зелена́ вина на три пятачка на медныих.

— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!
А был бы-то ведь зде да бога́тырь тот,
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверху́ прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!
Как я-то еще ведь Идолищо
А росту две сажени печатныих,
А в ширину-то ведь сажень была печатная.
Головищо у меня да что люто лохалищо,
Глазища у меня да что пивныи чашища,
Нос-от ведь на рожи с локоть бы.
Как я-то ведь да к выти хлеба ем
А ведь по три-то печи печоныих,
Пью-то я еще зелена́ вина
А по три-то ведра я ведь мерныих,
Как штей-то я хлебаю — по яловицы есте русскии.
Говорит Илья тут таково слово:
— У нас как у попа было ростовскаго
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пила, тут и трёснула.
Тебе-то бы поганому да так же быть!
Как этыи тут речи не слюбилися,
Поганому ему не к лицу пришли,
Хватил как он ножищо тут кинжалищо
Со того стола со ду́бова,
Как бросил ён во Илью-то Муромца,
Что в эту калику перехожую.
Как тут-то ведь Ильи не дойдет сидеть,
Как скоро ён от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал.
Как пролетел тут ножик да мимо-то.
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во си́ни-ты,

Двенадцать там своих да татаровей
На мертво́ убило, дру́го ранило.
Как остальни татара проклинают тут:
— Буди трою проклят, наш татарин ты!
Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть.
Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать,
Помахиват Ильюша, выговариват:
Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружьё по плечу пришло.
А бье́т-то, сам Ильюша выговариват:
— Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не́ рвется.
Начал он поганых тут охаживать
Как этыим поганыим Идолищом.
Прибил-то он поганых всих в три́ часу,
А не оставил тут поганаго на си́мена.
Как царь тут Костянтин-он Боголюбович
Благодарствует его, Илью Муромца:
— Благодарим тебя, ты старыи казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
От тыи от смерти безнапрасныи.
Ах ты старыи казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительстве,
Пожалую тебя я воеводою.
Как говорит Илья ёму Муромец:
Спасибо, царь ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя стольки́ я три часу,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимера.

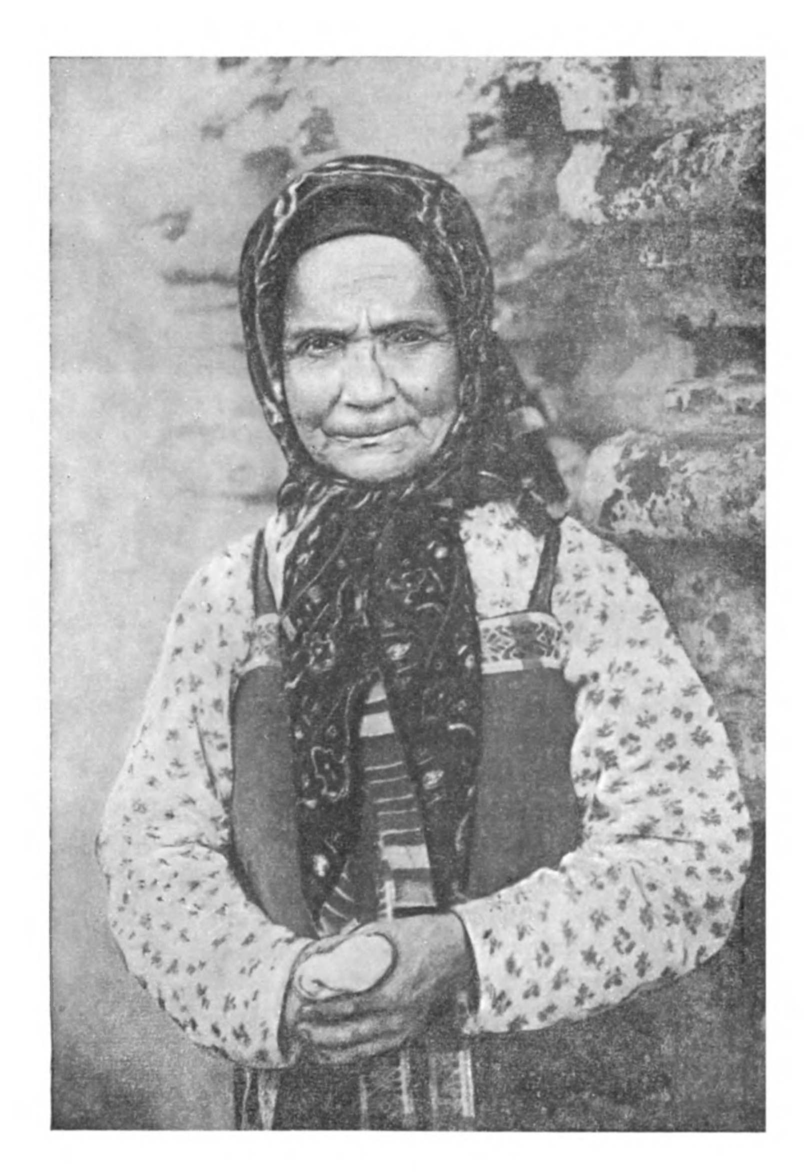
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкии,
А не выслужил-то я слова там гладкаго,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне́ зде-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оста́веш на дороженки.
Как царь-тот Костянтин Боголюбович
Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста се́ребра.
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе.
Высыпал-то в карман злато-се́ребро,
Тот ли-то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова:
— Это ведь мое-то зарабочее.
Как тут-то с ца́рём Костянтином распростилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал.
Придет он на уловно это ми́стечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с се́бя платья-ты каличьии.
Розувал лапо́тьцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надевал на ся платьица цве́тныи,
Взимал тут он к себе своего добра́ коня,
Садился тут Илья на добра́ коня,
Тут-то он с Иванищом еще распрощается:
— Прощай-ко нунь ты, сильноё могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганыих.
Да поехал тут Ильюшенка во Киев-град.

20

Илья Мурович и чудище

Было́ у нас во Царе́-гради́
Наехало проклятоё чудишшо.
Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А но́жишша как-быть лыжишша,
Да ручишша да как-быть граблишша,
Да гла́зишша да как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Тема́ же жалезами немецкима,
А связали его да руки белые
Тема же опутьями шолковыма,
Кнегину Опраксею в поло́н взяли́.
Во ту пору да во то времечко
Перепа́хнула вестка за реку-Москву,
Во тот же как ведь Киёв-град
К тому же ведь да к Ильи Муровичу:
— Да ой еси ты, Илья Мурович!
Уж ты знаёшь ли, про то ведаёшь?
Помёркло у нас да соньцо красное,
Потухла звезда да поднебесная:
И нынче у нас во Царе-граде
Наехало проклятое чудишшо;
А сам как он из семи аршин,
Голова его да как пивной котел,
А ножишша как-быть лыжишша,
А ручишша как-быть граблишша.
А глазишша как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвы же
Тема́ жа жалезами немецкима,

Связали его руки белые
Тема́ же опутьями шолко́выма,
Кнегину Опраксею в поло́н взяли́.
Да тут же ведь да Илья Мурович
Надеваёт он тут платьё цве́тное,
Выходит на середу кирпицнею,
Молитсе спасу пречистому,
Да божьей матери, богородице.
Пошел Илья на конюшон двор
И берет как своего добра́ коня,
Добра́ коня со семи цепей;
Накладыват уздицу тасмяною,
Уздат во уздилиця булатные,
Накладыват тут ведь войлучек,
На войлучек он седелышко;
Подпрягал он двенадцать подпруженёк,
Ишша две подпружки подпрягаютси
Не ради басы́, да ради крепости,
Не сшиб бы бога́тыря доброй конь,
Не оставил бы бога́тыря в чисто́м поли.
Да скоро он скачёт на добра́ коня;
У ворот приворотников не спрашивал
(Они думали, поедет воротами),
Да он машот через стену городову жа.
Едёт он по чисту́ полю, —
Во чистом-то поли да курева́ стоят,
В куревы́-то бога́тыря не ви́дети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-то ночь до бела́ свету,
Не пиваючи он да не едаючи,
Добру́ коню отдо́ху не даваючи.
Конь-от под им как подпинатьсе стал.
Бьет он коня и по тучни́м ребрам:
— А волчья сыть, травяной мешок!
А што тако подпинаишьсе,



Мария Дмитриевна Кривополенова.

(Былины 14, 20, напевы 5, 8).

Надо мной, над бога́тырём надсмехаишьсе?
  А конь скочил, — за реку перéскочил.
А прошло три дороги широких-е,
А не знат Илья, да куда ехати.
А во ту пору, во то времечко
Идет как калика да перехожая,
Перехожа калика безымянная.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты здравсвуёшь, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А где ты был, да ты куда пошел?
  Отвечает калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
— Я иду ведь тут из Царя́-града,
Я пошел ведь тут во Киёв-град.
  Говорил как тут да Илья Мурович:
— Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
А што у вас да во Царé-гради?
Ишша всё ли у вас там по-старому,
Ишша всё ли у вас там по-прежному?
  Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
— Уж ты ой еси, да Илья Мурович!
А у нас ведь нынь во Царé-гради
Не по-старому, не по-прежному;
А потухло у нас сонцё красноё,
А помёркла звезда поднебесная:
Как наехало проклятоё чудишшо;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
А и ножишша как-быть лыжишша,
А и ручишша как-быть граблишша,
А и глазишша как-быть чашишша.
У царя Констянтина Атаульевича

Ишша скованы ноги резвые
А тема жа жалезами немецкима,
Ишша связаны руки белые
А-й тема́ опутьями шолко́выма.
Говорит как тут Илья Мурович:
— Уж ты ой еси, калика перехожая,
Перехожа калика безымянная!
Ишша платьем с тобой мы поменяимсе:
Ты возьми у мня платье богатырскоё,
А отдай мине платьё калицькое.
Говорит как калика перехожая:
— Я бы не́ взял платья богатырьского,
Я бы не отдал платья калицького,
А едино у нас солнышко на́ неби,
А един у нас могу́т богаты́рь —
А старо́ казак да Илья Мурович;
А с тобой с Ильей дак и слова нет.
Они платьём тут да поменялисе,
Ишше тут же ведь Илья Мурович
Он ведь скинул платьё богатырскоё,
А одел себе платье калицькоё
И оставил калики добра́ коня.
Он ведь сам пошел тут каликою:
Ишша клюцькой идё подпираитсе,
Ишша клюцька под им изгибаетсе.
Говорит тут Илья Мурович:
— Не по мне ета клюцька и кована,
Ишша мало жалеза ей складено,
Ишша сорок пуд во единый фунт.
(Не худой, видно, сам был).
А идет как калика да по Царю́-граду;
А скрыцял как он да по-калицькому,
Засвистел как он по-богатырьскому, —
А проклятоё тут чудишшо
Оно чуть сидит на лавици.

И та же калика перехожая
А идет ведь к чудишшу в светлу́ гридню́.
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици,
А сидит проклятоё чудишшо,
А сидит оно ведь на лавици,
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
Ишша ножишша как-быть лыжишша,
Ишша ручишша как-быть граблишша,
Ишша глазишша как-быть чашишша.
Говорит как проклятое чудишшо:
— Уж ты ой еси, калика перехожая!
Уж ты где ты был, куды ходил?
— Уж я был во городи во Киеви
У стара казака да Ильи Муровича.
Говорит как тут ведь ишше чудишшо:
— А каков у вас и могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович?
Говорит калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
— А таков у нас могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович:
А в один мы день с им родилисе,
А в одной мы школы грамоты училисе,
А и ростом он такой, как я.
Говорит проклятоё чудишшо:
— Ишша много ли он хлеба к выти съес<т>?
Говорит калика перехожая:
— От ковриги краюшечку отрушаёт,
А и той краюшкой троё сутки живет.
Говорит проклятое чудишшо:
— По сторублевому быку да я ведь к выти ем!
Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика да безымянная:

— У нас у попа была коровушка обжориста.
Да много жорила, ей и ро́зорвало!
Говорит проклятое чудишшо:
— Я и буду в городе в Киеви,
Ишше буду я как баран тусён,
Как баран тусён, как сокол есён;
Стару казака да Илью Муровича
На доло́нь посажу, другой ро́схлопну, —
У его только и мокро пойдё.
Стоит как калика перехожая,
Он сымаё шляпочку воскрыньцату,
Он и взгрел чудишша по буйно́й главы.
Покатилась голова, как пивной котел.
Тут ведь па́велы и юла́велы,
Ишше та его сила неверна жа,
И схватили тут да Илья Муровича,
А сковали его ноги резвы жа
А-й тема жалезами немецкима,
А связали его руки белы жа
Тема же опутьями шолко́выма.
Говорит как тут да Илья Мурович:
— Уж ты спас, уж ты спас многомилослив,
Уж ты божья мать, богородица!
Уж вы што на меня да ек прогневались?
Приломал все жалеза немецкие,
Он прирвал опутьни шолко́вые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.
Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидыват окошечком на улочку,
Ишша сам он им приговариват:
— А пушшай ваши те ведь тулова
А-й серым волкам на розры́ваньё,
А черны́м врона́м на росклёваньё,

Ишша малым робятам на изры́ганьё.
  У царя Констянтина Атаульевича
Росковал у его да ноги резвые,
Розвязал у его руки белые,
А кнегину Опра́ксею назад ведь взял,
Посадил он их тут на царство жа.
А пошел как тут да Илья Мурович,
А приходит он ко меньшо́й реки
Ко тому калики перехожоё.
Ишша тут калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не можот он его конем владать,
А его коня в поводу́ водит.
Они платьём тут розменялисе:
Ишша тот ведь да Илья Мурович
Он ведь скинул платьё калицькоё.
Он одел ведь платье богатырское.
Ишша тут они разъезжалисе,
Ишша они тут роспрошшалисе;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надомно.

21

Илья Муромец в изгнании и Идолище

  Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у ласкового князя у Владимера,
Ишше были-жили тут бояра кособрюхие;
Насказали на Илью-ту всё на Муромця, —
Ай такима он словами похваляитце:
— Я ведь князя-та Владимера повыживу.
Сам я седу-ту во Киёв на ево место,
Сам я буду у его да всё князём княжи́ть.
  Ай об этом они с кня́зём приросспорили;

Говорит-то князь Владимир таковы реци:
— Прогоню тебя, Илья, да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва;
Не ходи ты, Илья Муромець, да в красён Киёв-град.
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
— А ведь при́дет под тебя кака́ сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская, —
Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю.
Ай поехал Илья Муромеч в цисто́ полё,
Из циста́ поля отправилсе во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Кача́рово,
Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки;
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет, три года.
Тут заслыше' ли Идо́лишшо проклятоё,
Ище тот ли цари́шшо всё неверноё —
Нету, нет Ильи-та Муромця жива́ три годицька.
Ай как тут стал-то Идо́лишшо подумывать,
Он подумывать стал да собиратьце тут;
Насьбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьчкою,
Насьбирал-то он ведь силу, сам отправилсе.
Подошла сила тотарьска-бусурманьчкая,
Подошла же эта силушка близёхонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.
Тут выходит тотарин-от Идо́лишшо всё из бела́ шатра.
Он писал-то ёрлычки́ всё скорописчаты,
Посылает он тотарина поганого.
Написал он в ёрлычках всё скорописцятых:
— Я зайду, зайду, Идо́лишшо, во Киев-град,
Я ведь выжгу-ту ведь Киев-град, божьи́ церькви;
Выбиралсе-то шьтобы́ князь из полатушок:
Я займу, займу полаты белокамянны,
Тольки я пушшу в полаты белокамянны —

Опраксе́юшку возьму всё королевисьню;
Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить.
Он тут скоро, тотарин-от, приходит к им,
Он приходит тут-то, тотарин, на широкой двор,
С широка́ двора в полаты княженецькия;
Он ведь рубит, ка́знит у придверьницьков всё буйны головы,
Отдавает ёрлычки́-то скорописчаты.
Прочитали ёрлыки скоро́, заплакали;
Говорят-то — в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайсе, удаляйсе, князь, ты из полатушок,
Наряжайсе ты на кухню варить поваром».
Выбиралсе князь Владимир стольнё-киечькой
Из своих же из полатушек круте́шенько;
Ай скоре́шенько Владимир выбираитце,
Выбираитце Владимир — сам слезами уливаетце.
Занимает[1] княженевськи всё полатушки,
Хочет взять он Опраксе́юшку собе в полатушку;
Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
— Уж ты гой еси, Идо́лищо, неверной царь!
Ты поспешь ты меня взять да во свои́ руки.
Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
— Я ува́жу, Опраксе́юшка, ешшё два де́ницька,
Церез два-то церез дня как будёшь не кнегиной ты,
Не кнегиной будёшь жить, — да всё царицою.
Match Рознемогсе-то во ту пору казак да Илья Муромець:
Он не мог-то за обедом пообедати;
Розболелось у ево всё ретиво́ серьцо,
Закипела у ево всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
— Я не знаю, отцево да незамог совсим.
Не могу терпеть жить-то у себя в доми;

[1] Идолище. (*Прим. собирателя*).

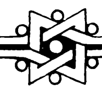
Надоть съездить, попроведать во чистó полё,
Надоть съездить, попроведать в красён Киёв-град.
Он сядлал, сбирал своёго всё Белéюшка,
Нарядил скоро своёго кóня доброго;
Сам садилсе-то он скоро на добрá коня,
Он садилсе во седелышко чиркальскоё,
Он ведь резвы свои ноги в стремёнá всё клал,
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромец,
Илья Муромеч поехал свет-Иванович.
Он приехал тут да во чистó полё,
Из чистá поля поехал в красён Киёв-град.
Он оставил-то добрá коня на широкóм двори,
Он пошел скорó по городу по Киеву,
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику, переброжую,
Попросил-то у калики всё платья́ кали́чьёго;
Он ведь дал-то ёму платье всё от радости,
От радости скинывáл калика платьицё,
Он от радости платьё от великою.
Ай пошел скорó Илья тут под окошоцько,
Под окошоцько пришел, к полатам белокамянным;
Закрыцял же он, Илья-та, во всю гóлову,
Ишше тем ли он ведь кры́ком богатырьским тут;
Говорил-то Илья да Илья Муромеч,
Илья Муромецъ да сам Ивановицъ:
— Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасéную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного,
Ради матери божьёй, царици-богородици.
Говорит-то Илья да Илья Муромецъ,
Говорит-то он, крыцит всё во второй након:
— Ай подай ты, подай милостину спасёную,
Ай подай-ко-се ты, красно моё солнышко,
Уж ты ласковой, подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для́-ради подай ты для ково-нибудь,

Ты подай-ко для Ильи ты, Ильи Муромця,
Ильи Муромча, подай, сына Ивановиця.
Тут скорехонько к окошоцьку подходит князь,
Отпирает ёму окошоцько косисцято,
Говорит-то князь да таковы́ реци:
— Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожа ты калика, переброжая!
Я живу-то всё, калика, не по-прежному,
Не по-прежному живу, не по-досе́льнёму:
Я не смею подать милостинки всё спасёною;
Не дават-то ведь царишшо всё Идо́лишшо
Поминать-то он христа, царя небесного,
Во вторых-то поминать да Илью Муромця.
Я живу-то князь — лишилсе я полат всё белокамянных;
Ай живет у мня поганоё Идо́лишшо
Во моих-то во полатах белокамянных;
Я варю-то на ево, всё живу поваром,
Подношу-ту я тотарину всё кушаньё.
Закрыцял-то тут Илья да во третей након:
— Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне́ выйди,
Не увидели щобы́ царишша повара ево:
Я скажу тебе два тайного словецюшка.
Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,
Он выходит на широ́ку светлу улоцьку.
— Що ты, красно наше солнышко, поху́дело,
Що ты, ласков наш Владимир-князь ты стольнё-киевской?
Я ведь чуть топерь тебя признать могу.
Говорит-то князь Владимир стольнё-киевской:
— Я варю-ту, всё живу за повара;
Похудела-то кнегина Опраксе́я-королевисьня,
Она день-от ото дня да всё ище́ хуже́.
— Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,
Ище ласков князь Владимир стольнё-киевськой!
Ты не мог узнать Ильи да Ильи Муромця?

Ведь тут падал Владимир во резвы́ ноги:
— Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!
Подымал скоро́ Илья всё князя из резвы́х он ног,
Обнимал-то он ево своей-то ручкой правою,
Прижимал-то князя Владимера да к ретиву́ серьцю,
Человал-то он его в уста саха́рныя:
— Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!
Я тепере из неволюшки тебя повыручу;
Я пойду теперь к Идо́лишшу в полату белокамянну,
Я пойду-ту к ёму на глаза-ти всё,
Я скажу, скажу Идо́лишшу поганому:
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотрять тебя».
Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Що Владимир-от князь да стольнё-киевськой:
— Ты поди, поди к царишшу во полатушки!
Ай заходит тут Илья да во полатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы́ слова:
— Ты поганоё сидишь да всё Идо́лишшо,
Ишше тот ли сидишь да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотрять теперь.
Говорит-то всё погано-то Идо́лишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
— Ты смотри меня — я не гоню тебя!
Говорит-то тут Илья да Илья Муромець:
— Я пришел-то всё к тебе да скору вес<т>ь принес,
Скору весточку принес, всё вес<т>ь нерадосьню:
Всё Илья-та ведь Муромеч живёхонёк,
Ай живёхонёк он, всё здоровёшенёк;
Я встретил всё ево да во чисто́м поле;
Он осталсе во чисто́м поле поездить-то,
Що поездить-то ёму да пополя́ковать,
Заутра́ хочёт приехать в красен Киев-град.
Говорит ему Идолишшо да всё неверной царь:
— Ище велик ли, — я спрошу у тя, калика, — Илья Муромець?

Говорит-то калика-та Илья Муромець:
— Илья Муромеч-то́ будёт он во мой же рост.
Говорит-то тут Идолишшо, выспрашиват:
— Э по многу ли ест хлеба Илья Муромеч?
Говорит-то калика перехожая:
— Он ведь кушат-то хлеба по единому,
По единому-едно́му он по ломтю к выти.
— Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?
— Он ведь пьет пива пьяного всёво один пивной стакан.
Росьсмехнулсе тут Идо́лишшо поганоё:
— Що же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?
На доло́нь его поло́жу, я другой прижму:
Остаетце меж руками що одно́ мокро́.
Говорит-то тут калика перехожая:
— Ище ты ведь по многу ли, царь, пьешь и ешь,
Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё ведь кушаёшь?
— Я-то пью-ту, я всё цяроцьку пью пива полтора ведра,
Я всё кушаю хлеба по семи пудов,
Я ведь мяса-та ем — к вы́ти всё быка я съем.
Говорит-то на те речи Илья Муромеч,
Илья Муромеч да сын Ивановиць:
— У моево всё у батюшки родимого
Там была-то всё корова-та обжорьцива,
Она много пила да много ела тут —
У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула.
Показалось-то царищу всё не в удовольствии;
Он хватал-то из нага́лища булатен нож,
Он кина́л-то ведь в калику перехожую.
Ай помиловал калику спас пречистой наш:
Отьвернулсе-то калика в дру́гу сторону.
Скинывá‌л-то Илья шляпу со головушки,
Он ведь ту-ту скинывá‌л всё шляпу сорочиньскую,
Он кина́л, кинал в Идо́лишша всё шляпою,
Он ведь кинул — угодил в тотарьску са́му голову;
Улетел же тут тотарин из простенка вон,

Да ведь вылетел тотарин всё на улицю.
Побежал-то Илья Муромеч скоре́шенько
Он на ту ли на широ́ку, све́тлу улицю,
Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,
Он тотарьску-ту силу, бусурманьчкую;
Он избил-то, изрубил силу великую.
Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в большой колокол,
За Илью-то петь обедьни-ти с молебнами:
— Не за меня-то молите́, — за Илью за Муромця.
Собирал-то он поче́сен пир,
Ай почёсен собирал для Ильи да всё для Муромча.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЧУЖЕЗЕМНЫЙ БОГАТЫРЬ-НАХВАЛЬЩИК

22

[Илья Муромец на заставе богатырской]

Под славным городом под Киевом,
На тех на степях на Цицарскиих,
Стояла застава богатырская.
На заставе атаман был Илья Муромец,
Податаманье был Добрыня Никитич млад,
Есаул Алеша Поповский сын,
Еще был у них Гришка Боярский сын,
Был у них Васька Долгополой.
Все были братцы в разъездьице:
Гришка Боярский в те-пор кравчим жил,
Алеша Попович ездил в Киев-град,
Илья Муромец был в чисто́м поле,
Спал в бело́м шатре,
Добрыня Никитич ездил ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ездил за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою,
На охоте стрелять гусей, лебедей.
Едет Добрыня из чиста́ поля,
В чистом поле увидел и́скопоть великую,
Ископоть вели́ка — по́лпечи.
Учал он и́скопоть досматривать:

— Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидови́н могуч богатырь
На эти степи Цицарския!
Приехал Добрыня в стольный Киев-град,
Прибирал свою братию приборную:
— Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что́ на заставушке устояли.
Что́ на заставушке углядели?
Мимо нашу заставу богатырь ехал!
Собирались они на заставу богатырскую.
Стали думу крепкую думати:
Кому ехать за нахвальщиком?
Положили на Ваську Долгополого.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, поло́жили;
У Васьки полы долгия,
По земле ходит Васька — заплетается,
На бою — на драке заплетется,
Погинёт Васька по-напрасному.
Положились на Гришку на Боярского:
Гришке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле.
Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, уду́мали,
Гришка рода боярского:
Боярские роды хвастливые,
На бою-драке призахвастается,
Погинёт Гришка по-напрасному.
Положились на Алешу на Поповича:
Алешке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле.
Побить нахвальщика на чисто́м поле.

Говорит большой богатырь Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
— Не ладно, ребятушки, поло́жили:
Алешинька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие,
Увидит Алеша на нахвальщике
Много злата, се́ребра, —
Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша по-напрасному.
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшке ехать за нахвальщиком,
Настигать нахвальщика в чисто́м поле,
Побить нахвальщика на чисто́м поле,
По плеч отсечь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походит Добрыня на конюший двор,
Имает Добрыня добра́ коня,
Уздает в уздечку тесмя́нную.
Седлает в седелышко черкаское,
В торока́ вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяносто пуд,
На бедры́ берет саблю вострую,
В руки берет плеть шелко́вую,
Поезжает на го́ру Сорочинскую.
Посмотрел из трубочки серебряной:
Увидел на поле черни́зину;
Поехал прямо на черни́зину,
Кричал зычным, звонким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаману Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь

На всю нашу братию наборную?
Учу́л нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на коленца пал.
Добрыня Никитич млад
Господу богу возмо́лится
И мати пресвятой богородице:
— Унеси, господи, от нахвальщика.
Под Добрыней конь поправился,
Уехал на заставу богатырскую.
Илья Муромец встречает его
Со братиею со приборною.
Сказывает Добрыня Никитич млад:
— Как выехал на го́ру Сорочинскую,
Посмотрел из трубочки серебряной,
Увидел на́ поле черни́зину,
Поехал прямо на черни́зину,
Кричал громким, зычным голосом:
«Вор, собака, нахвальщина!
Зачем ты нашу заставу проезжаешь, —
Атаману Илье Муромцу не бьешь челом?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью на приборную?»
Услышал вор-нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добра́ коня,
Попущал на меня, до́бра мо́лодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Подо мною конь на коленца пал.
Тут я господу богу возмо́лился:
«Унеси меня, господи, от нахвальщика!»

Подо мной тут конь посправился,
Уехал я от нахвальщика
И приехал сюда, на заставу богатырскую.
Говорит Илья Муромец:
— Больше некем заменитися,
Видно ехать атаману самому!
Похóдит Илья на конюший двор,
Имает Илья добрá коня,
Уздает в уздечку тесмя́нную,
Седлает в седелышко черкаское,
В торокá вяжет палицу боёвую,
Она свесом та палица девяноста пуд,
На бедры́ берет саблю вострую,
Во руки берет плеть шелкóвую,
Поезжает на гóру Сорочинскую;
Посмотрел из кулака молодецкого,
Увидел на поле черни́зину,
Поехал прямо на черни́зину,
Вскричал зычным, громким голосом:
— Вор, собака, нахвальщина!
Зачем нашу заставу проезжаешь, —
Мне, атаману Илье Муромцу, челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не кладешь
На всю нашу братью наборную?
Услышал вор-нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добрá коня,
Попущал на Илью Муромца.
Илья Муромец не удрóбился.
Съехался Илья с нахвальщиком:
Впéрвые палками ударились, —
У палок цевья отломалися,
Друг дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Востры сабли приломалися,

Друг дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Друг дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашным боём,
Бились, дрались день до вечера,
С вечера бьются до полу́ночи,
Со полу́ночи бьются до бела́ света.
Махнет Илейко ручкой правою, —
Поскользи́т у Илейка ножка левая,
Пал Илья на сыру́ землю;
Сел нахвальщина на белы́ груди́,
Вынимал чинжали́щё булатное,
Хочет вспороть груди белыя,
Хочет закрыть очи ясныя,
По плеч отсечь буйну голову.
Еще стал нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старик, старый, матёрый!
Зачем ты ездишь на чисто́ поле?
Будто некем тебе, старику, заменитися?
Ты поставил бы себе келейку
При той путе́ — при дороженьке,
Сбирал бы ты, старик, во келейку,
Тут бы, старик, сыт-пи́танён был.
Лежит Илья под бога́тырём,
Говорит Илья таково́ слово:
— Да не ладно у святых отцёв написано,
Не ладно у апостолов удумано,
Написано было у святых отцёв,
Удумано было у апостолов:
«Не бывать Илье в чи́стом поле убитому»,
А теперь Илья под бога́тырём!
Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы́ груди́,
Вышибал выше дерева жа́рового,
Пал нахвальщина на сыру́ землю,

В сыру́ землю ушел до́-пояс,
Вскочил Илья на резвы́ ноги́,
Сел нахвальщине на белы́ груди́.
Недосуг Илюхе много спрашивать, —
Скоро спорол груди белыя,
Скоро затьмил очи ясныя,
По плеч отсек буйну голову,
Воткнул на копье на булатное,
Повез на заставу богатырскую.
Добрыня Никитич встречает Илью Муромца
Со своей братьей приборною.
Илья бросил голову о сыру́ землю,
При своей братье похваляется:
— Ездил во́ поле тридцать лет, —
Экого чуда не нае́зживал!

23

Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем

А да ко тому было ко морю, морю синёму,
А ко синёму как морюшку студёному,
Ко тому было ко камешку-то ко ла́тырю,
А ко той как бабы да ко Златы́горки
А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй мо́лодець,
А по имени старой казак Илья Муромець.
Он ходил-гулял Илеюшка к ней двенадцать лет,
Он ведь прижил ей чадышко любимоё.
Он задумал стары ехать во чисто́ полё;
Он ведь стал где Златы́горки наговарывать,
Наговарывать, как крепко ей наказывать,
Оставлял он ведь ей ноньче свой чу́дён крес‹т›,
Он ище оставлял с руки злачён перстень:
— Уж ты ой еси, баба да всё Златыгорка!
Если сын у тя родитсе, отдай чу́дён крест;

Если дочь у тя родитсе, отдай злачён перстень.
А поехал тут старой казак во чисто́ полё,
Много-мало тому времени минуитсе,
А от той-де от бабы от Златыгорки
От ней рожаитсе молоденькой Сокольницок.
Он не по годам ростет Сокольник, по часам;
Каковы-то люди в людях во сёмнадцать лет,
А у нас был Сокольницёк семи годов.
Ишше стало Сокольнику двенадцать лет,
А тут стал выходить да на красно́ крыльцо,
Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную:
Во-первы-ти он смотрел нонь по чисту́ полю,
Во-вторы́-ти он смотрел нонь по синю́ морю,
Во-третьи-ти он смотрел на соломя[1] окатисто,
Во-последни он смотрел на стольне-Киев-град.
Он задумал съездить взять ведь крашен Киев-град.
Он ведь стал просить у маменьки благословленьиця:
— Уж ты дай мне-ка, мать, благословленьицё
Мне-ка съездить, добру молодцю, на чисто́ полё.
А дает ёму маменька благословленьицё,
А дает ёму родима, наговорыват:
— А поедешь, мое дитятко, во чисто́ полё,
А наедешь ты в чисто́м поли на старого:
А борода-та у старого седы́м-седа,
А голова-та у старого белы́м-бела,
А под старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грыва у коня была черны́м-черна;
До того ты до старого не доезживай,
Не доезживай до старого, с коня скачи;
До того до старого ты не дохаживай,
А тому где старому низко кланейсе;
А ведь тот тибе старой казак — родной батюшко.
А ведь тут ето Сокольнику за беду пришло,

[1] Шо́ломя.

За велику за досаду показалосе.
А снарежалсе тут Сокольник в платье в цве́тное,
Одевал он на себя сбрую богатырскую,
Выводил тут Сокольничок добра́ коня,
Он седлал-уздал Сокольничок добра́ коня:
Он на коничка накладывал сам потнички,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки седелышко черкальскоё
О двенадцати подпруженьках шелко́вых-е,
Он тринадцату подпругу через хребетну кость,
Через ту через стень лошадиную.
Тут заскакивал Сокольник на добра́ коня.
А не видели, Сокольник как на коня скоцил,
Только видели, Сокольник как в стремена ступил;
А не видели поезки богатырское,
Только видели: во полюшки курева́ стоит,
Курева́ где стоит, да дым столбом валит.
А тут выехал Сокольник на чисто́ поле,
Он и стал по чисту́ полю розъезживать:
Он и ездит во поли, потешаитсе,
Он тотарьскима утехами забавляится:
Он и свищот копье свое по подне́бесью,
Он и правой рукой бросит, левой по́дхватит,
Он ведь сам ко копейцю приговарыват:
— Уж я коль лёкко владею нонь тобой, копье,
Столь лёкко мне повладеть старым ка́заком.
А по утрицьку-утру было ранному,
По восхожому солнышку как было красному
Выходил тут стары казак из бела́ шатра.
Он зрил-смотрел во трубочку в подзорную:
Он первы́-ти смотрел на стольне-Киев-град,
Во-втори́-ти он смотрел да по чисту́ полю;
Он завидял во чисто́м поли неприятеля.
А да заходил тут старой казак во бело́й шатер:
— Уж вы ой еси, удалы добры молодци,

А готово те спать, да вам пора ставать,
А пора вам ставать, дак время ехати,
Уж нам ехать ведь надо во чисто́ полё:
В поли ездит есь удаленькой доброй молодець.
У нас ехати Ивашку Долгополому, —
У нас то было дитятко едрё́ноё,
А едрёно оно дитятко, непроборноё,
Понапрасно погубит свою буйну голову;
У нас ехать Олешеньки Поповичу, —
У нас то было дитятко несильнеё,
Умом-разумом дитятко заплывциво,
Понапрасно погубит свою буйну голову;
У нас ехать Добрыни сыну Микитичу, —
У нас то было дитятко едрё́ноё,
А едрёно было дитятко то, вежливо,
Было вежливо дитятко, очесливо,
Он и можот добра молодця принаехати,
Он и можот ёго да приобъехати,
Он и можот добру молодцю и честь воздать.
Тут и стал где Добрынюшка снарежатисе:
Надевал он на себя латы кольцюжныя,
Надевал он где платьицё-то цвё́тноё,
Надевал он на себя сбрую богатырьскую.
А пошел тут Добрынюшка из бела́ шатра,
Выходил тут Добрыня из бела́ шатра,
Он седлал-уздал Добрынюшка добра́ коня,
А заскакивал Добрынюшка на добра́ коня,
Он поехал Добрыня во чисто́ полё.
Выезжал тут Добрынюшка на чисто́ полё,
Он наехал Сокольника во чисто́м поли.
Он наехал ёго да приобъехал же,
Он соскакивал Добрынюшка со добра́ коня,
Он тому где молодцю сам низко кланялся:
— Уж ты здраствуй, удаленькой доброй молодець!
А которого ты города, коей земли?

А которого отця ты, коей матери?
Тибя как, молодец, нонь именём зовут,
Тибя как величают по извотчины?
А куда ты нонь едёшь, куда путь дёржи́шь?
Отвечал тут удалой доброй молодець:
— Уж я еду к вам на славной крашен Киев-град,
Уж я руськиих богатырей повысмотрю,
Я на сабельку богатырей повырублю,
На бумажечку богатырей вас повыпишу,
Я на быстру на реченьку повысвищу,
Уж я старого казака конем стопчу,
Я Владимеру-князю голову срублю,
А кнегину-то Опраксею за себя возьму,
Уж я Киев-от город весь огнем сожгу,
Уж я церкви-ти божьи все под дым спущу.
А тут заскакивал Добрынюшка на добра́ коня,
А поехал Добрыня ко белы́м шатрам.
А приехал Добрынюшка ко белы́м шатрам,
Заходил тут Добрынюшка в бело́й шатер,
Говорил тут Добрыня таково́ слово:
— Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромец.
Уж там ездит в поли молодец, не моя чёта,
Не моя чёта ездит, не моя ровня;
А да от того-ле он от моря да моря синёго,
Он от синёго ведь морюшка студёного,
От того он от камешка от латыря,
Да от той он от бабы от Златы́горки,
А зовут ёго молоденьким Сокольником;
Он ведь едёт к нам на славен крашен Киев-град,
Он и хочот нас, бога́тырей, повысмотреть,
Он на сабельку бога́тырей нас повырубить,
На бумажечку богатырей повыписать,
Он на быстру на реченьку повымётать,
Тибя, старого казака, конем стоптать,
А Владимеру-князю голову срубить,

А кнегину-ту Опраксею за себя взамуж взять,
Хочот Киев-от город весь огнем сжегчи́,
А как церкви-ти божьи все под дым спустить.
А тут де старому за беду пришло,
За велику за досаду показалосе.
Тут и стал где стары казак снарежатисе,
Поскоре того Илеюшка сподоблятисе:
Надевал он на себя латы кольцюжныя,
Надевал на себя он платьё цве́тноё,
Он и брал с собой сбрую всю богатырскую.
А пошел тут старой казак из бела́ шатра,
А седла-уздал стары казак добра́ коня,
Он поехал старой казак в чисто́ полё,
Он наехал Сокольника на чисто́м поли.
Заревел тут Сокольник по-звериному,
Засвистел тут Сокольник по-соловьёму,
Зашипел тут Сокольник по-змеиному.
Тут и матушка сыра земля потряхаласе,
А сыры-ти тут дубы погибалисе,
А вёршиной за комель заплёталисе,
А сухи-ти ведь дубы поломалисе,
У Илеюшки доброй конь пал на́карачь.
Он и бил стар коня нонь по крутым бедрам,
Он и сам ко коню стар приговарыват:
— Уж ты ой еси, конь мой, травяной мешок!
Не слыхал-ле ты порёву звериного,
Не слыхал-ле ты поши́пу змеиного,
А того где ты свисту соловьиного?
У Илеюшки конь тут осержаитсе,
От сырой земли конь дак отделяитсе,
Он наехал Сокольника на чисто́м поли,
Он наехал ёго и приобъехал же,
Он и сам говорил стар таково́ слово:
— Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
Не застрелил ясна сокола, теребишь же;

Не убил добра молодца, ездишь-хвастаёшь.
А не две тут грозных тучи сокаталосе, —
А два сильних богатыря соезжалосе.
Они съехались на сабельки-ти вострыя,
У них востры-ти сабли пощорбалисе,
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на копья брусаменьчаты,
По насадочкам копья повертелисе,
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на палици боёвыя,
А боёвы у их палици поломалисе,
Они тем боём друг друга не ранили.
А скакали молодчи тут со добры́х коней,
А схватились крепким боём, рукопашкою,
А боролись они с утра день до вечора,
А со вечора боролись до полу́ночи,
Со полу́ночи боролись до бела́ свету;
А всёго они боролись трои суточки.
А по счасьицю тут было по Сокольникову,
По несчасьицю было по Илеюшкину
Подкатилась у старого ножка правая,
Промахнулась у старого нога левая,
А тут падал да старой казак на сыру́ землю.
А заскакивал Сокольник на белы́ груди;
Он не спрашивал не имени, не вотчины,
Не отечества не спрашивал, не молодечества,
Вынимат из-за налучья свой вострой нож,
Он ростегиват пуговки вольячныя,
Он и хочот пороть ёго груди белыя,
Он и хочот смотреть да ретиво́ серцо.
А ведь тут де старому за беду пришло,
За великую досаду показалосе;
А змолился тут старой казак Илья Муромець:
— Уж ты ой еси, спас да многомилослив,
Присвята мати божья, богородича!

Не стоял-ле я за веру православную?
Не стоял-ле я за черкви-ти за божия?
Не стоял-ле за намáстыри покрашоны?
Не стоял-ле я за славен крашен Киев-град?
А сказали, що старому в поле смерть не писана,
А теперече старому, верно, смерть прыдет;
Ты не выдай меня, восподи, на чистóм поли
А поганому тотарину на порýганьё.
А у старого силочки где прыбыло,
А тут прыбыло силочки вдвоем-втроем,
А вдвоем-втроем прибыло ровно впéтером.
Он смахнул-свёрнул Сокольника со белы́х грудей,
Он заскакивал Сокольнику на белы́ груди,
Он и сам говорил да таковó слово:
— Уж ты ой еси, удалой доброй молодеч!
А которого ты города, коей земли,
А которого отця, которой матери?
Тибя как, молодець, именём зовут,
Тибя как величают по отечесьтву?
Отвечат тут удалой доброй молодець:
— Уж ты ой еси, старая старэльшина!
Я когда был у тибя ведь на белы́х грудях, —
Я не имени, не вотчины не спрашивал,
Не отечества не спрашивал, не молодечесьва,
Вынимал из-за налучья свой вострой нож,
Я хотел у тя пороть да груди белыя,
Я хотел у тя смотреть ведь ретивó серьцо.
Говорит ёму старой казак во второй раз:
— Скажи, молодець, как тя именём зовут?
Отвечал ему удаленькой доброй молодець:
— Когда был я у тебя ведь на белы́х грудях, —
Я не спрашивал не имени, не вотчины,
Я хотел твои пороть ведь груди белыя.
Говорил ёму старой казак Илья Муромець:
— А скажи ты, молодець, как тя именём зовут,

Тибя как величают из отечесьва?
Отвечал тут молоденькой Сокольничок:
— От того же я от моря, моря синёго,
От синёго я морюшка студеного,
От того я ведь от камешка-та латыря,
Да от той я бабы от Златыгорки,
А зовут меня молоденьким Сокольником.
А ставал тут стары казак на резвы́ ноги,
Он ведь брал где Сокольника за белы́ руки,
Становил он Сокольника на резвы́ ноги,
Цёловал его в уста он во саха́рные,
Он и сам говорил таково слово:
— Уж как я тобе ведь нонь родной батюшко.
Тут скакали молодци на добрых коней,
А поехали они тут ко белы́м шатрам.
А приехали они ко белы́м шатрам,
Соходили молодци тут во бело́й шатер,
Они пили во бело́м шатри трои суточки.
А поехал тут Сокольник во чисто́ полё
Ко тому же он ко морюшку ко синёму,
Ко своей он к родимой-то ко матушки.
А завидяла ёго ведь мать родимая,
Выходила она ведь на красно́ крыльцо
А стречала как Сокольника из чиста́ поля,
Она стретила Сокольника у красна́ крыльца.
Тут соскакивал Сокольницёк со добра́ коня,
Он сказнил ведь, срубил ей буйну голову.
Много-мало тому времени минуитсе;
Он поехал опять ведь во чисто́ полё,
Он наехал во чисто́м поли бело́й шатер.
Тут и спит в шатре стары казак Илья Муромец.
Не зашел тут Сокольничок во бело́й шатер,
Он и брал копье свое-то ноне востроё,
Он кинал его старому во белы́ груди.
И прилетело копье старому ноньче в чудён крест.

И спробудился тут старой казак Илья Муромец,
Он выскакивал стары казак из бела́ шатра,
Он хватал где Сокольника за чесны́ кудри,
Он метал ёго над вышину небесную,
Он метал где Сокольника, не подхватывал.
Тут и падал Сокольник на сыру́ землю.
Да и тут де Сокольнику славы поют,
А славы поют Сокольнику, старины́ поют.

24

Бой Ильи Муромца с сыном

А во да́лечи, дале́че во чисто́м поли
Там ведь стоял-то шатер белой поло́тьняной;
Да во том во шатру новом поло́тьняном
Было-жило пять могуцших бога́тырей:
Шьто перво́й-от бога́тырь Ва́нюшко, боярьской сын,
Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да третей-от Олешенька, поповьской сын,
Да четвертой Добрынюшка Никитиць млад,
Ишше пятой-от — старая старыньшина,
Ишше старая старыньшина Илья Муромець,
Илья Муромець был, да свет-Ивановиць.
Пробужаитце Илья да от крепко́го сну;
Он свежо́й водой ключе́вой умываитце,
Тонким белым полотеньцом утираитце,
Он ведь молитце всё спасу пречистому
Да царици небесной богородици;
Ён выходит на широ́ку светлу улицю,
Он берет свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на цётыре во вси стороны:
Шьто во да́лечи, дале́че во чисто́м поли
Там ведь ездит бога́тырь по чисту́ полю,
Ишше ездит по чисту́ полю, полякуёт;

Он ведь ме́цёт всё палицю тяжелую,
Он ведь ме́цёт-то палицю сорока пудов,
Он берет-то едной рукой, с коня нейдет,
Не станови́т он своёго коня доброго;
На кони-то сидит, будто сильнёй бугор.
Ишше тут-то Илья Муромец приужа́хнулся,
Приужахнулся, со страху пририздумался:
— Мне кого бы послать-то во чисто́ полё,
Во чисто́ полё послать мне, попроведати?
Мне послать ведь разве Ва́нюшу боярьского, —
Не простых-то родо́в, — роду боярьского;
Утеряёт в ци́стом по́ли буйну голову.
Мне послать ведь разве Ваньку енеральского, —
Енеральцького роду пришел, нежного,
Утеряет-то в чистом по́ли буйну голову;
Да послать разве Олёшеньку Поповиця;
Он ведь роду как всё поповського, —
Потеряет в чистом по́ли буйну голову;
Мне послать разве всё брателка крестового,
Как того ли Добрынюшку Никитича.
Услыхает Добрынюшка таковы реци;
Он ведь скоро выходит из бела́ шатра,
Он ведь скоро седлат-то своёго коня доброго,
Он седлат, всё убират коня богатырьского;
Он двенадцеть шолко́выих упружинок застёгиват;
Ише сам он коню да приговариват:
— Уж ты, шолк, всё не рвись, да ты, убор, не гнись!
Що не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырския.
Как поехал Добрынюшка во чисто́ полё,
Не наехал бога́тыря в чисто́м поли́,
Он поехал Добрынюшка поближе ко синю́ морю
И увидал бога́тыря всё присильнёго;
Он скрыцял ведь бога́тыря во всю голову:
— Ты постой-ко, бога́тырь, сам ты мне скажись,

Ты скажись-ко мне, богатырь ты могуцёй жа;
Подъезжай ко мне поближе, мы как съедемсе.
Как услышал бога́тырь таку похвальбу,
Поворачивал своёго коня доброго;
Как зары́снула у коничка права́ нога, —
Мать сыра-то земля да потрясаласе,
Ише синёё море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливаласе.
Ише тут ведь Добрынюшка испугаитце,
Подломились у Добрынюшки ножки резвыя,
Приупали у Добрынюшки руцьки белыя,
Приудрогло у Добрынюшки ретиво́ серцо́,
Помутились у его-то оци ясныя,
Прокатились у ёго жо горюци́ слёзы:
— Уж я скольки по цисту́ полю не езживал, —
Уж я эдакого бога́тыря не видывал.
Поворацивал Добрынюшка добра́ коня
Ко своёму-то он да ко белу́ шатру,
Ён поехал-то всё проць ко белу шатру.
Как стрецят-то старыньшина Илья Муромець;
Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцеть шелко́вых опру́жинок засте́гивать.
Ище сам говорит да таковы реци:
— Ище мне-ка во чисто́м по́ли смерть не писана;
Я поеду с бога́тырем побра́таюсь,
Я поеду с могуцим поздороваюсь.
Приезжает Илья да во чисто́ полё,
Он наехал бога́тыря в чисто́м поли́;
А богатырь-то ездит, забавляитце
Он как детскима-боярскима забавами;
Ише сам-то он палици приговариваг:
— Приклоню-ту свою палицу тяжолую,
Приклоню-ту я тибя прямо на красён Киев-град,
Как на матушку тибя, да каменну́ Москву.

Аграфена Матвеевна Крюкова.

(Былины 15, 21, 24).

Ишше те слова ведь старой ведь старыньшины
За беду-то ёму стали за великую,
Приезжаёт к бога́тырю близехонько.
Он ударил своей-то ведь палицей тяжолою,
Он ударил бога́тырю по буйно́й головы,
Как бога́тырь сидит, сидит не думаёт,
Он не думаёт сидит-то, сам не обёрнитце,
Не обёрнитце сидит, да не згле́нёт же,
Ишше тут ведь Илья да призадумалсе:
— Разве силушка у мня уж не по-прежному,
Не по-прежному сила, не по-старому?
Он отъехал всё за́ вёрсту за мерную,
Он нашел в поли́ горюцёй серой камешок,
Он ударил по ка́мешку палицей тяжелою, —
Разлетелся-то камень на мелки́ куски.
Подъезжат опять к богатырю во второй након,
Он ударил его по буйно́й головы;
Ай бога́тырь-то сидит, всё не думаёт.
Ище тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй након, —
Разлетелсе ведь ка́мешок в мелки́ куски.
Приезжает к бога́тырю во трете́й након,
Он ударил-то палицей по буйно́й головы;
Да тогда-то бога́тырь усмехнулся-то.
Тут не лютоё зе́льё разгорелосе,
Богатырьско-то серцё роскипелосе;
Говорит-то Илья Муромець таковы́ слова:
— Уж ты гой еси, бога́тырь ты могуцёй же!
Уж мы съедемсе с тобой разве, ударимсе.
Они съехались с им да всё ударились;
Востры сабельки у их да поломалисе,
Востры копьиця у их всё потупилисе
Всё от ихных же лат да богатырьскиих,
Ишше стали они да рукопашкою;
Ишше ма́стёр Илья-то да был боротисе,

Подкорю́цил бога́тыря правой ножоцькой,
Ище пал-то бога́тырь на сыру́ землю,
Мать сыра земля-то потрясаласе.
Он ведь хочёт пороть да груди белыя;
Ище сам он Илья-то ведь Муромец пороздумалсе:
— Я спрошу ведь у бога́тыря, росспрошу про то,
Уж ты гой еси, дороднёй ты доброй молодець!
Тебе много ли от роду-ту тебе есь годов?
— А годов-то мне от роду-ту всё двенадцать лет.
— Ты ведь цьей же земли да цьёго города,
Ты цьёго же отця, ездишь, да цьей матушки?
Говорит-то дороднёй-от доброй молодець:
— Кабы сидел-то я у тебя да на белы́х грудях,
Не спросил бы я у тебя не роду, не племени,
Не спросил бы не города, отця-матушки, —
Я колол бы твои-ти да всё белы́ груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво́ серцо́.
Говорит-то Илья Муромець во второй након,
Говорит-то ёму да во третéй након:
— Уж ты цьей же земли да цьего города,
Ты какого отця, какой матушки?
Говорит-то дороднёй доброй молодець:
— Уж я города всё ведь я неверного,
Уж я сын-то Маринки всё Кайдаловки,
Да котора живет во земли неверныя,
Получаёт она пошлину великую
Как с того ли со князя-то со Владимира
Шьто за ти ли за черны-ти его ка́рабли;
А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменну́ Москву
Отыскать тибя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всё низко кланитьце,
Называть тибя велела всё ро́дным батюшком.
Да дала она перстень на праву́ руку́.
Как увидял-то старая стариньшина,

Он ведь свой ведь увидел всё именной перстень
Он со той ли со 'ставоцькой драгоценною,
Он ведь брал-то его да за праву́ руку,
Целовал он его в уста саха́рныя:
— Как мое ты, мое цядо милоё,
Цядо милоё мое ты, всё любимое,
Ты ведь мла́денькой мой всё Подсоко́льницёк!
Целовал он в уста-то его в саха́рныя,
Он ведь стал-то ёму скоро россказывать:
— Я ведь был-то ходил-то да по синю́ морю,
Замётало-то меня погодушкой великою,
Я тогда подарил перстень твоей ро́дной матушки:
«Какого́ ты родишь, да тому отдай,
Хошь ты сына родишь, быват, ясна сокола,
Хошь ты доцьку родишь, ты красну девицу».
А поехали они тогда во бело́й шатер;
Как на радости пили да трои сутоцьки.
Подсокольницёк-то ведь на ёго зло думаёт,
Зло-то думаёт он, шьтобы зло бы сделати:
— Не послушаю я матушки наказаньиця, —
Ухожу я своёго-то родна батюшка!
Как ведь тут же Илья всё как за́спал жо,
Как крепки́м-то сном за́спал богатырьским же;
Ишше взял Подсокольницёк-от востро́ копье,
Как направил ёму всё в ретиво́ серьцё;
Сохранил ёго господь-от, всё помиловал:
Розлетелось копье-то Ильи-то в белы́ груди;
Ище был-то у ёго на шеи навешан золотой же крест,
Золотой-от ведь крест был во вси груди;
Он ведь тем же крестом от смерти всё избавилсе,
Он ведь взял Подсокольницька за жолты́ кудри,
Он бросал-то его-то ведь высо́ко же,
Он ведь выше ёго-то лесу стояцёго,
Он пониже всё облака ходёцёго;
Он ведь тут-то его же не убил вовсё;

Привязал он к своёму к добру́ коню:
— Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь добрая,
Увези Подсокольницька во свое место,
Щёбы не ездил к нам больше во чисто́ полё,
Во чисто́ к нам полё, щёбы в красён Киев-град;
Не допушшу ёго до матушки славной каменно́й Москвы.
Побежал-поступал-то тут ведь доброй конь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Ён крыцял-то скоро ведь да зысьним голосом:
— Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родима моя матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисцято окошечко,
Посмотри-тко на своёго цяда милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко кланетьце;
Ише стар-от ведь надо мной как надругалсе-то:
Привязал-то миня взял ко добру́ коню;
Розвяжи ты миня, маменька, скорешенько.
Розвязала она его скорешенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
— Уж ты было ли, цядышко, на святой Руси?
Он ведь взял свое-то всё востро́ копье,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь в белу грудь,
Ишше тут ведь она-то скоро́ представилась.
Ише сам-то собака похваляитце:
— Уходил-то теперече ро́дну матушку,
Как теперече мне будёт воля вольняя.
Заполоню-ту все я руськия че́рны ка́рабли,
Изберу-ту, изымаю со ка́раблей многи́х людей;
Разышшу-то тогда жа Илью Муромця,
Отсеку я по плець ёму буйну голову.
Как пришло-то об одну по́ру, прикатилосе,
Уж и сотня цернёных-то пришло ка́раблей;
Захватил-то он, вси-то за́брал-то,
Заполонил он народу всего да православного.
Как приходят ёрлычки скоро скорописцяты,

Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Шьто во матушку приходят в каменну́ Москву:
— Захватил-то Подсокольницёк черны ка́рабли,
Заполонил-то Подсокольницёк людей добрыих,
Да матросицьков он да всих карабельшицьков.
Как недолго тут Илья, немного он роздумыват,
Он скорехонько-скоро да собираитце,
Он ведь скоро поехал тут к Подсокольницьку,
Он прибил всех со старого до малого,
Он отсек у Подсокольницька буйну голову,
Пригонил вси чернёны-ти свои ка́рабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру.

25

Недалеко от Киева

Недалёко от города от Киева
А стоит ле три́дцеть три бога́тыря.
А пасли-стерегли они да стольней Киев-град.
Во первы́х-от у их был да стар козак,
Во вторы́х у их Добрынюшка Микитич блад,
Во третьи́х у ех Дунай да сын Иванович,
Во четвертых-то Самсон да сын Колыбанович,
А во пятых Олешенька Попович блад,
Во шестыих два брата да Долгополыех,
Долгополы два брата полонённые,
Как ина́ братья вся была схожея.
Отаманом да был стар козак,
Податаманьём Добрынюшка Микитич блад,
А во писарях был Дунай да сын Иванович,
А во по́варах Самсон был да Колыбанович,
А во ко́нюхах Олешенька Попович блад.
Поутру́-то ле утру ле было ра́ному,
На зачине тут было да свету белого,
На подъеме тут было да красна солнышка,

А старой-то козак пробуждаетца,
Клюцевой водой да старо́й умываетца,
Полотёнушком старо́й обтираетце.
Одеваёт ступеньца на босу́ ногу́,
Надеваёт кунью́ шубу́ на онно плечо́,
Надеваёт ле колпак на онно́ ухо́,
А выходит старо́й да вон на улецю.
Как глядел ле смотрел на все сто́роны,
В мороку в тумани нынь худо видитце:
То ле летит блад ясе́н соко́л,
То ле едет там удалой доброй молодец.
Едет винно собака потешаетце:
Впереди его, собаки, да бе́жит серый волк,
Позади его, собаки, да звери всякии,
На право́м-то плече́ сидит ясе́н соко́л,
На лево́м-то плече́ дак сидит бел кречёт.
Едет винно собака да потешаетце:
Подверьх он стрелочку постреливат,
Кабы на́ пол ту стрелку не ураниват,
Он в руки возьмет — пламё мечетца,
А вокруг-то повернет — искры сыплютце.
Кабы едёт собака да потешаетце:
На право́м-то коле́ни держит гумажечку,
Он гумажечку держит да гербовой гист,
На лево́м-то колени держит чернильницю,
Во рука́х-то держит перо ёрлиное,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того ли орла́ сизокамьского,
А не тот был орел — на лесу сидит,
А бы тот орел — на корню сидит,
А гнездо-то он вьет да на се́р каме́нь,
Он бы пищу достават из синя́ моря́.
Он бы пишет ёрлык да скорограмотку:
— Я поеду молодець да в стольней Киев-град,
Я поеду молоде́ць да там поздороватьце.

Я силушку всю во грезь стопчу,
Я бы князя́ там Владимира под меч склоню,
Я бы матушку кнегиню с собой возьму.
  А поме́тыват ерлык ко за́ставы,
А старо́й-от берет, во шатер пошел,
Кабы будит дружину всю заговорьнюю:
— Вы встаньте-ко, дружина заговорьная!
А будёт спать — ста́ла пора́ вставать,
Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Ты вставай-ко, Дунай сын Иванович,
А цитай етот ерлык да скорограмотку,
Ка' да щё у собаки есь написано,
Ка' да щё у собаки напечатано.
  Как цитает Дунай, сам россказыват:
— Я поеду молодець да в стольней Киев-град,
Я поеду молодець там да поздороватьце,
Я бы силушку хочу да всё во грезь стопчу,
Я кнезя ле Владимира под меч склоню,
Кабы матушку кнегину да то с собой возьму.
  А на ето старо́й да осержаетце,
Выбирать он стал кого в суго́н послать:
— А послать нам Олешу Поповиця —
А Олеша Попович роду невежлива,
А невежлива сам роду да не оцеслива,
Кабы роду-то Олеша поповьского.
А послать-то ле двух-от братьев Долгополыих,
Долгополыих-то бра́тов полонёныих же,
А от не нашей земли они, неверные,
А доспеют бы изменушку великую.
А послать ведь Добрынюшку Микитича —
Кабы тот ле детинка роду вежлива,
Да вежлива детинка роду, оцеслива.
  А не видели поездки да молодецькое,
А увидели Добрынюшка на коня́ скочил,
На коня-то он скочил да в струмена ступил,

А увидели да во по́ле курева́ стоит,
Курева́ стоит да дым столбом вали́т.
Нагони́л-натоптал скоро-на́скоро:
— А какой же ты ле едёшь бога́тырь же?
Есле русьской бога́тырь, то поворот даю,
Есле не русьской бога́тырь, да я напу́с держу
(Сзади хочет ехать).
А на третье раз да как ругатьце стал:
— Ты кака́ летишь ворона да пустопёрая,
Да кака́ же сорока позагубиста?
А оттуль ле молодец поворот дает.
Кабы дае́т Добрынюшке потяпышу,
А прибавил бы Добрыни по алабышу,
А едва ле Добрыня на коне сидит,
А оттуле Добрынюшка поворот дает.
А увидел старой козак Илья Муромец —
А бы едет Добрыня да не по-старому,
А сидит он на коне да не по-прежному.
Осержаётце старо́й да сам сряжаетце:
— Не сварить вам без меня пивна́ котла́,
Привезу вам голову́ вам тотарьскую.
Как отправился старо́й козак Илья Муромец,
Нагони́л-натоптал скоро-на́скоро:
— Ты какой же нонь едёшь за бога́тырь же?
Есле русьской бога́тырь, да поворот даю,
А не русьской бога́тырь, да я напу́с возьму.
А на третье ле раз ругатьце стал:
— Ты кака́ летишь ворона да пустопёрая,
Да кака́ летишь сорока да позагубиста?
Ты ницем зовешь нас тридцать бога́тырей.
А оттуль молодець да поворот дает.
Кабы съехались два удалых добрых молодца́,
Кабы секлись сабе́льками вострыми,
А сабе́льки те у их прищербалисе,
А тыкались копеиками бурзамеческими,

А копейца у их да извихалисе,
А соскакивали робята да со добры́х коней,
А хватались робята да в охабоцьку,
Кабы бились-боролись да трое суточки,
А пробили они до колени землю́.
По бесчесью тут да по великому
У staро́го-то пра́ва рука́ да прома́хнулась,
А лева́-то нога́ да прока́тилась.
Кабы пал staро́й на матушку сыру́ землю́.
А садился Соколик на белы́ груди,
Он и хоцёт пороть да груди белые,
Он и хоцёт смотреть его ретиво́ серьцё.
А взмолился staро́й дак да господу́ богу́:
— Пресвята ти ли мати богородиця!
А стоел я за веру за христовую,
Я держался того креста распятого,
А повыдала поганому Издо́лищу,
Ты повыдала ему дак на руганьицё.
У staро́го вдвоё да силы при́было,
Он скакал со матушки сырой земли,
А взметал-то Сокольника на матушку,
А на матушку метал его на сыру́ землю́,
А садился ему он да на черны́ груди́.
Замахнулся пороть его черны́ груди́,
Посмотреть он хоцёт его ретиво серьцё.
Застоялась у старого во плече рука́.
— А скажи е то удалай, добрай молодець,
Откуль идёшь да откуль едёшь же,
Ты какого отця да какой матери?
Говорил е удалой да доброй молодець:
— Не роздражай меня удалого,
Ты пори скоре мои да гру́ди че́рные,
Посмотри мое ты ретиво́ серьцё.
Замахнулся staро́й дак во второ́й нако́н,
Застоелась его дак во локтю рука́.

— Ты скажи-ко, удалой да доброй молодець!
Ты какого отця да какой матери?
— Я сидел когда у тя на белы́х грудя́х,
Я не спрашивал роду у тя не племени,
Я отця не спрашивал не матере,
Ты пори скоре да гру́ди че́рные,
Ты смотри мое да ретиво́ серьцё.
Замахнулсе старо́й да во трете́й нако́н —
Застоелась у старо́го да в за́веди рука.
— Ты скажи-ко, удалой доброй молодец,
Ты какого отця да какой матери,
Ты откуль нонь идешь да откуль правишься?
— Я иду молодець да от синя́ моря́.
Кабы матушка моя да Златы́горка,
А Златы́горка она да поляни́ця же,
Поляни́ця она да преудалая.
А соскакиват старо́й да со черны́х груде́й,
А хватил его молодца за белы́ руки́,
Целовал бы его в уста́ саха́рные:
— А твоя ле матерь б. . . . .,
А бы то молодець есь ты выб. . . . .,
А любимой ты мой ноньце сын же ведь.
Ты поедь-ко, удалой да доброй молодець,
Привези матушку родимую,
Окрестим-приведем в веру христовую,
А не будёт тебе в поле поединщика.
А разъехались удалы да добры молодцы,
А приехал как молодець ноньце к матушке:
— А ты ой еси, матушка родимая!
А бы ездил-ходил во чисто́м поле.
Я бы видил собаку серу́ седатую,
Он зовет тебе да право б. . . . . .,
А меня-то кличет да выб. . . . . .
Говорит его ле матушка родимая:
— Не пусты́м-то молодець похваляетце.

Он хватил ле тут матушку родимую,
Он хватил ле за косы женьски долгия,
А метал-то он ей о кирпищет пол,
А давал он ей тут да скору смёрточку.
Погони́л на тот право бело́й шатер,
А бы ткнул копьем да во бело́й шатер,
Он бы ткнул старо́му во белы́ груди.
У старо́го на груди был бы чуден крест,
А попало ему право в чуден крест.
Просыпаетце старо́й дак скоро-на́скоро,
Выбегаёт старо́й да вон на улецю.
Он хватил Сокольника за буйну́ главу́,
Он ото́рвал да тут буйну́ главу́.
А бы туловище отвез он во чисто́ поле,
А бы во́ронам да на граéньицё,
А зверем бы его да на таска́ньицё.

26

Илья Муромец и дочь его

А й на славноей московскоей на за́ставы
Стояло́ двенадцать богатырей их святорусских,
А по нёй по славной по московскоей по за́ставы
А й пехотою никто да не прохаживал,
На добро́м кони никто тут не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал,
А 'ще серый зверь да не прорыскивал.
А й то через эту славную московскую-то за́ставу
Едет поляничища удалая,
А й уда́ла поляничища великая,
Конь под нёю как сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сенна́ копна,
У ней шапочка надета на головушку
А й пушистая сама завесиста,

Спереду-то не видать личка́ румяного
И сзаду́ не видеть шеи белоей.
Ёна ехала собака, насмеялася,
Не сказала божьёй помочи бога́тырям,
Ена едет прямоезжею дорожкой к стольнё-Киеву.
Говорит тут старыя казак да Илья Муромец:
— Ай же, братьица мои крестовыи,
Ай бога́тыря вы святорусьскии,
Ай вы славная дружинушка хоробрая!
Кому ехать нам в роздольице чисто́ поле?
Поотведать надо силушки великою
Да й у той у поляни́ци у удалою.
Говорил-то тут Олешенка Григорьевич:
— Я поеду во роздольицо чисто́ поле,
Посмотрю на поляни́цу на удалую.
Как садился-то Олеша на добра́ коня,
А он выехал в роздольицо чисто́ поле,
Посмотрел на поляницу з-за сыра́ дуба,
Да не смел он к полянице той подъехати,
Да й не мог у ней он силушки отведати.
Поскорешенько Олеша поворот держал,
Приезжал на за́ставу московскую,
Говорил-то и Олеша таковы слова:
— Ай вы славныи бога́тыри да святорусьскии!
Хоть-то был я во роздольице чисто́м поли,
Да й не смел я к поляницищу подъехати,
А й не мог я у ней силушки отведати.
Говорит-то тут молоденькой Добрынюшка:
— Я поеду во роздольицо чисто́ поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.
Тут Добрынюшка садился на добра́ коня
Да й поехал во роздольицо чисто́ поле,
Он наехал поляницу во чисто́м поли,
Так не смел он к поляницищу подъехати,
Да не мог у ней он силушки отведати.

Ездит поляница по чисту́ полю
На добро́м кони на богатырскоём,
Ёна ездит в поли, сама тешится,
На раво́й руки у нёй-то соловей сидит,
На лево́й руки да жаворлёночек.
А й тут молодой Добрынюшка Микитинец
Да не смел он к полянице той подъехати,
Да не мог у ней он силы поотведати;
Поскорешенько назад он поворот держал,
Приезжал на за́ставу московскую.
Говорил Добрыня таковы слова:
— Ай же, братьица мои да вы крестовыи,
Да бога́тыря вы славны святорусьскии!
То хоть был я во роздольице чисто́м поли,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Она езди в поли, сама тешится.
На раво́й руки у нёй-то соловей сидит,
На лево́й руки да жаворлёночек.
Да не смел я к полянице той подъехати
И не мог-то у ней силушки отведати.
Ёна едет-то ко городу ко Киеву,
Ёна кличет-выкликает поединщика,
Супротив собя да супротивника,
Из чиста́ поля да и наездника,
Поляница говорит да таковы слова:
«Как Владымир князь-от стольнё-киевской
Как не дает мне-ка он да супротивника,
Из чиста́ поля да и наездника,
А й приеду я тогда во славной стольний Киев-град,
Розорю-то славный стольний Киев-град,
А я чернедь мужичков-тых всих повырублю
А божьи церквы я все на дым спущу,
Самому князю Владымиру я голову́ срублю
Со Опраксиёй да с королевичной!»
Говорит им старый казак да Илья Муромец:

—А й богáтыря вы святорусьскии,
Славная дружинушка хоробрая!
Я поеду во роздольицо чистó поле,
На бою-то мне-ка смерть да не написана;
Поотведаю я силушки великою
Да у той у поляницы у удалою.
Говорил ему Добрынюшка Микитинец:
—Ай же, старыя казак да Илья Муромец!
Ты поедешь во роздольицо чистó поле
Да на тыя на удары на тяжелыи,
Да й на тыя на побоища на смёртныи,
Нам кудá велишь итти да й кýды ехати?
Говорил-то им Илья да таковы слова:
—Ай же, братьица мои да вы крестовыи!
Поезжайте-тко роздольицом чистым полем,
Заезжайте вы на гору на высокую,
Посмотрите вы на драку богатырскую:
Надо мною будет, братци, безвремéньице,
Так поспейте ко мни, братьица, на выруку.
Да й садился тут Илья да на добрá коня,
Ён поехал по роздольицу чистý полю,
Ён повыскочил на гору на высокую,
А й сходил Илья он со добрá коня,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Как-то ездит поляничищо в чистóм поли;
И она ездит поляница по чистý полю
На добрóм кони на богатырскоём,
Она шуточки-ты шутит не великии,
А й кидает она палицу булатнюю
А й под облаку да под ходячую,
На добрóм кони она да ведь подъезживат,
А й одною рýкой палицу подхватыват,
Как пером-то лебединым поигрыват,
А й так эту палицу булатнюю покидыват.
И подходил-то как Илья он ко добрý коню,

Да он пал на бе́дра лошадиныи,
Говорил-то как Илья он таковы слова:
— Ай же, бурушко мой маленькой косматенькой!
Послужи-тко мне да верой-правдою,
Верой-правдой послужи-тко неизменною,
А й по-старому служи еще по-прежнему,
Не отдай меня татарину в чисто́м поли,
Чтоб срубил мне-ка татарин буйну голову!
 А й садился тут Илья он на добра́ коня,
То он ехал по роздолью по чисту́ полю
И он наехал поляницу во чисто́м поли,
Поляници он подъехал со бела́ лица,
Поляницу становил он супроти́в собя,
Говорил ён поляници таковы слова:
— Ай же, поляница ты удалая!
Надобно друг у друга́ нам силушки отведати.
Порозъедемся с роздольица с чиста́ поля
На своих на до́брых ко́нях богатырскиих,
Да приударим-ко во палици булатнии,
А й тут силушки друг у друга́ й отведаём.
 Порозъехались оне да на добры́х конях
Да й по славну по роздольицу чисту́ полю,
И оны съехались с чиста́ поля да со роздольица
На своих-то ко́нях богатырскиих,
То приударили во палици булатнии,
Ёны друг друга́-то били по белы́м грудям.
Ёны били друг друга́ да не жалухою,
Да со всёю сво́ей силы с богатырскою,
У них палицы в руках да й погибалися
А й по маковкам да й отломилися.
А под нима-то доспехи были крепкии,
Ёны друг друга́ не сшибли со добры́х коней.
А не били оны друг друга́, не ранили,
И никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых ко́ней богатырскиих,

Говорили-то оны да промежду́ собой:
— Как нам силушка́ друг у друга́ отведати?
Порозъехаться с роздольица с члста́ поля
На своих на добрых конях богатырскиих,
Приударить надо в копья в муржамецкии,
Тут мы силушка́ друг у друга́ й отведаём.
Порозъехались оны да на добры́х конях
А й во славноё в роздольицо чисто́ поле,
Припустили оны друг к другу́ добры́х коней,
Порозъехались с роздольица с чиста́ поля,
Приударили во копья в муржамецкии,
Ёны друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белы́м грудям,
Так у них в руках-то копья погибалися
А й по маковкам да й отломилися.
Так доспехи-то под ни́ма были крепкии,
Ёны друг друга́ не сшибли со добры́х коней,
Да й не били, друг друга́ не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых ко́ней богатырскиих,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
— А 'ще как-то нам у друг друга́-то силушка отведати?
Надо биться-то им боем-рукопашкою,
Тут у друг друга́ мы силушка отведаем.
Тут сходили молодци с добры́х коней,
Опустилися на матушку сыру́ землю,
Пошли-то о́ны биться боем-рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена была бороться об одной ручке́;
Подходила-то ко старому каза́ке к Илье Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу́ бодру,
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Илье Муромцу на белу грудь,
Она брала-то рогатину звериную,

Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше го́ловы,
Опустить хотела ниже пояса.
На бою-то Илье смерть и не написана,
У ней правая рука в плечи да застоялася,
Во ясны́х очах да й помутился свет,
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
— Ай скажи-тко ты, бога́тырь святорусьскии,
Тобе как-то молодца да именём зовут,
Звеличают удало́го по отечеству?
А 'ще старыя казак-то Илья Муромец,
Розгорелось ёго сердце богатырское,
Й он смахнул своёй да правой ручушкой,
Да он сшиб-то ведь бога́тыря с бело́й груди,
Ён скорешенько скочил-то на резвы́ ножки,
Он хватил как поляницу на косу́ бодру,
Да спустил он ю на матушку сыру́ землю,
Да ступил он поляници на белы́ груди,
А й берет-то в руки свой булатный нож,
Заносил свою он ручку правую,
Заносил он выше го́ловы,
Опустить он хочет ручку ниже пояса;
А й по божьему ли по велению
Права ручушка в плечи-то остояласи,
В ясных очушках-то помутился свет.
То он стал у поляничища выспрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попроведай-ко,
Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
Еще как-то поляничку именём зовут,
Удалу́ю звеличают по отечеству?
Говорила поляница й горько плакала:
Ай ты, старая базы́ка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь-то на моёй да на бело́й груди,
Во руки ты держишь свой булатний нож,

Росспластать хоти́шь мои да груди белыи!
Я стояла на твоёй как на бело́й груди,
Я пластала бы твои да груди белыи,
Доставала бы твое сердцé со пе́ченей,
Не спросила бы отца твоёго й матери,
Твоего ни роду я ни племени.
  И розгорелось сердцо у бога́тыря
Да й у старого каза́ка Ильи Муромца,
Заносил-то он свою да ручку правую,
Заздынул он ручку выше го́ловы,
Опустить хоти́т ю ниже пояса;
Тут по божьему да по велению
Права ручушка в плечи да остояласи,
В ясных очушках да й помутился свет,
Так он стал у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мни, проведай-ко,
Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
Тобя как-то поляничку именём зовут,
Звеличают удалую по отечеству?
  Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты, старая базыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моёй да на бело́й груди,
Во руки ты держишь свой булатний нож,
Росспластать ты мни хоти́шь да груди белыи!
Как стояла б я да на твоёй бело́й груди,
Я пластала бы твои да груди белыи,
Доставала бы твое сердцé со печенью,
Не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Твоего-то я ни роду да ни племени.
  Тут у старого каза́ка Ильи Муромца
Розгоре́лось ёго сердце богатырское,
Ен еще занес да руку правую,
А й здынул-то ручку выше го́ловы,
А спустить хотел ён ниже пояса.

По господнему тут по велению
Права ручушка в плечи-то остоялася,
В ясных очушках-то помутился свет.
Ён еще-то стал у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то, поляница, попроведай-ко,
Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
Тоби как мне поляницу именём назвать
И удалу́ю звеличати по отечеству?
 Говорила поляница таковы слова:
— Ты, удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя бога́тырь святорусьскии!
Когда стал ты у меня да и выспрашивать,
Я про то стану́ теби высказывать.
Есть я родом из земли да из Тальянскою,
У меня есть родна матушка честна́ вдова,
Да честна́ вдова она колачница,
Ко́лачи пекла да тым меня воспи́тала
А й до полнаго да ведь до возрасту;
Тогда стала я иметь в плечах да силушку великую,
Избирала мне-ка матушка добра́ коня,
А й добра́ коня да богатырскаго,
И отпустила ме́ня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка,
Поотведать мне да роду племени,
 А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Ен скоренько соскочил да со бело́й груди,
Брал-то ю за ручушки за белыи,
Брал за перстни за злаченыи,
Он здынул-то ю со матушки сыро́й земли,
Становил-то он ю на резвы́ ножки,
На резвы́ он ножки ставил супроти́в себя,
Целовал ю во уста ён во саха́рнии,
Называл ю соби дочерью любимою:
— А когда я был во той земли во Тальянскою,
Три году́ служил у ко́роля тальянского,

Да я жил тогда да й у честно́й вдовы,
У честно́й вдовы да й у колачницы,
У ней спал я на кроватке на тесовоей
Да на той перинке на пуховоей,
У самой ли у нёй на бело́й груди.
И оны сели на добрых коней да порозъехались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Пороздернул он свой шатер белыи,
Да он лег-то спать да й проклаждатися
А после́ бою он да после́ драки;
А й как эта поляничища удалая
Она ехала роздольицем чисты́м полем,
На кони она сидела, пороздумалась:
— Хоть-то съездила на славну на святую Русь,
Так я нажила себе посме́х великии:
Этот славныи бога́тырь святорусьскии
А й он назвал тую мою матку б......,
Меня назвал выб.......
Я поеду во роздольице в чисто́ поле
Да убью-то я в поли́ бога́тыря,
Не спущу это́й посмешки на святую Русь,
На святую Русь да и на белый свет.
Ёна ехала роздольицем чисты́м полем,
Насмотрела-то она да бел шатер,
Подъезжала-то она да ко белу́ шатру,
Она била-то рогатиной звериною
А во этот-то во славный бел шатер,
Улетел-то ша́тер белый с Ильи Муромца.
Его добрый конь да богатырскии
А он ржет-то конь да й во всю го́лову,
Бьет ногамы в матушку в сыру́ землю;
Илья Муромец он спит там, не пробудится
От того от крепка сна от богатырскаго.
Эта поляничища удалая

Ёна бьет его рогатиной звериною,
Ена бьет его да по бело́й груди,
Еще спит Илья да й не пробудится
А от крепка сна от богатырского.
Погодился у Ильи да крест на вороти,
Крест на вороти да полтора́ пуда́:
Пробудился он звону от крестоваго,
А й он скинул-то свои да ясны очушки,
Как над верхом-тым стоит ведь поляничища удалая,
На добро́м кони на богатырскоем,
Бьет рогатиной звериной по бело́й груди.
Тут скочил-то как Илья он на резвы́ ноги,
А схватил как поляницу за желты́ кудри,
Да спустил ен поляницу на сыру́ земля,
Да ступил ен поляницы на праву́ ногу,
Да он дернул поляницу за леву́ ногу
А он надвоё да ю поро́зорвал,
А й рубил он поляницу по мелки́м кускам.
Да садился-то Илья да на добра́ коня,
Да он рыл-то ты кусочки по чисту́ полю,
Да он перву половинку-то кормил серы́м волкам,
А другую половину черным во́ронам.
А й тут поляници ёй славу́ поют,
Славу́ поют век по́ веку.

27

[Илья Муромец и тата́рченок]

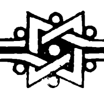
Ох вы люди, люди добрые,
Шабры мои приближенные!
Вы прийдите посидеть ко мне,
Вы скажите мне про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,

Илью Муромца сын Ивановича.
Он в сиднях сидел ровно тридцять лет,
Тридцять лет и три года;
Он пошел гулять по Салфе-реке.
По Салфецкому круту бережку.
Выезжал Илья на высок бугор,
На высок бугор на раскатистый.
Расставлял шатер — полы белыя,
Расставя шатер, стал огонь сечи́;
Высеча́ огонь, стал раскладывать,
Разложа огонь, стал кашу варить,
Сваря кашу, расхлёбывать;
Расхлебав кашу, стал почи́в держать.
Богатырский сон на двенадцять дён,
На двенадцять дён, на двое суточки.
Где не взялся. . . тата́рченок.
Тата́рченок-бусурма́нченок;
Он взошел в шатер, сам дивуется:
— Еще быть это Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Сонного мне убить — не честь не хвала,
А разбудить его — не сладити.
Цап-царап его во белу́ю грудь.
Он не попал, злодей, во белу́ю грудь,
Он попал, злодей, в чуден зо́лот крест;
От креста копье загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу тата́рченку издивляется:
— Еще что это. . . за тата́рченок!
В вышину он злодей пять аршин,
А в ширину злодей коса саже́нь,
Голова на нем как пивной котел,
Во лбу глаза по большо́й чаше.
Он и снес с него злодея буйну голову
По его могучи́ плеча́.

28

Илья Муромец и богатырь турок

Как из да́леча, из чиста́ поля,
Из раздольица из широкова,
Выезжает тут стары́й казак,
Стар-стары́й казак, Илья Муромец.
На своем он на добро́м коне.
На лево́й бедре сабля вострая,
Во право́й руке тупо копье.
Он тупым копьем подпирается,
Своей храбростью похваляется:
— Что велит ли бог в Царе-граде быть.
Я стары́х турков всех повырублю,
Молодых турчат во полон возьму.
Не откуль взялся богатырь турок;
С Ильей съехался, не здоровался,
Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью вострым концом,
Илья Муромец бьет тупым копьем.
Он сшибает турка с добра́ коня,
Ух как пал турок на сыру́ землю;
Он поддел турка на тупо́ копье,
Он понес турка во чисто́ поле,
Во чисто́ поле, к морю синему,
Он бросал турка во сине́ море:
Как сине́ море всколыбалося,
На пески вода разливалася.



БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

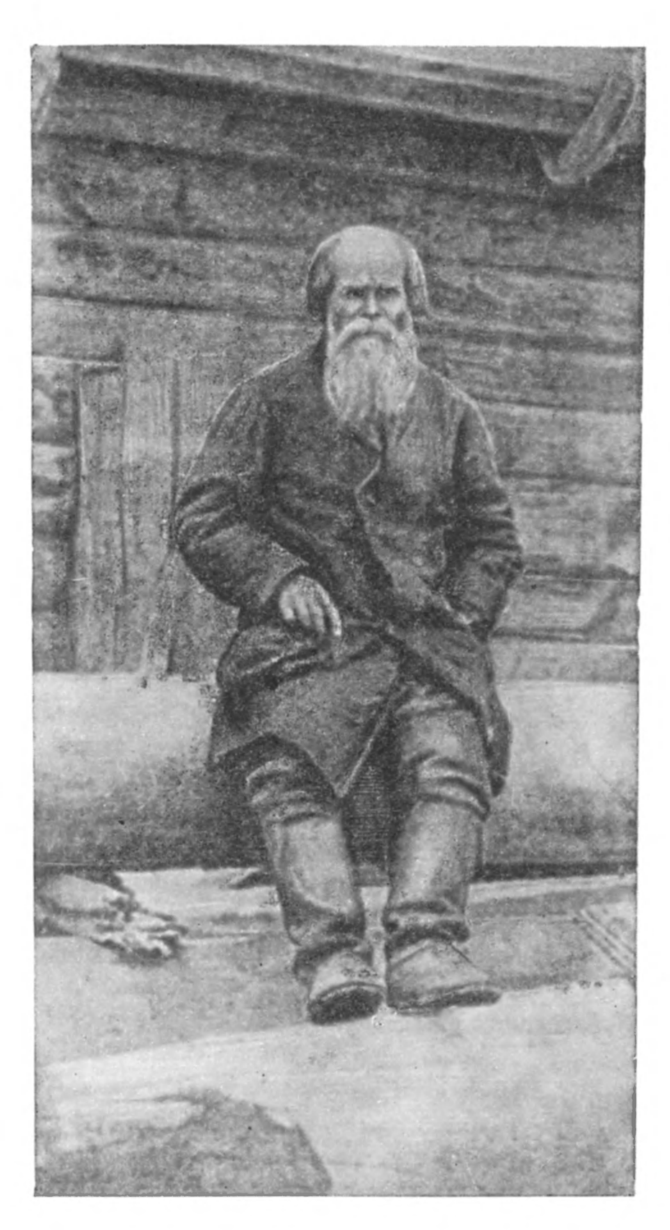
29

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Ай во том во городи во Рязанюшки.
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанушки во городи
Жил был Микитушка Романович.
Живучись, братцы, Микитушка состарилсе,
Состарилсе Микитушка, сам представилсе.
Ище жил-то Микита шестьдесят годов,
Снес де Микита шестьдесят боёв,
Ишше срывосних, урывосних цисла-смéту нет.
Оставалась у Микиты любимá семья,
Ай любима семья-та — молода жена,
Молодыя Омельфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое,
Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сын.
Осталсе Добрыня не на вóзрости,
Ка-быть ясной-от сокол не на вóзлети,
И осталсе Добрынюшка пяти-шти лет.
Да возрос де Добрыня-та двенадцеть лет.
Изучилсе Добрынюшка вострой грамоте,

Научилсе Добрынюшка да боротисе,
Ишшо мастёр Микитич а крутóй метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим укра́инам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Мурома,
До стары́ казака-то Ильи Муромца, —
Што мастёр Добрынюшка боротисе,
А крутóй де метать на сыру землю;
Ишше нету такова́ борца по всей земли.
Стал тогды Илеюшка собиратисе,
Ишше стал тогды Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борьца на приуда́лово.
Он седлал, уздал тогда коня добраго,
Ай накладывал узди́цю-ту тесмяную,
Ай наметывал седелышко чиркальскоё,
Да застегивал двенадцеть вси подпружины,
Засте́гивал двенадцеть вси спенёчики;
Ай подпружяны-ти были чиста се́ребра,
Да спенёчки-ти были красного золота.
И сам тогды стал сбруды приговаривать:
— Булат-железо не по́гнитце,
Самохи́ньской-о шолк сам не по́рвитце,
Ише красно-то золото в грязи не ржа́веёт.
 Только видели Илеюшку собираючись,
Не видели поездочки Илья Муромца;
Только видели — во поли куреву́шка вьёт.
Он здраво-то ехал полё чистое,
И здраво-то ехал лесы те́мныя,
И здраво-то ехал грязи че́рныя.
Ишше еде ко Рязанюшки ко городу;

Ко городу ехал не дорогою,
Во город заезжаё не воротами, —
Конь скакал же через стену городо́вую,
Мимо ту же круглу башню наугольнюю,
Ишше сам жа говорил тогда тако́ слово:
— Ай доселева Рязань-то слободой слыла,
И нонече Рязань-то слывет городом.
Увидал-то он маленьких ребятушок
И сам говорил им таково слово:
— И скажите вы, живет где-ка Добрынюшка?
Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогро́мистой,
Ай подворьицо-то было необширное,
Да кричал-то он, зычал зычним голосом,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники в его окошках помиту́сились,
Стёколенки в окошках пошорбалисе.
— Эли в доми Добрынюшка Микитиц сын?
Услыхала де Омельфа Тимофеевна,
Отпирала де окошочко косисчато
И рець гото́рила потихо́шеньку,
Да сама жа говорила тако́ слово:
— Уж и здраствуй, восударь ты да Илья Муромець!
Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли ес<т>ь,
Хлеба, соли ко мне исть, вина с медом пить.
Говорил восударь тогды Илья Муромець:
— Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовешь,
Почому же ты меня знашь из отечесьтва?
Говорила Омельфа Тимофеевна.
— И знать-то ведь сокола по вы́лету,
Ишше знать-то бога́тыря по вы́езду,
Ише знать молодца ли по поступочки.
Да немного де Илеюшка розговаривал;

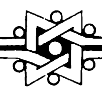


Федор Тимофеевич Пономарев.
(Былина 29).

Ише речь говорит — коня поворачиват.
Говорила де Омельфа Тимофеевна:
— Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромець!
Ты не буди ты спальчив, буди милослив:
Ты наедёшь как Добрынюшку на чисто́м поли,
Не сруби-тко Добрынюшки буйно́й головушки;
Добрынюшка у миня ведь молодёшенёк,
На речах у мня Добрынюшка зашибчивой,
На делах у мня Добрыня неуступчивой.
  Да поехал восударь тогды во чисто́ полё.
Он выехал на шо́ломя на окатисто,
На окатисто-то шо́ломя, на уго́ристо,
Да увидел под восточнёй под стороночкой —
Ише ездит дородней доброй молодець,
Потехаитце потехами веселыма:
Ише мечот свою палецю боёвую,
Да на белы-ти рученьки прихватывал,
Ай ко палеци своей сам приговаривал:
— Уж ты палецяф, палецяф боёвая!
Ишше нету мне топере поединшика,
Ишше руського могучого бога́тыря.
Говорил восударь тогды Илья Муромець:
— Уж те полно, молоде́ць, ездить, потехатисе.
Небылыма словами похвалятисе!
Ум мы съедимсе с тобой на́ поли, побратаимсе,
Ай кому-то де на́ поли будё божья́ помошшь.
  Услыхал-то Добрынюшка Микитиць сын,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждаитце,
Поворачивал своего коня доброво.
А как съехались бога́тыри на чисто́м поли,
Ай ударились они палецьми боёвыма,
И друг дружки сами они не ранили
И не́ дали раны к ретиву́ сердцу.
Как тут съехались во второй након,
Ай ударились они саблеми-ти вострыма,

Они друг дружки сами не ранили,
Ишше не́ дали раны к ретиву сердцу.
А как съехались бога́тыри во третьей након,
Ударились ведь копьеми бурзомецькима,
Ище друг-то дружки сами не ранили,
Ишше не́ дали раны к ретиву́ сердцу,
Только сабли у их в руках поломалисе.
Да скакали через гривы-ти лошадиныя,
Ай схватилисе бога́тыри больши́м боём,
Ай большим-то боём да рукопашосним,
Да водилисе богатыри по перьвой час,
Да водилисе богатыри по вто́рой час,
Ай водилисе богатыри ровно три часа.
Да по божью было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножочка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Ишше пал-то Илеюшка на сыру землю;
Ишше сел тогды Добрыня на белы́ груди,
Сам он говорил ёму таково слово:
— Уж ты вой еси, дороднёй добрый молодець!
Уж ты ко́ёго города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
И как молодца тибя именём зовут,
Ишше как звеличают из отечесьтва?
Говорит восударь-о Илья Муромець:
— Ай сидел-от кабы я у тя на белы́х грудях,
Не спросил бы я не родины, не вотчины,
А спорол бы я твои да груди белыя.
Досмотрил бы я твоёго ретива́ сердца, —
Говорил де Добрынюшка во второй након;
Говорил тогды Микитич во трете́й након;
Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
— Уж как езжу я из города из Киева,
Ай стары́й де я казак-тот Илья Муромець,

Илья Муромець я ведь сын Иванович.
Да скакал тогды Добрынюшка со белы́х грудей,
Берё де Илеюшку за белы́ руки,
Ай чёлуё в уста-ти во саха́рныя:
— Ты прости миня, Илеюшка, в таково́й вины,
Шьто сидел у тебя да на белы́х грудях!
Ишше тут де братаны-ти поназва́нелись;
Ай крестами-ти сами они покресто́вались;
Ай Илеюшка-то был тогды ведь бо́льший брат,
Ай Добрынюшка-то был тогда а ме́ньший брат.
Да скакали ведь они на добры́х коней,
Ай поехали братаны они в Рязань-город
Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.
Да стречёёт их Омельфа Тимофеевна.
Приехали братаны из чиста́ поля,
Они пьют-то тогда сами, проклаждаютце.
Говорил жа восударь тогды Илья Муромеч:
— Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!
Ты спусти-тко-се Добрынюшку Микитица,
Ты спусти-тко ёго ты да в красен Киев-град.
Да поехали братаны в красён Киев-град,
А к тому же де князю ко Владимёру.



БУНТ ИЛЬИ МУРОМЦА ПРОТИВ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

30

Никита Заолешанин

Ездит Илья во чистом поле.
Говорит себе таково слово:
— Побывал я, Илья, во всех городах,
Не бывал я давно во Киеве;
Я пойду в Киев, попроведаю,
Что такое деется во Киеве.
Приходил Илья в стольный Киев-град.
У князя Владимира пир на ве́село.
Похо́дит Илейко во княжо́й терем,
Остоя́лся Илейко у ободверины.
Не опозна́л его Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский:
— Ты отку́ль родом, откуль племенем,
Как тебя именем величать,
Именем величать, отцем чевствовать?
Отвечает Илья Муромец:
— Свет Владимир, красное солнышко!
Я Никита Заолешанин.
Не садил его Владимир со боярами,
Садил его Владимир с детьми боярскими.
Говорит Илья таково слово:

— Уж ты батюшко, Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со во́ронами,
А меня садишь с воронятами.
Князю Владимиру за беду пало:
— Есть у меня, Никита, три бога́тыря;
Выходите-ко вы, самолучшие,
Возьмите Никиту Заолешанина,
Выкиньте вон из гридницы!
Выходили три бога́тыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать:
Никита стоит — не ша́тнется,
На буйной главе колпак не тря́хнется.
— Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
Подавай еще трех бога́тырей!
Выходило еще три бога́тыря.
Стали они Никитушку попёхивать.
Стали они Никитушку поталкивать.
Никита стоит — не ша́тнется,
На буйной главе колпак не тря́хнется.
— Ежели хошь, князь Владимир, потешиться,
Посылай еще трех бога́тырей!
Выходили третьи три бога́тыря:
Ничего не могли упаха́ть с Никитушкой.
При том пиру при беседушке
Тут сидел да посидел Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад;
Говорил он князю Владимиру:
— Князь Владимир, красное солнышко!
Не умел ты гостя на приезде учёвствовать,
На отъезде гостя не учёвствуешь;
Не Никитушка пришел Заолешанин,
Пришел стар казак Илья Муромец!

Говорит Илья таково слово:
— Князь Владимир, стольный киевский!
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди:
Глядючи, снимешь охоту тешиться!
Стал он, Илейко, потéшиться,
Стал он богатырей попихивать.
Сильных-могучих учал попинывать:
Богатыри по гриднице ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
— Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подлé меня,
Хоть по правую руку, аль по левую,
А третьё тебе место — куда хошь садись!
Отвечает Илья Муромец:
— Володимир, князь земли святорусския!
Правду сказывал Добрынюшка,
Добрынюшка Никитич млад:
Нé умел ты гостя на приезде учёвствовать,
На отъезде гостя не учёвствуешь!
Сам ты сидел со вóронами,
А меня садил с воронятами!

31

Илья Муромец в ссоре со Владимиром

Славныя Владымир стольне-киевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многи́х князей он и бóяров,
Славных сильны́их могучиих богáтырей;
А на пир ли-то он нé позвал
Старого казáка Ильи Муромца.
Старому казáку Илье Муромцу

За досаду показалось-то великую,
И он не знает, что ведь сделати
Супроти́в тому князю́ Владымиру.
И он берет-то как свой ту́гой лук розрывчатой,
А он стрелочки берет каленыи,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи́ церквы погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он золочены вси повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
— Ай же, пьяници вы, го́люшки кабацкии!
Да и выходите с кабаков, домов питейныих
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в домы́ питейные,
Да вы пейте-тко да вина до́сыта.
Там доносят-то ведь князю да Владымиру:
— Ай Владымир-князь да стольнё-киевской!
А ты ешь да пьешь да на честно́м пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Ён по городу по Киеву похаживат,
Ён на матушки божьи́ церквы погуливат,
На божьи́х церквах кресты повыломил,
А все маковки он золоченыи повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
— Ай же, пьяницы вы, го́люшки кабацкии!
И выходите с кабаков, домов питейныих
И обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
То несите в кабаки, в домы́ питейные
Да вы пейте-тко да вина до́сыта.
Тут Владымир-князь да стольнё-киевской
И он стал Владымир дума думати,
Ёму как-то надобно с Ильей помиритися.

И завел Владымир-князь да стольнё-киевской,
Он завел почестен пир да и на дру́гой день.
Тут Владымир-князь да стольнё-киевской
Да 'ще он стал да и дума думати:
— Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого каза́ка Илью Муромца?
Самому пойти мне-то, Владымиру, не хочется,
А Опраксию послать, то не к лицу идет.
И он как шел-то по столовой своей горенке,
Шел-то он о столики дубовыи,
Становился супроти́в моло́дого Добрынюшки.
Говорил Добрыни таковы́ слова:
— Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
К старому каза́ке к Ильи Муромцу,
Да зайди в полаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пяту́-то дверь ты порозмахивай,
Еще крест клади да й по-писа́ному,
Да й поклон веди-тко по-ученому,
А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичныих,
А й до самой матушки сырой земли
Старому каза́ке Ильи Муромцу,
Говори-тко Ильи ты да таковы́ слова:
«Ай ты старыя казак да Илья Муромец!
Я пришел к тобе от князя от Владымира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тобе позвать я на почестен пир».
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ен скорешенько-то стал да на резвы́ ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно́ плечко́,
Да он шапочку соболью на одно́ ушко́,
Выходил он со столовою со горенки,
Да й прошел полатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,

Ён пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому каза́ке к Илье Муромцу
Да в его полаты белокаменны.
Ён пришел как во столовую во горенку,
На пяту́-то он дверь да порозмахивал,
Да он крест-от клал да по-писа́ному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А 'ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичныих,
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорил-то ён Илье да таковы́ слова:
— Ай же, братец ты мой да крестовыи,
Старыя казак да Илья Муромец!
Я к тоби посла́н от князя от Владымира,
От Опраксы-королевичной,
А й позвать тобя да й на почестен пир.
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Скорешенько ставал он на резвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно́ плечко́
Да он шапоньку соболью на одно́ ушко́,
Выходили со столовыя со горенки,
Да прошли они полатой белокаменной,
Выходили-то они на стольний Киев-град,
Пошли оны ко князю к Владымиру
Да й на славный-от почестен пир.
Там Владымир-князь да стольнё-киевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорит-то со Опраксой-королевичной:
— Подойдут-ли ко мне как два русскиих бога́тыря
Да на мой-от славный на почестен пир?
И прошли они в полату в белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку.
Тут Владымир-князь да стольнё-киевской
Со Опраксией да королевичной

Подошли-то они к старому казаке к Илье Муромцу,
Они брали-то за ручушки за белыи,
Говорили-то они да таковы́ слова:
— Ай же, старыя казак ты, Илья Муромец!
Твое ме́стечко было́ да ведь пониже всих,
То́перь ме́стечко за столиком повыше всих!
Ты садись-ко да за столик за дубовыи.
Тут кормили его ествушкой саха́рнею,
А й поили питьицем медвяным.
Они тут с Ильей и помирилися.

32

Илья в ссоре с Владимиром

А тот ли-то князь да стольнё-киевской
А й сделал как задёрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для бога́тырей,
А для тых богатырей да русскиих,
Чтобы всяко званиё да шло́ туды
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу пришло,
А не к лицу пришло, стало похабно есть,
И тут-то Илья да роззадорился,
А тут-то Илья да розретивился.
Как скоро натянул он свой ту́гой лук
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенка роздумался:
— А что мне, молодцу, буде́ поделати?
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец есть роздра́женной.

Как он-то за тым тут повы́думал,
А стрели́л-то он тут по божьи́м церквам,
А по тым стрели́л по чудны́м крестам
А по тым маковкам золоченыим.
Да пали тут тыи маковки,
Да пали тут, отпали на сыру́ землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
— Да ай же вы были го́ли мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскии!
А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси,
А обирайте маковки вси золоче́ныи.
А подёмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на царев кабак,
Как станем нунь пить да зелена́ вина,
Да станем-то пить да заодно со мной.
Да как тут-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царскии,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны к ему да прибегают все:
— А батюшко ты да отец наш был!
А пили тут оны да зелено́ вино,
Как пили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-то пришла да неминучая,
Да как тут-то он да е скоры́м-скоро́,
А скорым-скоро́, скоро́-скоре́шенько,
А сделал он задернул тут почостный пир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскима,
А со тыма со могучима богатырмы:
— А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,

А думайте́-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте:
А нам кого буде́т послать да Илью́ позвать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казака Илью Муромца?
  А как тут-то они да думу думали:
— А нам-то есть кого послать Илью позвать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да назва́ныи,
Дак он-то, быват, его послушает.
  Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу до крестовому,
Да как здравствует он братца да крестоваго:
— А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,
А крестовыи братец мой назва́ныи!
  Да как старыи казак Илья Муромец
Да как он-то его да также здравствует:
— Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?
— А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было раньше того,
А раньше того дело поделано:
А по́писи были пописа́ныи,
А заповеди да пополо́жоныи,
А слушать-то брату да ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать брата бо́льшого.
Да еще-то как у нас да е́сте с тобой
А слушать-то брату ведь бо́льшому,
А й бо́льшому слушать брата ме́ньшаго.
  Да тут го́ворит Илья таково́ слово:
Ах ты братец да мой да был крестовыи!
Да как нунечку топеречку у нас с тобой

А все-то по́писи да были ведь пописаны,
А заповеди были попо́ложены,
А слушать-то брату ведь ме́ньшому,
А ме́ньшому слушать да бо́льшаго,
А бо́льшому слушать брата ме́ньшаго.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал зде!
Дак послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я назва́наго.
А тот ли-то князь стольне-киевской
А знал-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя, братец, же послушаю.
  Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старыи казак да Илья Муромец
А со тым с Добрынюшком с Микитичем,
А со братом со своим да со крестовыим.
А давают ему тут место не ме́ньшое,
А не ме́ньшое место было — бо́льшое,
А садят-то их во больши́й угол,
А во большо́й угол да за большо́й-от стол.
Да как налили тут чару залена́ вина,
А несли эту чару рядо́м к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару едино́й рукой,
А выпил он чару во еди́ной здох.
А другу наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́м к ему,
А принял тут Ильюша едино́й рукой,
Еще выпил он опять тут во еди́ной здох.
Как третью наливали меду сладкаго,
Да принял молодец тут едино́й рукой,
Еще выпил он опять тут во еди́ной здох.
Тут наелиси, напились вси, накушались,

Да стали тут оны да вси пьянёшеньки
А стали тут оны вси веселешеньки.
Как говорит Илья тут таково́ слово:
— Ай же ты, князь стольнё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
Послал-то братца ко мне ты крестоваго,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некого-то я бы не послу́хал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридню во столовую,
А я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то нунь прощу
А этую вину да ту великую.

33

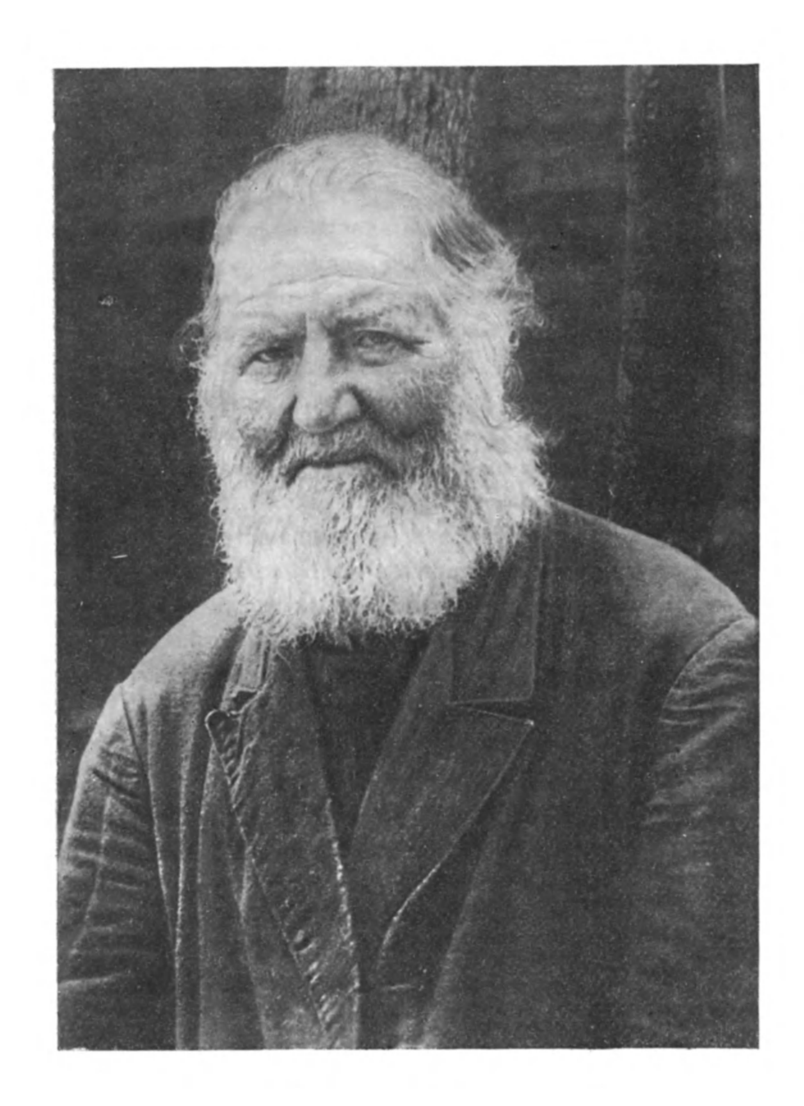
Про Илью и голи кабацкие

А как во стольноем во городи во Киеви,
А ведь у князя да у Владимира,
А велся-продолжалсе княжецкий пер,[1]
А с сильныма могучима бога́тырьма,
А Ильюшеньки на пер да не по́звали.
Открывал Ильюша свой почесной пер,
Позабрал местецько што не лучшее,
Што не лучшее место, самолучшее,
Среди города да среди Киева.
На удобной да ён на площади,
Да у князя-то да у Владимера,
У теремов-то он да златоверхиих.
Крикнул Ильюша голосом своим богатырскиим:
— Уж вы голи, голи кабацкие,
Городские голи вы, посацкие,

[1] Пир.

Собирайтесь-ко вы да приходите-тко,
Ко Ильюшеньки да на чесной пер!
Как у Ильюшеньки ведется свой почестный пер,
Среди города да среди Киева,
На удобной-то да на площади,
Как у князя-то да у Владимера,
Как у теремов да златоверхиих,
Тут же Ильюшенька как натягивал
Как тетивку он шолко́вую,
Как натягивал тетивку потугёшенько,
Направлял он стрелоцьки каленыи прямёшенько,
А спускал Ильюша стрелоцьки каленыи
В тугой лук рьянёшенько,
А спускал он князю-то Владимеру
По теремам ему-то златоверхиим.
Как у князя-то да у Владимира,
Как по городу да по Киеву,
А на теремах да златоверхиих
Были маковки шелко́выи подвешены.
Спускал Ильюша стрелоцьки да каленыи,
А ён по маковкам спускал да по шолко́выим,
Да как золоченыи маковки-то шолко́выи
Скатилисе оне да на сыру́ землю́,
Как ведь мелкии-то воробушки.
Дороги гости да Ильюшины
Собирали оны маковки шелко́вые,
Носили в лавоцьки оны торговыи,
Оттуль таскали напитоцьки спиртовыи.
А сидят пируют-то оны да прохлаждаютце,
А поют ёны песенки да разные,
Поют оны песни разные разважные,
Как не днем-то не ночью да ути́ха нет.
Как у князя-то да Владимера
Пер с бога́тырьма да прекращаетце,
А у Ильюши вперед да продолжаетце.

Тут Владимер-князь скручинилсе,
Тут Владимер-князь да спечалилсе:
— Разобьет Илья по городу по Киеву.
Все он терема разобьет златоверхии,
Вышиблет все маковки золоченыи,
Золоченыи маковки да шелко́вые!
Стал просить Владимир-князь
Сильныих могуциих бога́тырей:
— Как сходите-тко Ильюшеньку проводите-тко,
Штобы не спускал Илья стрелоцек каленыих,
Не щипал бы Илья маковок шелко́вых.
А как богатыри от князя отказалисе:
— Мы не смеем итти Ильюшу уговаривать,
Спустит Илья в нас стрелоцьки каленыи.
Стал Владимер-князь просить-то Добрынюшку,
Как Добрыня был-то посильнее всих.
Как пошел Добрыня Ильюшу уговаривать,
А идет Добрынюшка да думает:
— Если мне-то мне-ко-ва спереду зайти,
То спустит Илья в меня стрелоцьку каленую.
Вот зашел Добрынюшка сзади ведь,
А пал Добрыня Ильюше на плеци на могуции:
— Здравствуй же, мой да крестовый брат,
Владимер-князь меня да за тобой послал.
Стал Добрыня Ильюшу уговаривать,
А говорил-то вить Ильюшенька:
— Ай же ты, да мой крестовый брат,
Знал же ты да откуль зайти:
Если зашел-то бы спереду —
То спустил бы в тебя стрелоцьку каленую!
Уговорил-то Добрыня да Ильюшеньку,
Да повел Добрыня Илью к князю ко Владимиру,
Дороги гости Ильюшеньки недовольныи-то ведь осталисе,
Так былина и поконцилась.



Федор Андреевич Конашков.
(Былина 33, напев 16).

34

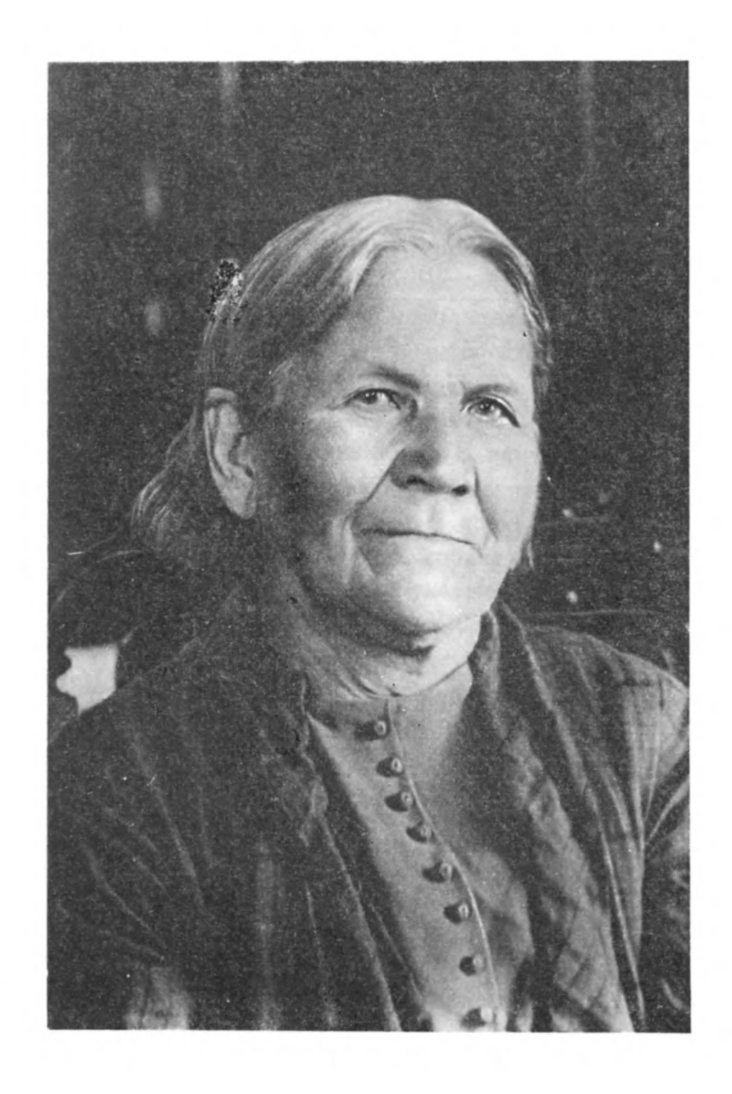
Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

Во том во городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Пированьицо да был почёстен пир,
Зазывал Владимир стольне-киевский
А князей-бояр он киевских,
Да всех русских могучиих бога́тырей,
Поляниц-то он всех удалыих,
Не позвал Владимир стольно-киевский
А старо́го казака́ Ильи Муромца
А на тот ли на почестен пир.
Рассердился Илья да поразгневался,
Выходил он на широкий двор,
Тугой лук разрывчатый натягивал,
Калены́ стре́лы да он налаживал,
Он начал по городу похаживать,
Он начал по Киеву похаживать,
На божьи́ церквы́ да он пострeливать.
А с церквей-то он кресты повыломал,
Золоты он маковки повыстрелял,
С колоколов языки́-то он повыдергал.
Заходил Илья в дома питейные,
Говорил Илья да таковы слова:
— Выходите-ко, голи кабацкие,
А на ту на площадь на стрелецкую,
Подбирайте маковки да золоченые,
Подбирайте вы кресты серебряны,
А несите-ко в дома питейные,
Продавайте вы да сребро-золото,
Покупайте бочки зелена́ вина,
А другие бочки пива пьяного,
А третьи бочки меда сладкого.

А тута голюшки кабацкие
Скоры́м-скоро с домов питейныих,
Подбирали они да сребра-золота,
Продавали да во дома питейные,
А выкатали бочки зелена́ вина,
Да другие бочки пива пьяного,
А и третьи бочки меда сладкого.
А Илья Муромец да сын Иванович
Закричал-то он да громким голосом:
— Уж вы пьяницы да вы пропоицы,
Собирайтесь-ко на площадь на стрелецкую,
Собирайтесь, мещане вы стрелецкия,
Мужички собирайтесь деревенския,
Вы лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины,
Приходите-тко к Ильи да на почестный пир,
Кормить-то буду я вас до́сыта,
А поить-то буду я вас до́пьяна.
Тут съезжалися да собиралися
А все пьяницы да все пропоицы,
Все мещане тут да стрелецкии,
Мужички-то все да деревенскии,
Все лапотники да балахонники,
Что мужчины, то и женщины
К Ильи Муромцу да на почестен пир.
Илья Муромец да сын Иванович
Он ковшом стоит вино размиривает.
Услыхали слуги княженецкие,
Они бежат в палаты белокаменны,
Говорят князю да Владимиру:
— Уж ты, солнышко Владимир стольно-киевский,
Уж ты ешь да пьешь да наслаждаешься,
А над Киевом невзгодушки да не ведаешь:
А старой казак да Илья Муромец
Расходился он да роскуражился,

С церквей кресты да он повыломал,
Золотые маковки да он повыстрелял,
С колоколов языки да он повыдергал,
А на площадь бочки с вином выкатил,
Угощает он да голь кабацкую,
Бедноту он всю да деревенскую.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
А соболью шапочку да на одно ушко,
Брал он трубочку да и подзорную,
Выходил на выходы высокие,
Посмотрел на площадь на стрелецкую,
Там Илья с беднотой да угощается.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Вы, князья мои да бояровья,
Думу думайте, совет советуйте,
Как унять Илью да усовестить,
Как позвать его на почестен пир,
Самому-то мне итти да не хочется,
А княгиню послать да не пристойно есть,
Нам кого послать да зазывальщиком?
Говорят князья да и бояровья:
— А пошлем мы Ваську Долгополого.
Скочил тут Васька с-за стола дубового
И побежал к каза́ку Ильи Муромцу,
Говорит Васька таковы слова:
— Илья Муромец да сын Иванович,
Я от князя ли да от Владимира
Пришел посланником да зазывальщиком,
А пойдем-ка ты да на почестен пир.
Говорит казак да Илья Муромец:
— Уж ты, Васька Долгополый есь,
А выпивай-ко чару зелена́ вина.
А Долгополый Васька того же рад.
Илья Муромец да сын Иванович

Наливает ему чару зелена́ вина,
А не малу сто́пу, полтора ведра,
Она весит весом полтора́ пуда́.
А берет-то Васька едино́й рукой,
Выпивает чару на еди́ный дух.
Тут-то Васька раскуражился,
К Илье Муромцу да он подлащился:
— Илья Муромец да сын Иванович,
У тебя есть вино хорошоё,
Я выпил чарочку, по другой душа горит.
Наливал тут Илья Муромец
Дру́гу чару зелена́ вина,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил Ваське Долгополому.
Берет тут Васька едино́й рукой,
Выпивает чару на еди́ный дух.
Как он выпил чару, тут он встать не мог.
Говорит Илья да таковы слова:
— Ах вы гой еси, голи кабацкие,
Вы возьмите Ваську за белы́ руки,
За белы́ руки да вы под пазухи,
Проводите Ваську вы по Киеву,
Доведите до двора да княженецкого,
Чтобы киевляне над Васькой не смеялися.
Тута голюшки кабацкии
Подхватили Ваську под руки,
Провели Василья да по Киеву
Ко тому двору ли княженецкому,
Отпустили Ваську и в обра́т пошли.
А то Васька ль да Долгополый есь,
За длинны полы запинается,
По княженецкому двору да он валяется,
Не может он пойти в палаты белокаменны.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— А пошлем-ко мы да зазывальщика,



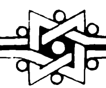
Анна Михайловна Пашкова.

(Былина 34).

Того Олешеньку да Поповича.
Тут Олешенька да одевается.
Зазывальщиком да отправляется,
На почестен пир да ко Владимиру
Зазывать он русского бога́тыря,
Старого казака́ Илью Муромца.
Говорит Олешенька Поповский сын:
— А не честь-хвала да молодецкая
Сидеть русскому могучему бога́тырю
С голь кабацкою да с нищетой бедняцкою,
А пойдем-ко ты да на почестный пир
Ко солнышку ко князю ко Владимиру.
Рассердился Илья да поразгневался,
Скочил Илья да на резвы́ ноги:
— Ах ты гой еси, нахал, собака поповская,
Не тебе меня учить да указывать.
Как ударил его в плечи богатырские
Да и раз, другой да и во третиих,
Присогнулся Олеша, поскоробился,
Будто пьяный напился на честно́м пиру.
Как приходит он ко князю ко Владимиру,
Говорит ему да таковы слова:
— Угостил меня Илья да наиспа́шечку,
До двора да княженецкого едва допутался.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, Чурилушка да Плёнкович,
Сослужи-ко князю службу верную,
Сходит-тко ты да зазывальщиком,
Зови того казака́ Илью Муромца
А на мой ли княженецкий пир.
Тут Чурилушко скоры́м-скорёшенько
Одевается да снаряжается,
Одевал рубашечки-манишечки,
Надушился он да напомадился,
В дороженьку да он отправился.

Как идет Чурило он по Киеву,
Завернул в переулок Марийнский,
Со девицами да призабавился,
С попадьицами да призабавился,
Позабыл про князя про Владимира.
А Владимир-князь да стольно-киевский
По палаты ходит, поджимается,
Он Илью с Чурилой дожидается.
День ко вечеру да двигается,
А Чурила с Ильей не возвращается.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Ах ты гой еси, Добрынюшка Никитинич,
Сослужи-тко ты мне службу верную,
Службу верную да неизменную,
А сходи-тко да зазывальщиком
Ты к старому казаку Ильи Муромцу,
Зови-тко ты его да на почестен пир.
Тут Добрынюшка свет Никитинич
Не одел он шубоньку соболию.
Не одел он шапоньку пуховую,
Он скоры́м-скоро да поскорёхоньку
Бежит по городу по Киеву
Как на ту на площадь на стрелецкую,
Отстоялся он да пораздумался:
— Мне с коей зайти да сторонушки
К своему ли братцу подкрестовому,
К старому казаку Ильи Муромцу?
Сидит Илья Муромец да сын Иванович,
За столом сидит да за дощатыим,
За дощатыим столом да скородельныим,
А сидят тута да кругом около,
Сидят пьяницы да и пропоицы,
Сидят голюшки да все кабацкии,
А крестьяне сидят да деревенскии,
На столах-то их да скородельныих

Много явствушек у них саха́рныих,
Наедаются да они до́сыта,
Напиваются да они до́пьяна.
Тут Добрынюшка да свет Никитинич
Подходил к столам да поскорёшенько,
Говорил он речь да потихошенько:
— А здравствуешь ли, братец подкрестовыи,
Ты мой старший брат да Илья Муромец,
Я к тебе пришел от князя от Владимира,
Пойдем-ко ты да на почестен пир.
Говорит тут Илья Муромец да сын Иванович:
— Если бы был ты не братец подкрестовый,
Угостил бы я тебя, как Олешку Поповича.
А садись-ко с нами за столы скородельныи,
А во-первыи сделал я почестен пир,
Не зазывал на пир я не князей-бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всё голей-то я кабацкиих.
Тут садился Добрынюшка Никитинич
А за те столы да скородельныи,
До́сыта они да наедаются,
До́пьяна они да напиваются,
Ко Владимиру итти да не торопятся.
Говорит тут старой казак да Илья Муромец:
— Двор мне княженецкий не нужен,
Не пиров держусь,
Я мужик не прихотливый,
Был бы хлеба кус.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ

35

Илья Муромец и голи кабацкие

Ото стольнего города Киева
Ко славному городу Чернигову
Пролегала дорога-путь широкая.
В ширину та дорожка двадцати сажён,
А в долину та дороженка не бывана,
А боем та дороженка не выбита.
И по той дорожке прямоезжия
Идет тут калика перехожая.
Ён волосом бел, а бородой седат,
А гуня на калики сорочинская,
А трунь на калики трипетова,
И шляпа у калики шестьдесят пудов.
И костыль у ка́лики девяти сажён,
И клюхой идё калика подпирается,
И под им мать-земля вся колубается.
И заходит калика на царев кабак,
А по кабаку калика-та похаживал,
С ноги на́ ногу калика переступыват,
Все дубовые поло́вки подгибалися.
Говорит чумакам он целовальникам:
— Отпустите вина мне полтора ведра.
Говорят чумаки-де целовальники:

— Как не во что старому те верити,
Муниця на тебе ведь веретно́м тряхнуть.
— А берите в заклад у мня чуден крест,
Золотого крест червонного золота,
А весу-то крест тя́не полсема́ пуда.
Не смеют за крёст оны принятися,
Не смеют ему дати зелена́ вина.
Как он вышел на площадь на торговую,
И скрыкнул-де калика зычным голосом:
— Собирайтесь-ко все голи до единого,
А купите вина мне полтора ведра,
А опохмельте калику перехожего.
Собиралися голи до единого.
Как собрали калики да по денежки,
И мало того — по копеечке,
И купили калики полтора ведра.
И принял калика едино́й рукой,
И выпил калика на еди́ной вздох,
И уже сам говорит ён таково́ слово:
— Не напоили старика, лишь роззадорили.
Как шел ён ко погребу княженецкому,
Ён ведь замочки руками-то отщалкивал,
А двери-колоды вон выпинывал.
И заходит во погребы княженецкие
И берё бочку сороковку под пазуху,
Дру́гу сороковку брал под дру́гую,
А третью-ту бочку ён ногой катил.
И выходил на площадь на торговую
И скрыкнул-де сам он зычным голосом:
— Собирайтесь вы, голи, до единого!
Пейте-тко, голи, зелено́ вино,
Зелено́го вина вы пейте до́пьяна.
Собиралися голи на площадь торговую,
Пили-де голи зелено́ вино,
Зелено́ вино да пили до́пьяна.

Туто все голи напивалисе,
Напивались голи, упивалисе.

36

Илья Муромец и голи кабацкие

А и собирал-то князь Владимир он почесён пир,
А вот почесен он пир да он на весь мир,
А и как ведь и начали тут ведь и гости-ти съезжатисе,
А и вот съезжатьсе-то начали, скоплятисе;
А и скоро-скоро княженецьки-то светлы гривены
А они народом-то ведь и были принаполнены;
А и как стречал-то князь гостей да всех усаживал
А и как за те ли всё за столичики окольние,
Э и как за те садил скамеечки окольние,
А и как на те садил скамеечки-ти рыта бархата,
А и как за е́ствы садил за всё за разные,
А и за напиточки садил же он заморьские.
А и тут все были на пиру у князя съехались,
А и как со старого до малого в Киёви-то со́званы,
А и заиграли тут во струны-то в золоченые,
А вот во те ли всё во гусли-то во веселые,
А и как запели-то все люди за столом они,
А и вот запели-то старинушку ста́ру-прежную,
А и все заслушались бога́тыри славны киевьски.
А когда пропелись народ, проговорилисе,
А и как тогда же все гости-ти призамолкнули,
А ёны сидели-то гости-ти тут ведь кушали
И ешше белую лебедушку они рушали.
А и красно солнышко пекло у нас на я́сени
А и как веселой-то пир шел наве́селе;
А и как красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и все на пиру-ту у князя как у Владимера
А как досы́та-та сыто наедалисе,
А и вот допья́на-то пьяно напивалисе,

А и во хмелюшечки они все приросхвастались.
А ешше умной-то захвастал ро́дным батюшком,
А и вот разумной-то захвастал ро́дной матушкой,
А и как бога́тыри захвастали всё они своей силой богатырьскою,
А и ешше рыцари захвастали они подви́гами славныма рыцарьскима,
А и князья-бо́яра захвастали науками,
А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как купьцы-гости́ торговые захвастали,
А и они захвастали своей же золотой казной.
А и как ведь и один сидел дороднёй добрый мо́лодец,
А и он нечи́м сидел всё же он не хвастал-то,
А и подошел к нему ведь и князь же Владимер стольнё-киевьской:
— А и уж ты что же, доброй мо́лодец, не хвастаешь?
А и нечего́-то мне как, князю, не гово́ришь-то?
А и тебе есть же чем ведь и всё же вот похвастати:
А и много-много ты бывал же везде, езживал,
А и много-много ты везде да всего видывал,
А и ешше много-то всего да ты же слыхивал.
А и отвечал тогда ведь и князю-ту Илья Муромець:
— А я хошь и много, князь Влагодимер-то, везде бывал,
А и много-много я на свете всего слыхивал,
А уж я и слыхивал всего же, много видывал,
А и стань ведь сказывать, Владимер-князь,
А и не поверят-то как и мне-ка же, до́бру мо́лодцу,
А и лучше же мне сидеть ничем не хвастати.
А и тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
А и за великую насмешечку показалосе,
А и говорили они тогда князю́ Владимеру:
— А и он ведь и с нами-ти на пиру у тя говорить да никогда не хочот-то,
А и розговор-от ведет да всё веселой-от
А и как со той ли всё со голью всё со кабацькою,

А и когда сидит-то он в твоих во княженеськиих во ка́баках,
А и когда пьет-то много он же зелена́ вина,
А и зелена́ вина дак и пьет-то пива пьяного.
А и ишше-то тут Ильи-то Муромцю ети речи-ти не слюбилисе,
А и тут разгневалсе на их же Илья Муромеч,
А и нечего́-то Илья Муромець не разговаривал,
А и замолчал сидел дороднёй доброй мо́лодец.
А и долго шел пир-от княжеськой-то, длилсе он,
А и красно солнышко за го́рушки закатилосе,
А и княженеськой-от ведь и пир да он прошел же весь,
А и стали гости-ти ведь и тут из-за столов вставать,
А и стали гости-ти ведь и тут богу молитисе,
А и как со князем тут, со кнегиной распрошшатисе,
А и благодарили-то ведь и князя вот со кнегиною
А и как за ихны за пиры-столы веселые,
А и все же гости ведь и тут же розъезжалисе,
А и тут ведь и гости-ти скоро расходилисе.
А й как пошел тогда с пиру Илья Муромець,
А и он пошел тогда не в полаты-ти княженеськие.
А и он пошел, пошел тогда-то в бо́льши ка́баки,
А и в бо́льши ка́баки пошел он княженеськие.
А и как пришел когда во княженеськой кабак же он,
А и тут сидело-то, сидело народу разного.
А и тут стояло-то у порогу-ту голь кабацькая,
А и голь кабацька-та стояла вся неве́села.
А и поздоровалсе с нима́ же Илья Муромець:
— А и уж вы здраствуйте, ведь и всё народ приходяшшой-от!
А и во перьвы́х-то ведь и зраствуйте-ко, все ведь славные хрестьянушки!
А и во перьвы́х-то здраствуйте, черные-ти пахари!
А и уж вы здраствуйте-ко, люди-народ посадьские!
А уж вы здраствуйте, народ-люди, голь кабацькая!
А и вы уж что же ведь, ребята, невеселые,

Э и невеселые, повесили буйны головы?
А и что же вам, ребятушка, нездоровится?
А и отвечала-то тогда же голь кабацькая,
А и перьвы́-ти говорили же: «голова болит!»,
А други́-то говорили, что «исть, пить хочется!»,
А как третьи́-то говорили: «нам ведь и нет у нас одежды-то!»
А и говорил тогда Илья же им Иванович:
— А я некогда́ с вами, ребятушка, не сиживал,
Э и некогда́-то с вами, ребята, не говаривал,
Э и некогда́ с вами, ребята, я не говаривал.
А и тут ведь и брал-то Илья Муромець золотой казны,
А и вынимал-то он тогда же чи́ста се́ребра,
А и он давал, давал ведь и голи-то кабацькою,
А и вот кабацькой-то ведь и голи-то, посадьской-то.
А и накупили тут ребята жо зелена́ вина,
А и вот набрали тут ребята пива пьяного,
А и тут пошло у голи кабацькой-то пированьицо,
А развеселилась-то ведь и тут же голь кабацькая,
А и голь кабацька развеселилась вся посадьская.
Как Илья-то у нас Ивановиць не кушал-то,
Он не пил, не пил со голью-ту со кабацькою разную.
Он распрошшалсе-то со голью со кабацькою,
Говорил тогда премла́дому кабацькому:
— Когда мало бу́дёт того им на опохме́люшку,
Ты возьми у мня еще же да золотой казны,
Ты ведь и дай-ко им тогда на опохме́люшку.
Роспростилсе-то Илья Муромець же он,
Не пошел-то он ко князю-ту ко Владимеру,
Как пошел, пошел на подворьицо Добрынино,
Ко Добрынюшки пошел он ко Никитицю.
Как Добрынюшки Никитиця в доми не было,
Шшо Добрынюшки при домицьки не пригодилосе;
Стречала-то Добрынюшкина ро́дна матушка,
Пречесна́ вдова Омельфа-та Тимофеевна,

Она стречала-то его же, низко кланелась:
— Уж ты здраствуй, здраствуй, дороднёй ты доброй мо́лодець,
Ишшо на́ имя Илья же сын Иванович!
Как, какима же ветрами занесло тебя?
А и как, какима же судьбами приволокло тебя?
До́бро жаловать, любимой мой племенничок,
Как и на́ имя Илья же сын Иванович!
Приходи-ко в мои полаты во вдовиные,
Вот поешь у мня, попей же ты, покушай-ко!
Тут садился Илия Муромець с Добрынькиной с ро́дной матушкой,
Тут всего они тут всего и переговорили-то.
Россказал-то Илья Муромець про князя про Владимера,
Как сидел же он у князя на пиру же всё,
Насмеялись-то над ним же всё дворяна-то,
Вот дворяна насмеялись, всё бояра-ти:
— Будто я сижу ведь и да пью с голью-ту кабацькою,
Я сижу-то с и́ма будто прохлаждаюсе
В княженецьких-то будто больших ка́баках.
Я ведь со такого-то с великого ударику
Как ушел сёго́дни из княженецького дворца же вон,
Был же, был во княженецьких больших ка́баках,
Напоил же всю я голь же всю кабацькую,
Напоил же всё я голь посадьскую.
Они все у мня сегодне есть веселые;
Если мало ведь и дал я человальничку,
Если мало дал я золотой казны,
Тогда добавит-то ему же человальничок.
Он ведь жил-то у Добрынюшки Никитича,
Жил у Добрынюшкиной матушки трои суточки.
Как прошла-то ета славушка по городу,
Вот по городу прошла же всё по Киеву,
Илья Муромець-от будто всё с ума сошел,
Он с ума будто сошел, да всё неумный стал:

Он ведь и пьет ходит со голью-то со кабацькою.
Услыхал-то всё про то да сам Владимер-князь,
Сам Владимер-от князь да ведь и славной киевьской,
Посылат-то он своих же слуг-то верных тут;
Приходили скоро тут слуги-ти княженеськие,
Они спрашивали у мла́дого человальника:
— Ишше не был ли Илия, да Илья Муромеч,
Илья Муромець-от не был ли сын Иванович,
Его звал-то Влагодимер скоро к себе во дворец.
Во свой-от дворец да пред себя к себе.
Отвечал-то тут премла́дой человальничок:
— У мня был-то Илья Муромець ненадолго он,
Он не пил у мня сидел да всё не кушал-то.
Только дал же он на выпивку голи-то кабацькою,
Вот кабацькой-то голи да всё посадьскою.
Образумилась тут ведь и голь же всё кабацькая,
Приоделись они сегодни скоро платьём-то,
Розошлись-то от меня они по ти́хому.
Приходили тут к князю тут слуги верные,
Россказали князю-ту, как же они слышили;
Услыхали тут дворяна-ти, бояра-ти,
Приходили-то они ко князю-ту, низко кланелись:
— Ты прости-ко нас, князь Владимер, вины виноватою
Нам без той ли всё без казни без скорою,
Нам без той ли всё насмешечки великою,
Нам без той ли всё ссылочки без дальние!
— Говорите-тко, бояра, что вам надобно,
Говорите-тко, дворяна, что вам нужно-то.
— Уж ты, ласковой Влагодимёр-князь стольнё-киевьской,
Ето што тако за чудо у нас чудноё,
Ето што у нас за диво есть ведь дивноё?
Какой-то бога́тырь у нас во Киеви
Как на больших-то сидит за старшого?
Он ведь и ходит-то по городу уродует
Как со той ли всё со голью-ту со кабацькою,

Со кабацькою-ту ходит он со посадьскою,
Он ведь и пьет и пьет и с и́ма-то зелено́ вино,
Во хмелюшечки-то с и́ма разговариват:
«Я возьму себе в дружиночку голь кабацькую,
Голь кабацькую возьму же я, посадьскую,
Отберем у князя Владимера славной Киев-град,
Всех бога́тырей из Киева повыведем,
Вот повыведём ведь их, велим ведь выехать».
Тут ведь князю-ту Владимеру за беду пришло,
За великую обидушку показалосе:
— Когда при́дет ко мне Илья же, Илья Муромець,
Илья Муромець-от при́дет сын Иванович,
Засадите-тко его вы в тёмну те́мницу,
Вот запутайте во путани шелко́выя,
Вот задерните во орга́ны-ти во железные,
Засадите-ко до́бра мо́лодца в неволюшку.
На четверты-ти ведь суточки поры-времени
Роспрошшалсе-то Илья с Добрынюшкиной ро́дной матушкой,
Пречестной вдовой Омельфой-то Тимофеевной,
Во слёзах-то его матушка Добрынина спросила тут,
Провожала-то она же, слезно плакала,
Унимала его: — Почему же не живешь у нас?
— Уж ты ой еси, Добрынюшкина ро́дна матушка,
Мне-ка надобно итти ко князю-ту ко Владимеру,
Мне итти как ведь и нужно попроведати.
Распрошшалась тут Добрынина ро́дна матушка,
Вот пошел, пошел Илья же сын Иванович,
Он пришел, пришел ведь и скоро на княженеськой двор,
С широка́ двора зашел в столовыя во гривины,
Он молилсе тогда спасу пречистому,
Вот здоровалсе со князем-то со Владимером,
Со Владимером со князем-то, со кнегиною.
Как по ту пору, во то время бояре-ти
Вот схватили дородна до́бра мо́лодца,
Его запутали во путани шелко́выя,

Вот задернули в орга́ны-ти во железные,
Уводили до́бра мо́лодца из дворца же вон,
Засадили до́бра мо́лодца во темную во те́мницу,
Заключили его в злодейку-ту заключёную.
Как сидел-то Илья Иванович трои суточки,
Вот узнала скоро же всё и голь же всё кабацькая,
Тут скоплялась голь кабацькая во единый круг,
Говорила голь кабацькая во едино́ слово́;
— Нам ведь надоть выручать-то, ребята, своего-то великого добродетеля,
Добродетеля Илию же, Илию Муромца,
Как его надоть ведь и сына свет Ивановича.
Подошла-то туть ведь и голь же, голь кабацькая,
Ко княженецькой-то она же темной те́мницы,
Они немного тут ведь и стали разговаривать,
Приломали-то замки-ти заморьские,
Притоптали все ведь и двери-ти дубовые,
Розвязали тут ведь и путани шелко́вые,
Разрубили тут орга́ны-ти тяжолы-ти железныя.
Вышел, вышел тут Илья же сын Иванович,
А бояра-ти, дворяна не показалисе.
Как пошел тогда Илья же Муромец,
Как пошел тогда же с ними в княженецьки больши ка́баки,
Как без расчету дал им тут же золотой казны,
Много брал-то ведь покупал им зелена́ вина,
Напилась-тут дружиночка кабацкая,
Ишшо та ли голь кабацькая, посадьская.
Поутру́-то всё по ранному дружиночка пробужаласе,
Илья Муромецъ давал им на опохмелитисе,
Как давал-то им ведь и он на пропитаньицо,
Вот давал-то он их на одеваньицо,
Роспрошшалсе тут со голью со кабацькою:
— Ешше я-то вам, ребятушка, скажу же всё:
Приоденьтесь-ко, ребятушка, всё по одёжи-то,
Уж я куплю-то вам, ребята, по добру́ коню,

Я куплю-то вам, ребята, латы́ булатные,
Я куплю-то вам ведь саблю богатырьскую,
Я куплю-то вам ведь и ко́пьё-то богатырьское,
Я куплю-то вам ведь и паличи тяжелые.
Как сказал-то Илья Муромець, исполнил он, —
Как купил-то им по коничку богатырьскому,
Выдавал-то им ведь и латы богатырьские,
Выдавал-то им ведь сабли богатырьския,
Выдавал-то им ведь ко́пьё богатырьскоё,
Выдавал-то он по палици тяжелою, —
Снарядил-то он дружиночку сделал тут хоробрую.
Как во ту́ пору, во то са́мо-то во времецька
Как бога́тырей-ти некого́ во городе не случилосе,
Подошла-то тогда сила неверная,
Вот неверна-та сила всё арабская,
Подошла-то тут ведь и силушка азовская,
Подошла-то тут ведь и силушка пересийская,
Много-много силы подошло силы неверною.
Как от той ли всё от силушки от многою,
От то́го ли всё от пару-ту лошадиного
Не замогли-то продувать же ветры буйные,
Не замогло-то пропекать же красно солнышко,
Как народ-то ведь и люди разболелисе,
Разболелисе во Киеви, расхворалисе.
Как Илья-та жил ведь Муромець во Киеви,
Вот во Киеве же жил, только не у князя он,
Он ведь жил-то у Пересмякина племянника;
Как узнал про то Владимер-князь стольнё-киевьской,
Посылал-то слуг своих да он просил его,
Вот просил его на пир да на веселой стол;
Отвечал-то князь Владимер стольнё-киевьской: [1]
— Уж вы ой еси, слуги-ти княженеськие,
Вам спасибо-то и ведь, слуги, за приглашеньицо.

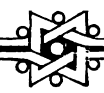
[1] *Обмолвка; следует:* Илья Муромец.

Меня нечого-то звать да звать ведь, чостовать,
Потюрёмны-ти ведь и люди невеликие,
Невеликие-те люди, непочотные.
Как ведь и есть кому у князя на пиру сидеть,
На пиру кому сидеть да всё дела вести.
Как ведь ти послы уходили от Ильи же вон,
Как други́ послы-ти приходили-то, низко кланелись, —
Не пошел-то Илья Муромець на почесен пир,
Как поехал Илья Муромець ко своей же ко кабацькою к дружиночке:
— Поезжайте-тко, дружиночка кабацькая,
Вот кабацькая дружиночка посадьская,
Поезжайте-ко со мной вы ко Добрынюшкиной ро́дной матушке,
Поеди́м у ней же мы всё у ей, покушаем,
После пированьица поедем во чисто́ полё,
Нам ведь надо всё побитьсе, поборотисе.
Я побью, быват, ведь и силушку неверную,
Вы, ребята, помогайте силу хоронить же мне.
Тут дружиночка его же всё посадьская
Скоро-скоро ведь ребята приоделися,
Вот садилисе они же на добры́х коней,
Вот приехали к Добрынюшкиной к матушки,
Вот приехали-то к матушке на широкой двор,
Привязали ко́ней-то к дубовы́м столбам,
К дубовы́м они столбам, да к золотым кольца́м;
Как выдавала тут Добрынюшкина матушка
Им пшеницы ведь и всё же белоярсвой,
Она насыпа́ла-та много, штобы покушали,
Наливала им воды она медо́вою.
Как пошли тут ребята во палатушки,
Пировали-то сидели три часа они,
Три часа они сидели проклаждалисе,
На четвертой-от они ешше осталисе,
Илья Муромець пошел же за добры́м конем.

Не заходил же он во гривины княженеськие,
Заходил-то только он же на широкой двор,
Он ведь и брал с собой видь и скоро вот добра́ коня,
Убирал он коня в золотой убор,
Накладывал двенадцать тугих по́другов,
А тринадцато-то клал он ради крепости,
Ради той ли всё поездки-то богатырьскою.
Он ведь и брал-то, брал с собой же платьё богатырьскоё,
Он ведь и брал с собой ведь и латы-ти богатырьские,
Он ведь и брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую.
Он ведь и брал с собой ведь палицю тяжелую,
Съезжал скоро ведь и он да со двора же вон.
А и он поехал скоро́ по городу по Киеву,
Э и приезжал-то он к Добрынюшки Никитицю,
А и под переднёё приехал он окошечко,
А и как крычал, крычал своим же громким голосом:
— А и ай дружиночка моя сла́вна посадьская,
А и ешшо та ли всё ведь и голь, да голь кабацькая,
А и как пора же, добры молодцы, собиратисе,
А и за работушку-ту нам же приниматисе!
А и услыхала-то дружиночка, голь кабацькая,
А и выходили-то из-за столичков, из-за кушанья,
А они благодарили-то Добрынюшкину ро́дну матушку,
А и вот распрошшались со Добрынюшкиной матушкой,
А и вот пошли, пошли вот они же на широкой двор,
А и вот отвязывали они же всё добры́х коней,
А и вот выехали ребятушки на улочку,
А и вот поехали ребята-те во чисто́ полё,
А и переехали они же сла́вну Непрь-реку,
А и вот приехали ребята во чисто́ полё.
А и как ведь и силушки неверной очёнь много есть,
А и ясну соколу-ту будет не облететь ему,
Как бога́тырю-то не объехать на добро́м кони́.
А и тут ведь и на́чал-то смотрять-то же Илья Муромець
А во свою ли он во трубочку подзорную,

А и усмотрял-то, где-ка силушка-та гу́стая,
А и где-ка силушка-та есть да всё же средняя,
А где-ка силушка стоит да всё же редкая.
А и он немного тут ведь и стал же разговаривать.
А и он на́чал тут Илеюшка поезживать,
А и на́чал силушку рубить немило́сливо:
Он вопра́во-то махнёт, — валилась улочка,
А и влево-то махнёт, — так переулочки.
А и помогала-то ему дружиночка хоробрая,
А и ишше-та ли всё ведь и голь, да голь кабацькая,
А и вот кабацька-та ведь и голь была, посадьская;
А и увидали тут ребята, голь кабацькая,
А и голь кабацька-та увидали тут, посадьска-та,
А Илья Муромець воюет сын Иванович,
А и скоро-скоро голь кабацька-та привыкнула,
А и они на́чали-то ездить, помогать ему:
С пра́ву руку-то рубил же Илья Муромець,
В ле́ву руку-ту рубила голь кабацькая.
А они рубили-то бились три-то месяца,
А и пособил господь Ильи же тут ведь Муромцу
А и за его ли всё за многое терпеньицо, —
Много-много был засажо́н раз в тёмну те́мницу,
А и засажо́н-то был всё он ведь и по-напрасному.
А и вот прибили-то ведь и силу всю неверную,
А и шшо очистили славной Киёв-град от гибели;
А прирывали скоро трупы-ти видь мертвыя,
Голь кабацька-та была на ето очунь работная,
Призарыли скоро ведь и их-то скоро всех сырой землей.
Становили тут ребятушка белы́ шатры,
Они по́пили-поели, отдохнули тут,
Отдыхал-то тоже Илья же, Илья Муромець,
Отдыхали с такой работушки неделёчку.
Как Илья-то, Илья Муромець, гово́рил-то:
— Уж вы нате-ка, ребятушка-дружиночка,
Вы возьмите-тко у мня же дам я золотой казны,

Вы возьмите-ка дам я вам чи́ста се́ребра,
Это в войске осталось, мне не надобно,
Вы возьмите, добры молодцы, себе на пропитаньецо,
На пропитаньицо себе вот, на разживаньицо,
Вы послушайте-ко, ребята, наказаньице:
Вы не пейте боле зря да зелена́ вина,
Вы не пейте-тко же пива, да пива пьяного, —
Вам пора, пора, ребятушка, обдуматься,
Из вас бу́дёт же бога́тыри, сла́вни рыцари.
Как тепере поезжайте с богом в красной Киев-град,
Хошь немного-то испейте зелена́ вина,
Вы попейте-ко, ребята, разных водочёк,
А потом же вы прироздумайтесь,
Сами-ти себя сделайте хорошима,
Шшо дружиночка была у мня непло́хая.
Тут кляну́лись они, дружиночка, божилисе:
— Бу́дём верно мы тебе служить до гробика!
Тут ребята-ти с Илеюшкой роспрошшалисе,
В славной Киёв-от ведь и город уезжали-то.
Илья Муромець поехал в город Муром-то,
Он немного в городи-то прожи́л же там,
Как поехал во село свое Качарово,
Как на свое же он поехал на подворьицо,
К своему-то он поехал к отцу, к матушке.
Как приехал-то Илья вот на свиданьицо,
Тут отец-то ро́дный батюшко веселой стал,
Ро́дна матушка его была ведь здоровёшенька,
Она от радости стречала чадо милого.
Тут осталсе Илья Муромець жить в Качарове.
Как ведь той нашо́й старинушке конец и пришел.
Как Качаровской-то всё же вот славной реченьке
На ти́шину-ту ей же на великою,
Как ведь и городу-ту Муромьску на чесь-славушку великую,
Вам, премле́дые ведь и люди, на прописаньицо,
От вас мла́дым-то пойдет на россказаньице.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И РАЗБОЙНИКИ

37

Встреча Ильи Муромца со станичниками

Середи было царства Московского,
И середи государства Российского,
И середи Москвы, в Кремле-городи
Що удеялось-учинилосе?
Тут пролегала дорога широкая.
Ширина той дороги широкое —
Три косые сажени печатные;
Глубина той дороги глубокое —
Доброму коню до черёва конинного,
Доброму молодцу до стремени булатного.
Тут ехал-проехал стар матёр человек:
Голова бела да борода седа.
Тут навстрету старому станишники,
Тут не много, не мало — восемьсот человек.
Как хотят они старого ограбити,
Полиши́ти свету белого,
Укоро́тать века долгого.
Тут спрого́ворил стар матёр человек:
— Уж вы ой еси, мла́ды станишники!
Уж вам бить старого не́ по що
И взять у старого нечего:

Золотой казны да не случилосе.
Тут есь под старым доброй конь:
Он уносит у ветра, у вехоря,
Утягиват у пули свинцовое,
Он ускакиват у ядра каленого.
Только есь на старом кунья́ шуба́,
На кормане у старого пятьдесят рублей
Тут старому на чару винную,
Що на винну чару опохмельную.
Що у той шубы три пуговки:
Ишше перва пуговка пятьсот рублей,
И вторая пуговка о тысецю,
И третьей пуговки цены здесь нет,
И только есь она да у царя в Москвы,
У царя в Москвы, да в золотой казны.
Уж тут мла́ды станишнички обза́рились
И приступают к старому на́крепко,
Хотят старого ограбити
И полиши́ти свету белого,
Укоро́тать веку долгого.
И с плець снимал он ту́гой лук,
Он намётывал стрелу каленую,
Он ударил да в сы́рой дуб.
Уж тут россыпался сы́рой дуб
На мелко черенье ножовое.
Уж тут мла́ды станишницки ужа́хнулись:
— Уж нам бить, ребята, старого не́ по що
И взять у старого нечего.

38

Как ездил стар

Как ездил стар по чисту́ полю
Ото младости и до старости,
У его-то был конь туце-падушко,

И да уж он реки-озера через скакал,
А мхи-болота между ног метал,
А синё морё на круг бежал.
А как поехал стар во чисто́ полё,
Да во чисто́м поли стоит сер камешёк,
А как на камешке три подписи подписаны:
— Во дорожку ехать — богату быть,
А в другу́ дорогу — женату быть,
А в третью дорогу — убиту быть,
А убиту быть, а пострелёну быть,
Пострелёну быть да погу́блену.
А стоит стар — выдумывает,
Головой качат, сам выговариваё:
— А на што мне старому богату быть?
У мня нету молодой жёны,
Да у мня нету малых деточёк,
Как некому́ держать цве́тных платьицев,
Да некому то́щить золотой казны.
А на што мне старому жёнату быть?
Мне стара взять — не заменьщица,
А молодая взять — чужа корысть,
А поеду в ту дороженьку,
Да во которой убиту быть,
Ай убиту быть да пострелёному,
А пострелёному, погублёному.
Да попроехал стар Индею богатую,
Да не доехал Корелу проклятую,
Да ему встретилось разбойников,
Да сорок тысяч подорожников.
Тут спрого́ворили разбойники:
— Да мы убьем стара, погубим-ко,
А со конем-животом его разлучим-ко.
Да тут стоит стар — выдумываёт,
Головой качат, сам выговариваёт:
— Ищо старого бить вам некого,

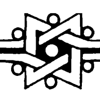
Да у старого взять нечего.
Ай казны с собой не случилосе,
А стольки пригодилосе
Конёжки на ножкам семи шёлков,
А семи шёлков — семи рядков,
Да во ногах в пята́х драго́ ка́менье,
Ценой стоят семьсот рублей.
  А тут спрого́ворят разбойники:
— Да мы убьем стара, погубим-ко,
А со конем-животом его разлучим-ко.
  Да тут стоит стар — выдумывает,
Головой качат, сам выговариваё:
— Ищо старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего.
Ай казны с собой не случилосе,
Тольки с собой пригодилосе
Да один чуден крест полтора пуда́,
Он ценою стоит ровно тысячу.
  Тут спрого́ворят разбойники:
— Да мы убьем стара, погубим-ко,
А со конем-животом его разлучим-ко.
  А стоит стар — выдумывает,
Головой качат, сам выговариваё:
— Ище старого бить вам некого,
Да у старого взять нечего,
Ай казны с собой не случилосе,
Тольки с собой пригодилосе
Конь туця-падушко.
Он уж реки-озеры через скакал,
Мхи-болота между ног метал,
Синё морё на круг бежал.
  Да как ма́хнёт старый у́лками,
Да как перема́хнет переулками,
Да он убил всех разбойников,
Да сорок тысяч подорожников,

Ай как приехал стар во чисто́ поле,
Да написал на серы камешки:
— Да поеждяйте в ту дороженьку
Без боязни, без опасности:
Да я убил всех разбойников,
Сорок тысяч подорожников.

39

Илья Муромец и казна монастырская

Ехал старый казак Илья Муромец по чисту́ полю,
Наехал стар на розбойников.
Сидят у куста розбойники
И делят казну монастырьскую,
Того же мона́стыря вселеньского
Святителя Микола́я Моженьского.
Попросил он у их хоть пяти рублей:
— Поде́лят казны мне.
Не дают ему пяти рублей,
Отказали ему совсем.
Ретивое серце у его розгорелося:
Не дали ему пяти рублей опохмелиться,
Могучие плечи росходилися,
Выдерга́л он ракитов куст
И бросал и розбойников всех розогнал,
А казну всю отобрал и роздал по́ миру.



ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

40

[Три поездки Ильи Муромца]

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
Бы́ла тут поездка богатырская,
Выезжает оттуль да доброй мо́лодец,
Старыи казак да Илья Муромец,
На своем ли выезжает на добро́м кони,
И во том ли выезжает во кованом седле,
И он ходил-гулял да добрый молодец,
Ото младости гулял да он до старости.
Едет добрый молодец да во чисто́м поли,
И увидел добрый молодец да латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани,
И на камешки было подписано:
— В первую дороженку ехати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ехать — женату быть.
Третьюю дороженку ехать — богату быть.
Стоит старенькой да издивляется:
Головой качат, сам выговариват:
— Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А еще́ такова́го чуда не нахаживал.
Но на что поеду в ту дороженку да где богату быть?

Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены да любимой семьи,
Некому держать-тóщить да золотой казны,
Некому держать да платья цвéтного.
Но на что мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молóдинка ведь взять, да то чужа корысть,
А как стáрая-та взять, дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженку, где убиту быть?
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети;
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистóм поли.
Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.
Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи.
Во чистом поли да куревá стоит,
Куревá стоит да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы нá холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки-ты озёра меж ног спущал,
Он синú моря-ты на окóл скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии до богатыи,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленскии,
Где стоят ведь сорок тысячей разбойников
И те ли ночныи тати-подорожники.
И увидели разбойники да добра молодца,
Старого казáку Илью Муромца.
Закричал разбойничéский атаман большой:
— А гой же вы, мои братцú-товарищи,
И розудаленькии вы, да добры молодци!
Принимайтесь-ко за добра молодца,

Отбирайте от него да платье цве́тное,
Отбирайте от него да что ли добра́ коня.
Видит тут старыи казак да Илья Муромец,
Видит он тут, что да беда пришла,
Да беда пришла да неминуема.
Испрого́ворит тут добрый молодец да таково́ сло́во:
— А гой же вы, сорок тысяч разбойников,
И тех ли тате́й ночных да подорожников!
Ведь как бить-трепать вам будет стара некого,
Но ведь взять-то будет вам со старого да нечего:
Нет у стараго да золотой казны,
Нет у стараго да платья цве́тнаго,
А и нет у старого да камня драгоценнаго.
Столько есть у стараго один ведь добрый конь,
Добрый конь у старого да богатырскии,
И на добром коне ведь есть у стараго седе́лышко,
Есть седе́лышко да богатырское,
То не для красы, братцы, и не для басы,
Ради крепости да богатырскии,
И что можно́ было́ сидеть да добру молодцу,
Биться-ратиться добру молодцу да во чисто́м поли.
Но еще есть у старого на кони́ уздечка тесмяная,
И во той ли во уздечики да во тесмяныи
Как зашито есть по камешку по яфанту.
То не для красы, братци, не для басы,
Ради крепости богатырскии.
И где ходит ведь, гулят мой добрый конь,
И среди ведь ходит ночи темныи,
И видно́ его да за пятнадцать верст да равномерныих.
Но еще у старого на головушке да шеломчат колпак,
Шеломчат колпак да сорока пудов.
То не для красы, братцы, не для басы,
Ради крепости да богатырскии.
Скричал-сзычал да громким голосом
Разбойниче́ский да атаман большой:

— Ну что ж вы долго дали старому да выговаривать,
Принимайтесь-ко вы, ребятушка, за дело ратное.
А й тут ведь старому да за беду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снимал тут старый со буйной главы да шеломча́т колпак.
И он начал старенький тут шеломо́м помахивать.
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А й в дру́гу о́тмахнет — дак переулочек.
А видят тут разбойники, да что беда пришла,
И как беда пришла и неминуема,
Скричали тут разбойники да зычным голосом:
— Ты оставь-ка, добрый молодец, да хоть на се́мена.
Он прибил-прирубил всю силу неверную
И не оставил разбойников на се́мена.
Обращается ко камешку ко латырю
И на камешки подпи́сь подписывал:
— И что ли очищена тая дорожка прямоезжая.
И поехал старенький во ту дорожку, где женату быть,
Выезжает старенькой да во чисто́ поле,
Увидал тут старенькой полаты белокаменны,
Приезжает тут старенькой к полатам белокаменным,
Увидала тут да красна девица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встречать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мне, да добрый молодец!
И она бьет челом ему, да низко кланяйтся,
И берет она добра молодца да за белы́ руки,
За белы́ руки да за златы́ перстни.
И ведет ведь добра молодца да во полаты белокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый стол,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добра молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мне, добрый молодец,
Ты какой земли есть, да какой орды,
И ты чьего же отца есть, да чьеё матери.

Еще как же те́бя именем зовут,
А звеличают те́бя по отчеству?
А й тут ответ-то держал да добрый молодец:
— И ты почто спрашивашь об том, да красна девица?
А я теперь устал да добрый молодец,
А я теперь устал да отдохнуть хочу.
Как берет тут красна девица да добра молодца,
И как берет его да за белы́ руки,
За белы́ руки да за златы́ перстни,
Как ведет тут добра молодца
Во тую ли во спальню богатоу́брану
И ложи́т тут добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испрого́ворит тут моло́дец да таково слово:
— Ай же ты, душечка, да красна девица!
Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую.
И как схватил тут добрый молодец да красну девицу,
И хватил он ей да подпазушки,
И броси́л на тую на кроваточку,
Как кроваточка-то подвернуласи,
И улетела красна девица во тот да во глубок погреб.
Закричал тут ведь старый казак да зычным голосом:
— А гой же вы, братци мои да вси товарищи,
И разудалые да добры молодцы!
Но имай, хватай, вот и сама идет!
Отворяет погреба глубокия,
Выпущает двенадцать да добрых молодцев,
И всё сильниих могучих бога́тырей,
Едину́ оставил саму да во погребе глубокоём.
Бьют-то челом да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Ильи Муромцу.
И приезжает старенькой ко ка́мешку ко латырю,
И на камешки-то он подпи́сь подписывал:
— И как очищена эта дороженка да прямоезжая.
Но направляет добрый молодец да своего коня

И во тую ли дороженьку, да где богату быть.
Во чистом поли наехали на три по́греба глубокиих,
И которыи насыпаны погре́ба златым-се́ребром,
Златым-се́ребром, каменьем драгоценныим.
И обирал тут добрый молодец все́ злато это се́ребро
И роздавал это злато-се́ребро по нищей по братии,
И роздал он злато-се́ребро по сиротам да бесприютным.
Но обращался добрый молодец ко камешку ко латырю
И на камешки он подпись подписывал:
— И как очищена эта дорожка прямоезжая.

41

Поездки Ильи Му́ромца

Ехал стар по цисту́ полю,
По тому роздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По белы́м груди́м росстилаитси,
Как скате́н жемцюг россыпаитси.
Да под старым конь наюбел-бело́й,
Да ведь хвост и грив' науце́р-цёрна́.
Как наехал стар на станичников,
На ночных уж он подорожников,
На дённых он подколодников.
Да хотят стара́ би́ти-грабити,
Да с конем-животом розлучить хотят.
Как сидит тут стар, призадумалсе,
Он умом гадат, головой качат.
Принадумалсы слово вымолвит:
— Уж вы ста́нички мои, стани́чники,
Люди вольны да всё разбойнички,
Вы ночны́ уж нонь подорожнички,
Вы дённы́ уж нонь подколоднички!
Вам ведь старого бить уж не́кого,

А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взято,
Зла́та-серебра́ не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилуцилосе.
Тольки есь под старым до́брой конь,
Да ведь конь под ним наубел-бело́й,
Да хвост и грива научё́р-черна́.
Как уж езжу на кони́ ровно тридцеть лет,
За рекой на коне не сиживал,
Перевоз на кони я не ваплывал.
Как станишницков всё приманивал,
Как велят они слезыват с коня.
Как сидит тут стар, призадумался,
Он умом гадат, головой качат,
Принадумался слово вымолвить:
— Уж вы ста́нички мои, стани́цники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночны́ уж нонь подорожники,
Вы дённы́ уж нонь подколодники!
Вам у старого бить уж не́кого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взято,
Зла́та-се́ребра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе.
Тольки есь на старом кунья́ шуба́,
Дешево́й цены стоит — семьсот рублей,
Как на шубы подтяжка позолочена,
Ожерелье у шубы чёрна соболя,
Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьского соболя — заморьского
(С Камчатки, верно).
Как уж пуговки были вальячныя,
Того ле вальяку красна золота,
Да ведь петелки были шо́лковы,
Да того де шолку, шолку белого,

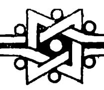
Да белого шолку шемахильского.
Как станицников пуще приманиват,
И велят слезыват со добра́ коня,
Скидыва́т велят ку́нью шубоцку.
Как сидит тут стар, призадумался,
Умом гадат да головой качат,
Принадумался слово вымолвить:
— Уж вы ста́ницки мои, стани́чники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,
Вы дённые уж нонь подколодники!
Вам у старого бить вам не́кого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взято,
Зла́та-се́ребра не пригодилосе,
Скатна жемчуга не прилучилосе.
Только есь у старого уж ту́гой лук,
Золота́ колчанка кале́ных стрел,
Да ведь ровно тридцеть три стрелоцки.
Да ведь всем стрела́м цена обложена,
Да ведь кажна стрела по пяти рублей,
Трем стрелам цены нету уж:
Перены́ перьям орловым же,
Не того орла, орла сизого,
А того орла сизомла́дого,
Тот живет орел на синём мори,
На синём мори на серо́м камни́,
Он пьет и ест у синя́ моря́.
Как станицников пуще заманиват,
И велят, слезыват с добра́ коня,
Скидыва́т велят куныо шубоцку,
Отдавать колцянку кале́ных стрел.
Как сидит тут стар, призадумался,
Он умом гадат, головой качат.
Он выте́гиват из-за па́зушья ту́гой лук,

Из кольцяноцки да калену́ стрелу,
Он кладет стрелу нонь на ту́гой лук,
Да ведь сам стрелы́ да приговариват:
— Калена́ стрела ты муравлена,
Полети же ты во чисто́ полё,
Полети ты повыше разбойников,
Не задешь ты их ни еди́ного,
Ты не старого и не малого,
Не холо́стого, не женатого,
Полети-тко ты во чисто́ полё,
Да во сы́ро дуби́що креко́вищо,
Ты розбей сы́ро дуби́що креко́вищо
Ты на мелко церенье ножовое.
Не городовы́ ворота отпиралисе,
Не люта́ змея извиваласе,
Заскрипел у старого ту́гой лук,
Калена стрела со туга́ лука́
Полетела она да во чисто́ полё,
Да во сы́ро дубйщо креко́вищо.
Как розбила сы́ро дубйщо креко́вищо
Да на мелко церенье ножовоё.
Как станицницки испужалися,
По под-кустикам как разбежалиси.
Как туман-то в поле приобо́дроло,
Как станицники идут да поклоняютца:
— Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Наш стары́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Да возьми-тко нас да во товарыщи.
Говорит тут стар таково́ слово́:
— Не возьму я вас во товарыщи,
Я не старого и не малого,
Не холо́стого, не женатого.
Как я уж езжу по полю тридцеть лет,
Да никто на меня не нахаживал,

Да никто на меня не наезживал,
Да как вы нашли, поганые, наехали.
Как поехал стар по чисту́ полю,
По тому роздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По белы́м грудя́м росстилаетсе,
Как скаце́н жемцуг да россыпаетсе.
Приезжает к росстаням ко широким же,
Как лежит тут сер горюць каме́нь,
Да на камешке подпись подписана,
Да подписана подпись, подрезана:
— Как во перву дорожку ехать — богату быть,
А ко вто́ру дорожку — женату быть,
А в третью дорожку — живому́ не быть.
Как сидит тут стар да призадумался,
Призадумался да приросплакалсы:
— Как поеду я в дорожку во первую,
Да ведь где мне старому богату быть.
А опеть же сам и одумался:
— Да на что мне старому богату быть?
У меня нет нонь молодой жены
Берегци́, стерегци́ золота казна.
Как поеду в дорожку во вто́рую,
Да ведь 'де мне старому женату быть.
А опеть же сам и одумался:
— Да на што мне старому женату быть?
Не владеть мне старому молодой женой,
Не кормить мне старому малы́х детей,
Как поеду в дорожку во третью же,
'де мне ста́рому живому́ не быть.
Как поехал стар по чисту́ полю,
По тому роздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белы́м грудя́м росстилаетси,
Как скаце́н жемчуг да россыпаетси.

Приезжает ко двору ко широкому,
Теремо́м назвать — очень мал будёт,
Городо́м назвать — так велик будёт.
Как выходит девушка чернавушка,
Она берет коня за шелко́в пово́д,
Она ведет коня да ко красну́ крыльцу,
Насыпат пшена да белоярова,
Как снимат стара́ со добра́ коня,
Она ведет стара́ да на красно́ крыльцо,
На красно́ крыльцо да по новы́м сеням,
По новы́м сеням в но́ву горницю.
Скидыват его да распоясыват,
Да сама говорит таковы́ слова́:
— Пожило́й уда́лой добрый молодец,
Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
Тебе пить ли исть ныньче хочется,
Опочинуться со мной ле хочетсы?
Говорит тут стар таково́ слово́:
— Хошь я еду дорогой очень дальнею,
Мне не пить не есть мне не хочется,
Опочинуться с тобой хочитсы.
Она старому кроват да уж указыват,
А сама от кровати дале пётитсе.
Говорит-то стар да таково́ слово:
— Хороша кровать изукрашена,
Должно бы кроваточки подложной быть.
Она старому кровать уж указыват,
А сама от кроваты далечо́ стоит.
Как могуци плеци росходилисе,
Ретиво́ серцё розъярилосе,
Он хватал-то он за белы́ руки́,
Он бросал он на кровать ле тесо́вую —
Полетела кровать да тесо́вая
Да во те во погрёба глубокия.
Как спущался стар да во глубок погрёб —

Там находится двадцать девять молодцев,
А тридцатый был сам стары́й казак,
Сам стары́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыват,
Наказывать да наговаривать:
— Я уж езжу по полю ровно тридцеть лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабьи же,
Не утекаюсь на гу́зна их на мяхкие.
    Вот они тут из погреба вышли,
Красное золото телегами катили,
А добрых ко́ней табунами гнали,
Мо́лодых молодок толпицями,
Красных девушек стаи́цями,
А старых старушек короби́цами.



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

42

Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма — по-звериному,
А бока зведены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два бóрзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные;

Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как изда́лече-дале́че, из чиста́ поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит тако́во слово:
— Ах вы гой еси, ребята, добры молодцы.
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки па́русы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю́ морю,
Вы садитесь, ребята, во легки́ струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!
Таки слова заслышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
— Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи во Сокол-корабль,

Скоро-борзо выноси мой ту́гой лук,
Мой ту́гой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень!
Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
— Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по подне́бесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Не на́ воду, не на́ землю,
А пади, моя каленая стрела
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Распори ему турецкую грудь,
Ращиби ему ретиво́ сердце!
Ах, тут Салтан покаялся:
— Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем,
Не детям нашим, не вну́чатам,
Не вну́чатам, не правнучатам,
Не правнучатам, не пращурятам!

43

О Соколе-корабле

Ай по мору же по синему Хвалынскому
Туды бегал-то Сокол-корабль по тридцать лет,
Он по три года на якоре не стаивал,
Ко крутому бережечку не пришативался,
Ко морским желтым песочкам не присачивался,
Краю желтого песочка [в] глазах не видал.

Еще всем-то Сокол-корабль изукрашен был,
Еще нос ли корма по-туриному,
Ну бока були[1] взведены по-лашиному,[2]
Ну на Соколе на корабле немного людей,
И только три удалы добры молодцы.
Ну что носом-то владал млад Полкан-богатырь,
Ну кормою-то владал млад Алеша Попов,
На середочке сидел Илья Муромец,
На середочке сидит, всем он кóраблем владат.
На Полкане-то шапка железная,
На Алешеньке сапожки зелен сафьян,
На Ильюшеньке кафтанчик рудожелтой камкé,
На кафтане-те петельки шелкóвыя,
Во петельках пуговки золóчены,
Во каждой во пуговке по камушку,
Ну по дорогу по камушку по яхонту,
Во каждом во камушке по львý-зверу.
Нападали на Сокол-корабль черны вороны,
Ну крымские татара со калмыгами,
Ну хотели-то Сокол-корабль разбить, разгромить,
Ну разбить, разгромить и живком задавить.
Тут Ильюшенька по кораблю похаживает,
Он тросточкой по пуговкам поваживает
Ну во пуговках камушки разгоралися,
Его лютые звери рассержалися,
И что крымские татары испужалися,
А калмыги в сине море побросалися,
А удалы добры молодцы оставалися,
От Киева до Чернигова добиралися.

[1] **Були** — были.
[2] **По-лашиному** — по лосиному.

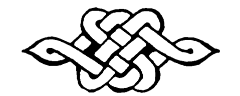
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ВОЛГЕ

44

[Илья Муромец на Волге]

Ох вы, рощи, рощи зеленые, липушки цветные!
Кустарнички молодые, орешнички густые!
Разростились, расплодились по крутым берегам,
По крутым берегам, всё по быстрыим рекам,
'Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона-реки!
Обтекают эти речки славны русски города;
Протекает река Волга 'коло Муромских лесов,
Как плывут-то восплывают красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснеются, на гребцах шляпы чернеются,
На самом-то ясауле чёрна соболя колпак.
Они едут — воспевают всё про Муромски леса,
Они хвалют-величают ясаула молодца́,
Ясаула молодца́, Илью Муромца!

КАЗАЦКИЕ БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ



45

Илья Муромец выезжает в поле

1 Ай, во городе что не стук стучит,
Ай, что не стук-то стучит, что не гром-то гремит —
Илья Муровец,

2 Ай, пертирает свою сбрую, сбрую ратную;
Ай, что копье об копье сам позвякивает,
Свет Илюшунька.

3 А он и стремечко он о стремечко,
Ай, сам пощелкивает, свет Илюшунька,
Илья Муровец:

4 — Ай, государь ты родимый, родной батюшка!
Ой, государыня ты родимая,
Моя матушка!

5 Ой, вы дозвольте мне всё коня седлать,
Ой, мне коня оседлать, мне буланого,
Черногривого,

6 Ой, вы дозво... вы дозвольте мне во чистó поле,
Ой, во чистó-то поле мне проехати
Богатырское,

7 Ай, богатырскую силушку испробовать,
Ай, мне испробовать! — Да заплакала
Его матушка:

8 — Ай, да ты, чада моя, чада, чада милая,
Ай, ты поедешь, Илья, чада милая,
В чужу сторону,

9 Ай, потеряешь свою буйну голову.
Ой, да и кто жа нас допо́йт, докорми́т
Всё при старости?

10 — Ай, ты не плачь, ты не плачь, моя матушка!
Ой, я побью, погромлю всех бого́тырей,
Илья Муровец;

11 Ай, я побью, погромлю всех бого́тырей,
Ой, я свернусь, ворочусь, Илья Муровец,
К своей матушке;

12 Ой, я свернусь, ворочусь к своей матушке,
Ой, я дове́к-то буду и поить, и кормить
Свою ро́дную.

13 Ай, допою, докормлю свою матушку,
Ой, да родимого свово батюшку —
Свет Илюшунька!

46

Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя

1 Ай, да не горы-то сы горами
Сыходилися,
Да не лесы-то сы лесочками
Сыклонялися, —

2 Ай, да и кланялся сын Кузютушка
Своему батюшке,

Государыне да родимой своей
Родной матушке:

3 — Ай, государь ты мой да родимый,
Ро́дный батюшка,
Государыня ты родимая,
Моя матушка!

4 Ай, да купите вы мне, Кузютушке,
Коня доброго,
Коня доброго мне, Кузютушке,
Неученого,

5 Ай, неученого мне конёчика,
Уражоного, —
Да я сам-то его, ведь конёчика,
Я сам выезжу,

6 Ай, да я сам его, что-й конёчика,
Я сам выезжу,
По карахтеру всё конёчика
Свому выучу!

7 — Ай, да не вмеешь ты, моя чадушка,
Ты коня седлать,
Что коня-то седлать, моя чадушка,
Из ружья стрелять,

8 Ай, из ружья стрелять, моя чадушка,
Из винтовочки!
— Да позвольтя жа мне, что-й батюнюшка,
Ехать в полюшка,

9 Ай, сы донскими-то казачёчками
Показаковать,
Мне добра-то коня, вот Кузютушке,
Попроезживать!

10 Ай, залился-то он, что-й Кузютушка,
Горючо́й слезой,
Да-й подался бы он во дики́-то степя́,
Во зака́заны.

11 Ай, поджидал-то он, всё Кузютушка,
Всё дики́х табунов,
Поимал-то себе коня буйного,
Золотистого,

12 Ай, надевал-то он, сын Кузютушка,
Узду шо́лковую,
Накидал-то он да-й седелица
Всё черкесская,

13 Ай, застяга́л жа он все двенадцать подпруг
Сы подпружечкою,
Ну не для красы-то красы вот подпружечки,
Да для крепости.

14 Ай, вот садился жа сын Кузютушка
На коне̄чика,
Да стрелял жа он, сын Кузютушка,
Из ружелица.

15 Ай, что не стук стучит, ну, во городе,
Да не гром-то гремит, —
Вот Кузютушка на буйном коне,
Как соко́л, летит.

47

Разбойники нападают на Илью Муромца

Воздалече, воздалече было во чисто́м поле,
Пролегала там дороженька не широкая,

Долинóю она конца-краю нет,
Шириною дорожечка не широкая,
Заповедала дороженька ровно тридцать лет,
Никто по той дороженьке не хаживал,
Ни конного, ни пешего следу не было,
Только шел-прошел старóй старик,
Старóй старик — Илья Муромец,
На старóму шубенóчка худым-худа,
Худым-хýда, вся излатана.
Левая пола стоит пятьсот рублей,
А правая пола стоит тысячу,
А стан-с рукавами и цены нет.
На правой руке держит он тýгой лук.
Пристигала старика темная ноченька.
Сыворачивал он сы дороженьки,
Выходил старичок на высок курган,
На восход солнца богу молится,
На все стороны покланяется,
Помолемши он богу, ложился спать,
Левую полу под себя стелил,
Свой тугой лук в голова кладет,
А правою полой одевается.
Середи-то ночи, середь полночи
Наезжали на старика охотнички,
Сорок четыре разбойничка,
Хотели со старóва шубенку снять,
Шубенку снять да сагайдак отнять.
Ото сна старик пробуждается,
Он за тугой свой лук хватается,
Накладывает каленý стрелу.
Его тугой лук, как лев, ревет,
Каленыя его стрелы, как змеи, свищут.
Как и тут-то охотнички попужалися,
По темным лесам разбежалися.

48

На Илью Муромца нападают разбойники

1 Ой, воздале́че было, воздале́ченько
Было во чисто́м поле,

2 Ой, во чисто́м поле,
Пролегала бы там шлях-дорожунька,
Она не широкая,

3 Ой, не широкая:
Шириною она, шлях-дорожунька,
Она всего семь пяде́й,

4 Ай, всего семь пяде́й,
Длинниною она, шлях-дорожунька,
Она конца-краю нет,

5 Ай, конца-краю нет.
Заповедана была вот дорожунька,
Она ровно тридцать лет,

6 Ай, ровно тридцать лет, —
Ну, никто-то по ней, по дорожуньке,
Вот никто не хаживал,

7 Ай, ну, не хаживал,
Ну, ни конного да ни пешего
По ней следу не было,

8 Ай, следу не было.
Ну, ишел там, прошел по дорожуньке,
Вот прошел staро́й старик,

9 Ай, вот старо́й старик,
Ну, старо́й-то старик, по дорожуньке
Ишел Илья Муровец.

10 Ай, Илья Муровец.
На нем шубочка, на старинушке,
Шубочка худы́м-худа,

11 Ай, ну, худы́м-худа,
Ну, худым-то́ худа вот шубеночка.
Она вся излатана,

12 Ай, вся излатана:
Ее левая, вот шубеночки,
Полочка — пятьсот рублей,

13 Ай, ну, пятьсот рублей,
А и правая вот и полочка
Стоит усю тысячу,

14 Ай, усю тысячу,
Ну, стано́чику да рукавчикам
Шубочки цены-то нет.

15 Ай, ну, цены-то нет.
Во право́й-то руке, ну, Илюшунька
Держит копье длинное,

16 Ай, копье длинное,
А во ле́вой руке вот Илюшунька
Он держи́т тугой сагайдак,

17 Ай, тугой сагайдак.
Настигала его, да Илюшуньку,
Вот темная ночушка,

18 Ай, темна ночушка.
Сыворачивал наш Илюшунька
Сы путя-дорожуньки,

19 Ай, сы дорожуньки,
Восходил старичок Илья Муровец
Вот он на висок курган,

20 Ай, на висок курган.
Под себе подстилал вот Илюшунька
Он левую полочку,

21 Ай, леву полочку,
Ну, и правою, вот бы, полочкой
Илья одевается,

22 Ай, одевается,
В головашечки вот Илюшунька
Кладет свой тугой сагайдак,

23 Ай, тугой сагайдак.
Середи-то ночи, середи полу...
Середи полуночи,

24 Ай, ну, полуночи,
Наезжали-то на старинушку
Вот сорок охотников,

25 Ай, ну, охотников,
Ну, охотничков на старинушку,
Вот сорок разбойничков,

26 Ай, вот разбойничков;
Ну, хотели они, вот разбойнички,
Они снять шубеночку,

27 Ай, снять шубеночку,
Ну, шубеночку снять, вот разбойнички,
Вот и сагайдак отнять,

28 Ай, сагайдак отнять.
Как и тут-то было, наш Илюшунька
От сна пробуждается,

29 Ай, пробуждается,
За туго́й сагайдак вот Илюшунька
Он скоро хватается,

30 Ай, вот хватается,
Да накладывает на тятивушку
Вот он каляну́ стрелу,

31 Ай, каляну́ стрелу:
Вот туго́й сагайдак у Илюшуньки
Будто ровно лев ревет,

32 Ай, ровно лев ревет,
Каляны́-то стрелы́ вот у Муровца
Они ровно змеи свищут,

33 Ай, змеи свищут.
Как и тут-то бы, тут, вот охотнички
Они попужалися,

34 Ай, попужалися,
По тямны́м-то лесам, вот разбойнички,
Они разбежалися.

49

Илья Муромец на речке Смородинке

1 Ай-да, как во славном было,
Братцы, да во городе,
Во славном во Кеиве,
Ой-да, там пролёгивала
Вот-бы степь-дорожунькя,
Она не широкая,

2 Ай, она не широкая,
Вот и дылино́ю она,
Эта степь-дорожунькя,
У ней конца-краю нет,

3 Ай, у ней конца-краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,

По этой по дорожуньке,
Никто пеш не хаживал,

4 Ай, никто пеш не хаживал, —
Ой-да, там ишел да прошел
По этой дорожуньке,
Прошел сильный бо́гатырь,

5 Ай, прошел сильный бо́гатырь.
Ой-да, сильный бо́гатырь прошел
По этой дорожуньке,
Прошел Илья Мурович,

6 Ай, прошел Илья Мурович.
Ой-да, как подходит-то он,
Будто Илья Мурович,
Кы быстро́й кы ре́чушке,

7 Ай, кы быстро́й кы ре́чушке:
— Ой-да, ну бо-по́мочь тебе,
Вот быстрая ре́чушка,
Речка Самародинка,

8 Ай, речка Самародинка!
Ой-да, ну, скажи мне, скажи,
Вот-и быстра ре́чушка,
Скажи всею правду мне,

9 Ай, скажи всею правду мне:
Ой-да, ну-и, есть ли в тебе,
У быстрой у ре́чушки,
Есть ли броды мелкие,

10 Ай, есть ли броды мелкие,
Ой-да, броды мелкие,
У быстро́й у ре́чушки,
Есть броды песчаные,

11 Ай, есть броды песчаные?
— Ой-да, ну-и, есть-то в мене,

У быстрой у ре́чушки,
Есть броды песчаные,

12 Ай, есть броды песчаные,
Ой-да, еще есть-то в мене.
У быстрой у ре́чушки,
Есть сормы опасные,

13 Ай, есть сормы опасные,
Ой-да, есть опасные,
У быстрой у ре́чушки
Есть места пропащие!

50

Илья Муромец у ворот Киева

1 Ой-да, пролегала, было,
Эта шлях-дорожунька,
Она не широкая,

2 Она не широкая,
Ой-да, шириною она,
Эта шлях-дорожунька,
Она на пятнадцать верст,

3 Она на пятнадцать верст,
Ой-да, долиною она,
Вот эта дорожунька,
Она конца-краю нет,

4 Она конца-краю нет.
Ой-да, ну никто-то по ней,
По этой дорожуньке,
Никто не проезживал,

5 Никто не проезживал, —
Ой-да, проезжал-то по ней,

По этой дорожуньке,
Удал добрый молодец,

6 Удал добрый молодец:
Ой-да, проезжал-то по ней
Разудалый молодец —
Только Илья Муровец,

7 Только Илья Муровец,
Ой-да, вот на душечке-то
На своем добру́ коню,
Конёчку игренему,

8 Вот коню игренему.
Ой-да, подъезжает-то он
Кы славному городу —
Кы стольному Киеву,

9 Кы стольному Киеву,
Ой-да, ну в городе-то,
В этом во стольном-то
Воротица заперты,

10 Воротица заперты,
Ой-да, ну железными-то
Крепкими задвижками
Они позадвинуты,

11 Они позадвинуты,
Ой-да, ну булатными-то
Крепкими решотками
Были позадернуты,

12 Были позадернуты,
Ой-да, ну железными-то
Вот они замочками
Были позамкну́тые,

13 Были позамкну́тые, —
Ой-да, часовые у них,
Будто каравульные,
Да они жа крепко спят,

14 Вот они все крепко спят.
Ой-да, он и голосом-то
Кричал добрый молодец, —
Так и не доклика́лся.

15 Так и не докликался.
Ой-да, он и бьет-то сново
Раздушечку коничку,
Его по крутым ребра́м,

16 Его по крутым ребра́м.
Ой-да, пробивает-то он
Коню мяса черная,
Ему до бело́й косте́,

17 Ему до бело́й косте́:
Ой-да, как и тут-то бы тут
Его душа добрый конь
Крепко возвивается,

18 Крепко возвивается,
Ой-да, пробивает-то он
Своей грудью белою
Вот бы стену каменну.

51

Илья Муромец и целовальнички

Ой да, воздале́че было, было воздале́ченько,
Братцы, во чистом поле,
Там лежала, было, братцы, шлях-дорожичка,

Она не широкая, —
Шириною, было, эта шлях-дорожичка,
Она всево три ступня́,
Долиною, было, эта шлях-дорожичка,
Она конца-краю нет.
Ну, никто-то по ней, по этой дорожичке,
Никто пеш не хаживал,
Что ни коннова, ни коннова, пешева,
Пеша следа не было.
Как ишел-то, прошел, прошел добрай молодец,
Вот бы Илья Муровец,
Заходил-то бы он, удал добрай молодец,
Заходил в царёв кабак,
Закричал, ускричал удал добрай молодец
Своим громким голосом:
— Уж вы, други мои, вы, други любезнаи,
Слуги цаловальнички!
Наливайтя жа мне, други цаловальнички,
Вот пойлица пьянова,
Наливайтя вы мне, други цаловальнички,
Только на пятьсот рублей,
Ну, с напитками да еще с наедками,
Вот бы на всю тысячу.
Как и все-то бы, все братцы цаловальнички,
Они перпужалися.
По темны́м то лесам братцы цаловальнички
Они разбежалися.
Как на третий-то день братцы цаловальнички
Они собиралися,
За единова все братцы цаловальнички
Они думу думали:
— Ну, и что ж то была будто за ярыга у нас,
Ярыга кабацкая?
На нем шубочка, на этой ярыге-то,
Она вся худы́м-худа́,

Вся худы́м-то худа́ на нем эта шубочка,
Она вся изорвана,
Поизорваная уся эта шубочка,
Она поизлатана,
Одна по́лачка у этой у шубушки
Сто́ит всё пятьсот рублей,
Ну, и вся-то она, вот бы эта шубочка,
Стоит на всю тысячу.
Подходил, подъезжал вот бы Илья Муровец
Кы быстрой кы ре́чушке:
— Ну, и речка-река, скажи жа мне, ре́чушка,
Где мне переправиться,
Ты скажи-расскажи, расскажи мне, быстрая,
Где тут броды мелкие,
Броды мелкие у тебя, у ре́чушки,
Да где сормы плоские?

52

Илья Муромец

Ты старинушка ли, старинушка,
Ты старо́й казак, Илья Муромец!
У старинушки головушка ровно лунь бела,
На старинушке шубеночка худы́м-худа,
Худы́м-худа, вся изорвана;
Как левая его по́лушка — во пятьсот рублей,
А правая по́лушка — во всю тысячу,
Как всей-то шубеночке и сметы нет.
Как задумал старинушка во чисто́ поле ехать.
Во чисто́ поле ехать показаковать,
На своем-то он на добро́м коне
Свою силушку богатырскую он испробовать.
Как левой рученькой махнет — сделает переулочек,

Как правой рученькой махнет — целую улицу,
Как его-то сивый добрый конь сильной грудушкой,
Сильной грудушкой топчет рать поганую.

53

Илья Мурович и татары

Ты малютка, ты малютка, Илья Муравич душа!
Выезжает он, малютка, из того ли города из Киева.
Што малютка на коне, как соколик на руке,
Под малюткою конь, ровно лютый зверь.
Подъезжает он, малютка, ко сыро́му ко дубу́.
На сыро́м дубу сидит млад черно́й воран,
Млад черно́й воран сидит, да сам докучничек.
Как хоти́т ево малюточка застре́лити.
— Да как застре́лишь ты меня, не утешишь сам себя.
Я скажу тебе, малютка, всию правду:
Обладали вас татары своёй силою,
Ай, своёй силою, силою неверною, богатырскою,
Покопали собаки шанцы глубокии.
Как на первою-то яму конь перепрядывал,
Как на другую яму конь обрушился.
Как поймали малютку сила неверная,
Как связали малютки назад руки белыи,
Как сковали малютки ноги резвыи.
Где пове́рнитца малютка, там и улица,
Где поворотитца малютка, там широка́ плошшадь.

54

Богатыри на заставе

Не во матушке было во Расеюшке,
Не во матушке было в каменной Москве,
Как стояла там русская заставушка

Не маленькая не большенькая,
На все-та была на четыре стороны,
А на всех-та их было семеро:
Как первый был Илья Муравич,
А второй был Дюк Степанович,
А третий был сын Иванович,
А четвéртый был Алеша, сын Попов,
А пятый был Добрынюшка,
А с ними там были два бояршичка,
Во пиру-беседе они люди первыи,
А на бою на драке — всё последнии.
— Ну кому-та, братцы, на часах стоять?
— Как стоять-та стоять Ильи Муравичу:
Илья Муравич — он старóй старик;
Стоят-та не стоять Добрынюшке:
На Добрынюшку мы не надеемся.
Со полу-та ночи во первы́м часу
Не ясён сокóл во пролёт пролетел,
Добрый молодец на коне проскакал.
— Кому-то из нас во погонь за ним гнать?
— Гнать-та не гнать Ильи Муравичу:
Илья Муравич — он старóй старик;
А гнать-та не гнать двум бояршичкам:
Они на пиру-беседе первыи,
Во бою во драке всё последнии.

55

[Илья Мурович со Степаном Разиным на Соколе-корабле]

Что ни по морю по морюшку,
По синю морю по Хвалынскому
Там плывет на Соколик-корабль.
Двадцать лет корабль на якоре не стаивал,
К бережку круту не причаливал,

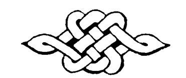
И он желтого песку в глаза не видывал.
Что бока-то его сведены по-туриному,
А нос да корма — они по-змеиному.
Атаман был на нем Стенька Разин он сын.
Есаулом был Илья Мурович-душа;
На Илюшиньке кафтан белый бархатный,
На кафтане пуговки они злаченые,
А на каждой-то пуговке по лютому льву.
Напали на корабль они разбойнички,
Что и те-то они татары с персианами.
Как хотят они этот корабль
Всё разбить его разгромить,
Илья Муровича во полон его взять.
Как наш Мурович по кораблику похаживает,
Свои пуговицы злаченые поглаживает,
Его пуговки злаченые разгорелися,
Его лютые-то львы разревелися,
Уж злые-то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

56

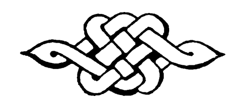
[Илья Муромец на Дону]

Как у нас, братцы, было на тихом Дону,
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутился весь наш тихий Дон,
Помешался весь наш козачий круг:
Что не стало у нас атамана,
Что старого козака Илья Муромца.
Уж вы, братцы, товарищи!
Убирайте вы легкии стружка
Вы сукном багрецовым;
Увивайте вы весёльчики
Аравитским красным золотом;

Увивайте вы укрюченьки
Алиентарским крупным жемчугом:
Чтоб по ночам они не буркали,
Не подавали бы они я́соку
Что ко злым людям ко татарам.



СКАЗКИ
ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ



57

Сказка-былина про Илью Муромца

Это было в городе Муроме, селе Карачарове. Жил-был один крестьянин, по прозванью Иван-свет Тимофеевич, со своей супругой Ефросиньей Яковлевной. Жили они пятьдесят лет, а детей у них не было.

Часто старики горевали, что под старость прокормить их будет некому. Наконец дарован был им сын. Имя ему дали Илья.

И вот, живут они с сыном Ильей, живут, не нарадуются. Растет он быстро. Прошел год, прошел второй. Тут и увидели старички большое горе: сыну нужно начинать ходить, а он сидит, как столб. Ноги у него — как плети; руками действует, а ногами никак не шевелит.

Прошел третий год, а Илье ничуть не легче. Ноги — как плети, нисколь не шевелятся.

Еще пуще старички стали плакать: есть сын, да никуда не годящий, — приходится кормить его.

И жил Илья долгое время всё таким же столбом, никак не мог ногой шевельнуть.

Прожил он тридцать лет в таком виде. И вот в одно прекрасное время надо было Ивану Тимофеевичу выкорчевать пни, чтобы сеять пшеницу.

Ушли старики в леса и оставили Илью одного в доме. Илья был уже привычный — сидеть дом караулить.

День оказался очень жаркий. Сидит Илья, пóтом обливается. И вдруг слышит — кто-то подошел к их окошку и в окошко застукался. Кое-как Илья Муромец потянулся, открыл окошко, видит — стоят два странника, очень старые.

Посмотрел Илья на них и говорит:

— Чего вам, страннички, надобно?

А они говорят:

— Дай-ка нам испить пива хмельного. Мы знаем, у тебя есть в подвале пиво хмельное. Да принеси нам чашу в полтора ведра.

Илья им в ответ:

— И рад бы я принести вам пива хмельного, да не могу никак идти: у меня ноги не ходят.

— Попробуй, Илья, сперва, тогда и говори, — отвечают старцы

— Что вы, дорогие старцы, тридцать лет я сижу сиднем и знаю — ноги у меня не ходят.

А они говорят:

— Брось ты, Илья, нас обманывать! Сперва попробуй, а после и говори.

Пошевелил Илья одной ногой — шевелится. Другой пошевелил — шевелится. Соскочил с лавки, схватил чашу в полтора ведра и побежал, будто всё время бегал, в отцов подвал глубокий. Нацедил из бочонка чашу полную, приносит к старцам, говорит им:

— Нате, кушайте на доброе здоровье, страннички. Уж очень я рад, — научили вы меня ходить.

А те говорят:

— А ну-ка, Илья, выкушай сперва сам.

Илья Муромец не прекословил, схватывает чашу в полтора ведра и выпивает на месте единым духом.

— А ну-ка теперь, добрый молодец, Илья Муромец, скажи, сколь чувствуешь в себе силушки?

— Чувствую я в себе силушки очень много, — отвечает Илья. — Силы хватит.

Посоветовались старцы и говорят:

— Нет, еще, должно быть, силушки очень мало. Иди-ка, Илья, да принеси втору чашу.

Схватил Илья чашу в полтора ведра и бросился в свой погреб. Нацедил втору чашу, приносит к старцам. Стал им подавать, они говорят:

— А ну, выкушай, добрый молодец, сам.

Илья Муромец не стал прекословить, берет чашу и выпивает единым духом.

— А ну-ка, удалой богатырь Илья, скажи, много ли чувствуешь в себе силушки?

А он отвечает странникам:

— Эх, много чувствую силушки!

— А как определишь силушку?

— Вот, был бы столб на небе, а на том столбе было бы кольцо, — взялся бы я за это кольцо, перевернул бы всю Русску землю.

Посоветовались странники и говорят:

— Эх, нет, много мы ему дали силушки. Не мешало бы поубавить. Илья! Сходи в подвал, принеси еще чашу в полтора ведра.

Илья не стал прекословить, тут же побежал в погреб. Когда принес чашу, старцы и говорят:

— А ну, Илья Муромец, выкушай сперва сам.

Илья Муромец не прекословит, и выпивает чашу сам.

Когда выпил, странники обратно начинают спрашивать:

— Ну-ка, удалой богатырь, скажи, много ли чувствуешь в себе силушки?

Тогда Илья Муромец отвечает так:

— Чувствую — силушки моей убавилось на половинушку.

Посоветовались тогда странники и говорят:

— Хватит, Илья Муромец, тебе силушки.

И не стали больше посылать его за пивом хмельным, а стали говорить ему так:

— Слушай, добрый молодец, Илья Муромец! Дали мы тебе ноги, дали силу богатырскую, — ничто не мешает тебе поездить по русской земле. Но помни: не обижай беззащитных, а бей вора-разбойника, не борись с родом Микуловым: его мать сыра земля любит. Да еще не борись со Святогором-богатырем: его мать сыра земля через силу носит. А теперь, Илья Муромец, тебе нужен богатырский конь. Но бо-

гатырского коня тебе придется выхаживать самому, потому — кони тебя не вынесут.

— А где мне взять такого коня, чтоб меня вынес? — говорит Илья Муромец.

— А вот мы тебя сейчас научим. Мимо вашего дому в один прекрасный день поведет крестьянин жеребенка шелудивого, плохонького, поведет на óброти пришибать его. Но ты не отпусти его из виду, выпроси у мужичка этого жеребеночка, поставь его в стойло и корми пшеницей. И каждое утро выводи его на росу, пускай он по росе катается. А когда минует ему три года, то выводи на поле и обучай его скакать через большие канавы, через высокие тыны.

Илья Муромец слушал всё это внимательно, не хотел потерять ни одного слова.

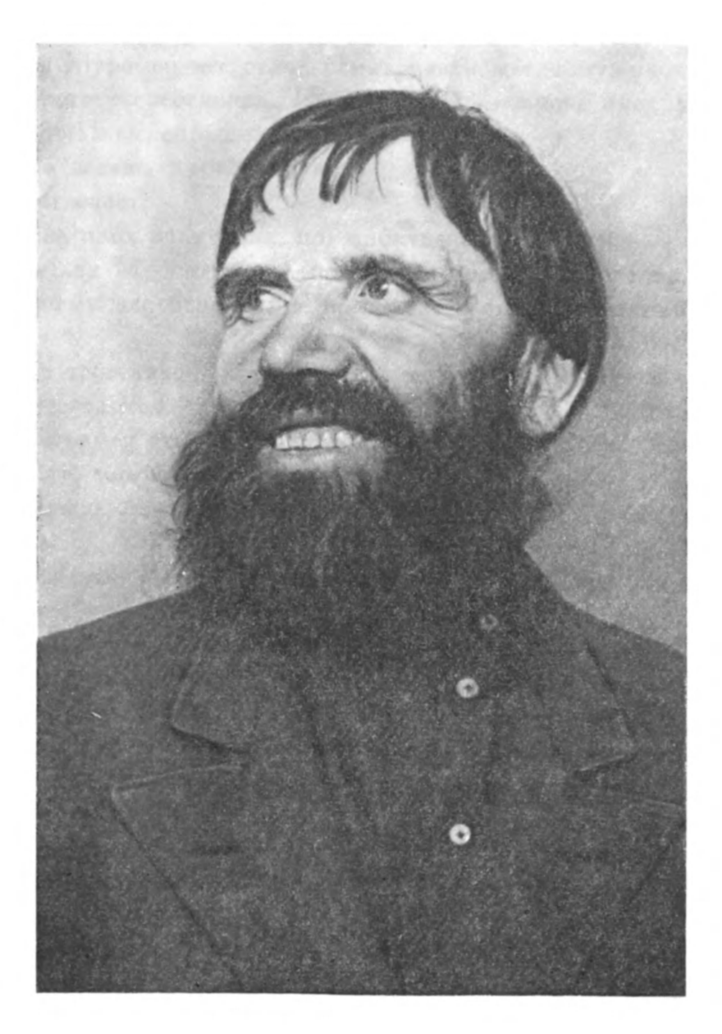
— Ну вот, — говорят странники, — что мы знали, всё сказали. Смотри же, беззащитных не обижай, вора-разбойника не пропускай. Да смотри, тебе на роду написано — убитому не быть. Помрешь ты своей собственной смертью.

Илья Муромец поблагодарил их, звал чего-нибудь покушать, но они от всего отказались и ушли.

Остался он один-одинешенек и захотел идти посмотреть на отца с матерью, им помочь в работе. Приходит к отцу, а там после трудовой работы все уснули. Захотел он попробовать свой топор и стал рубить. Как тяпнет топором, так он по самый обух уйдет. Сила в Илье огромадная. Порубил лес Илья Муромец и воткнул топор в пень. И ушел топор по самый обух. Повтыкал он так все топоры в пни, а сам схоронился за дерево. Когда пришли, отдохнувши, помочане, хотели взяться за топоры, но сколь ни дергали — не могли вытащить из дубьев. Он, может, шуткой повтыкал топоры-то, да уж сила была у него больно велика.

Видит Илья, не выходит у них дело, вышел из-под прикрытия и подходит к отцу с матерью. А те и глазам своим не верят: был Муромец калека, а стал здоровым.

Вынул Илья Муромец все топоры и стал родителям подсоблять. Отец не нарадуется, глядя на работу его.



Михаил Ананьевич Сказкин.
(Текст 57).

Кончили работу, пришли домой и стали жить-поживать.

А Илья Муромец всё стал посматривать, когда мужичок поведет паршивенького жеребеночка. И вот видит — точно, идет мужичок. Выбегает Илья, спрашивает:

— Куда ведешь жеребеночка?

А тот отвечает:

— Очень плох получился, пришибить надо.

Тогда Илья Муромец стал просить мужичка убедительно, чтобы он уступил ему жеребеночка, не пришибал его. А крестьянин и спрашивает:

— Куда тебе такой жеребеночек, такому сильному? Он и крестьянину не годится.

Илья Муромец стал настаивать на своем, стал опять просить:

— Продай мне жеребеночка.

Уступил мужичок Илье жеребеночка и даже не взял с Ильи никакой платы.

Привел домой Илья Муромец жеребенка, поставил его в стойло и стал поить и кормить, как учили странники.

В скором времени на жеребеночка подействовал Ильи Муромца уход, и стал он расти очень быстро. А когда минуло ему три года, стал он сильным конем. Илья Муромец стал выводить его в чисто поле и учил скакать через широкие канавы, расщелины, тыны. И сам дивился, каким сильным, хорошим оказался его конь.

Стал он подыскивать себе латы, также колчан со стрелами, тугой лук и меч. К чему стремился, всё разыскал по своей силе. А когда было всё готово, пришел Илья Муромец к отцу-матери, говорит:

— Дражайший мой родитель, Иван Тимофеевич, дражайшая моя мамынька, Ефросинья Яковлевна! Давно мне хотелось по белу свету погулять, людей посмотреть, себя показать! Благословите меня, я поеду.

— А куда ты поедешь? — спрашивает его отец.

— В стольный град Киев, послужить царю Владимиру Красну Солнышку.

Отец и мать заплакали:

— Ах, ты, милый наш сын, мы думали выкормить тебя себе на утешенье. А видим — не удержишь сокола в тесной клетке. Делать нечего, поезжай к князю Владимиру, да смотри заступайся за слабых, не обижай беззащитных, бей вора-разбойника.

Илья Муромец надел на себя латы богатырские, шлем пернатый, опоясался мечом. Потом оседлал коня, сел на него и поехал.

Ехал он, ехал, доехал до города Чернигова. И смотрит — глазам своим не верит. Вкруг города Чернигова стоит войск тьма-тьмущая. Подступили к городу Чернигову три царевича басурманскиих и у каждого царевича войска по триста тысяч.

Посмотрел Илья Муромец — город заперт, а черниговских мужичков томят басурманы голодной смертью. Жалко сделалось Илье мужичков черниговских. Подвязал он потуже седельце свое, взял меч булатный и полетел, как вихрь, на врагов басурманских. Начал рубить он, да так быстро, как всё равно траву косить. Видят они — силы неравны — и пустились в бегство. Кто куда мог — бросились врассыпную.

С крепости видят черниговски мужички — какой-то богатырь стал на их сторону. А Илье бить стало некого. Подъехал он к белополотняным шатрам, смотрит — стоят три царевича басурманскиих, ни живы ни мертвы, побелели, как полотно, как осиновый лист трясутся. Поровнялся с ними Илья, — упали они на колени и стали просить пощады. Тогда Илья Муромец говорит им так:

— Зачем вы обижаете мужичков? Были бы постарше вы, — снял бы я ваши буйны головы. Да больно вы молоды! Вертайтесь-ка домой и скажите своим родителям: есть еще на Руси кому постоять за землю Русскую.

Взял он с них клятву, чтобы больше не ездили на Русскую землю. А они были рады, что их помиловали, сели на коней и стали удирать за своим войском.

Видели это всё с городских стен мужички черниговски. Видят — они свободны. Открыли ворота, подносят богатырю ключи на золотом блюде, и стали предлагать ему, что он хочет.

Но Илья Муромец был не пáдок на разные сокровища: от всего этого отказался.

Черниговски мужички стали просить его заехать к ним поговорить. Но и тут Илья Муромец стал отказываться, потому — душа его рвалась на простор.

Тогда мужички черниговски спрашивают:

— Куда ты, удалой богатырь, едешь?

— Еду я в стольный Киев-град, — говорит Илья Муромец, — к князю Владимиру Красно Солнышко.

А черниговски мужички говорят:

— Смотри, не езди прямоезжей дорогой.

— А почему нельзя ездить прямоезжей дорогой? — спрашивает их Илья Муромец.

— Потому — здесь засел давно Соловей-разбойник. И бьет он не силой-оружием, а своим молодецким посвистом. Как заревет по-звериному, зашипит по-змеиному, — так все люди наземь падают.

Тогда Илья Муромец простился с мужичками и поехал прямоезжей дорогой, не посмотрел, что ему говорили. Едет путем-дорогой и всё смотрит, где Соловья-разбойника помещеньице.

Видит вдруг — стоят двенадцать дубов, верхушками свились в одно место. А корни их скованы толстым железом. Не доехал Илья три поприща и вдруг услышал свист соловьиный, рев звериный, и покрывалось всё это шипом змеиным. И от того свиста соловьиного, рева звериного, шипа змеиного конь спотыкнулся у Ильи Муромца на передние ноги.

Говорит тут Илья Муромец своему коню:

— Что ты, конь ретивый, спотыкаешься? Разве ты не ездил по лесам дремучиим? Разве не слыхал реву звериного? Разве не слыхал шипу змеиного? Разве не слыхал свисту соловьиного?

Сконфужен был конь своим хозяином, встал на ретивы ноги. А Илья Муромец снимает свой каленый лук с плеч, накладывает на тетиву калену стрелу и пускает в Соловья-разбойника. Взвилась стрела и ударилась Соловью-разбойнику прямо в правый глаз, да так, что вылетел Соловей-разбойник из своего гнезда, как сноп овсяный.

Подъехал Илья Муромец к Соловью-разбойнику, схватил его, привязал к своему стремени. И поехал дальше.

Ехать ему пришлось как раз мимо поместья Соловья-разбойника, где жили дочери разбойника со мужьями. Вышли они на балкон и смотрят — кто-то едет.

Старша дочь и говорит:

— Смотрите, сестры милые, наш батюшка едет, да еще богатыря везет, привязанного к стремени.

Посмотрела младша дочь, тут же сразу и заплакала:

— Эх, сестры милые, это не батюшка едет, а какой-то богатырь нашего батюшку у стремени везет.

Сестры заплакали, и все бросились отцу на помощь.

Сбежали они с балкона вниз, а зятья вооружились и пошли на выручку своего тестя.

Как только Соловей-разбойник увидел своих зятьев, закричал им:

— Спасибо, зятья милые, что хотите меня выручить, но лучше не сердите богатыря — вам не одолеть его. А просите его в горницу, потчуйте его вином и яствами и спросите — не возьмет ли с вас за меня выкуп.

Но Илья Муромец, заслышав всё это, подумал: «Заманят меня еще». От всего отказался, повернул влево и поехал в стольный Киев-град.

Когда приехал он, взошел в белокаменны палаты, видит — князь Владимир Красно Солнышко со своей княгинею сидит с богатырями, угощает богатырей.

Илья Муромец поклонился низехонько князю Владимиру. А княгиня говорит:

— Вижу я еще одного гостя.

Повернулись все и увидели сильного богатыря Илью Муромца.

А князь Владимир спрашивает:

— Что вы за добрый человек? Откуда вы едете и куда путь держите?

Отвечает Илья Муромец:

— Я еду из города Мурома, из села Карачарова в стольный град Киев, ко Владимиру Красно Солнышко.

А Владимир-князь спрашивает:

— А какими дорогами вы ехали и сколько времени затратили?

А Илья Муромец говорит таковы слова:

— Заутреню я слушал в селе Карачарове, а обедню — у вас, в граде Киеве.

— А какой вы дорогой ехали?

— Ехал я прямоезжей дорогой.

Как только услыхали это богатыри, говорят они князю Владимиру:

— Не верь ты, князь, этому детине; уж больно он завирается. Разве можно ехать этой дорогой? Ведь тут уже тридцать лет залег Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Тут ни зверь не пробегает, ни птица не пролетает. Как же мог он проехать мимо Соловья-разбойника?

Князь Красно Солнышко обращается к Илье Муромцу и говорит таковы слова:

— Эх, нельзя тебе верить, добрый богатырь! Уже тридцать лет как здесь засел Соловей-разбойник, никому ни пройти, ни проехать. Явственно видно, что ты соврал.

Тут Илья Муромец не стал долго разговаривать и сказал только:

— А не хочешь ли ты посмотреть сейчас на Соловья-разбойника? Я привез его на наш двор, и висит он сейчас привязан у моего стремени.

Услышали это богатыри, сразу все ужахнулись. Что сумел этот богатырь привезти такого разбойника, — им не верилось.

Тут Красно Солнышко говорит Илье Муромцу:

— А скажи, удалой богатырь, как тебя звать?

— А зовут меня Ильей Муромцем.

А князь опять говорит:

— А нельзя ли нам посмотреть Соловья-разбойника?

— С почтением, — согласился Илья Муромец и повел их всех на широкий белый двор, где пасся его конь ретивый. А к стремени коня была привязана переметная сума, в которой находился Соловей-разбойник.

Выходит Илья Муромец со всей свитой, со всеми богатырями, отвязывает суму от стремени и вытаскивает оттуда Соловья-разбойника.

Как только глянули на него богатыри, так ужахнулись; как глянул князь со своей супругой, так удивилися.

И говорит князь Владимир таковы слова:

— А ну-ка, вор Рахматович, Соловей-разбойник, засвисти по-соловьиному, потешь меня с моею женой, потешь моих богатырей могучиих.

Тут Соловей-разбойник заговорил таковы слова:

— Не тебе служу, князь Владимир, а есть у меня богатырь, — больше я никого не признаю.

Тогда князь Владимир обращается к Илье Муромцу и говорит:

— А ну-ка, удалой богатырь, заставь этого разбойника засвистеть по-соловьиному, потешить меня с моей княгинюшкой, моих богатырей могучиих.

Илья Муромец приказывает Соловью-разбойнику свистнуть в полсвиста соловьиного, прореветь в полрева звериного, прошипеть в полшипа змеиного, а сам подхватывает под руки князя и княгинюшку.

Понатужился Соловей-разбойник и свистнул, да не в полсвиста соловьиного, а в целый свист. И от этого свиста соловьиного повисли князь с княгинюшкой на руках у Ильи; из богатырей же — ни один на ногах не остался, попáдали все, а с белокаменных палат от этого свиста соловьиного покатились все золотые маковки. Тут закричал князь Красно Солнышко:

— А ну, Илья Муромец, уйми ты этого вора-разбойника! Уж нам эта шуточка не надобна.

Схватил тогда Илья Соловья-разбойника и подбросил его кверху своей могучей рукой так, что Соловей-разбойник взлетел чуть пониже облака ходячего и ударился о белый двор и дух испустил.

А Илья Муромец приказал зажечь костер, Соловья-разбойника сожечь, а пепел развеять по ветру.

Всходят все опять в палаты белокаменны, садятся за столы дубовы, принимаются за яства сахарные, за питва медвяные.

Илья Муромец сел на лавочку на самый кончик. Да как подвинул плечом, сильно нажал, — все богатыри попáдали на пол, а Илья

очутился посреди стола. Все богатыри видят, что у Ильи Муромца силы множество, ни один не вздумал ему противиться.

Подвыпили богатыри, начали хвастаться, кто чем сумел. И опять Илье Муромцу не по нраву то было. Стал он думать крепку думушку — поездить по белу свету. И надумал он повидаться со Святогором-богатырем.

Простился Илья со князем Владимиром и богатырями и поехал по белу свету искать Святогора-богатыря.

Ездил он долго. Едет и присматривается — не увидит ли где Святогора-богатыря. И видит он вдруг гнедого большого коня. Подъезжает ближе — лежит спящий богатырь. А был то Святогор-богатырь. Слез Илья с коня, прошел к Святогору и стал около его головы. И казался он против этого богатыря, как малый ребенок.

Спал богатырь крепким сном, и не мог Илья дождаться, чтобы Святогор проснулся. Тогда Илья ударил легонько его. Богатырь проснулся и говорит:

— Кто это в меня камешками кидается?

Тут Илья Муромец подступил еще ближе и говорит:

— Приехал я из города Мурома, из села Карачарова. Зовут меня Илья Муромец. Захотел я увидеть вас, но не мог дождаться. Вот и разбудил вас.

Святогор-богатырь и говорит:

— Зачем я тебе так спонадобился?

А Илья отвечает:

— Слыхал я про вашу силу великую — вот и хотел посмотреть на вас.

— А может быть тебе охота со мной силами померяться? — Святогор спрашивает.

— Нет, — отвечает Илья, — я хорошо знаю, что силами меряться мне с вами никак невозможно.

— Коли так, — говорит Святогор, — поедем на гулянье по Святым горам.

Свистнул он своего коня, прибежал конь и встал перед ним, как вкопанный.

Илья Муромец подозвал тоже коня, и они поехали вместе.

Рассказал Илья, как проживал он в стольном городе Киеве. Внимательно слушал Святогор этот рассказ. А после Илья Муромец спрашивает Святогора:

— Почему это искал я вас по всей Руси, но доискаться не мог?

— Да потому, — говорит Святогор, — что по Руси я не стал ездить с тех пор, как съехал со Святых гор. Вижу — земля гнется подо мной, как повинна. А люди разбегаются от меня, как от зверя страшного. Очень мне было не по мысли, что меня так боятся. Ехал я, ехал и пораздумался: «Эх, много во мне силушки неизбывной! Кабы был столб, да в столбе кольцо, завернул бы я кольцо и повернул всю Русскую землю!» Только подумал — конь стал. Смотрю — у меня, у самой головы, лежит сумочка переметная, така маленька и плюнуть некуда. Соскочил я с коня, хотел поднять эту сумочку, взялся правой рукой, как дернул — она не пошевелилася. Взял левой рукой, дернул — она не пошевелилася. Взял я обеими руками ее, как дернул, — увяз в землю по колени. Тогда стало мне понятно: не хочет мать сыра земля носить меня на себе. Потому не езжу я по Русской земле, а езжу по Святым горам.

Поехали они оба на эти горы, Илья и Святогор. Ехали они, ехали, видят — на самой вершине горы стоит огромный гроб. Подъехали они к гробу, Святогор и говорит:

— А ну, Илья Муромец, померяй этот гроб. Может, он сделан для тебя?

Лег Илья Муромец в этот гроб, и оказался он там, как мушка маленька.

Тогда Святогор говорит:

— Нет, Илья, этот гроб, видно, не про тебя построен.

Слезает тут с коня Святогор и сам хочет померять этот гроб.

Он в гробу потянулся, — гроб точно по нем был сделанный. Захотел встать Святогор-богатырь из гроба. Но вдруг ослаб весь, и взмолился он Илье Муромцу:

— А ну, Илья Муромец, меньшой братец мой, помоги мне вылезти из гроба. А то я совсем ослаб.

Илья Муромец подскочил, только хотел Святогора-богатыря поднять, как крышка гроба накрылась глухо-наглухо. Схватил Илья

Муромец крышку, хотел ее сорвать своей силой могучей, но сколь ни дергал — крышка и с места не пошевелилась. С досады Илья Муромец схватил свой меч, зачал этот гроб рубить. Как первый раз тяпнул — появился обруч железный, обхватил гроб в круге. Второй раз тяпнул — появился второй обруч железный. Сколько раз он ни тяпал, появлялись всё обручья железные. И слышит Илья Муромец — из гроба доносятся глухие слова:

— Прощай, Илья Муромец, видно, в последний раз я с тобой по Святым горам погулял.

Жалко сделалось Илье Муромцу Святогора, видит он — нельзя старшего брата выручить. И слышит, как в последний раз Святогор легко вздохнул и больше уже не откликнулся.

Прослезился Илья, поехал прочь со Святых гор опять в стольный Киев-град. Побыл там немного. И вот приезжает басурманин с грамотой и вручает ту грамоту князю Владимиру. Понял князь — тут что-то нерадостное. Сорвал печать, начинает читать грамоту, а в грамоте писано: «Идет Батый со своими полчищами великими, Золотой ордой, а с ним идет Идолище Поганое — сильный богатырь».

Вот тут у всех богатырей пропал весь хмелюшко, не знают, что и делать. Как поехать, как встретить им такие великие войска вражеские?

Говорит тогда Илья Муромец:

— Эх, богатыри могучие, трусливы вы, как зайцы! Вам бы только пировать да бражничать. Что толку в вас? А как приходят силы вражии, так вы трясетесь, как листы на осине. Айдате со мной, едемте встречать силу татарску!

Напугалися богатыри, но делать было нечего: приходилось ехать за Ильей Муромцем. Приехали они на свою границу. А на границе стоит заставушка. А в этой заставушке были богатыри-граничники. Тут был и старший Самсон Самсонович, тут был и его помощник Добрыня Никитич, а еще был есаул Алеша Попович. . .

Приехал Илья Муромец к белополотняному шатру, смотрит — стоят три богатыря у заставушки. Увидел богатырь Самсон Илью Муромца, низко с ним раскланялся:

— Уж ты здравствуй, Илья Муромец, сколько времени я тебя не видывал? И зачем ты сюда пожаловал на нашу заставушку?

А Илья Муромец говорит:

— Разве вы не слышали, пограничники, что идет рать-сила великая на нашего князя Владимира?

Напугался тут Самсон Самсонович, напугался Добрыня Никитич, а еще пуще напугался есаул Алеша Попович.

Илья Муромец тогда говорит:

— Разве вы не слыхали, Самсон Самсонович, как проехал здесь в стольный Киев-град басурманин со своей грамотой? Как это вы не видали со своей заставушки?

Тогда заговорил Самсон Самсонович:

— Ты прости нас, Илья Муромец, как-нибудь мы это времячко проспали, вот и не видали злого басурманина.

Сказал здесь Илья Муромец:

— Нужно нам дожидать рать-силу великую басурманскую, надо постоять, как полагается, за нашу Русску землюшку. Выставьте еще кого вперед (*как секрет, всё равно*).

И стали богатыри совет держать, кого выставить. Назначать стал Самсон Самсонович Алешу Поповича. Тогда Илья Муромец стал говорить таковы слова:

— Нет, Самсон Самсонович, нельзя назначать Алешу Поповича, у него и так по́лы до́лги. Нужно назначить Добрыню Никитича.

Поехал Добрыня Никитич вперед и поставил особу заставушку на то место, где должна пройти сила басурманска. Стали ждать-пождать войск басурманских, ниоткуда не могли дождаться их. Прошел день, другой, а сил басурманских не видно еще.

На третий день, чуть только солнце стало брезжить, заметили они с горизонта войска великие. От тех войск затмило солнышко пылью густой. Смотрит Добрыня Никитич и видит, — впереди едет сильный богатырь, а под ним конь весь в золотой сбруе, а сам он — как копна великая. Подъехал он к Добрыне Никитичу, и не знает тот, что делать. И видит — подкидывает богатырь копье долгомерное пониже облака ходячего, повыше лесика стоячего. И ловит богатырь копье другой рукой, а сам приговаривает:

— Как легко я копье мечу, так легко буду с Добрыней Никитичем управлятися.

Напугался Добрыня Никитич этого богатыря и пустился на коне к своей заставушке, где был Самсон Самсонович с Ильей Муромцем. А сам молит, чтобы конь его не спотыкнулся. Приехал он на заставушку, упал перед Самсоном Самсоновичем на колени и говорит таковы слова:

— Ты прости меня, Самсон Самсонович, что не мог я привезти головы басурманские на вашу заставушку. И такой тут богатырь к нам пожаловал, что бросает он копье долгомерное чуть пониже облака ходячего, чуть повыше лесика стоячего, а сам приговаривает таковы слова: «Как легко я верчу копьем, так легко буду управлять Добрыней Никитичем». Так и приехал я к вам на заставушку с пустыми руками.

Стали совет держать Илья Муромец и все богатыри — кому ехать встречать басурманина. Стали думу думать, стали выбирать. Но кого ни намечали, а Илья Муромец всё препятствовал. Назначили Алешу Поповича, а Илья Муромец и тут воспротивился.

— Нельзя нам посылать Алешу Поповича: позавидует он на золотую сбрую, на тот момент враги и вышибут из седла его душеньку поповскую.

Стали советовать ехать Самсону Самсоновичу. Но и тут Илья Муромец стал говорить таковы слова:

— Нет, уж очень стар Самсон Самсонович, надо выбрать нам кого-другого.

Но никак не могли богатыри никого выбрать. И надумали здесь кинуть жребий — кому встречать басурманина поганого.

Как кинули жребий — пал он на Илью Муромца. Оседлал своего коня Илья Муромец, сел на него, простился со своими богатырями и поехал навстречу басурманину поганому.

Как подъехал он к нему на одно поприще, так увидел злого басурманина, тот кидал правой рукой копье долгомерное и тут же сам себя расхваливал:

— Как легко ворочаю я своим копьем, так легко я буду с Ильей Муромцем управлятися!

Не стал много думать Илья Муромец, пришпорил своего коня и пустился на злого татарина. Начался тут бой с утра раннего. Кони их приустали, мечи их притупилися. А богатыри сидят, ни который даже не качается.

Наступило уже двенадцать часов дня. Кони богатырские спотыкнулися, и богатыри тут с них свалилися. Поломали они свои копья долгомерные, поломали мечи булатные. Больше нечем стало им рубиться. Тогда они схватились врукопашную. Боролися они так сильно, что от их ног пыль столбом поднималася.

Уж солнце близко к закату становилося, как поскользнулся тут Илья Муромец и упал на спину, и насел на него басурманин поганый. Выхватил свой нож из-за пояса и хотел перерезать горло Илье Муромцу. Тут Илья вспомнил про своих старцев калик-перехожих и подумал: «Видно неладно старцы сказывали, что смерть мне в бою не написана; приходится помирать мне от руки басурманина поганого».

Только это подумал, как почувствовал в себе такую силу великую, как когда-то, когда выпил три чары пива хмельного. Освободил он руку правую да как ударит басурманина в грудь поганую. Так и взлетел басурманин повыше лесика стоячего, пониже облака ходячего и воткнулся в землю по груди. Тогда вскакивает Илья Муромец, выхватывает у басурманина нож булатный и отрубает ему голову по самы плечи. Взял он эту голову, воткнул на обломок копья и поехал прямо на заставушку.

Приехал он на заставушку — богатыри все удивнлися: как Илья Муромец порешил басурманина. Стали ждать-пождать, думали — сейчас войско вражеское придет. Но войска не оказалося. Снялись опять богатыри с заставушки и поехали к князю Владимиру Красно Солнышко. Лишь остались одни пограничники.

Привез Илья Муромец в стольный Киев-град князю Владимиру подарочек — голову басурманина поганого.

Созывал Владимир-князь всех богатырей и стал угощать их, стал потчивать. И всех богатырей он употчивал и стал награждать всех подарками. Всех наградил, а Илью Муромца, самого главного, позабыл.

Илья Муромец на это очень прогневался. Выбежал он тут на белый двор, призвал к себе всю голытьбу пьяную. И стал говорить им таковы слова:

— Не пристало мне, крестьянскому богатырю, пировать здесь да бражничать, а пристало мне с вами гулять.

Берет он свой тугой лук и накладывает на тетиву калену стрелу. И пускает ту стрелу в золотоверхий дворец. Ударила тут стрела в золотые маковки, и посыпались те маковки на белый двор. А Илья Муромец приказал своей голытьбе подбирать те маковки и купить на них зелена́ вина.

От удара стрелы той зашатался дворец князя Владимира, сделались богатыри ни живы ни мертвы. А сам князь Красно Солнышко на Илью сильно прогневался. Но ему богатырь говорит таковы слова:

— Уж ты, князь Красно Солнышко, неладно ты делаешь: всех богатырей угостил, наградил, а Илью Муромца ничем не одарил!

Тут понял князь Красно Солнышко, что сделал он неправильно. Взял свою шубу соболиную и выносит на белый двор, подает ее Илье Муромцу и говорит таковы слова:

— Не сбидься, Илья Муромец, что тебя я не одарил ничем. Вот дарю я тебе свою шубу соболиную.

Разгневался Илья Муромец, схватил шубу соболиную. Схватил за рукав, схватил за другой, всю разорвал.

Рвет и приговаривает:

— Как рвал я басурман поганых, так рву я, князь Владимир, твою шубу соболиную!

Князь Владимир возразить ему не осмелился. Знал его силу великую.

Пошел Илья Муромец к своим товарищам, накупил на золотые маковки зелена́ вина и стал угощать голытьбу пьяную. Но в скором времени и эти товарищи ему не понравились. Оседлал он своего коня и отправился из города стольного Киева, не простился с богатырями, не простился с князем Владимиром. Поскакал по Русской земле.

Как уехал из Киева Илья Муромец, пришел в Киев хан Идолище Поганое, всех богатырей разогнал, завладел всем царством князя Владимира, а самого князя поставил своим слугой.

Трудно было терпеть князю Владимиру от Идолища Поганого, да делать было нечего. Часто думал он об Илье Муромце: «Кабы был здесь Илья Муромец, этого не случилось бы, и не служил бы я Идолищу Поганому».

Долго так пришлось служить князю Владимиру, а Илье Муромцу про то не было ведомо. Раз как-то ехавши, встретил он одного странника. На этом страннике шляпа была в десять пудов, а клюка у этого странника была в сорок пудов. Повстречался он с Ильей Муромцем и возговорил таковы слова:

— Ах, ты, добрый богатырь Илья Муромец! Ты зачем гуляешь по Русской земле, а не поедешь в стольный Киев-град. В граде Киеве стряслася беда великая. Пошел на Киев хан Идолище Поганое. Богатырей всех из царства повыгнал, завладел царством князя Владимира. А сам князь служит теперь ему.

Илья Муромец сказал старцу:

— А как называть мне тебя, старче?

Старец отвечал:

— Зовут меня Иванище. Шляпа моя в десять пудов. Клюка у меня в сорок пудов.

Тогда Илья Муромец сказал Иванищу:

— Уступи мне свою клюку сорокапудовую. Я поеду в город Киев, угощу там Идолище Поганое.

Иванище отдал ему свою клюку с радостью.

Взял Илья клюку и поехал к городу стольному Киеву.

Когда въехал Илья на белый двор, то первым долгом встретился с князем Владимиром. Как увидел князь Илью Муромца, сразу ему возрадовался и говорит ему таковы слова:

— Как долго, Илья Муромец, ты к нам не жаловал, посмотри, что у нас содеялося! На престоле сидит хан Идолище Поганое, а я ему, как слуга, служу.

Говорит тогда Илья Муромец:

— Погоди ты, князь Красно Солнышко, на меня обижатися. Не просидит у тебя на престоле Идолище Поганое даже и до вечера.

Пошел Илья Муромец в палаты белокаменны, где сидел Идолище Поганое. Пришел и стал просить у Идолища Поганого подаяния.

— Подай ты, царь, мне, нищему, подаяние — я уж очень скудеюся.

— Беги ты на кухню, — говорит Идолище, — там оделяют нищую братию.

Но Илья Муромец возговорил:

— Я хочу, чтобы вы здесь милостыню мне подали.

Тогда Идолище Поганое стал говорить так:

— Ты, старче, ходишь по белу свету много, не видал ли когда-нибудь Илью Муромца?

— Как не видать мне Илью Муромца, когда мы с ним очень часто видимся?

— А какой из себя Илья Муромец? — спрашивает Идолище Поганое.

— А коли хочешь видеть Илью Муромца, то гляди на меня, мы с ним на одну колодку сделаны.

Тогда говорит Идолище Поганое:

— А много ли ест Илья Муромец?

— Ест Илья Муромец только по одному калачику, а пьет по одной чарочке.

Засмеялся тут Идолище и сказал:

— Почему это ваш богатырь Илья Муромец так славится? Вот я, так ем очень много. Хлеба съедаю по три коровая, мяса съедаю чуть ли не целого барана, а пью по три чарки большие.

А Илья Муромец говорит таковы слова:

— Эх, у моего дяди была такова корова — много пила-ела. Однажды так поела, что лопнула. Смотри, чтобы над тобой не стряслась такая причина.

Озлился тут Идолище Поганое, схватил свой булатный меч и пустил с силой в Илью Муромца. Илья Муромец отворотился, а меч пробил стену и насквозь вылетел. Тут Илья Муромец, в свою очередь, схватил клюку сорокапудовую, да как хватит Идолище по маковке. Идолищу Поганому разнес он череп вдребезги. Вышел Илья на двор к князю Владимиру и сказал ему таковы слова:

— Уберите вы Идолище Поганое и постановьте всё царство по-старому

И опять князь Владимир Красно Солнышко воссел на престол своего царства. Опять стал царствовать. А после задал пир на весь мир.

А в то время собирался на службу к князю один молодой боярин, по прозванию Дюк Степанович, и прощался он со своей матерью. Прибыл он к князю Владимиру. Принял его князь Владимир и посадил за стол гулять с богатырями. Стал угощать Дюка Степановича. А Дюк Степанович выпивал так: одну рюмочку выпьет, а другую под стол выльет, один калачик съест, а другой под стол бросит.

Заметил это князь Красно Солнышко и сказал Дюку Степановичу:

— А что ты, молодой боярин, одну рюмочку выпиваешь, другую под стол выливаешь, один калачик ешь, другой под стол кидаешь? Разве тебе что не нравится?

Отвечает князю Дюк Степанович:

— Да, Владимир Красно Солнышко, калачи твои что-то зачерствели, а пиво-то прытко задохнулося... У моей родимой матушки калачики на пекарне пекут всё медвяные: один ешь — за вторым рука тянется, второй ешь — третий с ума нейдет. Да и пиво у вас, видно, в бочонках да погребах стоит неприбрано. А у моей матушки пиво подвешено в бочках, на цепях высокиих. Ветры освежают те бочки высокие, пиву-то затхнуться и неколи. Одну чарочку пьешь — за второй сама рука тянется, втору пьешь — третья с ума нейдет. У вас, князь Владимир, и печь полиняла-то. А у нас-то в горнице печи муравлены. А одёжи-то у вас, князь Владимир Красно Солнышко, темны, заношены, а у моей матушки одёжа каждый день всё новая.

Тут был один богатырь, за столом сидел, по прозвищу Чурила Пленкович. Слушал Чурила Пленкович эти слова, очень обиделся. И говорит князю Владимиру.

— Уж ты, князь Владимир Красно Солнышко, дай нам с ним об заклад удариться. Чтобы каждый день мы с ним являлись в новых одёжах. Хватит ли у него на целый год одёжи новые?

Тогда стали бояре совет держать и разрешили им об заклад удариться. И сбилися они об заклад — если у которого на год одежды не хватит — с того голову долой. Стал Дюк Степанович домой соби-

раться, чтобы одёжу привезти на целый год. Но Чурила Пленкович тут воспротивился. Говорит он таковы слова:

— Не согласен я на то, чтобы отпустить домой Дюка Степановича. Может добыть он платье не то, что дома, а в других местах. А пущай-ка он напишет в свой дом бумажку матушке, и она вышлет одёжу ему.

Дюку Степановичу делать было нечего. Садится он за столы дубовые, берет чернильницу с пером, начинает писать бумажку матушке. И положил ту бумажку в мешок и привязал мешок к седлу Бурки Вещего. И наказал ему так:

— Ты беги, Бурка Вещий, ты неси письмо моей матушке. Пущай пришлет она ко мне тюки полные, чтобы одёжи хватило мне на каждый день, на круглый год.

И вывел он Бурку Вещего и поставил на дорогу родную.

Побежал Бурка быстро, как калена́ стрела из лука пущена. Прибежал Бурка на широкий двор, к Дюка Степановича матушке.

Матушка очень напугалася — прибежал конь один-одинешенек, а сынка нигде нетути. Схватила она вещевой мешок, развернула его и видит — в бумажке что-то писано. Как прочитала, так и догадалася: мол, неладно, что-то сынок мой наделал. Начала сбирать всю одёжу, насчитала как раз на круглый год. Положила она одёжу в мешки, привязала мешки к Бурке Вещему, послала его к сынку Дюку Степановичу.

Бурка Вещий тут вернулся в скором времени к своему хозяину Дюку Степановичу.

Был день Дюку Степановичу назначенный, когда явились богатыри в новых одежонках. И целый год они ходили всё в одёжах переменныих.

И в последний день вошли оба — Дюк Степанович с Чурилой Пленковичем в драгоценных одеждах соболиныих. У Чурилы Пленковича была одежда очень драгоценная, а у Дюка Степановича много лучше: кафтан у Дюка Степановича был с кавалером да с девицей. Как застегнет он свой кафтан, то девица с молодцом обоймутся, как расстегнет — девица с молодцом поцелуются.

Чурила Пленкович стал совет держать:

— Рассудите вы, люди добрые! Кто проиграл из нас голову?

И стали их судить-рядить, и признали, что Чурила Пленкович пробил об заклад свою голову.

Хотели на лобно место его вывести, да заступился здесь Илья Муромец:

— Не нужно нам проливать кровь христианскую, а нужно дать Чуриле Пленковичу сильный выговор.

Не угомонился тут Чурила Пленкович, стал опять споры затевать, стал биться об заклад по-новому. Богатыри опять стали совет держать. Посоветовали — обратно пущай побьются Дюк с Чурилой об заклад.

Чурила Пленкович говорит:

— Кто из нас перескочит Днепр-реку на своих лошадях ретивых? Кто не перескочит — тому рубить будут голову.

Но и тут Дюк Степанович не струсил, даром, что молод был. И поехали они на своих конях Днепр перескакивать. Тут Чурила Пленкович говорит:

— Скачи вперед ты, Дюк Степанович.

Но тут Илья Муромец воспротивился:

— Проиграл ты, Чурила, свою голову, так скачи ты перво-наперво.

Чуриле Пленковичу перечить было некогда. Разгорячил он своего коня ретивого, дал он шпоры своему коню под круты бедра. Как взвился его конь высоко и осередь Днепра ударился. Понесла коня река быстрая.

Тут Дюк Степанович повысился. Как дал своему коню под круты бедра. Его Бурка Вещий на ту сторону бросился. Подхватил Дюк Степанович Чурилу за кудри черные и вытащил его на ту сторону.

Тут-то все богатыри сразу загута́рили:

— Отруби, Дюк Степанович, Чуриле голову: два раза он проиграл ее.

Но Дюк Степанович не хотел этого делать. Так и остался Чурила Пленкович жить по-старому.

Вернулись все богатыри в стольный Киев-град к князю Владимиру и уселись все опять за столы дубовые. Стали пить опять напитки медвяные и закуски стали закусывать сахарные.

С тех пор стало в Киеве всё спокойнее. Никакие враги-басурмане воевать город Киев не решалися. И надумал Илья Муромец поехать погулять по русской земле.

Отъехал он далеко от города Киева. Вдруг встречает он три дороженьки. А на крестах той дорожки лежал огромный камень. И на том камне были три надписи:

«Кто поедет вправо — тот будет убит, а кто влево поедет — тот будет богат, а кто прямо поедет — тот будет женат».

Илья Муромец тут задумался:

— Жениться мне — я уж очень стар, а богатства мне совсем не надобно. Я поеду туда, где убитому быть, на роду мне смерть не написана.

Повернул он своего коня сильного, поскакал он дорогой правою.

Выезжает он на поляну обширную, а на той поляне стоял могучий дуб. Под тем дубом сидело сорок разбойников. Как увидели они Илью Муромца, сговорились между собой окружить и убить его.

Но сказал им Илья Муромец:

— А за что вы меня убить хотите? Богатства со мной вовсе нетутка. Конь у меня стоит пятьсот рублей, сбруя у коня стоит сто рублей.

И сымает он с плеч лук тугой, вынимает из колчана калену́ стрелу. И накладывает стрелу на тетивушку. И пускает он стрелу во зеленый дуб. И ударила стрела во зеленый дуб, разлетелся дуб в мелкие дребезги. Очень много разбойников тут поранило. Остальные разбойники все в стороны бросились, так что Илье Муромцу бить стало некого.

Вернулся обратно Илья Муромец к камню белому, стер он тут надпись старую. Написал он тут надпись новую: «Ездил Илья Муромец по правой дороге, а убит не был».

Теперь думает Илья Муромец: «Надо ехать по той дороге, где женатым быть, а богатства не надобно». И поехал он по прямой дороге.

Подъезжает он к большому терему, а в этом терему царевна жила, женихов всё к себе заманивала. Зазывала она их в свою спальню новую и клала женихов на кровать пружинную.

Взошел Илья Муромец в палаты новые, и подхватила его за белы руки дочерь царская и предложила ему легчи на кровать пружинную. Но Илья Муромец схватил дочерь царскую и положил ее на кровать пружинную. А как положил — сразу провалилась кровать пружинная. Посмотрел вниз Илья Муромец, видит — там подвалы глубокие, а в подвалах людей много оказалось. Побежал Илья Муромец на широкий двор, отыскал он дверь в подвалы глубокие, отбил дверь скорехонько, выпустил людей из подвалов темныих. Все люди тут Илье взмолилися:

— Уж ты спаситель наш Илья Муромец! Спас ты нас от смерти лютоей!

Тут схватил Илья Муромец царевну за косу, вытащил ее на широкий двор, приказал он тут разжигать костры, повалить на огонь и сожечь дочь царскую.

Поехал обратно Илья Муромец к тому же камню белому. Стирает он тут надпись старую, пишет он тут надпись новую: «Ездил по той дороге Илья Муромец, а женат не был!»

Теперь Илье Муромцу стало занятно: не поехать ли по третьей дороге? Не будет ли там какой обман?

И поехал по третьей дороге Илья Муромец.

Увидал Илья подвалы громадные. А у этих подвалов было колоколов понавешено. Кому нужно богатство — тому за бечеву дернуть надобно. Илья Муромец взял, ударил в колокол. Откуда ни возьмись, идет мужичок с золотой клюшкою. Отпирает мужичок подвалы глубокие и говорит таковы слова:

— Бери, добрый молодец, богатства, сколь тебе надобно.

Взошел тут Илья в подвалы глубокие, посмотрел и удивился: везде золото в беспорядке валяется. Илья Муромец никогда на золото не льстился. Не взял он золота нисколечко и поехал обратно к камню белому. Стер он тут надпись старую, написал надпись новую:

«Ездил тут Илья Муромец, а богат не был».

На том подвиги Ильи Муромца закончились.

А всего Илье Муромцу житья было полтораста лет.

58

Илья Муромец

У одного пастуха родился сын. Этот сын не имел хождения до двадцати лет. В одно прекрасное утро отец и мать пошли косить, сын оставался на печке дома.

В это время приходит, откуда ни возьмись, дорожный старичок, назвал себя калекой этот старичок:

— Я хожу по всей святой Руси ко всем святым и угодникам.

Приходит, поздоровкались. Спросил юношу:

— Дай напиться!

Тогда юноша ответил:

— Старец, возьмите сами, так как я не могу, у меня нет ног.

Этот старик ему сказал:

— Встаньте!

Юноша встал.

— Пойдите, подайте напиться!

Квасу нацедил, как квас раньше делали у бочках. Юноша встал, дал напиться, прошел кой-как по избы, сел поговорить со старцем.

— Давно ли ты, — говорит, — юноша, без ног?

— Вот двадцать лет исполнилось мне, как сижу дома, помочь отцу-матери ни в чем не могу.

Вынимает старик из сумочки из маленькой три бутылочки маленькие. Из одной бутылки налил юноше:

— Попробуйте, — говорит, — выпить.

Выпил юноша, и спросил старик:

— Ну как чувствуешь сам себя сейчас?

— Чувствую себя сейчас сам полным мужчиной, могу владеть собой, как мужчина.

Тогда дал из второй бутылочки выпить еще старик. Выпил юноша, еще почувствовал еще сильнее сам себя на два раза. На третий раз юноша сказал:

— Теперь могу померяться с любым богатырем *(как раньше наступали на царство)* и помочь отцу-матери, бедному своему хозяйству.

Юноша встал, достал, што приготовлено на обед, молоко, што полагается в доме. Старик поблагодарил юношу, на прощанье налил из третьей бутылочки. Налил на прощанье из третьей бутылочки и тогда спросил юношу:

— Как чувствуешь сам себя?

Назвал его Ильей (*его звали не Ильей*):

— Вот тебе будет имя Илья Муромеч.

Тогда Илья сказал:

— Мог бы, если бы кольцо в земле железное, поднял бы эту землю до колена.

Тогда старик распростился и ушедши.

А етым местом владел князь Дмитрий Александрович. И было объявление везде: нет ли сильных мужчин-богатырей, штоб могли бы спасти свою Россию, как наступают хищники, как Россия тогда маленьким государством была.

Пришедши отец и мать с сенокосу, как встречает сын отца и матерь могущественной силой, и видят, што сын совсем переменился, сделался каким-то бойким человеком. Мать спрашивает:

— Кто к тебе приходил?

Он отвечал:

— Приходил старец седой весь, неизвестно кто. Попросил напоить, накормить. И я почувствовал сам себя сильным и могутным и хочу теперь, дорогая мамаша, — и кланяется отцу-матери, — хочу ехать и показать себя таким красивым и могутным.

Идет дорогой-тайгой, попадает к тому месту. Шел трое сутки. Идет к князю своему Владимиру. А отец с матерью остались плакать, што один сын был.

Приходит к князю, заявливает: «Што я могу с любым богатырем сразиться и защитить свою родину». Князь приказал отвести его на конюжню и выбрать самолучшего коня, какого только может выбрать. Много он по конюжне ходил, но какого коня ни ударит, не могла лошадь выдержать, падала на колени. Он уходил из конюжни и не мог сыскать себе доброго коня. Явился с докладом к князю:

— Нет, — говорит, — мне доброго коня, который мог бы мне служить.

Тогда князь ему сказал:

— Идите в леса и там увидите, табун коней гоняет пастух, и можете в этом табуне сыскать и тогда приходите ко мне.

Долго по лесу ходил. Наконец нашел эту дорожку, сел к дубу и посиживает. Слышит: ржут лошади. Идут, бежат к реки пить. Проходит весь табун мимо Ильи Муромеча. Одную лошадь заметил хорошую, которую хотел поймать. Дождался пастухов, выпросил у пастухов. Пастухи сказали:

— Имай, какая лошадь тебе нужна. Но мы в жизни не могли никогда ее поймать. И лошадь эта идет мимо этого дуба с пойла первая — бегает всегда.

Тогда Илья сел за дуб и сказал:

— Будет моя!

Тогда пастухи головой покачали, ничего ему не сказали. Сел за дуб и дожидает, когда пойдут лошади обратно.

Бежит лошадь мимо дуба. Илья прикрылся дубом и на лошадь ударил рукой. Лошадь упала на колена, и он сказал ей:

— Ты, чертовка, должна служить мне. Стань передо мной, как лист перед травой!

Илья Муромеч схватил за гриву, и всё стадо прошло. Он держал лошадь до пастухов. Когда пришедши пастухи, он сказал:

— Давайте уздечку, седло! Я сяду на ней и поеду.

В это время дали уздечку, седло. Он сел, распростился с пастухами и поехал. Ехал дорогой сколько времени, — время текло незаметно. Приехал к тому царю-князю и говорит:

— Сделайте мне палицу такую, штобы мог я ею владеть по силе своей.

Первое ему сделали до сорок пудов, ему показалось легкая, второе — до пятидесети пудов и третья — до ста пудов. Он взял стопудовую палицу, сел на коня и поехал на поле битвы, где ожидали его богатыри, на широкую долину.

Едет дорогой, встречает опять старичка.

— Илья Муромеч! — крикнул старик.

Илья соскочил с коня и просил у него благословения:

— Што еду я на битву и прошу благословить.

Долго старик на его смотрел. Наконец досказал ему слово:

— Ну, Илья, за все твое добро на́ тебе шапку и не надо тебе меча, шапка послужит за все.

Когда Илья стал поднимать шапку, думал легко будет поднять, но шапку нелегко было поднять. Ну старик ему сказал:

— Ты говорил — землю поднять можешь, а простой шапки не можешь поднять. Плохой, — говорит, — вояка, а едешь на битву.

Илья покраснел и долго смотрел на старика. Тогда старик сказал:

— Илья, возьми, носи и не забывай и не обижай никого стариков и никого граждан, а иди смело и защищай свою родину.

Илья взял шапку, положил на голову, сел на коня и поехал, распростился со стариком.

Выеждяет на поле битвы, увидал палатки, шатры раскинувши. Пришедши к шатру, связал своего доброго коня с другим конем богатырским к одним яслям. Лошади нача́ли драться. Ильи лошадь отбила ту лошадь, и эта лошадь ушла в поле и кушает травку шелко́вую. Ильин стоит у корму. Илья взошел в палатку. Громким голосом крикнул:

— Вставай!

Вскакивает Бова-королевич и говорит:

— Какой невежище сюда пришел, и с такой невежей мы разговаривать не будем.

Тогда вышли на улицу и смотрят: лошадь Ильи Муромеча отбила его лошадь. Тогда Бова-королевич закричал громким голосом, созвал всех богатырей и велел седлать ко́ней. Тогда Илья Муромеч оседлал своего коня и сказал:

— Давай померяемся, кто кого возьмет.

Делать нечего. Снял шапку свою, перекрестился и сел на лошадь.

Съехались они вместе, копье с копьем, Илья Муромеч и Бова-королевич. Копья у обоих поломались. Бова-королевича лошадь на колена пала. Вторично тупыми копьями съехались, и Илья Муромеч ударил Бова-королевича и вышиб из седла долой, сразу на землю упал. И слышен был крик:

— Победил Илья Муромеч, победил!

И пошли в шатер, спустили лошадей гулять в поле, сменяли крест-накрест и назвались крестовыми братьями. Чай попили, побесёдовали. В беседе стал Бова-королевич разговаривать, што есть царство, мимо которого ни один богатырь не может проехать, ни соловей пролететь. Сидит Соловей-разбойник, мимо него никто не может пролететь и проехать. Тут Илья Муромеч сказал:

— Крестовый! Садимся со своими богатыри на коней и поедем. Што будет, то будет. Одной смерти не миновать, а другой смерти не бывать.

Приехал в свое королевство, и князь отдал свою дочку за Илью. И распростился со своей супругой и уехавши в другие государства разыскивать этого Соловья-разбойника. Ровно проезжал пятнадцать лет, не бывал Илья Муромеч на родины, где оставил свою жену.

Теперь Илья Муромеч [с крестовым] съехались туда, где был Соловей-разбойник. Подъехали. Семь километров не доехавши, как заорет Соловей во всю пасть. У Ильи конь задрожал, а у крестового на колена упал. Тут Илья схватывает тугой лук и стрелит в Соловья-разбойника в правый глаз, и выходила стрела в левое ухо. Пал Соловей на землю, только земля задрожала. Хватает Соловья, садится на коня и везет в тот терем, где жил Соловей, и его красавица забрана. Оттуда выскакивают все вельможи и кричат: «Вот везет Соловей-разбойник кого-то к нам на пирог!» Но тут увидала одна, што везет незнакомец Соловья-разбойника убитого

Заходил Илья Муромец во двор, открывал все двери, садился Илья со своим крестовым за угощенье. И тут Илья остается жить тоже лет пятнадцать и стал царствовать этим царством.

Услыхал Илья, што на это на ихнее прежнее царство наступают какие-то враги. И просят Илью спасти свое царство. Вдруг Илья вспомнил, што когда уехал от жены, то оставлял свой именной пояс и менный крест. И сказал, што если родится сын, то штоб хранил отцовское названье, и скажи, што такой был отец Илья Муромеч.

А в это время на царство Ильи Муромча наступают богатыри, разбивают села, одно за другим отбирают. Тогда Илья Муромеч оседлал своего коня, крестовый уехал на другое место, а он поехал на чисто поле к этим воеводам. Тогда Илья встречается на поле, увидел

шатры, опеть привязывает коня. На этот раз вояки конь отбил Ильиного коня от корму.

Тогда Илья зашел в палатку и вскрикнул громким голосом и видит — юноша лет шеснадцати называется воякой-богатырем. Тогда Илья Муромеч сказал: «Эх, молодежь, выезжает попробовать силы и смéриться со стариками!» А Илье уж было много лет. Тогда эта молодежь сказал, што «со стариком нам и меряться нечего». А этого звали Еруслан Еруcланович. И это был его сын. И он не знал отца, и отец не знал сына. Оседлали своих кóней. Розъезжали по полю. У Еруслана лошадь што вихрем носится, и у Ильи лошадь што вихрем носится. Розогнали своих кóней. И съехались они во всю прыть. И ударили они копьями железными. Все копья у них помéлися, и ни один из них не пошатнулся. И скрикнули, штобы привезли им стальные копья и снова штоб съехаться нам богатырям. Разгорелася у них кровь богатырская, разошлися руки молодецкие.

И Илья Муромеч вспомнил про свою молодость: «И где ты, мой старец старенький? Покажи мне мою удалýю жисть». Тут Ильюшенька сам себя почувствовал, будто к прежней силушке приравнивается.

Привезли же им копья стальные. Порозъехались они опеть в поле, розогнали своих кóней ретивых. И как съехались два богатыря могущих, и вся земля задрожала, и ударили они копьями стальными в груди молодецкие. Пошатнулся Илья в седле, но не упал. Проскочил его конь удалой мимо товарища. Еще более забилась кровь молодецкая, разгорелось сердце богатырское. Закричал Илья Муромеч громким голосом:

— Уж и жить или помирать которому!

А юноша Ильи ответил:

— Не боюсь я ни столечко. И попробую нанести удар богатырский я.

Еще больше коней понатужили и сражалися, как львы горячие. И ударили копьями стальными молодецкими, выбивали друг дружку из седлов, сбивали с коней друга и на землю вылетывали. И сохватывались хваткой в рукопашный бой.

Тут Илья схватил юношу и ударил о землю, только земля збунчала. Вынимает он кинжал из-за пояса. Открывает грудь белу юношеску:

— Ох ты, юноша, молодецкий сын. Но не знаю я твоего роду-племени.

И наносит юноше на сердце удалой кинжал. Увидает у юноши свой менный крест, он выбрасывает из руки своей кинжал и говорит юноше·

— Встань, юноша, и расскажи мне, чьего ты роду-племени, каких отца-матери и какóва государства.

Тут юноша отвечал ему громко и смело голосом:

— Если бы я сидел на твоей груди, распорол бы белу грудь и вынимал сердце со печенью.

Тут спрашивает Илья Муромеч:

— Ты скажи-ка, скажи, откулешный?

— Я такого-то царства, матери Вахрамеевны. А отец — Илья Муромеч. А меня звать Еруслан Еруспанович.

Вот тут схватил Илья Муромеч дорога сына:

— Вот тебе отец, Илья Муромеч, а ты мне будешь сын. Я по чему узнал — по кресту и по поясу.

И уселися они на своих коней и поехали во высок терем. И садилися за дубовые столы угощаться вином сладким. И тут спросил сын отца благословения как жениться пойти в царстве своем и остаться править царством по смерти отца и представить сюда свою мамашу Вахрамеевну. И отправлялся сын за мамашей со своимá слугами верными. Привезши свою мамашу верную Вахрамеевну к Илье Муромчу во высок терем. Тут встречался Илья Муромеч с Вахрамеевной. Весь народ удивлялся, как богатыри да расставалися.

И по смерти Илья оставил сыну своему заповедь.

— Ой ты гой еси, Еруслан Еруспанович. Ты не бойся на свете никого. Защищай ты свою родину и учи сына защищать родину. Заболевши и умираюци. Оставался сын править государством.

(Дальше про него много знал, да забыл. Там пойдет, как сражался Еруслан Еруспанович с.......,[1] *потом с Магометом).*

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

59

Илья Муромец и змей

Нé в котором царстве, нé в котором государстве жил-был мужичок и с хозяюшкою. Живет он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою:

— Вот, хозяйка! довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы на последях, при старости.

Стали просить бога, и забрюхатела она и время пришло — родила детище. Прошел год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — всё без ног сидит.

Вот пошел отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенской братия и просит у него милостыньку:

— Хозяинушка! Сотвори старичку господню милостыньку христа ради!

Вот он ему и говорит:

— Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку; я без ног.

Вошел старичок в избу:

— Ну-тка, — говорит, — встань-ка с постели, дай мне кóвшичек.

Вот взявши, дал ему ковшичек.

— Поди, — говорит, — принеси мне водицы.

Принес ему воды и подает в ручки:

— Извольте, старичок господень!

Вот он ему назад и отдает.

— Выпей, — говорит, — в ковше всеё воду.

Опять посылает он его за водою:

— Опять сходи, принеси другой ковшик воды.

Шедши он за водою, за которое дерево ни ухватится — из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него:

— Слышишь ли теперь в себе силу?

— Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенну такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную.

Как принес он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось:

— Будет, — говорит он, — с тебя и этой силы!

Помолился старичок господень богу и пошел домой:

— Оставайся, — говорит, — с богом!

Скучно ему лежать и пошел он копать в лес, свою силу пробовать. И ужахнулся народ, что он сделал, сколько лесу накопал! Вот идет и отец с матерью с покосу. Что это такое? лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу:

— Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!

— Дура, — говорит он, — не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!

И подошли к нему.

— Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?

Вот и говорит Илья:

— Пришел ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать; я без ног. Вот он ко мне и пришел в избу; ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек. Встал я и дал ему ковшичек. Поди, говорит, принеси мне водицы. Принес ему воды и подал в ручки. Выпей, говорит старичок, в ковше всеё воду. Выпил — и стала во мне сила великая!

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою:

— Вона какой он стал сильный, могучий богатырь (*называют эдак мужики Илью*)! Вишь он наделал какую ко́пать! Надобно, — говорят, — в городе объявить про него.

Вот узнал об нем и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем, и служить стал хорошо. Вот и говорит государь:

— Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец по́д угол?

— Извольте, ваше царское величество! Хошь на бок, как угодно, подыму его.

Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему очченно, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё ее иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю:

— У меня есть такой сильный могучий богатырь, он убьет змея об двенадцать голов.

Король и просит:

— Пожалуйте — ко мне его пришлите.

Вот как приехал он в свое государство, и разговаривает с своей государыней:

— У эдакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё ее извел, иссосал.

И говорит:

— Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?

— Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью.

Вот государь и говорит:

— На почте поедешь и трахтами пойдешь, так и так-то возьмешь.

— Я верхом один поеду, пожалуйте мне жеребца.

— Войди в конюшню, — говорит ему государь, — выбирай любого.

А дочь просит его в другой комнате:

— Не ездите, Илья Иванович; вас убьет змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить.

Он и говорит:

— Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье.

Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякой спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял, — ударил его по спине рукой; он только заржал.

И говорит Илья:

— Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!

Приходит к государю:

— Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного.

Отпущают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора и на ней все песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу ела́нь такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит:

— Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Избушка поворотилася, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит:

— Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а теперьча и сама русской дух хочу очьми видеть.

Вот взявши ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову.

— Постой, баба-яга! — говорит он, — я с тобой поправлюсь.

Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил ее за волосы, ударил ее и говорит:

— Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения, и куды еду.

Вот она и спрашивает:

— Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?

— Меня зовут Илья Иванович, я еду туда-то.

— Пожалуйте, — говорит, — Илья Иванович, ко мне в горницу.

Вот он и пошел к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчивает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у нее сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит.

— Извольте, — говорит баба-яга, — я напишу письмо к сестрице, чтобы она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьет, как завидит! Отдает ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! и приезжает на ела́нь — такая широкая ела́нь, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке и слезает с добра́ коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала:

— Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русской дух очьми хочу видеть.

Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шеи; он и говорит:

— Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала.

Она прочитала и принимает его честью к себе в дом:

— Пожалуйте ко мне в гости!

Идет Илья Иванович. Она сажает его за стол и становит на стол кушанья всякие, напитки и наедки, потчивает, а сама послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошел выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и доброй конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью:

— Ну, Илья Иванович, — говорит, — теперича тебе не проехать: тут Соловей-разбойник ждет, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесят верст — свистом оглушит!

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что послышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит:

— Не спотыкайся, добрый конь! уж послужи мне.

Подъезжает к Соловью-разбойнику, он все свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил однова́, чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в торока́ на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят: «Соловей-разбойник везет кого-то в тороках!» Подъезжает богатырь ко дворцу и подает бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу:

— Велите Соловью-разбойнику засвистать.

А Соловей-разбойник говорит:

— Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.

Вот и принесли ему винца, а он говорит:

— Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный.

Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит:

— Еще бы Соловью-разбойничку две ведерочки, так выпил бы! — да уж не дали ему. И просит король:

— Ну, прикажи, — говорит, — ему засвистать.

Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию поставил к себе под руки, под мышки:

— А то, — говорит, — он оглушит вас!

Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Иванычу:

— Послужишь ты мне вот эдакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери, вот, летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?

— Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — всё сделаю.

— Пожалуста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!

— Извольте, ваше королевское величество!

Лежит королевна в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, — голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб; ударил жезлом и расшиб ее всю. Радехонька же королевна встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит:

— Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.

— Нет, — говорит, — я поеду в свое государство.

Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честью; и к другой приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в свое государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честью, а дочь государева насилу дождалася:

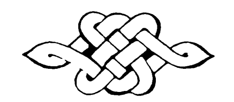
— Ну, тятинька, извольте, я за него замуж пойду.

Отец с ней воли не снял:

— Ну, коли угодно, так поди!

Обвенчалися и топерича живут.

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В РУКОПИСНЫХ ПЕРЕСКАЗАХ И ЛУБКЕ XVIII ВЕКА



60

Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике

Во славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреню воскресную, а похот держал к стольному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю, а завет держал большой: кладет вострую саблю и на крепкой лук тетивы накладывает.

И как едучи будет под Себежином градом, ажно стоят тут три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотят Себеж-град за щитом взять и самого царя в полон взять. А Илья побил силу великую, бутто заичье стадо, а трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирскова.

И сибирски царь говорит: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчесътву Иванов сын, а уроженец града Мурома». И сибирски царь зговорит таково слово: «Ой еси, доброй молодец Илья Муромец! живи ты у меня, служи ты мне верою да правдою, дам я тебе половину царства своего». Илья Муромец говорит: «Много мне твоего жалованья!» И спрашивает у нево прямой дороги к стольному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю. И сибирски говорит царь: «Прямая дорога надлежит на лесы Бранския, на мост калиновой, на реку Смородину; только та дорога залегла от Соловья-разбойника равно 30 лет: единое человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетовала от Соловья-разъбойника». И тут богатыръское сердце разгараетца: поехал прямою дорогою х Киеву-граду.

И как едучи будет на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно наступал к нему Соловей-разбойник и засвистал своим разбойническим посвистом: под Ыльею конь спотыкнулся; Илья Муромец зговорит таково слово: «Что ты, волче, спотыкаешся? Нет веть меня во всей русской земли сильнея». И вынимает по Соловью-разбойнику калену стрелу; и тут во Соловья-разбойника попал, и Соловей з двенатцати дубов свалился, аки овсяной сноп. Илья Муромец сел у нево на белых грудех и хочет у нево вынуть сердце. И возмолитца тут Соловей-разбойник: «Ой еси, доброй молодец Илья Муромец! Оставь душу вь теле хоть на покаяние!» Илья Муромец говорит таково слово: «Съкажи ты мне, Соловей-разбойник, где твоя золота казна лежит?» И Соловей-разбойник ответ держит: «Моя, государь, золота казна лежит в моих селах Кутузовых; а гонец гоняет равно по два месяца, а скоро-наскоро во един месяц».

Илья Муромец привязует Соловья-разбойника к своему стремю булатному и съкачет з горы на гору, а у реки перевозу не спрашивает. А как будет под ево селом Кутузовым, увидели Соловья-разбойника 12 сынов. Большой говорит: «Вот де наш батюшка едет, а мужика везет у своево стремя булатнова». Меншой сын говорит таково слово: «Вон де едет Илья Муромец, а батюшка везет у своево стремя булатново». И тут мечютца 12 сынов и надевают на себя оружие богатырское, и хотят с ним поле дать. И Соловей-разбойник говорит таково слово: «Светы вы мое малые детушки! Не дразните вы сево добра молотца, зовите ево к себе хлеба кушати». Илья Муромец поворачивает своим добрым конем к стольному граду Киеву, ко князю Владимеру киевскому Всеславьевичю.

И как будет пот Киевом-градом, скачет через стену каменную и едет на княженской двор, не обсылаючи и шапки не снимаючи. Входит в полату столовую и молитца чюдным образом, а князю Владимеру ниско челом и кнеине, а после на четыре стороны. Князь Владимер говорит таково слово: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Князь говорит: «Давно ли ты поехал из Мурома-града?» Ответ держит Илья Муромец: «Отслушавши заутреню воскресную». А князь

Владимер усмехнулся, что Илья врет, и зговорит таково слово: «Не твойскня у меня гонцы — гоняют равно по два месяца, а скоро-наскоро во един месяц». Илья Муромец говорит таково слово: «Да еще, государь, были на меня две причины: поехал из Мурома-града под Себежином градом, ажно стоят тут три царевичя заморския, а силы с ними у всякова царевичя по сороку тысячь, и хотят они Себеж-град за щитом взять и самого царя в полон взять; и я ево выручил и побил всю ратную. И как буду на лесы Бранския, на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно напущает на меня Соловей-разбойник: подо мною конь спотыкнулся. И я ево убил. И топеря стоит у моево коня у добраго».

А князь говорит: «Засвищи ты, Соловей, своим посвистом». И Соловей говорит: «Не твой де я холоп, не слушаюс тебя, слушаюс Ильи Муромца». Илья Муромец велел засвистать Соловью-разбойнику, и Соловей засвистал своим посвистом: у богатырей тут кресла подломились.

И князь Владимер бысть радошен и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, будет золота казна не запечатана, и кони не заперты, и погребы не замкънуты».

61

Повесть о сильнем могучем богатыри Илии Муромце и о Соловье-разбойнике

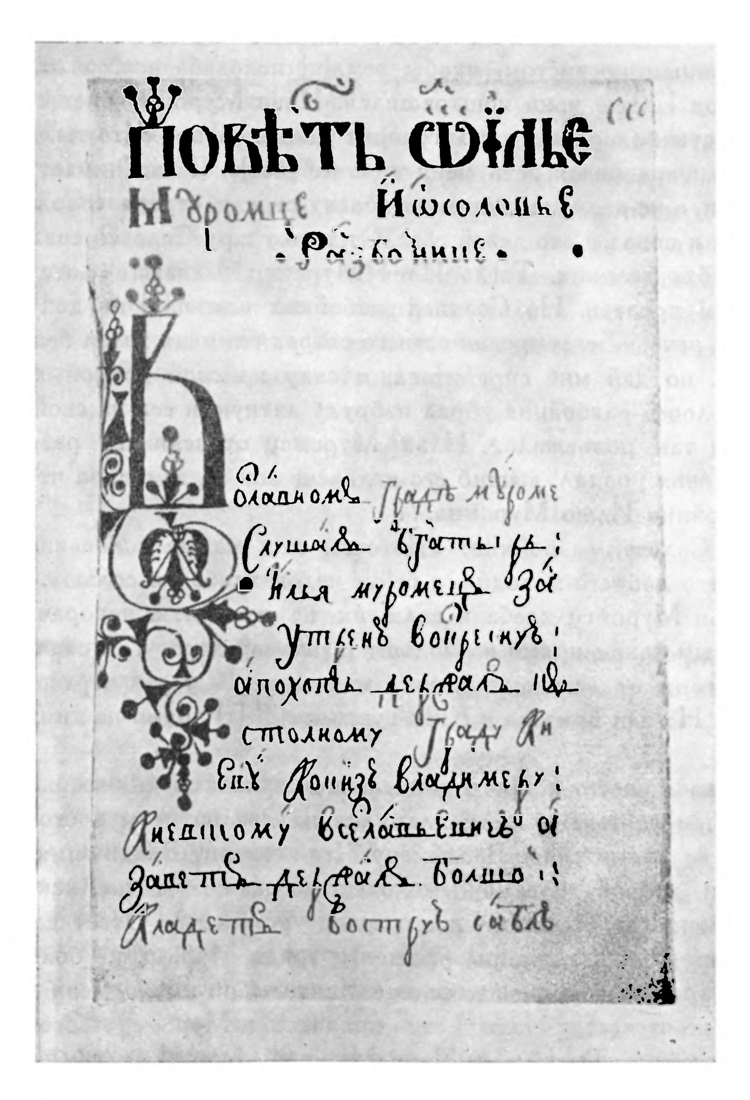
Во славном было во граде Муроме, во большем селе Карачаеве было сельцо Каптяево, в том сельцо Каптяеве был-жил крестьянин именем Иван [со] своею женою вельма [у] бога [в] милости по убогим и странным приниматель. Им же уроди[лся] сын, ему же бысть Илиа [имя]. . . младых лет да до 30-ти лет 3-х всих днех, о чем отец и мати его вельми были печальны. Но случися накаконе праздника Илии-пророка отец Илиин и мати были у всенощни в большем селе Карачаеве, а у Илии были некоторые два старичка под окошком. Яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги, но не токмо. . . и силу великую богатырскую Илиа почул в себе. Но как отец и мати

его пришли ото всенощни, а Илья и встретил, и они о том благодаренную пришли господу богу и великому пр[о]року Илии. Наутре воста пошли ко святой литоргии недели того великаго веселия сотворили пир велик про странным [и] убогим Илии... время сыскал в конущне... сивца-бурца... латы и копие, палицу булатную... достиг себе против отца своего и матери благословения ехать князь Владимеру поклониться и он[и] с плачем дали благословение, хотя ехать со заклинанием его оружием, что ему ехать дорогою из нажен востру саблю не вынимать. Ис колчана Илья Муроме[ц] колены стрелы на лук не на[кла]дывает.

Илья Муромец, поехав в Киев град, слуша заутреню воскресную, но как он будет под Себежем-градом... ажно стоит под ним три царевича заморскии, со всяким царевичем си[лы] по трицати тысящ, а похваляются они град за щитом взять, а жители градских под меч... Зговорит едучи Илья Муромец: «Ох по грехом мне учинилось, что отец мой и мати моя заклели мое оружие». Однако, сотворив себе знамение клятвенное, вынимает свою палицу булатную, напущается на рать-силу великую. Сколько бьет, а вдвое конем топчет, куда он не поедеть — улицы, куда не поворотится — слободы, и побил всю силу татарскую; и три царевича насилу нашли за море на кораблях то небольшими людми.

Но как Илья Муромец ехал скрозь Себеж-град, во градских воротах встречали с хлебом и солью весь народ от мала и до велика, и бьют челом ему, и покланяются, и просят милости к себе во град хлеба и соли кушати. Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, только спрашивает у них дороги прямо дороги ко граду Киеву. И отвещают ему себежские жители: «Ты гой еси, добрый молодец, прямая к нам была дорога ко граду Киеву на леса на Брын[ские], на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, только та у нас дорога запустела ровно 30 лет от Соловья-разбойника. От ево разбойнича соловьиного посвиста никакой богатырь не может устоять».

Богатырское сердце неуимчиво, и поворачивает своим добрым конем прямо на грязи черные, на реку Смородину, на мосты калиновы. И как он будет против сторожи Соловья-разбойника, ажно Соловей на сторожи был, сидел на двух дубах, засвистал он своим разбойни-



Повѣть о Илье Муромце и о Соловье разбоинике

Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Запись в рукописном сборнике первой четверти XVIII века.

чим соловьиным посвистом, якобы земл[я] поколебалася, и от того посвисту под Ильею конь пошарашился. Илья Муромец биет своего коня по толстым акаракам, а сам говорит таково слово: «Что ты, волъчья шерсть, шарашишся, веть меня сильнее [нет]». [И вы]нимает свой крепкой лук, а ис колчана вынимает колену стрелу, стреляет Соловья-разбойника и попал в ево левой глас. От того удару Соловей свалился со двух дубах великих. Тогда Илья Муромец наскака[в] хотел ево злой смерти предать. Но Соловей-разбойник вскочи[в] не допустил ево до себе, рече: «Богатырская есть то слава, что меня хотел без оружия убить, но дай мне справиться, я сяду на свой доброй конь». И скоро Соловей-разбойник убрал взбруду латную и сел на свой доброй конь и так розъежал... Илья Муромец от великаго разьезду только Соловья уронил, вышиб его исдалече вон на земле, за что Соловей-разбойник Илью Муромца...

Молви Соловей-разбойник: «Деточки мои малые соловьявы, не дразните сего добраго молодца, а бейте челом хлебом и солью».

Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, а поворачивает своим добрым конем прямо на большу [к] Киеву дорогу. И скачет он з горы на гору .ол..и поду...ы вон выметывает, а у рек перевозу не спрашивал. Но как приехал в Киев-град, вье[д]е[т] прямо на княженьской двор.

И привязал своего доброго коня, пошел в палаты княжеские, молился чесным святым иконам, кланялся на две на четыре стороны, а особливо великому князь Владимеру. Что зговорит Владимер-князь: «Ты ой еси, доброй дородно[й] молодец, да скажи ты мне, как тебя зовут по имени, по отечеству, коего града уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государь, уроженец града Мурома из большего села Карачаров[а], а родися в сельце Каптеве, по имени меня зовут Ильюшою, по отечеству Иванов сын, прозванием Муромец». Зговорит князь Владимер: «Ты ой еси, Илья Муромец, сын Ивановец, скажи ты, давно ль ты из Мурома?» Ответ держит Илья Муромец сын Ивановец: «Государь, поехал из Мурома отслушав заутреню воскресную!» Рассмеялся велики[й] Владимер-князь: «Что ты, Илья, врешь! У нас гонцы гоняют по шти дней». Ответ держит Илья Муромец: «Да еще были на меня две задершки великия: первая — исбавил от

осаду Себеже-град; вторую имел — бой с Соловьем-разбойником, которой побед... сильнеи...»

Тогда князь Владимер вышел и с сильными могучими богатыри смотреть Соловья-разбойника, и рече: «Ты ой еси, Соловей-разбойник, засвищи ты своим разбойничим соловьиным посви‹с›том». Ответ держит Соловей-разбойник: «Твоя, государь, воля, я не смею государя моего Ильи Муромца». И тогда Илия велел засвиста[ть]. Но от ево посвисту князи и бояре попадали, только насилу устоял сам Владимер, и зато ево князь Владимер пожаловал выше своих богатырей киевских. Конец сему повествовани[ю].

Аминь.

62

Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Мурома к стольному граду Киеву ко князю Владимеру Всеславьевичю

В стольном граде Муроме была деревня Лаптева, а в той деревне жил крестьянин именем Иван, и родился у него сын именем Илья, и был сиднем тритцать лет. И в некоторое время Илья ляже спал и видел сон, якобы отец его купил ему жеребенка бурова у старчишка на погосте. И та нощь прошла, а день настал, и учел Илья отцу своему бить челом: «Государь мой батюшка, купи мне жеребенка у старчишка, что не дай, а тот жеребенок станет богатырей возить». И отец его послушал и купил ему того жеребенка, и поставил на стойле до времени. И тот жеребенок таков стал хорош, что и меры ему нет.

А в которое время отец его и мать обрекались господу богу и святому Илье-пророку ставить свещи и каноны читать, чтоб бог даровал сыну их ноги. И в то время пришли к ево дому два человека прохожия и просили у него пить того канону заветного. И в то время отца

ево дома не было, и мать ево им отказывала, что-де вам пить вынести некому, я стара, а сын мой без ног. И те два человека прохожия говорят Ильиной матери таково слово: «Пошли ты сына своего, бог ему дарует ноги». И в то время по их молитве даровал ему бог ноги, и пошел в погриб и вынял им того канону заветного. И те два человека прохожия, напившись, стали говорить ему: «За твою добродетель, что ты нас прохожих напоил, бог тебе даровал ноги. Еще ты чего просиш, богатства или силы богатырские?» — «Мне-тся лутче мне взять силу богатырскую». И они ему даровали силу великую, а сами прочь пошли.

И после того времени учал Илья выходить на улицу шутить, играть с робятами. Не по робячью делает, кого возьмет за руку, руку отторвет, кого возьмет за ногу, ногу вырвет. И стали приходить ко отцу его многие челобитчики. И сын ево Илья береть своего жеребъца бурова, и поехал от отца своего в стольной град Муром. И с того времени стал слыть могущим богатырем Ильею Муромцем и знатным многим людем свое богатырство оказывать. И стал срежатца во свое оружие ратное, хощет ехать к стольному граду Киеву, к великому князю Владимеру Всеславьевичю. И в то время Илья Муромец зарекается и заклинается: «Дай мне, господи, ехать путем добрым, смирением и кротостию, не вынимать бы мне из налучья крепка лука разрывчета, ис колчана колены стрелы, из ножен сабли вострые булатной, и чтоб приехать в добром здоровьи к стольному граду, к великому князю Владимеру Всеславьевичю».

И в том граде Муроме слушал Илья Муромец воскресную заутреню. И поехал к стольному граду Киеву на своем косматом Бурке. Первой скок у него был чрез городовую стену на три версты, другой скок на девять верст. И приехал ко граду Киеву.[1] А под тем градом стоят три царевичи нечестивые, а силы у них у всякова царевича по тритцети тысящь, и хотять тот град взять, и льетца промеж их кровь неповинная. И тогда Илья Муромец отпехнул у себя стремя булатное, напустил на тех царевичев нечестивых, и побили ту всю силу их вражию. Ис того града Кинешмы выходит власти и священницы со

[1] *Очевидная ошибка, надо* «Кинешме», *см. дальнейшее.*

честными кресты и образы и всякия люди чиновные, бьют челом и поклоняются Илье Муромцу: «Илья Муромец сын Ивановичь, и живи ты у нас во граде Кинешме, златая казна про тебя не запечатана, драгия портища и не ношены». Против того зговорить Илья Муромец: «Ой еси вы, власти, священницы и всякия люди чиновные, непригоже мне жить у вас в замских[1] городех. Еду я к стольному граду Киеву, ко славному князю Владимеру Всеславьевичю. Только укажите мне дорогу, куда мне ехать». И против того зговорять власти и священницы и всякия люди чиновные: «Государь Илья Муромец сын Ивановичь, дорога у нас прежде сего была на реку на Смародину, на мосты на калиновы, на Грязи Черные, а ныне та дорога залегла уже тому 30 и три года. А на той дороге живет Соловей-разбойник сын Будимеров».

И сел Илья Муромец на своего добра коня и поехав к стольному граду Киеву. И приезжает на реку на Смородину, на те Грязи Черные, на мосты калиновы. И тут стоят на реке на Смородине три дуба крестовитые. А на тех дубах сидит Соловей-разбойник сын Будимеров. Завидел он Илью Муромца в чистое поле за три версты, засвистал он зычно-громко своим богатырским посвистом. И конь под Ильею Муромцем <. . .> Бьет по крутым бедрам своею палицею железною: «Что ты, сабачье мясо, рано спотыкаешся? Нет тут мне супротивника!» А сам зговорит таково слово: «Не дай, господи, на дальном пути зарекатися». И вынел Илья Муромец из налучья свой крепкой лук разрывчетой, ис колчана колену стрелу, и стрелил он в Соловья-разбойника, пострелил он в око правое. И свалился Соловей-разбойник с трех дубов крестовичьех на сыру землю. И взял его Илья Муромец за белые руки вельми крепко и привязал ево к своему стремени булатному.

И завидели тут девять сынов Соловьевичев, что едеть на добром коне удалой молодец, а сами зговорять таково слово: «Вон-де едет наш батюшка на добром коне, а добра молотца мучить возле стремени булатнова, что выжлецы багряновы». И усмотрели девять сынов Соловьевичев, завыли и заплакали: «Не батюшко-де едет на добром

[1] *Так в рукописи. Очевидно, надо* «земских».

коне, то удалой доброй молодец, и батюшка нашего мучить у стремени булатного». И против того стали вооружатися во свое оружие крепкое, надевают на себя шеломы и панцыри и доспехи крепкия, выезжают в чистое поле битися. И зговорят Илье Муромцу[1] таково слово: «Ой еси вы, девять сынов Соловьевичев, буде вы хотите живы быть, навивайте вы телеги ордынския красного золота разбойничья, повезите ко стольному граду Киеву, к великому князю Владимеру Всеславьевичю, отдавайте свою казну разбойничью, и вы выкупайте своего батюшка родимова, Соловья-разбойника сына Будимерова. А буде вы хотите против меня битися, выезжайте в чистое поле, и я с вами посправлюся». И тут девять сынов Соловьевичев вельми устрашилися, против его битися не поехали.

И приезжаеть Илья Муромец к стольному граду Киеву, ажно у церкви Софии премудры божии к обедне благовестят, в тот же воскресны день, как поехал из Мурома. И приехал, слез [с] своего добра коня и отдал ево Соловью-разбойнику, а сам пошел в церковь Софею божию помолиться. И как служба окончилася, ажно идет из церкви князь Владимер Всеславьевичь. И тут Илья Муромец великому князю поклоняется о сыру землю. И спрашивает его великий князь Владимер Всеславьевичь: «Откуду ты, удалой доброй молодец? Которой вотчины, и как тебя зовут по отечеству, по чему было тебя жаловать?» Против того зговорить Илья Муромец: «Я, государь, стольного града Мурома, а зовут меня, государь, по имени Илюшкою, по отечеству Иванов сын». И тут ево князь Владимер Всеславьевичь зовет хлеба кушать к себе и меду пить.

И пошли в полаты белокаменные и сели за столы за дубовые, за скатерти белые, за всякие ествы сахарные. И как пошел у них пир навеселие, тогда князь Владимер Всеславьевичь вышел из своей каморы и сел со князьями и бояры и с могучими сильними богатырями. Да тут же у него сидить на пиру приезжей гость, сильный могучий богатырь Илья Муромец сын Ивановичь. И что зговорить ему князь Владимер Всеславьевичь: «Ой еси ты, Илья Муромец сын Ивановичь, давно ли ты и[з] стольного града Мурома?» Против того зговорить

[1] *Здесь или пропуск или надо:* «И зговорит Илья Муромец».

Илья Муромец: «Свет государь князь Владимер Всеславьевичь, поехал из града Мурома отслушал заутреню воскресную». Против того зговорить князь Владимер Всеславьевичь: «То твоя, добра молотца, первая ложь. Которым же ты путем ехал и дорогою?» Ответ держал Илья Муромец: «Ехал я на град Кинешму, на реку на Смородину, на мосты калиновы, на Грязи Черныя». Против того зговорит князь Владимер Всеславьевичь: «Исполать тебе, доброй молодец, што в другой ряд солгать тебе умелося. А та дорога залегла уже тому тритцать лет и три года, зверья не пробегивали, и птици не пролетывали, а живет на той дороге Соловей-разбойник сын Будимеров».

— «Свет государь князь Владимер Всеславьевичь, были мне на той дороге три помешки великия. Первая мне помешка была под градом Кинешмой: бился я с тремя царевичи нечестивыми, а силы с ними было у всякова царевича по тритцети тысящ. Вторая помешка была мне великая на реке на Смородине: бился я с Соловьем-разбойником сыном Будимеровым. О том мне помешка была на полях на туковых: бился я з девятью сыны Соловьевичевы». Против того зговорит Владимер Всеславьевичь: «Полно, видел ли ты очи Соловья-разбойника?» Против того зговорить Илья Муромец: «Государь князь Владимер Всеславьевичь, не имеешь веры речам, поими веры своим очам: Соловей-разбойник сын Будимеров стоит на твоем дворе господском, держить моего добра коня наступчева».

И князь Владимер Всеславьевичь вынимает окончину хрустальную и смотрить на свой государьской двор. Ажно на дворе стоит Соловей-разбойник и держит добра коня Ильи Муромца. И тут князь Владимер удивляется, а князья и бояра головами потресли. И зговорит князь Владимер Илье Муромцу: «Исполать тебе, добру молотцу, как мне про тебя сказывали, таков ты есть. Буде ты у меня в стольном граде Киеве — пожаловати з Добрынею Никитичем, а другое дело, где ты изволишь». И потому зговорить князь Владимер Всеславьевичь: «Соловей-разбойник сын Будимеров, отдай ты добра коня моим слугам, а сам поди ко мне во высок терем». Против того зговорит Соловей-разбойник: «Ой еси ты, князь Владимер Всеславьевичь, не тебе я служу, тебя я и не слушаю. Кому я служу, тово я и слушаю». И услышал тут Илья Муромец и зговорить таково слово:

«О еси ты, Соловей-разбойник, покинь ты моего добра коня, а сам ты поди во высок терем к великому князю Владимеру». И Соловей-разбойник покинул добра коня, а сам пошел во высок терем. И молится он чудным образом и кланяется Илье Муромцу, а великому князю не бьет челом.

И зговорить ему князь Владимер Всеславьевичь: «Ой еси ты, Соловей-разбойник, засвищи ты зычно и громко своим богатырским посвистом». И говорит ему Соловей-разбойник: «Свет государь, князь Владимер Всеславьевичь, потешу я тебя, руку отторву и ногу вырву». И услышал тут Илья Муромец: «Вот-де ты, сукин сын, отговариваеш, есть-де у меня на дральщика сабля вострая булатная, подорожная, а весом полтретьятцать пуд». Против того и говорить Соловей-разбойник, что-де пиво очень пьяно, а хмелю в нем не бывало, с етова пива голова болить, а душа дрожить. И зговорит Илья Муромец: «Государь князь Владимер Всеславьевичь, Соловей-разбойник давно не пивал зелена вина и меду сладкова». И Соловей-разбойник вина не примаеть и меду не пьет и зговорит таково слово: «Государь князь Владимер Всеславьевичь, то есть сердце не пьет». И подносили ему чару вина в полтретья ведра, другую чару в полпята ведра, третью чару в полсема ведра. И Соловей-разбойник первую чару выпил — душу промочил, другую выпил — сердце окатил, третью выпил — голову возвеселил. И зговорить Илья Муромец: «Ой еси ты, Соловей-разбойник, засвищи ты зычно, громко своим богатырским посвистом, потеш ты князя Владимера». И по ево велению и Соловей-разбойник засвистал. И з того его свисту бояра все попадали, а князь Владимер Всеславьевичь в своем тереме со страху набегался и зговорит таково слово: «Ой еси ты, Илья Муромец, уйми ты Соловья-разбойника, не можно мне от его свисту в тереме ни стоять ни сидеть». И потом у них пошел пир навеселие. И жаловал князь Владимер своих бояр и всех светорусских богатырей, а всех лучше жаловал Илью Муромца сына Ивановича, сажает ево в первое место против себя, в другое место подле себя.

И в то время приехали ис поля станишники, и скоро входят во высок терем, бьют челом и покланяются великому князю Владимеру Всесла[вь]евичю, а сами зговорят таково слово: «Свет государь князь

Владимер Всеславьевичь, пьеш и еш, проклажаесся, а того ты, государь, не ведаеш: за городом у нас в поле неведомо, государь, из Риму, неведомо, из Орды король едеть, а люди незнаемыя». И князь Владимер Всеслаевичь пошел во высок терем на самую на вышку, посмотрел: в чистое поле зачернелося, идут люди незнаемыя. И тогда князь Владимер Всеслаевичь поустрашился и задумался и хощет он вооружатися. И призывает збирать всю свою силу богатырскую. И тут Илья Муромец стал разговариватѣ: «Свет государь князь Владимер Всеславьевичь, не изволь печалиться. Ето не из Орды король едет, из Риму послы идут, и едут девять сынов Соловьевичев, а везут к тебе всю злату казну разбойничью». И князь Владимер Всеславьевичь вельми стал бысть радостен, послал к ним навстречю любимого своего боярина Добрыню Никитича.

И девять сынов Соловьевичев приехали к стольному граду Киеву ко великому князю Владимеру Всеславьевичу, и бьют челом они своей воровской казной, а выкупали они отца своего Соловья-разбойника сына Будимерова. И князь Владимер Всеславьевичь велел у них ту злату казну принять боярину Добрыне Никитичу в свою казну государьскую. А их девяти сынов Соловьевичев всех звал хлеба кушать. И как у них был пир навесели, и князь Владимер Всеславьевичь пожаловал девяти сынов Соловьевичев: пяти братов в стольники, а четырех братов в чашники. А велел им жить у себя в стольном граде Киеве, а отцу их, Соловью-разбойнику сыну Будимерову, и велел им богатырьми слыть. Злата казна про них не запечатана, драгие пожичеща не ношены, добры кони не езжаны. И тем богатырьми слава от начала и до конца века. Аминь.

63

Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илие Муромце сыне Ивановиче и о Соловье-розбойнике

Бысть в славном городе Муроме жил туть стар матер человек именем Иоан Елеферие[вич. И обе]щание положи[ли женою] своею: ежели-господь бог дарует мужеск пол, то отправля молебное пение

святителю христову Николаю-чудотворцу каждой год. И по умолению их бог даровал им сына, и во святом крещении нарек[ли] имя ему Илия. И как ста[л] возрастать до семи лет и болея не ходил.

И прилучилося в день святителя христова Ник[о]лая-чудотворца, пошли отец [и мать] в церковь Николая-чудо[творца] молебное пение сове[ршити, а без их] явился ему святитель христов Николай-чудотворец и рече ему: «Илия, имаши ли что пити?» Он же рече: «Имам, отец и мати варили пиво для праздника святителя господня Николая-чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пити». Илия рече ему: «Не могу, отче мой, вос[т]ати на ноги». Он же дади ему пити и рече ему: «Востани и ходи». А сам невидим бысть. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал.

И вышел на улицу, и почал с ребятами поигрывать, и почул в себе силу великую: которого возмет за руку, руку оторвет, которого за ногу, ногу оторвет, а которого возмет за голову, голову оторвет. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему.

Тогда же у них кобыла принесла жеребенка худово и шелудивого. И молодец Илья Муромец сын Ивановичь выпросил молодова жеребчика на свои руки и стал ево кормить и поить из своих рук и по зорям поваживать и покатывать, и в десят лет такой стал велик, храбр и силен. И накупил Илья Муромец доспехи богатырския и стал быть в великой славе и чести, славной богатырь и сильны Илья Муромец.

И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную и, отслушав заутреню, поход держал к стольному граду Киеву, ко князю Владимеру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держал на свою вострую саблю и на крепкой лук с стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать.

И подымаетца ево добрый конь, аки дым столбом, и скачет через лесы дремучия, горы и долы меж ног пускает. И как будет под градом под Себежем, услышал тут стук, топот и конское ржание, крик и шум великой. И проведал Илия Муромец, ажно стоят под градом три царевича, а со всяким царевичем по сту и по тысечи войско, и хотят Сибирское царьство взять, а самого царя полонить. И тут Илья Му-

ромец завет свой переменяет, вострую саблю вынимает и напущает на всю силу ратную, и побил всех, а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю.

И сибирской царь спрашивает: «Гой еси ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отечеству и которого города?» Ответ держит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец города Мурома». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя дорога имеется?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я к стольному граду Киеву». И сибирской царь говорит: «Пожалуй, Илья Ивановичь, живи ты у меня, и золота казна тебе царьская будет незаперта, и дам тебе да полцарствия моего». А Илья Муромец не соизволяет и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать. И сибирской царь говорит: «Прямой, государь Илья Ивановичь, дороги нет у нас х Киеву, а прямая была дорога на Брынския леса, на грязи топучия, на мосты калиновыя, через реку Смородину; только та дорога залегла ровно тритцать лет; и в те годы ни один человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, того ради ту дорогу завладел Соловей-разбойник и поныне там живет и з детьми своими». И тут богат[ыр]ское сердцо разгорелося, поехал прямою дорогою х Киеву.

И как будет на мосту калиновом чрез реку Смородину, напустил на него Соловей-разбойник и засвистал своим богатырским посвистом разбойническим. И тут под Ыльею Муромцем богатырской конь спотыкнулся; и что зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете руской земли?» Ударил добра коня своею палицею железною: «Что ты, волчья сыть, травеной мешок, спотыкаешся от такой лесной пугалицы, чучелы!» Свой крепкой лук из налушника, калену стрелу ис колчана и, натянувши, выстрелил в Соловья-разбойника, и попала ему стрела в правой глас. И Соловей-разбойник упал с 12 дубов аки большей сноп на землю. И Илья Муромец подскочил и сел у Соловья-разбойника на белых грудях, и хочет у него вынуть ретиво сердцо. И возмолитца Соловей-разбойник: «Гой еси ты, сильны богатырь Илья Муромец, сын Ивановичь! Остав душу на покаяние». Что зговорит Илья Муромец: «Где твоя, Соловей-разбойник, золота

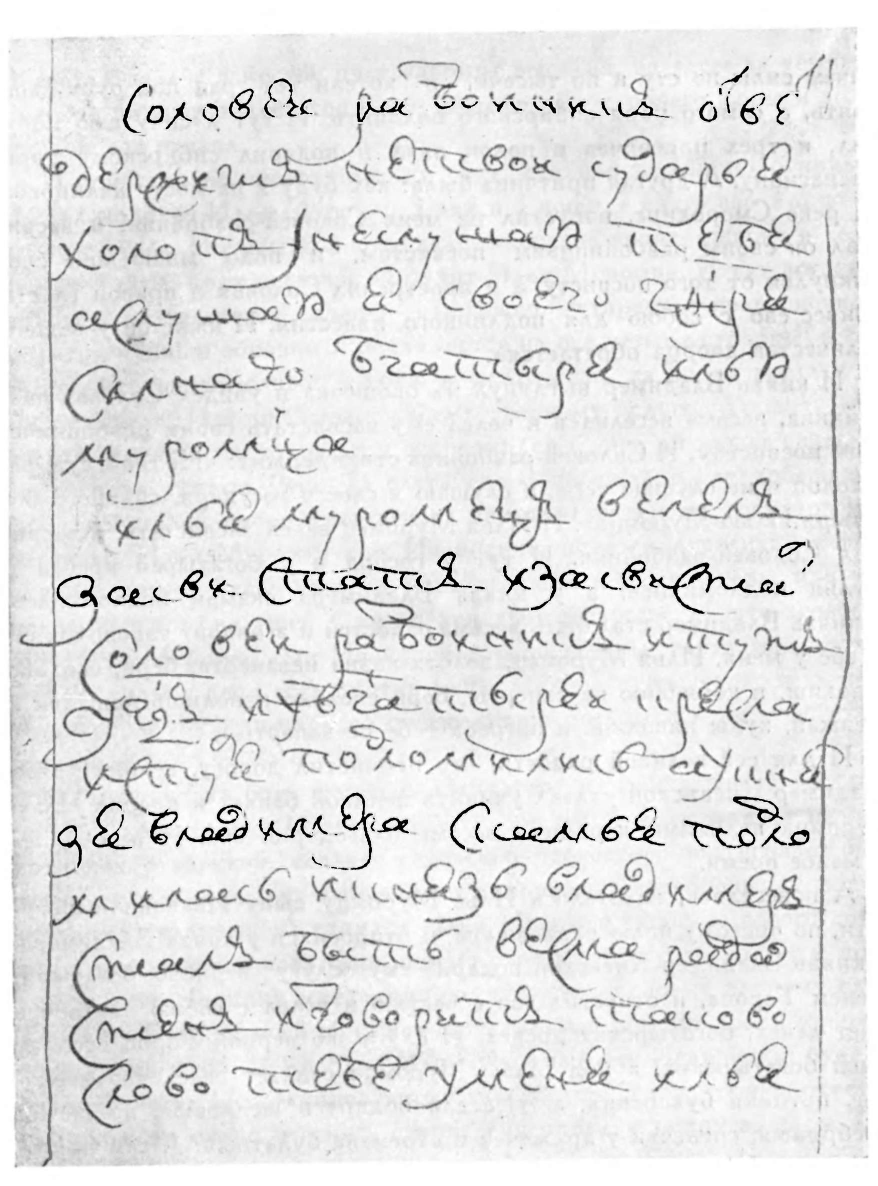
казна лежит?» И Соловей-разбойник отвещает: «Моя золота казна лежит в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют по два месяца до тех сел, а скоро-наскоро в один месяц».

И тут Илья Муромец привязывает Соловья-разбойника к своему стременю булатному. И как будут под селами Кутузовыми, завидели Соловьевы 12 сынов и говорят: «Вон наш батюшко едет, а в тороках ведет доброва молотца, у стремени привязана». А большей сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашево батюшку». И тут дети пометалися в кладовую горницу в золотую казну, и надевают на себя ружье богатырское и хотят с Ыльею Муромцем поле дать. И Соловей говорит: «Государи мои детушки, не дразните вы доброва молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовыя за ествы сахарныя».

А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимеру. И как будет под градом Киевом, и скачет чрез стену белу каменную, и прямо едет во дворец, не обсылаючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего коня богатырского и Соловья-разбойника привязана, а сам пошел во дворец, в княженецкия полаты.

И, вошед в полату, молитца чудным образом, а князю Владимеру ниско челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимер Киевской спрашивает: «Как тебя, доброй молодец, именем зовут, и как величают по отечеству, и ис которова города и давно ль из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец города Мурома, а из Мурома, отслушав воскресную заутреню». И князь Владимер усмехается: «Что ты, Илья, вреш и не свое говориш, не твойские у меня гонцы — гоняют ровно два месяца, а скоро-наскоро что в один месяц ис Киева в Муром».

И Илья Муромец говорит: «Да еще, государь, мои две на меня притчины были и беды великия на дороге, и изволите выслушать. Я скажу вашему величеству: отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завет я положил на себя, чтоб из ножен сабли не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать. И приехал я под град Себеж Сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царе-



Страница рукописного пересказа XVIII века былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

вичем силы по сту и по тысечи, и хотели тот град под руку свою взять, а самого царя сибирского полонить. И тут я силу всю порубил, и трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю Веспасиону. А другая притчина была: как буду я на мосту калиновом на реке Смородине, напустил на меня Соловей-разбойник, и засвистал он своим разбойничьим посвистом, и подо мною конь спотыкнулся от того посвисту, а я прострелил Соловья в правой глас и привес ево с собою для подлинного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается».

И князь Владимер выглянул из окошечка и увидел Соловья-разбойника, весьма веселился и велел ему засвистать своим разбойническим посвистом. И Соловей-разбойник ответ держит: «Не твой, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя, сильного богатыря Илью Муромца». И Илья Муромец велел засвистать, и засвистал Соловей-разбойник. И тут у господ и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимера скамья подломилась. И князь Владимер стал быть весьма радостен и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, золота казна незаперта, бери, сколько изволиш, и конюшню не заперты, бери сколько изволишь лошадей и поезжай, куды изволиш, и погреба тебе не заперты».

И для сей великой радости, что прочистил дорогу, велики князь Владимер Киевъской указал учинить великой банкет и одарил Илью Муромца великими дарами и весьма благодарил ево. И веселились не малое время.

А повеселясь, захотелось Илье Муромцу сыну Ивановичю погуляти, по чистому полю разъезжати, и отпросился у князя Владимера. И князь Владимер Киевской подари ему слугу верново, богатыря, именем Торопа, и отпустил ево с честию и велел с собою взять что хочет денех, богатырских доспех. И слуга ево верной Тороп оседлах коней богатырских, а под Ылью Муромца седлает седелечко черкаское, потники бухарския, а [у] седла подпруги шелковыя, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечек и стремена булатныя. А сам приговаривает: «Шелк не рветца, булат не гнетца, а чистое серебро не ржавиет». И поехал из славного города Киева, перескакивает через стену белокаменную, и подымается ево доброй конь, аки дым столбом.

И поехал далече в чистое поле за горы высокия, за лесы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и долы промеж ног пускал.

И приехали на чистое поле, и тут ставили шатры полотняныя. И спал молодец Илья Муромец 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конской топот, ржание и человеческой шум, крик великой. И будит Илья Муромца. И тут вставает молодец, и умывается водою ключевою, утирается полотенечком, молитца чудным образам и покланяется на все четыре стороны, а сам взговорит таково слово: «Хотя я долго спал, да впору встал и на срок поспел». И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не едут ли на святую Русь. И слуга скоро побежал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назад. «Гой еси ты, государь мой батюшко, Илья Муромец сын Ивановичь, идет сила великая звериная на святую Русь; наперед идет страшен и люты зверь, изо рту искры сыплют, из ушей у зверя аки дым столбом». И што зговорит тут Илья Муромец сын Ивановичь: «Гой еси ты, слуга мой верной Тороп, силы у тебя есть против меня, а скоро пужаешься: веть идет тута в поле Тухман-царь со своею силою босурманскою, а не стадо звериное».

И выходит из бела шатра полотняного и приказывает седлать добраго коня своего. И слуга берет скоро добра коня, кладет на него потничек бухарской, седлает седелечко черкаское, подтягивает подпруги шелковыя, шелку шемаханского, пряжечки серебреныя, спенечки у пряжек булатныя. А садился Илья Муромец скоро на своего добра коня, и втыкает в мать сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесил на него ширинку миткалинную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из моей ширинки миткалинной потечет кровь горючая, то буду убит доброй молодец Илья Муромец сын Ивановичь; буде же оная ширинка миткалинная висит как хартия белая, то я жив есть». И прибежал скоро и побил сперва суперника и недруга, царя Тухмана, а потом напускает на всю силу басурманскую.

А слуга Тороп пробудился со сна, взглянул на ширинку миткалинную, и показалось ему, якобы по ней идет кровь горючая. И са-

дился для поспешения на своего добра коня и без седла. И прибежал к той боевой силе, ажно ездит, шурмует и винтует на коне Илья Муромец сын Ивановичь, в шишаке и во всяком богатырском убранстве. И не познал слуга Тороп своего господина, Илью Муромца, и збил с коня долой, отчего и пал на землю. А слуга же Тороп напал на ево белы груди, и вынимает из ножен свое чинжалище, и хочет спороть у него груди белыя, а сам говорит таково слово: «Что ты, злодей Тухман-царь, убил моего государя Илью Муромца, за то тебе скорая смерть будет жестокая». И что зговорит Илья Муромец: «Слуга верны Тороп, я Илья Муромец, господин твой». Еще же выкатился на груди крест золотой, и признал и благим матом отскочил от него, и поднял ево за белы руки, и поставил на ноги, и пад поклонился ему и просил прощения, что не в ведени ушиб его. И то ему в вину Илья Муромец не поставил, а поставил в верность и простил, и целовались во уста во сахарныя, и садились на добрых коней, и порубили остальную всю силу босурманскую.

И с той победы с великою славою возвратились в стольны град Киев ко князю Владимеру, к солнышку Всеславьевичю. И князь Владимер Киевской встретил их с великою радостью и с почтением великим и с церемониею великою, так что не можно вздумать о великом их весели и радовани, что бог дал победу на супостаты и одолени и оборонил от них святую Русь от того поганского нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел звон великой по всему граду Киеву и в политавры игрою и з барабанным боем и со всякою музыкою. И по той великой радости отдал князь Владимер Киевской, солнышко Всеславьевичь до полцарьствия своего.

И тут Илья Муромец сын Ивановичь стал жить во всяком благости и честности лета довольно и жаловал слугу своего великою честию, над всеми людми большим боярином. И привез из Мурама отца и матерь и сам женился и слугу своего Торопа женил. И жили во всяком благополучие в радости и чести... до глубокой старости и тако тому отидоша, и погребение бысть славное. И те же люди миновалися, и слава их до скончания века.

Конец.

64

История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике

1. В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевичь. У нево было любимое детище Илья Муромец. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую и зделал себе збрую ратную и капьё булатное и оседлал коня своего богатырскава. И приходит ко отцу своему и к матери и стал у них просить благословения: «Государи батюшка и матушка, отпустите меня в славной Киев-град богу помолитца, а кънязю киевскому объявитца». Отец и мать ево дают ему благословение и кладут на нево заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты в Киев прямо на Чернигов-град и, будучи в пути своем, не делай обиды и не проливай крови христианския напрасно».

2. Илья Муромец принел у отца и матери благословение, богу молитца, со отцом и матерью прощаитца и поехал в путь свой. И так далеко заехал в темны леса, что наехал на таборы разбойничьи. И те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойничьи на коня богатырскава. И стали между собой разговаривать, чтоб лошадь отнять, что «мы такой ни в каторых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой-то человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырскаго и вынимал ис колчана колену стрелу, накладывает на тугой лук. И пустил калену стрелу под землею, и колена стрела стала рвать в косую сажень. И видя то, разбойники испужались и собирались во един круг и пали на колени и стали говорить: «Государь наш батюшка удал доброй молодец, виноваты мы пред тобои! И за нашу такую вину бери казны, сколько надобно, а платья цветнова и табуны лошадей, сколько угодно». И усмехнувсис сказал: «Некуды мне девать, но естли хотите живы быть, то впередь не атважтис етава думать».

3. И поехал в путь свой к славному граду Киеву и подъезжаит ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит войско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов-град осадили, и хотят ево вырубить и божии церкви на дым пустить, а самаго князя киберскаго и воеводу черниговскаго живых в полон взять.

И той великой силы Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господа бога, и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую капьём булатным. И всю силу поганую побил и царевича босурманскаго в полон взял и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честию. Идет сам князь киберской и воевода черниговской, принимают доброва молотца с честию, благодарение господу богу возсылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И взяли ево в полаты свои и сотвориша велий пир и отпустиша его в путь свой.

4. Илья Муромец поехал ко граду Киеву премою дорогою от Чернигова, которую заложил Салавей-разбойник ровно 30 лет, не пропущал ни коннова ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбойничьим свистом. И выехал в чистое поле и увидел попрыски богатырския и по них поехал. И приехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловей-разбойник послышал себе кончину и бесщастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20 верст, засвистал своим свистом разбойничьим крепко, но богатырское сердце не устрашил. И, не допустя еще за 10 верст, засвистал громче таво. И с тово свисту под Ильею Муромцом конь спотькнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенатцати дубах. И Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел светорускаго богатыря и засвистел во весь свист разбойничей и хател Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловиное и попал в правой глаз и вышеп вон. И Соловей-разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

5. Илья Муромец берет Соловья-разбойника и привезал ево крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. И на

Лубочная картинка середины XIX века.

пути стоят палаты Салавья-разбойника. И как поровнялся Илья Муромец против палат разбойничьих, у которых окны растворены, и в те окны смотрели разбойничьи три дочери. И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатнава». А большая дочь пасматрела и заплакала горько: «Это не батюшка наш едит, эта едит незнаемо какой-та человек и везет нашива батюшку». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милыя, поезжайте к мужику навстречю и отбейтя у нево нашива батюшку, не кладите наш род в таком позоре!» И мужья их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря. Кони у них добрыя и копья вострыя, и хотят Илью на копьях поднять. И увидел их Соловей-разбойник и стал говорить: «Зетья мои милыя, не позортес вы и не дразните такова сильнова богатыря, чтоб вам не принят смерти от него всем, лутче с покорностию попросите его в дом мой выпить по чаре зелена вина». И по прозбе зятей поворотил в дом, не ведая их злобы, что большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб ево пришибить. Но Илия усмотрел ею на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

6. И как приехал в Киев-град, въезжает прямо на княженецки двор и входит в полаты белокаменныя, богу молится и князю кланитца. И князь киевски спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которава города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Карачарова». И князь спрашиваит: «Которою дорогою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов-град и под Черниговым побил воиско босурманское и сметы нет и очистил Чернигов-град. И оттуда поехал премою дорогою и взял сильнова богатыря Соловья-разбойника, которава и привел с собой у стремени булатнава». Но князь осердясь сказал: «Што ты обманываеш?» И как эта услыша богатыри Алеша Попович, Добрыня Никитичь бросились смотреть и увидели и князя уверили, што справедливо так. И приказал князь поднести кубец зелена вина доброму молотцу. И князю захотелас разбойническаго свисту послушать. Илья князя с княгинею обернул в шубы сабольи и, поставя их подмышки, и призвал Саловья, приказал вполсвиста за-

свистеть. А Салавей-разбойник засвистал во весь разбойничей свист и оглушил богатырей, что упали на пол, и за то ево Илья...

7. А Илья Муромец назвалса з Добрыней Никитичем братьями, и оседлали своих добрых коней и поехали в чистыя поля гулять. И ездили ровна 3 месяца, не нашли себе сопротивника, только наехали в чистом поле идет колечища прохожей, гуня на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пуд, кастыль 10 сажен. Илья Муромец стал на нево напущать и хочет отведать своей силы богатырския. И увидел колечища прохожей Илью Муромца и говорит: «Ой еси ты, Илья Муромец, помниш ли мы с тобой в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня такова колеку напускаеш, как на некакова неприятеля, а того ты не ведаеш, что в славном городе Киеве великая безгодушка учинилас: приехал неверной сильной богатырь Идолища нечестивой, голова у нево с пивной котел, в плечах сажень, промежь бровми пядь, промеж ушей колена стрела, а ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски вельми об тебе соболезнует, что ты ево в едакой печали оставил».

8. И нарядясь Илья Муромец в колечищина платья и идет прямо на княженецки двор и закричал богатырским голосом: «Ой еси ты, киевски князь, сошли мне, колечище прохожему, милостину». И увидел ево князь и говорит таковы речи: «Поди ко мне в полаты, колечища, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И вошол колечища в полаты и стал у печи, поглядывает. И Идолище просит есть, и принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. И Идолища попросил пить, и принесли котел пива, а несли 12 человек, и он взял за уши и выпил его весь. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшки кобыла обжерлива, обожралась и издохла». И Идолища не утерпел и говорит: «Ой еси ты, количища прохожей, што ты меня замаешь? Мне нечево тебя в руки взять. Не то, што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал». — «Да вот он каков!» И схватил с себя шляпу, ударил ево в голову тихонько, только прошиб стену полат и, взявши туловище, туды ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалы и причел в сильныя могучия богатыри. И сей истории конец.

65

Сказание об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолище

. . . .

взял под правую руку, а воевода черниговской под левую. Илья Муромец говорит таковы речи: «Государи князь киберской и воевода черниговской, не подлежит вам меня, нижайшева раба, брать под руки и весть в полаты белокаменныя». И взял их обеих под руки и вел их в полаты, и сажались за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И как стал пир навеселе, и стали князь киберской и воевода черниговской спрашивать: «Пожалуй, скажи, удал доброй молодец, как тебя зоут по имени и по отечеству, и уроженец которые земли, и роду христианскова ль?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государи, роду христианского, а уроженец города Мурома, села Карачарова; отец мой — крестьянин Иван Тимофеевичь, а меня, государи, зоут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын; а еду я, государи, ко славному граду Киеву богу молитца, а князю Владимеру объявитца».

И стал князь кибирской спрашивать: «Скажи, пожалуй, Илья Муромец, давно ль ты поехал из дому отца своего, и давно ль билсась етаю силаю босурманскою?» О[т]вет держит Илья Муромец: «Я, государь, поехал вчерась пообедавши и к вам приехал вчерашняго числа, как вы сами видели».

И как стол отошел, Илья Муромец выходит из-за стола дубоваго и молитца богу по писанному и благодарит князя киберского и воеводу черниговского за хлеб и за соль. И стал богу молитца, и с ними прощаетца и спрашивает их: «Скажите, пожалуйте, князь киберской и воевода черниговской, как мне ближе ехать ко славному граду Киеву — которою дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь наш Илья Муромец, сын Иванович! Мы тебе скажем прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебе, государь, премея ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину;

только нет, государь, там пропуску: ровно тритцать лет залегла эта дорога от сильнаго богатыря Соловья-разбойника: не пропущает он ни пешева, ни коннова, всех грабит и убивает, и храбрость показывает всем сильным могучим богатырям; а воюет он без оружия, только убивает своим разбойническим свистом.

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелоса: богу молитца и с князем прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромец! Пожалуй у нас начуй; и отслушаеш заутреню воскресную, и туды во славной град Киев поспееш к обедни». Илья Муромец не мог отставить прошения их: у них начевал и отслушел заутреню воскресную. А все эта делалос в великую суботу: и с ними, с князем киберским и воеводай черниговским, похристосывалса; и они ему дали по яичку и на них подписали подпись: в которой день поспел из Мурома в Чернигов-град, и сколько под Черниговым побил силы босурманския.

Илья Муромец, приняв от князя киберского и воеводы черниговскаго отпуск, садился на своего доброго коня и спрашивает у князя киберского: «Как, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Как выедеш, государь, из нашева града в чистое поле — и увидиш в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромец поехал.

И выехал в чистыя поля, и увидел попрыски богатырския и по них поехал, и приехал:

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей-разбойник

Послышел сильнаго могучева богатыря и узнал себе кончину и безчастие великое; и не допуская Илью Муромца

за тритцать верст,

засвистал своим свистом разбойническим таково крепко, что под Ильею Муромцом конь спотыкнулса. Илья Муромец бил своево коня по крутым бедрам и сам говорит таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешек? Али ты в темных лесах не гуливал и соловьинаго свисту не слыхивал?» А сам поехал путем своим. И Соловей-разбойник, не допустя Илью Муромца

за пятнадцать верст,

засвистал громче тово, и с того свисту под Ильею Муромцом конь пуще тово спотыкнулса, и он опять бил коня по крутым бедрам и говорит такия речи: «Что ты, волчья мяса, травеной мешок? Или ты в темных лесах не гуливала, соловьинаго свисту не слыхивала?» А сам опять поехал дорогою

и приехал под Соловьиное гнездо:

Свито на двенатцати дубах самых толстых, которые обоймов по пяти. И на тех дубах на гнезде сидючи, Соловей-разбойник увидел светорускова сильнова могучева богатыря и засвистал во весь свой свист разбойничей: хотел, чтаб такова сильнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести и славе во всей вселенней; и так громко засвистал, что под Ыльею Муромцом конь богатырской

спотыкнулса на карачки со всех четырех ног.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук и накладывает колену стрелу и пустил на то гнездо Соловьиное и попал в правой глаз и в левое крыло и вышеб левой глаз. И Соловей-разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп. Илья Муромец берет Соловья-разбойника и привязал ево крепко к стременю булатному и стал скакать во всю пору конскую, и выскакал: те леса Брянския, | те грязи топучия, | те мости калиновы, | и перескакал реку Смородину | и выскочил в чистыя поля.

Стоят три терема златоверховатыя.

Илья Муромец спрашивает Соловья-разбойника: «Скажи, Соловей-разбойник, не тот ли славной Киев-град?»

Ответ держит Соловей-разбойник: «Государь, удалой доброй молодец, сильной могучей богатырь Илья Муромец! Это не славной Киев-град, это мои Соловьиныя палаты, а живут в них три мои дочери. И как поровнялса Илья Муромец против полат разбойничьих, и у тех полат были

окны настеш
растворены, и в тех окнах

сидели дочери Соловья-разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едит наш батюшка з добычею». И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика привязана у стремени булатнова!» А большая дочь посмотрела и заплакала горько и закричала громким голосом богатырским: «Эта́ не батюшка наш едит, эта едит мужик незнаемой и везет нашева батюшка привязана у стремени булатнова». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милыя! поезжайте к мужику навстречю и отбейте у нево нашева батюшку, государя Соловья-разбойника, не кладите на наш род такова позору и безчестия». И мужья их, сильныя богатыри, металис на конюшенной двор, брали своих добрых коней и без седел выехали против светоруского богатыря Ильи Муромца, и хотят отбить тестя своего: кони под ними добрыя, и копья у них вострыя, и хотят Илью на копьи посадить.

И увидел их Соловей-разбойник и говорит им: «Зятья мои милыя, удалыя добрыя молодцы! не позортес вы и не дразните такого сильнаго светоруского богатыря: ежели разъдразните, всем вам принять от нево чашу смертную; лутче вам слесть с своих добрых коней и просить доброва молотца для такова торжественного праздника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали:

слезли с своих добрых коней и пали в ноги
удалому доброму молотцу
и стали просить ево в дом свой:

«Удал доброй молодец, сильной могучей богатырь, милости у тебя просим в дом отца нашева для такова торжественного празника выкушать по чаре зелена вина». Илья Муромец, видя их такую покорность, и не ведал их такой злобы, заварачивает своим добрым конем и поехал в дом Соловья-разбойника.

И увидела большая дочь, что едит Илья Муромец в дом их, и вскочила на верею и подхватила подворотню железную на цепях и хотела Илью Муромца чтоб пришибить тою подворотнею на воротах, а отца своего освободить из неволи. И как Илья Муромец в вороты едит, и она тое подворотню пустила и не захватила, и опять тот час подхватила, а она была сильная богатырка. И усмотрел Илья Муромец, что она сидит на верее и подхватывает подворотню; оборотяс ударил ея шелепугой подорожною так сильно, что от тое вереи отлетела на двенатцать сажен, а сам заворотил свой доброй конь и поехал з двора; и говорит Соловью-разбойнику: «Спасиба, Соловей-разбойник, на твоей перепутной чаре: вина я у тебя не пивал, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезетя своих Соловьиных пожитков в славной Киев-град, и я к вам приеду, то всем вам, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехал ко славному

граду Киеву.

И как приехал в Киев град, проезжает прямо на княженетской двор, и пустил своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказывает и к яслем не привязывает. И тому все слуги кнеженетския дивуютца: «Что за мужик приехал на наш двор и никому коня не приказывает и не привязывает?»

Илья Муромец пошел в церковь соборную.

Молится он богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклон отдает князю Владимеру и княгине Апраксине-королевишне; и стал молитца по-писанному.

И увидел *князь Владимер* такова приезжева человека и послал спросить: откуда приехал и как ево имя. И стояли с князем два министра— могучия богатыри Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь.

И кинулса Алеша Поповичь и стал спрашивать неочестливо, и очень он пересмешлив был: «Как тебя зоут, и чей ты, и что за мужик, и откуда ты приехал?» Ответ держит Илья Муромец: «Алеша Попович, бабья б...., пересмешища! пришли полутче себя и повежливея». И Алеша Поповичь пошел прочь от него со стыдом и пришел х князю Владимеру, ответу никакова не дает. И князь Владимер спросил: «Алеша, ходил ли ты спрашивать приезжева человека, и што он тебе сказал? кто он таков?» Ответ держит Алеша: «Приехал, государь, какой-то мужиченка, и я его спрашивал, и он мне ответу не дал; только, государь, меня пред народом обезчестил». И как Владимер догадалса, что он спрашивал нечестию, и послал другова министра, Добрыню Никитича, и велел спросить вежливо. И Добрыня Никитичь пришел к Ылье Муромцу и стал спрашивать очесливо: «Прислал до вас князь Владимир, приказал вас спросить: откуда ваша милость приехал и которова города уроженец, и как тебя звать по имени и по отечеству?» Ответ держит Илья Муромец: «Государь Добрыня Никитичь! донеси великому князю Владимиру: зоут меня Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец я города Мурома, села Карачарова; а приехал я нарочно в славной Киев-град богу молитца, а князю Владимеру объявитца». И Добрыня Никитичь пришел и объявил князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромец сын Ивановичь, а уроженец города Мурома, села Карачарова, а приехал нарочно во славной Киев-град богу молитца, а тебе, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимер веры неймет, что эта сильной богатырь Илья Муромец. И как отошла божественная литоргия, пошли все из церкви вон, Илья Муромец дождалса князя Владимира, и как он пошел из церкви и со княгинею Апраксиной-королевишной, — и подошел х князю и поклонилса, и похристосывалса и подарил их теми яичками, которыми ево подарили князь киберской и воевода черниговской. И князь Владимер, смотря на те яицы, и спросил у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему ответствовала: «Написана на яйце мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимер от обедни всех стал звать князей и бояр и сильных могучих богатырей к себе в полаты белокаменныя, и стал

Илья Муромец под Черниговом.

Из собрания народных картинок XVII—XVIII веков А. В. Олсуфьева.

Илья Муромец и Соловей-разбойник.

Лубок XIX века.

князь подносить всем по чаре зелена вина и пришед поднес Илье Муромцу. И зговорит Илья Муромец: «Государь князь Владимер! слей мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нечем и рот полоскать». И князь Владимер налил кубец в полведра и поднес Илье Муромцу. Илья Муромец выпил и поклонилса; и стал говорить: «Великий князь! я таперь по милости твоей сыт и пьян, только у меня товарыщь не сыт и не пьян». И князь Владимер спросил: «А кто твой товарыщь?» — « А мой товарыщь — доброй конь». И услышал эта Алеша Попович и выскочил ис полат белокаменных, и насыпал пшеницы доброму коню богатырскому и привезал и своего коня, и говорит к себе: «Ежели богатырской конь не припустит наших лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втиралса помаленьку, и втерса и хватил коня Алеши Поповича и убил до смерти. И Добрыня Никитичь насилу отъхватил своего коня; и никому не сказали о том, что убил богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Владимер еще не уверяетца, что он — сильной могучей богатырь; сажал всех за столы за дубовыя, за скатерти за браные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по своим местам, а Илье Муромцу князь Владимер приказал выбрать место, где похочет, и все изведывает силы его Муромцовой и не чает ево, что он сильной могучей богатырь: для тово велел ему выбирать место между сильных богатырей. А Илья выбрал креслы что ни лутчия, подле князя Владимера, и стал на них садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а он пожал с конца и до другова конца инова богатыря между кресел мертвова и поломал все решетки железныя. И князю Владимиру все это в досаду не кажетца, все эта приемлет за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славном Киеве-граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимеру Илью Муромца — изведать силу ево; выгленул в окошко и увидел доброва коня богатырского — ест пшеницу белоярую. И закричал конюхам своим: «Налейте сыты медвяной и выпустите моих княжих лошадей, и как богатырской конь не припустит моих лошадей?» И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпустили и княжих лошадей, и богатырской конь

втерса между ими помаленьку и хватил коня княжева что ни лутчева и схватил с него шкуру долой. И закричал князь Владимир конюхам, чтоб последних коней ево не побил богатырской конь, велел тот час отогнать, а сам сел на своем месте. И стали пити, ясти и веселитися.

И стал князь Владимер навеселе ж и стал Илью Муромца спрашивать: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать по имени и по отечеству, и которого ты города уроженец?» И встал Илья Муромец с места своего и стал ответ держать: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Карачарова». — «Давно ли ты, Илья Муромец, оттудова из Мурома поехал?» — «А я, государь, вчерась поехал пообедавши». И князь Владимер изумелса и стал еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехал из Мурома?» Ответ держит Илья Муромец: «Я ехал, государь, из Мурома на Чернигов-град и под Черниговым-градом побил войска босурманского — и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и князь коберской и воевода черниговской вчерашняго дня унели меня начевать, и отслушал я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднес. А ежели сему не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрез почту. А из Чернигова, государь, ехал я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимер встает из места своего с великим гневом на Илью Муромца и говорит таковы речи: «Не подлежит тебе, мужику, меня, такова великова князя, обманывать, я тебя за то велю злой смерти предать!» И рече Илья Муромец: «Великий князь Владимер! за что такой гнев изволиш на меня держать, и чем я вас оболгал и какими словами?» И говорит Владимер-князь: «Первое ты меня оболгал: сказываеш, что вчерась из Мурома, чему статца невозможно; второе, сказываеш: из Чернигова ехал на леса на Брянския, | на грязи топучия, | на мосты калиновы, | чрез реку Смородину; а тое дорогу заложил сильной богатырь Соловей-разбойник ровно

тритцать лет, не пропускает он ни пешева, ни конного, и не выбираютца у нас из славного города Киева против ево ни единой сильной могучей богатырь, а ты сказываеш, что тою дорогою ехал». И говорит Илья Муромец таковы речи: «Не изволь, великий государь, на меня гневу держать: все правду сказываю пред вашею светлостию. А ежели сему верить не изволите, то извольте посмотреть своего хвального богатыря Соловья-разбойника, которой стоит привязан коня моего у стремени булатнова». И тут все богатыри кинулис смотреть, а князь Владимер приказал ево позвать к себе в полаты белокаменныя.

И выскочил и кинулса звать Алеша Попович на крыльцо, и стал звать Соловья-разбойника неочестливо: «Соловей-разбойник! поди в палаты». А Соловей-разбойник ответствует: «Алеша Попович, бабья б...., пересмешища! Ты на то надеесса, что я таперь в неволе; вышел ты меня звать нечестию, — я тебя хвачю гнилым крылом, что ты у меня на двенадцать сажен в землю уйдеш. А ты вышли полутче себя в повежливея позвать меня». Алеша Попович пришел х князю Владимеру и сказал, что «не идет и не слушает тебя, великого князя». И князь Володимер послал Добрыню Никитича и велел позвать честию. И Добрыня Никитичь вышел и стал звать с честию. И Соловей-разбойник говорит таковы речи: «Добрыня Никитичь! не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ильи Муромца».

Услышал то князь Владимер такия слова и закричал в окошко: «Соловей-разбойник! поди ко мне в палаты». И Соловей ответствует: «Князь Владимир! не твой я слуга и не слушаю тебя: я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели он прикажет». И князь Владимир говорит: «Илья Муромец! прикажи к нам войти Соловью-разбойнику». Илья Муромец крикнул в окошко: «Соловей-разбойник! поди в полаты». И Соловей-разбойник вошол. И князь Владимер говорит: «Соловей-разбойник! засвищи своим свистом разбойническим, как ты свистал на лесах на Брянских». И Соловей-разбойник сказал: «Князь Владимер! не твой я слуга и не слушаю тебя и повеления твоего не творю, а творю я повеление Ильи Муромца». И князь Владимер говорит: «Илья Муромец! прикажи засвистать Соловью-разбойнику».

И говорит Илья Муромец: «Велики князь Владимер! ест ли у вашей светлости шубы соболиныя? Прикажи их принести». И как принесли шубы соболиныя, то Илья Муромец взял князя Владимера и со княгиней Апраксиной-королевишной, обернул их в те шубы и подставил их к себе под мышки. И велел засвистать Соловью-разбойнику: чтоб он засвистал в полсвиста своим свистом разбойническим. А Соловей-разбойник думал, что «Илья Муромец пьян и я ево оглушу и убью до смерти и буду в Киеве-граде властелином», и засвистал во весь свист, что ни есть могуты ево, и так крепко, что с теремов по самыя окны верхи сьвеело, а богатырей которых оглушил, которых вон ис полат вынесло, и убил до смерти. Илья Муромец выпустил князя Владимера со княгиней Апраксиной ис-под мышек, а Соловья-разбойника взял при них за ноги и говорит такия слова: «Не люблю я, Соловей-разбойник, таких себе неверных слуг — которой мне раб неверно служит». И убил ево об каменной мост до смерти и выкинул в окошко. И князь Володимер усмотрел и стал верить, что Илья Муромец сильной богатырь. И пошли в другия палаты белокаменныя и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увидел князь в чистом поле силу великую: идет прямо к городу Киеву. И стал князь Владимер тужить: «Кому у нас итти с етай великой силай биться?» Илья Муромец посмотрел в зрительную трупку и стал говорить: «Князь Владимер! не печальса; по печали, государь, бог дарует радость: не сила эта идет, не великая ко граду Киеву: эта везут Соловьиныя воровския пожитки по приказу моему к тебе, князю Владимеру». И как приехали зятья Соловья-разбойника с пожитками, и вьезжают прямо на княжой двор и спрашивают во дворе княжем: «Где наш батюшка живет Соловей-разбойник?» И сказали им слуги княженетския: «Вон ваш батюшка под окном валяетца, и ест ево червь неусыпающий». Тогда зятья Соловья-разбойника обрезали гужи на лошадях и уехали из града Киева: думали, что и им то ж будет.

Илья Муромец пьет, гуляет, прохлажается. И назвалис з Добрыней Никитичем братьями и оседлали своих добрых коней и поехали в чистое поле гулять. И ездили в чистом поле три месяца, не нашли

себе сопротивника; только наехали в чистом поле — идет колечища прохожей:

гуня на нем в пятьсот пуд,
шляпа в притцать пуд,
костыль сорока сажен.

Илья Муромец стал на него напущать, хощет с ним стычку дать, отведать силы своей богатырския. И увидел колечища прохожей Илью Муромца и говорит таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромец! Помниш ли, мы с тобой в одной школе грамоте училис, с одново блюда едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча? А ныне ты на меня, на такова колеку, напускаеш и хочеш ты меня убить в чистом поле, аки какова неприятеля; а тово не знаеш, что тебя посажу и промеж коленей ущемлю и за ето тебе хворостиной ж... высеку, чтоб ты так впредь не делал. А того ты не ведаеш, что во славном городе Киеве великая безгодушка учинилас: приехал неверной сильной богатырь —

Идолища нечестивой:
Голова у нево с пивной котел,
В плечах касая саже́нь,
Промеж бровми доброва мужа пядь,
Промеж ушми колена стрела, —

и разсадил князя со княгинею и целует ея во уста саха́рныя, а ест он по быку, а пьет по пивному котлу. И князь Володимер вельми об теби соболезнует, что ты ево в едакой печали оставил». И говорит Илья Муромец: «Ой еси ты, колечища прохожей! что у тебя силы нет, или смелости?» И рече прохожей: «Во мне силы много, да смелости нет». И говорит Илья Муромец: «Ой еси ты, колечища прохожей! дай мне свою гуню в пятьсот пуд, шляпу в тритцать пуд, костыль сорока сажен: пойду в славной Киев-град. Вот тебе мой добрый конь богатырской, и вот тебе мое платье цветное и тугой лук!»

И пошел Илья Муромец в Киев-град, и пришел прямо на княженетской двор, и идет к полатам белокаменным, и закричал и возопил по-богатырскому: «Ой еси ты, Володимер-князь! сошли мне, колечище прохожему, милостыню!» И увидел ево Володимер-князь и го-

ворить таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменныя, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И пошел колечища прохожей в ту палату, где сидит князь Владимер и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной-королевишной и целует ея во уста сахарныя. А колечища стоит у печи и на него поглядывает.

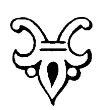
И Идолища просит есть. И принесли ему, нечестивому, быка целова жирнова, и он ево и с костьми сьел. Илья Муромец, стоючи у печки, говорит: «У моево батюшки была такая-то корова обьжерлива: обожралас и издохла». И на то Идолища ответу ничего не дал.

И попросил Идолища пить. И принесли ему котел пива двенатцать человек, и он взял за уши и выпил ево. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшки кобыла обьжерлива: обожралас да издохла». И Идолища нечестивой не утерпел и стал говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! што меня замаеш? Мне нечево тебя в руки взять и незачем над тобою рук сквернить. Не то што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал».

И богатырское сердце разгорелос, и зговорил таковы речи: «Кали бы был Илья Муромец, он бы давно тебе, сабаке, не спустил». И схватил с себя шляпу и ударил ево в голову так сильно, что прошиб стену полат белокаменных и, взявши туловища, на двор выкинул. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца.

И великий князь Владимир
Илью Муромца великими
похвалами возвеличил
и причел в сильныя могу-
чия богатыри.
И сей истории
конец.

ПРИЛОЖЕНИЯ



ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В РУССКОМ ЭПОСЕ

В богатом и многообразном содержании русского героического эпоса в особенности привлекают внимание сами образы русских богатырей. Сложившиеся в основном в эпоху борьбы русского народа за свою независимость в XI—XIV веках русские былины явились выражением народного героизма. В образах могучих богатырей дано художественное обобщение силы народных масс, ведущих борьбу с иноземными нашествиями, и высоких качеств народа, проявленных в этой борьбе В образах богатырей, самоотверженно защищающих родную землю, воплощены представления о подлинной доблести, дан идеал народного героя.

Лучшие черты этого героя, беззаветно преданного родине, всегда готового встать на ее защиту, совершающего подвиги в интересах народа, объединены в образе Ильи Муромца.

Илья Муромец — центральный герой русского эпоса. О нем сложено наибольшее количество песен, в целом образующих как бы его поэтическую биографию. Иногда несколько былин объединяются в сводные былины для более полного изображения подвигов любимого народного героя. В записях советского времени имеется несколько случаев объединения в одну былину-поэму всего или почти всего цикла сюжетов об Илье Муромце. Объединение многих сюжетов встречаем также в ранних и позднейших записях прозаических пересказов былин об Илье Муромце. Свидетельством широкой популярности имени и образа Ильи Муромца является постоянное упоминание о нем в былинах, посвященных другим богатырям. Илья Муромец часто включается в эти былины и в качестве действующего лица. Это случается порой и в таких былинах, где, судя по старейшим редакциям, имя Ильи Муромца вначале даже не упоминалось (например, в былинах о Дюке Степановиче, о Дунае и др.). Иногда и акцент с главного героя переносится в таких былинах на Илью Муромца. Так, в некоторых вариантах «Дуная» Илья Муромец не только оказывается «в товарищах» вместе с Добрыней, но ему принадлежит и главная роль.[1]

Широко известно имя Ильи Муромца и в русском сказочном эпосе. Отдельные сюжеты и эпизоды былин об Илье Муромце получили сказочное оформле-

---

[1] Астахова. I, № 27 (Список сокращений см. на стр. 537).

ние, объединились и переплелись с эпизодами волшебно-героических и героико-авантюрных сказок, таких, как сказки о победителе Змея, «Бова», «Еруслан Лазаревич» и т. п.

В казачьих поселениях на юге России на основе былинных сюжетов и отдельных эпизодов былин сложен особый цикл песен об Илье Муромце. Там же, а также в других районах России наблюдаются случаи приурочения к имени Ильи Муромца некоторых исторических и безыменных балладных песен.

Все это говорит о неувядаемой любви русского народа вплоть до нашего времени к образу Ильи Муромца. Содержание былинного эпоса об Илье Муромце широко известно и за пределами русской народности. В сказочных обработках некоторые сюжеты былин о могучем русском богатыре Илье Муромце встречаются в устной традиции и у других народов Советского Союза — белорусов, украинцев, коми, вотяков, чувашей, якутов, латышей, карел, финнов и др. От некоторых, например карел, коми и ненцев, записаны былины и их отрывки и в стихотворной форме.

Исключительная популярность образа Ильи Муромца среди других эпических созданий русского народа обусловлена его идейной значительностью и высоким художественным совершенством.

* *
*

Илья Муромец — это образ огромной, осознающей себя, разумно, целесообразно направленной силы. Многочисленные подвиги Ильи Муромца, описанные в былинах, всегда связаны исключительно с задачей служения народу, он изображен в русском эпосе прежде всего как оберегатель родины. Илья Муромец борется с иноземными захватчиками, спасает родную землю от вражеских полчищ, побеждает чужеземных богатырей, приезжающих на Русь с враждебными намерениями. Ему также приписываются подвиги в борьбе с насильниками внутри страны, с разбойниками, от которых он очищает прямоезжие дороги, охраняя мирный труд и благосостояние народа.

Многообразны вариации обработок этих тем. Некоторые из своеобразных композиций дошли до нашего времени из глубокой старины, другие, несомненно, принадлежат уже позднейшему времени. Отдельные эпизоды передаются в разных вариантах одного и того же сюжета различно. Но неизменной всюду является идея общенародного значения богатырской деятельности Ильи Муромца. Он приезжает в Киев «граду стольнему на и́зберечь».[2] Он идет на врага

Не для-ради князя Владимира,
Не для-ради княгини Апраксин,
А для бедных вдов и малых детей.[3]

---

[2] Киреевский, I, стр. 37.
[3] Там же, IV, стр. 44.

«А и ради матушки поедем свято-Русь земли», — говорит Илья Муромец, уговаривая обиженных князем Владимиром богатырей, когда те отказываются ехать на битву с Калином-царем.[4]

Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую,
Да и за стольние Киев-град,
За вдов, за сирот, за бедных людей.[5]

Так формулирует сам Илья Муромец свою жизненную задачу.

Значение Ильи Муромца как защитника русской земли и народа искусно выделяется особым построением былин, повествующих о борьбе Ильи с врагами родины. Былины о татарском нашествии, о борьбе Ильи Муромца против несметных полчищ татар, предводительствуемых Калином, Скурлой, Кудреванкой, Батыгой, Идолищем (имена эти чередуются в зависимости от местных традиций), обычно начинаются с изображения самого нашествия. В ярких красках, гиперболическими чертами рисуется страшная опасность, нависшая над родиной. «Собирается сила, — повествует былина, — счету нет», «на сто верст во все те четыре стороны». От «пару кониного» солнце и месяц меркнут, не видать «луча свету белого». Огромные пространства, занятые этой несметной силой, соколу в самые долгие «меженные» (т. е. летние) дни «будё не облететь», а серому волку в самые долгие осенние ночи «будё не óбрыскать». От груза войск земля изгибается «полотном», и вода из рек и озер заливает луга.[6] Предводитель татар, осадив Киев, посылает к князю Владимиру требование сдать город без бою, угрожая в противном случае учинить полный разгром Киева. Опасность усугубляется тем, что в Киеве в этот момент по тем или иным причинам не оказывается богатырей. Былины выразительно рисуют панику, охватившую князя Владимира и его придворное окружение — «князей-бояр». И вот в самую критическую минуту и появляется Илья Муромец, который один или при участии других богатырей бьется с татарскими полчищами и уничтожает их. Следует сказать, что примерно так построены все вообще былины о татарском нашествии, и те из них, в которых в качестве героев спасителей осажденного Киева изображены другие богатыри — Василий Игнатьев или Михаил Данилович. Но огромное большинство былин на эту тему посвящено Илье Муромцу, и самыми яркими красками в изображении героического подвига освобождения Киева от татар отмечены именно те былины, где героем является Илья Муромец.

Былины всегда выделяют первенствующую роль Ильи Муромца как защитника родины среди других богатырей. При нападении врага на Киев Илья Му-

---

[4] Гильфердинг, I, стр. 529.

[5] Там же, III, стр. 357.

[6] Кирша Данилов, стр. 163; Марков, стр. 481; Гильфердинг, II, стр. 23; Астахова, I, стр. 174, 309 и др.

ромец быстро принимает решительные меры, чтобы собрать богатырей и направить их против врага. Пока богатыри отдыхают, набираясь силы перед боем, Илья Муромец едет в разведку. При выезде всех богатырей против вражеских полчищ Илья занимает всегда наиболее ответственное место в строю, он едет «в середину-матицу», чтобы встретиться лицом к лицу с самим предводителем татарской рати. Последний решающий удар принадлежит Илье. Он или уничтожает противника в бою, или, что значительно реже, захватывает его в плен или обращает в бегство.

Схватал он Калина во белы руки,
. . . .
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи.[7]

А махнул-то он да саблёй вострою
А как са́му-то Идолишшу да в буйну голову
А во всю-то свою силу богатырьскую,
А россек он буйну голову вплоть до самого седелышка,
Розвалилсе тут Идолишшо всё на́двоё.[8]

Этот удар и решает исход битвы. Остаток войска дорубают и дотаптывают конями остальные богатыри.

На заставе богатырской Илья Муромец тоже занимает первое место. Он на ней всегда старший, атаман, разумно распределяющий силы богатырей. Он знает, кого из них нельзя послать за иноземным «нахвальщиком» в силу присущих им черт, которые в единоборстве с врагом могут погубить их «по-напрасному». Интересна деталь, которую встречаем в одной из записей нашего времени былины о заставе богатырской: когда богатыри в шатре спят, Илья Муромец один бодрствует, встревоженный замеченными им признаками близости врага.

Илья Муромец всегда побеждает, хотя и может потерпеть временное поражение. Но это бывает, как показывает былина, только в результате несчастной случайности:

Махнет Илейко ручкой правою,
Поскользит у Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру́ землю́.[9]

Иногда рассказывается, что богатырь попадает в вырытые коварным врагом ямы-«подкопы». Но тем сильнее выделена непобедимость Ильи: уже будучи под навалившимся на него врагом, он набирается, как Антей, силы от земли («ле-

---

[7] Кирша Данилов, стр. 169.
[8] Марков, стр. 441.
[9] Киреевский, I, стр. 51.

жучи у него силы прибыло») и сбрасывает с себя врага; захваченный в плен, Илья разрывает путы и, схватив одного из татар, побивает им всю рать.

Былины часто изображают, что Илья Муромец одолевает врага после того, как тот обратил в бегство других богатырей. Поэтому уже одно имя Ильи Муромца удерживает врага. Когда же разносится весть, «что не стало во Киеве во городе славного бога́тыря Ильи Муромца», на Русь подымается вражеская «сила-армия».

Богатырская мощь Ильи Муромца приводит в ужас врага. Спасающиеся бегством татары в панике «заклинаются»:

— Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?[10]

Илья Муромец выделен в эпосе не только своей силой, но храбростью и особым характером ее. Храбрость Ильи Муромца велика, но в ней нет ненужного и вредного задора, бахвальства, она спокойна и разумна. Это в особенности оттеняется в былинах сопоставлением Ильи Муромца с некоторыми другими богатырями, например с Алешей Поповичем, в образе которого как раз подчеркивается иной характер храбрости: «он напу́ском смел», т. е. натиском, задором. Про него говорится также, что он «загре́зливый» или «загре́зовой», т. е. склонен к необдуманным, озорным поступкам. Оттеняет Илью Муромца и Ермак (в особой версии былин о Калине-царе, где изображен этот богатырь), горячий, нетерпеливый молодой богатырь, безрассудно бросающийся в бой, не дожидаясь других богатырей. В результате Ермака приходится выручать другим богатырям, так как он выбивается из сил и ему грозит гибель. Имеются варианты, в которых даже изображено, что он гибнет — «пресекается».

Сам Добрыня Никитич, пользующийся неизменной любовью народа как победитель страшного Змея, будучи поставлен рядом с Ильей Муромцем, уступает ему не только в силе, но и в храбрости. В былинах о заставе богатырской Добрыня, посланный за иноземным богатырем-нахвальщиком, пугается его чудовищного вида и зычного окрика и возвращается на заставу. Смысл этого эпизода, конечно, не в снижении образа Добрыни, а в особом возвеличении Ильи Муромца: даже доблестный Добрыня не смог устоять перед врагом, настолько тот страшен и грозен. Со словами «больше некем заменитися: видно ехать атаману самому!» едет Илья Муромец, вступает с иноземным богатырем-врагом в бой и побеждает его.

Чтобы особенно выделить Илью Муромца среди других богатырей, народ ввел в его поэтическую биографию легендарный рассказ о чудесном получении силы от неведомых странников, исцеливших Илью-сидня. Странники, наделив Илью Муромца богатырской силой, предсказывают, что ему «смерть на бою не

---

[10] Кирша Данилов, стр. 169.

писана». В. Я. Пропп правильно толкует эти слова странников не как волшебное заклятие, а как художественную форму для выражения сознания самого Ильи: «Они означают, что Илья навсегда исключил для себя вопрос о своей смерти. . . Это полное отсутствие страха смерти, полное ее исключение из своего сознания и делает его бессмертным в глазах народа».[11] В некоторых былинах рассказывается еще, что Илье часть своей сверхъестественной силы передал, умирая, богатырь Святогор, сильнейший из всех богатырей, которому было «грузно от силушки, как от тяжелого бремени», и которого земля на себе через силу носила. Этот рассказ одновременно подчеркивает и мудрость Ильи Муромца: он отказывается от вторичного принятия в себя «духа» Святогора, избегая тем грозящей ему гибели.

Народ наделил своего любимого богатыря и высокими моральными качествами. Былины показывают полное отсутствие в Илье Муромце каких-либо корыстных побуждений. Его нельзя подкупить или соблазнить более высоким положением. Тщетны попытки семьи Соловья-разбойника выкупить Соловья «золотой казной», предложение Калина-царя перейти к нему на службу — есть его «ествушку сахарную», пить его «питьица медвяные», носить «одёжу драгоценную», держать золотую казну «по надобью».[12] Найденный клад и отнятые у разбойников награбленные ими богатства Илья отдает князю Владимиру или раздает монастырям и «по миру» — вдовам и сиротам. В Илье Муромце нет тщеславия, личного честолюбия, стремления к власти. Он отказывается от предлагаемых ему по пути в Киев княжества или воеводства и других высоких почестей, так как стремится в Киев для выполнения основной задачи богатырства — служения родине, народу. Его деятельность, вся его жизнь изображены в былинах, как исключительно целеустремленные. Когда, например, князь Владимир, убедившись в том, что Илья Муромец действительно совершил подвиг победы над Соловьем-разбойником, приказывает вести богатыря в горницу и угостить его там должным образом, Илья Муромец говорит:

— Я не гость приехал да не угощатися,
А приехал с вами побрататися,
Послужить вам верой-правдою
А за тую Русь да православную.[13]

Образ Ильи Муромца отмечен чертами подлинного гуманизма. Илья беспощаден к врагу и уничтожает его, когда тот продолжает быть опасным для русского народа. Но он готов пощадить врага сдавшегося, если уверен, что он обезврежен: отпускает захваченных в плен под Черниговом (или другим городом) царевичей, дарит жизнь напавшим на него разбойникам, если те обещают

---

[11] Пропп. Русск. героич. эпос, стр. 232.
[12] Например: Гильфердинг, II, стр. 31; настоящий сборник, стр. 107—108.
[13] Парилова — Соймонов, стр. 98.

бросить занятие грабежом, но убивает собственного сына, убедившись в неискоренимости в нем злых намерений, в опасности его для родины.

Одним из приемов раскрытия героического облика русских богатырей в эпосе, их мужества, отваги, физической мощи является такое изображение врага, которое создает впечатление непреоборимой, казалось бы, силы. Выше было указано построенное на поэтической гиперболе изображение надвигающейся на Киев вражеской рати. Гиперболически обрисованы и образы ее предводителей и отдельных захватчиков и насильников. Враг изображается огромных, чудовищных размеров, также и его конь. Из «хайлища» коня пышет пламя, из ушей столбом подымается дым. Таков образ Тугарина Змеевича в былине об Алеше Поповиче. Этот прием фантастически преувеличенной обрисовки врага, чтобы подчеркнуть грандиозность подвига героя, последовательно проходит через все былины об Илье Муромце.

Чудовищными чертами отмечен образ Соловья-разбойника. Свист его несет гибель всему окружающему:

И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-мура́вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются.
А что есть людей, то вси мертвы лежат.[14]

Илью Муромца предупреждают о чудовище и его губительном свисте, он все же едет по прямоезжей дороге, которую «залег» Соловей, и побеждает его. Чужеземный богатырь-враг, нагло проезжающий мимо заставы, и с которым Илья Муромец вступает в единоборство, огромен «будто сенна́ копна», конь же под ним «как сильня гора».[15] «Ископоть», т. е. яма, образовавшаяся от удара копытом, величиною «с полпечи». От грузной поступи коня колеблется земля, вода в реках и озерах выступает из берегов и т. д.[16] Былины об Идолище Поганом, возникшие, вероятно, на основе более ранних — об Алеше Поповиче и Тугарине, используют в новых вариациях чудовищные черты Тугарина для обрисовки Идолища. Чудовищной величиной и силой наделяются и послы царя Калина, Кудреванки и других татарских предводителей. Когда посол, отдав ярлык князю Владимиру, выходит на улицу и задевает своим плечом княжеские палаты, они шатаются, а от удара запираемой послом двери они перекашиваются и в них ломаются околенки.[17]

---

[14] Гильфердинг, II, стр. 11.

[15] Там же, стр. 40.

[16] Киреевский, I, стр. 46, 49; Марков, стр. 54 и др.

[17] Ончуков, стр. 138; Марков, стр. 47 и др.

Все это служит цели еще большего возвеличения победителя столь страшных врагов — Ильи Муромца, который рядом с ними вначале кажется менее сильным.

В самом характере обрисовки врага выделено физическое и моральное превосходство над ним Ильи Муромца. Чудовищный облик врага в русском эпосе насыщен гротескными чертами, которые делают его не только страшным, но и отвратительно безобразным и в своем безобразии смешным. Уже внешний вид врага («голова с пивной котел», «глазища как пивные чашища», «нос-от на роже с локоть был» и т. п.) создает подобное впечатление. В былинах об Илье Муромце и Идолище (так же как и в былинах об Алеше Поповиче и Тугарине) отвращение к врагу в особенности вызывается сценой чудовищного его обжорства в палатах князя Владимира:

Ишшо то Идолищо великоё
По целой ковриге на нож тычет,
На нож тычет да за щеку бросат;
По целому лебедю на нож тычет,
Он на нож тычет да за другу бросат.[18]

Или:

Принесли ему лебедочку не кушену,
И не кушену лебедочку, не рушену,
Он на нож ей воткнул, совсем целком пихнул,
[С] щоки на щоку лебедку переметыват,
Уж енной щекой косьё ище вываливат.[19]

Эта отвратительная прожорливость, символически раскрывающая ненасытную алчность врага, расценивается самим Идолищем как физическое преимущество над Ильей Муромцем, как показатель мощи. Узнав от мнимого калики, под видом которого скрывался сам Илья, что богатырь Илья Муромец так же велик и по стольку же ест и пьет, как он, калика, Идолище начинает издеваться над Ильей и бахвалиться своими «богатырскими» качествами:

Экой ваш бога́тырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю![20]

А был бы-то ведь зде да бога́тырь тот,
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой опять бы сверху́ прижал,

---

[18] Григорьев, I, стр. 282.
[19] Ончуков, стр. 96.
[20] Рыбников, I, стр. 34—35.

А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто́ поле![21]

Бахвальство врага вызывает остроумную насмешку Ильи Муромца, уподобляющего Идолище «обжористой коровище» или «собачище», которые тоже много пили и ели и «растреснули», «окопылились» (т. е. издохли). Это ироническое уподобление снижает показные признаки силы и мощи врага, которыми тот кичится, и разоблачает его пустое бахвальство. В развязке, изображающей расправу Ильи Муромца над Идолищем, враг окончательно развенчан. Рядом с этим сатирическим образом врага выделяется подлинно героический облик Ильи Муромца, его спокойная храбрость, физическая мощь и моральное величие.

Контрастное сопоставление Ильи Муромца с противником служит и в других случаях для выделения тех или иных положительных качеств русского богатыря. Так, например, он противопоставлен в моральном отношении врагу, который, получив временное преимущество над Ильей, глумится над его старостью.[22] Когда же Илье удается сбросить с себя «нахвальщину» и сесть ему на грудь, он не издевается над поверженным врагом, а сразу же творит над ним справедливую расправу:

Недосуг Илюхе много спрашивать, —
Скоро спорол груди белые,
Скоро затьмил очи ясные.[23]

Илья Муромец — образ большого социального значения. Деятельность Ильи неразрывно связана с интересами народа, он — представитель народа. Не случайно поэтому он изображен в эпосе крестьянином по происхождению. Крестьянские его черты особо и любовно обрисованы былинами. Первое применение своей богатырской силы после исцеления Илья Муромец находит в трудной крестьянской работе, расчищая лесные угодья под пашню.

Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую работу на крестьянскую,
Очистить надо пал от дубья-колодья:
Он дубье-колодье всё повырубил,
В глубоку реку повыгрузил.[24]

Чистили тут поженку родители
О эту ли о Сафат-реку,

---

[21] Гильфердинг, I, стр. 433.
[22] См., например: Киреевский, I, стр. 51.
[23] Там же.
[24] Рыбников, I, стр. 319.

И после обеда родители отдóх держáт.
Начал Ильюшенька работати,
Пенья-дубья все повыломал,
Во Сафат-реку повыбросал.[25]

Былины особенно подчеркивают, что это крайне тяжелый труд и вместе с тем такой необходимый для крестьян. Родители Ильи Муромца говорят:

— Работали мы три дня и три ночи,
Не могли бы мы сделать половиночки.[26]

И с глубоким удовлетворением они замечают:

— Тут поля да будут чистыи,
Для хлебушка будут очень удобные.[27]

Картина очистки пашни наиболее традиционна в былинах об исцелении. Но рядом с ней встречаются и другие, рисующие крестьянские заботы и хлопоты Ильи Муромца:

Он завидел-ле в поли ноньци скот ходит,
Он как из поля скота ноньце выганивал,
Как полё-то сырым дубьем огораживал,
Он ведь рвал тут как дубьицо с кореньицом,
Он оклал, огородил людям на удивленьицо.[28]

В этих эпизодах происходит сближение Ильи Муромца с другим богатырем-крестьянином Микулой Селяниновичем.

Мотивы героического труда встречаются помимо былин об исцелении и в некоторых других былинах об Илье Муромце. Проезжая по непроходимым Брынским лесам, Илья вырывает деревья, преграждающие путь, и «намащивает мост», т. е. закидывает болота и топи вырванными деревьями и сучьями для прохода:

А как он приехал к лесу тéмному,
Сходил-то он да со добрá коня,
А левóй рукой-то он коня ведет,
А правóй рукой дубье рвет да ведь с кóринём,
С кóринём рвет да ведь мост мостит.[29]

---

[25] Астахова, II, стр. 397.
[26] Там же.
[27] Рук. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 90.
[28] Ончуков, стр. 222.
[29] Марков, стр. 347.

В позднейших вариантах этот образ развертывается в картину постройки дорог и мостов через реки:

> Верьсто́вые столбики он повыставил,
> Калиновы мостики повымостил.[30]

В соответствии с общим крестьянским обликом Ильи Муромца былины подчеркивают его простоту, иногда в таких мелких и тонких деталях, как «кулак молодецкий», в который Илья высматривает врага рядом с Добрыней Никитичем, пользующимся «трубочкой подзорной».[31]

Закономерно постоянное противопоставление в былинах именно Ильи Муромца князю Владимиру и его придворным, «князьям-боярам». Последние ненавидят Илью Муромца, которого презрительно называют «мужичищем-деревенщиной», «сельщиной-деревенщиной». Уже в первый же приезд Ильи Муромца в Киев происходит столкновение. Князья-бояре, иногда и сам князь Владимир не верят тому, что Илья Муромец проехал дорогой прямоезжей, которая «залегла» от Соловья-разбойника, укоряют его во лжи, осыпают яростными насмешками:

> Тут-то закричели князи, бо́яра:
> «Уж ты гой еси, мужичонко приехал задле́нынина
> ты, деревеньшина».[32]

> Ай же, мужичищо-деревенщина,
> Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
> Во глазах, мужик, да насмехаешься![33]

Следующая за этим сцена смертельного перепуга князя и бояр от свиста Соловья, представляя их в самом жалком и постыдном состоянии («На корачках по двору наполза́лися», «По крылечушку в терем ползком ползут», князь падает со стула, «А три-то часу он, князь, без души лежал» и т. п.), заключает апофеоз «деревенщины», который один спокоен и только усмехается слабости и трусости чванливых бояр. Противопоставление здесь, таким образом, носит социальный характер.

Во многих былинах показано, что князь и бояре всячески оскорбляют и унижают Илью Муромца. Князь Владимир «забывает» позвать его на пир, а когда Илья приходит незваным, не оказывает должного почета. Во время общего одаривания за службу Илья Муромец оказывается обойденным. Бояре всеми средствами добиваются опалы Ильи, клевещут на него, опорочивают его

---

[30] Астахова, I, стр. 405.
[31] Киреевский, I, стр. 49, 50.
[32] Марков, стр. 351.
[33] Гильфердинг, II, стр. 15.

в глазах князя. Князь слушает их клеветнические наветы, «отказывает» богатырю в Киеве и даже обрекает его на голодную смерть в заключении.

Воскричал князь Владимир стольне-киевской
Своим громким голосом:
— Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен,
Не дать ему не пить не есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрет собака и с голоду.[34]

Это и создает обычно изображаемую в былинах тревожную и опасную для Киева ситуацию при наступлении врага: Киев оказывается без главного его защитника, другие же богатыри, оскорбленные поступками князя Владимира, тоже покидают его двор.

В свою очередь Илья Муромец относится к боярам с презрением, называет их «толстобрюхими» и «кособрюхими», укоряет князя, что он «думу думает» с ними, а не с богатырями. Былины показывают, что это презрение оправдано. Бояре изображены не только трусливыми, но и жадными, злобными, завистливыми. Им приписывается и прямая измена. В некоторых былинах говорится, что как только Илью Муромца заключают в погреб и богатыри разъезжаются, бояре сообщают врагам Русской земли, что Киев-град «пустой стоит».[35]

Конфликт Ильи Муромца с князем Владимиром и боярами ярко очерчивает нравственное превосходство богатыря, его благородство, верность патриотическому долгу. Несмотря на все оскорбления, Илья подавляет в себе законное возмущение и обиду и по зову князя Владимира выступает на защиту Киева. Не случайно тема «ссоры» в большинстве былин объединяется с разными обработками сюжета о татарском нашествии, включаясь в них органически. Это большая творческая удача создателей былинного эпоса. Во многих из этих былин величавый образ Ильи Муромца достигает высокой степени совершенства. С другой стороны, в некоторых былинах изображен бунт Ильи Муромца против князя, особенно подчеркивающий классовый характер конфликта. Илья, не позванный на пир к князю, отстреливает маковки золоченые с теремов и церквей и на эти маковки открывает свой пир против самих палат князя Владимира. На этот пир он созывает своих друзей — «голей кабацких», т. е. киевскую голытьбу. Так былина противопоставляет два антагонистических лагеря: князь Владимир с боярами и Илья Муромец с беднейшей частью киевских жителей, с народом. Тема дружбы Ильи с голытьбой проходит через многие былины. Естественно поэтому возникает особая редакция былины о Калине-царе, где Илья Муромец действует вместе с богатырем Василием Игнатьевым, являю-

---

[34] Гильфердинг, III, стр. 355.
[35] Ончуков, стр. 18.

щимся в былинах представителем городской голытьбы. В былине изображена их близость и дружба.[36]

Таков, в общих очертаниях, образ Ильи Муромца, каким он сложился в итоге своего развития на протяжении столетий и каким мы знаем его по записям былин XVIII—XX веков. Указанные черты этого образа, коллективно созданного русским народом, рассыпаны по многочисленным и разнообразным вариантам, вырисовываются в различных эпизодах. Эти черты в совокупности образуют тот целостный монументальный образ безупречного воина — слуги народа, который выступает в русском эпосе как гениальное обобщение жизненного опыта народа, как выражение его идеальных представлений о народном герое и который живет в сознании народа-творца до сих пор.

Характерно, что при включении Ильи Муромца как эпизодического персонажа в былины, посвященные другим богатырям, Илья Муромец сохраняет выработанный поэтической традицией облик. В былинах о Добрыне и Дунае он мудро мирит обоих богатырей, то укоряя их в запальчивости и неправильных поступках, то, наоборот, оправдывая с точки зрения богатырской чести поведение каждого из них.[37] В качестве мирного посредника Илья Муромец выступает в некоторых былинах об Алеше Поповиче и сестре братьев Петровичей-Сбродовичей, улаживая конфликт и устраивая свадьбу Алеши с девушкой,[38] и в былинах о Дюке Степановиче. В них он, хотя и признает неправоту Чурилы и при каждом новом закладе поручается за Дюка против князей и бояр, поддерживающих Чурилу, но просит простить последнего, когда тот проигрывает заклад. Также и в некоторых былинах о Добрыне и Алеше Илья в последней сцене-развязке вступается за Алешу Поповича. Алеша, конечно, виноват, но он — богатырь и потому надо сохранить ему жизнь.[39]

Илья Муромец всегда на стороне правды и справедливости. В былинах о Сухмане и Даниле Ловчанине он предостерегает князя от опрометчивых и недостойных поступков, вызывая тем раздражение князя, который велит заключить Илью в погреб.[40] По настоянию Ильи Муромца князь Владимир посылает в поле проверить рассказ Сохматия (Сухмана) о битве с татарами.[41] В этих былинах Илья Муромец — носитель обличительных тенденций эпоса. Интересно используется образ Ильи Муромца — помощника-заступника в одной из былин о Добрыне и Алеше. Когда Алеша Попович привозит ложную весть о смерти

---

[36] Кирша Данилов, № 25.

[37] Григорьев, III, №№ 6, 17, 37; Ончуков, № 7; Гильфердинг, I, № 49.

[38] Ончуков, № 3; Марков, № 7; Крюкова, I, № 33.

[39] Ончуков, № 24; Марков, № 62.

[40] Григорьев, II, № 63.

[41] См. текст М. С. Крюковой в кн.: В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, стр. 168.

Добрыни и угрозами пытается склонить его жену на брак с собой, к Илье обращается мать Добрыни, прося съездить в поле и проверить сообщение Алеши. Илья едет в поле, находит спящего Добрыню, будит его, рассказывает о готовящейся свадьбе и тем предотвращает насильственный брак «от живого мужа».[42] Неоднократно включают Илью Муромца и в былины о Дунае. Он едет в Литву в числе других сватов. К нему прежде всего обращается Дунай за помощью. Иногда его, вместо Добрыни, Дунай просит отвезти Апраксию в Киев[43] и т. д.

Чрезвычайно редки случаи некоторого затемнения образа Ильи Муромца, что каждый раз объясняется записью от плохого исполнителя, принадлежащего к тем «безобразным пачкунам», о которых упоминал А. Ф. Гильфердинг.[44] В былинах же, записанных от истинных мастеров, вплоть до нашего времени, образ Ильи Муромца сохраняется в неизменном своем величии.

Народ, воспевая своего любимого богатыря, любовно подбирает уменьшительные имена с ласкательным оттенком: Ильюшка, Илейко, Ильюшенька, часто просто называет его «старо́й», вкладывая в это слово все свое уважение к умудренному опытом богатырю. Образ Ильи Муромца увенчан в эпосе великолепным внешним портретом — одним из превосходнейших образцов живописи словом:

Ехал стар по чисту полю,
По тому роздолью широкому,
Голова бела, борода седа,
По белы́м груди́м росстилаетси,
Как скаче́н жемчуг россыпаетси,
Да под старым конь наюбел-бело́й,
Да ведь хвост и грив' научер-черна.[45]

* *
*

Историческая и социальная обусловленность богато разработанного образа Ильи Муромца ясна. Вполне определенно выступают воплощенные в этом образе народные идеалы. Но целый ряд вопросов конкретного порядка, связанных с возникновением и развитием образа, до сих пор не разрешен.

Неизвестно, когда именно и в какой части старой Руси стали складываться первые былины об Илье Муромце. Неизвестно также, являлось ли какое-либо определенное лицо историческим прототипом этого эпического образа. С этой

---

[42] Григорьев, II, № 35.
[43] Астахова, I, №№ 3, 27 и др.
[44] Гильфердинг, I, стр. 50.
[45] Астахова, I, стр. 181; Григорьев, III, № 8 и др.

стороны былинный образ Ильи Муромца является наиболее загадочным среди других главнейших богатырей русского эпоса.

Не дают никаких нитей для освещения вопроса о месте и времени возникновения образа Ильи Муромца и древнерусские летописи: имя Ильи Муромца в них нигде не упоминается, в то время как летописные заметки донесли до нас имена Добрыни Никитича и Алеши Поповича.

И хотя эти летописные заметки (в особенности об Алеше Поповиче) не имеют исторической достоверности и отразили уже сложившиеся эпические сказания об этих героях, все же некоторые из них дают возможность предположить в их основе какие-то местные исторические воспоминания, представить, как мог развиваться образ.[46] Отсутствие летописных упоминаний об Илье Муромце побудило даже искать его в летописях под другим именем. Так, Н. Д. Квашнин-Самарин пытался отождествить Илью Муромца с упомянутым под 1000 годом в Никоновской летописи богатырем Рогдаем, который «наезжал» на триста врагов и смерть которого оплакивал князь Владимир.[47] Однако гипотеза эта была совершенно шаткой, и сам Квашнин-Самарин впоследствии от нее отказался.[48]

Древнейшее упоминание в письменном документе об Илье Муромце как богатыре относится к 1574 году. Оршанский староста Филон Кмита Чернобыльский пишет в этом году к троцкому кастеляну Остафию Воловичу, жалуясь на свое бедственное положение, на голод и холод, которые ему приходится терпеть. Говоря об отсутствии помощи и заботы, Кмита вспоминает о богатырях Илье Муравленине и Соловье Будимировиче, намекая на сходство своего положения с положением богатырей. По смыслу этого упоминания эти богатыри так же, как и он, находились в пренебрежении, пока не наставал час, когда без них нельзя было обойтись.[49]

Это письмо ясно свидетельствует о том, что в XVI веке в Западной Руси былины об Илье Муромце были настолько хорошо известны, что вполне могли быть понятны глухие намеки на них и проводимая аналогия.

Прямое указание на установившуюся к этому времени популярность былин об Илье Муромце находим в путевых записках немецкого путешественника Эриха Лассоты от 1594 года, в которых среди описаний киевских достопримечательно-

---

[46] Д. С. Лихачев, 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», № 17, М.—Л., 1945; 2) Летописные известия об Александре Поповиче. Труды ОДРЛ, VII, М.—Л., 1949.

[47] Н. Квашнин-Самарин. Русские былины в историко-географическом отношении. «Беседа», 1871, V.

[48] Н. Квашнин-Самарин. Новые источники для изучения русского эпоса. «Русский вестник», 1874, IX—X, стр. 39—40.

[49] См. перепечатку этого письма и его анализ у А. Н. Веселовского (Южнорусские былины. СПб., 1881, стр. 62—64).

стей имеется упоминание о гробнице Ильи Моровлина (Eliae Morowlin), «знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен».[50]

В дальнейшем имеется уже целый ряд свидетельств об Илье Муромце как угоднике, погребенном в Киево-Печерской лавре.[51] В этом предании о мощах Ильи Муромца можно видеть опоэтизирование народом своего любимого богатыря путем отождествления былинного Ильи Муромца с каким-то святым лавры, случайно носившим то же имя. Но все это не дает еще никаких данных об историческом Илье.

Интересный материал, связанный с вопросом о возникновении былин об Илье Муромце, дают германские средневековые саги.

В поэме Ломбардского цикла «Ортнит» (начало XIII века) выводится дядя и помощник короля Ортнита Ilias von Riuzen (Илья из Руси), могучий герой, помогающий Ортниту в военном походе добыть себе невесту. Этот эпизод поэмы напоминает летописное предание о дяде князя Владимира Святославича Добрыне, добывающем для князя в жены полоцкую княжну Рогнеду, а также напоминает былину о Добрыне-свате («Дунай»), основанную на этом предании.

В норвежской саге о Дитрихе Бернском (Тидрек-сага) упоминается Ilias, ярл Греции (Jarl af Greka), побочный брат Владимира, короля Руси и Польши (Ruzciland, Pulinaland). Происхождение Ильи от наложницы своего отца тоже заставляет вспомнить предания о князе Владимире как сыне наложницы князя Святослава Малуши и о Добрыне — брате Малуши. В дальнейшем повествовании саги, в эпизоде сражения, которое король Владимир дает Аттиле под Полоцком, ярл Греции (следовательно, тот же Ilias) в единоборстве с Гильдибрандом вышибает его из седла. В последующем эпизоде — осады Аттилой Смоленска — снова появляется брат короля Владимира, но уже именуемый ярлом Ироном (Jarl Iron). Он идет в стан Аттилы, и тот ставит его главой русского царства. Имя Ильи упоминается и в других сагах XII—XIII веков, так, например, в саге Битерольфа половины XIII века встречается Elias von Reussen. Все упомянутые герои саг — дядя Ортнита Ilias, Ilias af Greka, Elias в саге Битерольфа, ярл Iron — явно отождествляются.[52]

Выдержанность имени Ильи, постоянное указание в сагах на его русскую национальность и на близость к «королю Руси» Владимиру, упоминание при этом русских городов — Смоленска, Киева, Полоцка — не оставляет сомнения в том, что Илиас саг и Илья Муромец былин — одно лицо. Однако материал саг не дает никаких оснований предполагать, что Илья вошел в западный эпос непосредственно из исторической действительности. Слишком очевиден эпический характер всех упоминаний об Илье в сагах, при этом явно смешение преданий об Илье

[50] Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом к Запорожцам в 1594 г. Перевод и примечания Ф. Бруна. СПб., 1873, стр. 19.

[51] Они собраны в книге Лободы «Русский богатырский эпос» (стр. 15—19).

[52] Лобода, стр. 19—21.

Муромце и о Добрыне. В образе Илиаса саг, могучего богатыря, совершающего ряд подвигов, чувствуются отголоски русских былин. Если же Илья саг вошел в западный эпос из русских былин, следует признать, что какой-то круг былин или преданий об Илье Муромце, приуроченный к князю Владимиру как к эпическому центру, сложился уже в XII веке.

Следует отметить, что такое решение вопроса об Илиасе саг в свое время оспаривалось, однако весьма неубедительно. Отмечалось, что совпадения в именах и в некоторых мотивах западных саг и русских былин могли якобы быть случайными.[53] С другой стороны, были попытки истолковать имя Ilias как видоизмененное Eligas и предположить, что с этим именем вошли в саги южнорусские предания об Олеге Вещем, которые, «пройдя сквозь призму германского народного творчества», дали будто бы «соответствующее стражение на русской почве в героическом образе русского Ильи Муромца».[54] Мысль эта неубедительна не только вследствие чрезвычайной сложности предполагаемого происхождения былинного Ильи Муромца, но и потому, что ей противоречит весь яркий национальный колорит изображения народного героя.

Таким образом, положение о том, что в западных сагах есть отзвуки эпических сказаний об Илье Муромце и что, следовательно, в XII веке эти сказания уже существовали, остается в силе. Однако данные саг вопроса об историческом прототипе Ильи Муромца тоже никаким образом не решают.

Для решения вопроса о месте и времени возникновения первых сказаний о народном герое было использовано прозвище Ильи — Муромец. То обстоятельство, что в ряде древнейших упоминаний об Илье это прозвище дается в форме Муровец, Моровец, Муравлении, Моровлин (письмо Кмиты Чернобыльского, «Путевые записки» Эриха Лассоты, некоторые пересказы былины о первой поездке Ильи в записях XVIII века) дало повод Вс. Миллеру связать Илью с городом Моровийском или Моровском Черниговского княжества, недалеко от которого находился и древний город Карачев, упоминаемый летописью начиная с XII века. Согласно этой гипотезе Муром явился лишь позднейшей заменой Моровийска, так же как село Карачарово или Карачаево — заменой Карачева.[55] Главным основанием для предположения о Черниговщине как родине первоначальных сказаний об Илье Муромце явилась мысль о том, что при первой поездке именно из Моровска Илье естественно было бы ехать через свой стольный город к Киеву и освобождать его от силы басурманской (сначала, быть может, половцев, затем татар).[56]

---

[53] А. Соболевский. О типе Ильи Муромца. «Живая старина», 1892, вып. II.

[54] М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, I, Варшава, 1893, стр. 113—119; III, Варшава, 1895, стр. 742—761.

[55] Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 86—90.

[56] Там же, стр. 89.

Однако нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, что гораздо более естественным является тот путь Ильи, который рисуется в былинах — через Чернигов из Мурома. «Чернигов находился как раз на обычном пути из Мурома в Киев: так обычно ездили в XI и XII веках», — пишет Д. С. Лихачев. Путь через стольный город Черниговского княжества был естественен для Ильи тем более, что Муромо-Рязанская земля «в древнейшую пору входила в состав Черниговского княжества». Моровийск же находился к югу от Чернигова, поэтому ехать через последний в Киев было невозможно.[57]

К этому следует добавить, что рядом с указанной формой Муравлении, Муровец и т. п. в древнейших записях имеется и форма Муромец. Так, если в упоминаниях второй половины XVI века из западной и южной России наличествует первая форма, то в известном «Сказании о киевских богатырях, как ходили во Царьград...» в списке начала XVII века, а также в ряде пересказов XVIII века былины о первой поездке употреблена форма Муромец.

Таким образом, нет никаких оснований прикреплять Илью Муромца к Черниговскому княжеству и относить сюда возникновение первых эпических сказаний о нем. Очевидно, мы здесь имеем дело с местными муромо-рязанскими преданиями, которые уже довольно рано стали включаться в киевский цикл. Былинный рассказ о поездке муромо-рязанского богатыря в Киев, в эпический центр богатырства, аналогичен рассказу о поездке в Киев ростовского богатыря Алеши Поповича.[58]

Д. С. Лихачев очерчивает, примерно, и время, когда могли начать складываться былины об Илье Муромце: не ранее второй половины XI века, когда «стала усиленно развиваться и сама областная местная культура», и не позднее XII века, «когда еще помнили о тесной связи между родиной Ильи — Муромом — и Черниговом.[59]

* *
*

Итак, в основу первых героических песен об Илье Муромце легли, по-видимому, какие-то местные муромо-рязанские предания. Но с какими конкретными фактами мог быть связан первоначально образ Ильи Муромца, так и остается невыясненным. Возможно, что он, как и ряд других образов героического эпоса, не имел определенного исторического прототипа, а явился плодом художественной фантазии народа. Но, очевидно, уже с самого начала этот образ наделен был чертами, ставшими его основой, — чертами могучего богатыря, защитника Русской земли и народа.

---

[57] Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 227.

[58] Так думал первоначально и В. Ф. Миллер, пока ему не пришла на ум его гипотеза о Моровийске. См. об этом его «Очерки» (III, стр. 88).

[59] Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 227.

Наметить примерный круг сюжетов, которые уже в XII веке были связаны с именем Ильи Муромца, можно только предположительно. Если в XII веке Илья Муромец уже вошел в киевский цикл русского эпоса, то к его имени, конечно, приурочивались былины, возникавшие на основе событий борьбы русских с кочевниками в дотатарский период этой борьбы. Очевидно, к этому кругу произведений относятся многочисленные былины о встречах Ильи Муромца в поле с вражескими богатырями — Збутом, Жидовином, Сокольником и другими. Повидимому, одной из самых ранних былин в цикле былин об Илье Муромце явилась былина о Соловье-разбойнике, отразившая сюжет, характерный еще для доклассового эпоса (борьба героя с чудищем, в образе которого обобщенно представлены враждебные людям силы). Некоторые из ранних былин о единоборстве с вражеским богатырем тоже сохранили и более древние мотивы, например былина о Сокольчике — мотив встречи с незнаемым сыном. Возможно, что и былина об Идолище Поганом, возникшая на основе более ранней былины об Алеше Поповиче и Тугарине, сложилась еще в дотатарское время, поскольку обрисовка Идолища как предводителя татарской рати встречается далеко не во всех текстах былины и не органична для данного сюжета.[60]

Во всех этих былинах Илья Муромец уже наделен чертами могучего богатыря, одолевающего страшных, кажущихся непобедимыми врагов, превосходящего силой и храбростью других богатырей. Намечен в основном и нравственный облик Ильи Муромца: его патриотические устремления, неподкупность, беспощадное отношение к врагам родины и народа. Эти черты, например, органически входят в сюжет о Соловье-разбойнике, что и доказывает их исконность.

В дальнейшем, под воздействием новых исторических переживаний, эти ранние героические былины переоформились в повествования о встречах, столкновениях и битвах с татарами. Процесс этот в свое время четко обосновал Н. А. Добролюбов, указавший, почему именно в эпоху татаро-монгольских нашествий народ обратился к преданиям минувшего времени. Князья не оправдали народных ожиданий, надежд. Они «истощили свои силы в удельных междоусобиях и вовсе не умели оказать энергического противодействия страшным неприятелям». Народ «невольно сравнивал нынешние события с преданиями о временах давно минувших и грустно запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира. Песня эта была сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежние события к современному течению дел. Таким образом, богатырей Владимировых заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником „грозного короля Золотой орды, Этмануйла Этмануйловича“».[61]

---

[60] Пропп. Русск. героич. эпос, стр. 217—219.

[61] Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т I, М., 1934, стр. 216.

Даже такая бесспорно ранняя былина, как «Илья Муромец и Соловей-разбойник», получает некоторые, правда чисто внешние детали, связывающие ее с впечатлениями позднейшего времени — борьбы с татарами (прозвища Соловья — Одихмантьев, Рахматович и т. п.). В былинах о встречах Ильи Муромца с чужеземными богатырями последние начинают именоваться татарами, а в былины об Идолище входит тема татарского нашествия: Идолище приводит татарское войско, осадившее Киев; Илья, расправившись с насильником Идолищем в палатах князя Владимира, истребляет затем татарскую рать.

В это время возникают и новые былины как непосредственный отклик на события татаро-монгольских нашествий, как обобщенное отражение впечатлений от этих событий. К этому периоду относятся самые замечательные былины героического цикла на тему борьбы русских богатырей с иноземными захватчиками — былины об Илье Муромце и Калине-царе, известные в нескольких версиях (Илья Муромец, Самсон и Калин-царь; Илья, Ермак и Калин-царь; Камское побоище и др.) и в большом числе разных редакций. В этот период окончательно складывается эпическая характеристика Ильи Муромца как неподкупного и самоотверженного защитника родной земли. Образ, наметившийся уже в ранних былинах, получает дальнейшее развитие и обогащается новыми чертами, но в том же направлении. В данный период определяется также и главенствующая роль Ильи Муромца среди других богатырей киевского цикла.

В эпоху борьбы с татарами возникает в эпосе и тема антагонистических взаимоотношений Ильи Муромца с князем и боярами. В былинах о татарских нашествиях постоянно говорится о том, что Илья Муромец незаслуженно посажен князем, часто по наущению бояр, в погреб или изгнан из Киева, а остальные богатыри отказываются служить князю.

Появление в эпосе этой темы обусловлено было растущим социальным неравенством, осознаваемым народными массами. Тема органически связана с основным содержанием былин о героических подвигах Ильи Муромца в борьбе с иноземными захватчиками и с образом самого героя: именно отсутствие богатырей, а главное Ильи Муромца, создает страшную опасность для Киева, когда его осаждает враг; согласие Ильи Муромца выступить в защиту Киева, несмотря на нанесенное оскорбление, в особенности выделяет высокий моральный облик богатыря-патриота. Органичность темы антагонизма для былин о татарских нашествиях, которую наблюдаем в записях XVIII—XX веков, не оставляет сомнений в наличии этой темы уже в эпосе XIII—XIV веков.

Тема антагонистических отношений в былинах об Илье Муромце звучит особенно остро вследствие постоянных указаний на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Последнее придает особую окраску и всем подвигам Ильи, противопоставляя его не только князю и его «князьям-боярам», но и богатырям из других сословий. Торжество именно «крестьянского сына» в былинах получает такое же звучание, как победы и удачи крестьянского сына Ивана в сказках. Крестьянские черты Ильи Муромца всегда выделяются в былинах. Как было уже

указано, первый подвиг после получения силы — это помощь родителям в их трудной крестьянской работе. В некоторых былинах на крестьянское происхождение Ильи Муромца делается особый акцент, чтоб усилить эффект конечного торжества Ильи и резче противопоставить богатыря князю и боярам. Таковы, например, многие варианты былины о Соловье-разбойнике, заключительная сцена которых содержит, как было уже указано, социальное противопоставление, насмешку над князем и боярами. Вероятно, вначале, когда возникла былина, данная сцена еще не имела такого характера, была без элементов социальной сатиры. В ней просто изображались последствия губительного свиста Соловья, чтобы подчеркнуть огромное значение подвига Ильи Муромца, как это мы видим в некоторых записях, например:

Князи и бо́яра
И сильные могучие бога́тыри
С ног попа́дали,
Круты крыши с хором окаталися.[62]

И лишь позже, с развитием в эпосе темы антагонистических противоречий сцена, рисующая последствия страшного свиста Соловья-разбойника, была использована в целях социальной сатиры.

Когда же именно установился в эпической биографии Ильи Муромца мотив его крестьянского происхождения? Является ли эта черта исконной, или она вошла в эпос в более позднее время как естественный момент в развитии образа, вызванный стремлением сделать любимого народного богатыря, носителя глубоко демократических черт, и по происхождению крестьянином?

Вопрос этот и до сих пор не получил своего окончательного разрешения. В досоветской науке твердо установилось положение о позднем, не ранее конца XVII—начала XVIII века, возникновении этого мотива. Это положение связано было главным образом с концепцией происхождения эпоса в княжеско-дружинной среде. По данной концепции былины стали достоянием крестьянства только в сравнительно поздний период развития эпоса, будучи занесены в крестьянскую среду скоморохами в период гонений на них. Тогда якобы закономерно было и превращение Ильи Муромца, первоначально воина-дружинника, в крестьянского сына.

Вместе с тем обоснованием более позднего возникновения мотива крестьянского происхождения Ильи Муромца явилась также органическая связь этого мотива с былиной об исцелении Ильи Муромца, признаваемой одной из более поздних в цикле, посвященном любимому народному богатырю.[63]

В свете современных представлений о народных корнях русского эпоса вполне возможно представить выделение крестьянства Ильи Муромца и в более раннее

[62] Киреевский, IV, стр. 6.

[63] См.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—391; М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 257—258.

время. Однако, была ли эта черта в эпосе об Илье Муромце исконной, остается невыясненным. Все-таки остается в силе тот факт, что возникновение данного мотива связано с былиной об исцелении. В пересказах XVIII века былины о первой поездке Ильи Муромца, о крестьянстве богатыря говорится только тогда, когда рассказ начинается с эпизода исцеления. В других Илья называется «урожденцем города Мурома» (или Мурова). В XVIII веке вообще этот мотив встречается не часто. В былине сборника Кирши Данилова его нет. Нет и в списках «Сказания о киевских богатырях», один из которых относится к началу XVII века; это первая из известных записей произведения, сложенного на основе былин, в котором упоминается Илья Муромец.

Остается неопровергнутым и положение о том, что сюжет «Исцеления» сложился вначале в виде устного прозаического рассказа легендарного характера на основе сказок о богатырях-сиднях и только впоследствии (по В. Ф. Миллеру, не ранее конца XVIII века) исполнители стали переоформлять этот рассказ в былину. М. О. Скрипиль высказал предположение, что былина «сложилась в связи с развитием духовного стиха в его ранних формах».[64] Это предположение передвигает возникновение былины об исцелении к более раннему времени, чем это делал В. Ф. Миллер, а именно к XIV—XV векам.[65]

Таким образом, более вероятным остается все же предположение о том, что мотив крестьянского происхождения Ильи Муромца возникает в эпосе не сразу, а в процессе развития образа. Быть может, это действительно произошло уже в XIV—XV веках (возможно и позднее), когда усиливаются социальные противоречия, так как благодаря данному мотиву конфликт между Ильей Муромцем и князем с боярами получал особую остроту.

Вместе с былиной об исцелении и мотивом крестьянского происхождения Ильи Муромца в эпос входит указанный выше эпизод помощи родителям в их работе, изображение трудового подвига Ильи.

Еще более поздним является наименование Ильи Муромца «старым казаком». Следует полагать, что оно вошло в былины в XVII веке, когда казачество стало играть видную роль в народных восстаниях, и слово «казак» могло приобрести смысл эпитета, указывающего на независимость, свободолюбие, воинственность. Существует предположение, что определение «старый» могло указывать вначале не на возраст, а на принадлежность к исконному казачеству, к «кадровым» казакам, которые носили такое наименование.[66] И лишь в дальнейшем этот эпитет был уже осмыслен как указание на возраст, что нашло соответствие с такой чертой поэтической биографии Ильи Муромца, как начало его богатырских дел в зрелые годы (сидел сиднем «тридцать лет и три года»). Каково бы ни

---

[64] Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 272.

[65] О развитии духовного стиха в древней Руси см.: Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 294—300.

[66] Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 137—140.

было происхождение эпитета «старый казак», он придал образу Ильи Муромца особую окраску, подчеркивая боевой дух богатыря, его независимый, непокорный характер.

В XVII веке в обстановке народных антиправительственных движений получила дальнейшую разработку и была оформлена в самостоятельную былину тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и боярами, присутствовавшая, как мы видим, уже в былинах о татарских нашествиях. В образ Ильи Муромца включаются теперь новые черты — открытое бунтарство против князя, дружба с киевской голытьбой. Создается былина о собственном пире Ильи Муромца с голями кабацкими на отстреленные с церквей и теремов золоченые маковки и кресты. Перепуганный князь спешит «помириться» с разбушевавшимся богатырем. Он посылает Добрыню Никитича уговорить Илью Муромца сменить гнев на милость и прийти на «княженецкий» пир. Социальная тема эпоса, конфликт между правящей верхушкой и Ильей Муромцем, представителем народа, достигает в этой былине особенно большой остроты.

Тогда же, очевидно, складывается и другая былина об Илье Муромце, где богатырь тоже обрисован как друг «голей кабацких». Когда целовальники «царева кабака» отказываются дать Илье Муромцу вина ни в долг, ни за его золотой нательный крест, богатыря угощают голи кабацкие на свои гроши. Тогда Илья Муромец, чтобы в свою очередь угостить голей, разбивает погреба и выкатывает бочки с вином.

С исторической действительностью XVII века связано и возникновение былины «Илья Муромец на Соколе-корабле»: плывущий на этом корабле по морю Хвалынскому вместе с другими богатырями, а иногда и со Степаном Разиным, Илья Муромец отражает нападение крымских татар или турок, в чем несомненны отголоски казачьих походов в Каспийское море и на низовья Волги и Дона. Так, Илья Муромец становится предводителем казаков в их исторической борьбе с турками и ногайскими татарами. Как отзвук Разинского движения может рассматриваться не только включение Разина в состав плывущих вместе с Ильей Муромцем на Соколе-корабле, но и создание особой версии сюжета — о поражении Ильей Муромцем орла, пытающегося потопить корабль. Не лишено вероятия предположение, что в этом столкновении богатыря с орлом аллегорически изображено столкновение разинских стругов с царскими «орлёными» судами или с тем правительственным кораблем, который носил наименование «Орла». Таким образом, Илья Муромец здесь уже непосредственно включается в фольклор о народных движениях XVII века.

Цикл былин об Илье Муромце обогащается и другими путями. Стремление пополнить поэтическую биографию Ильи Муромца новыми славными его делами вызвало сложение сюжета о трех поездках Ильи с использованием более ранней былины об Илье Муромце и разбойниках и ряда сказочных мотивов. Таковы проходящий через всю былину мотив испытания судьбы на трех дорогах, раскрытие злых умыслов злодейки-чаровницы, нахождение клада. Черты Ильи Муромца,

создающие его идеальный облик и ставшие уже к этому времени традиционными — огромная сила и храбрость, проницательный ум и смекалка, бескорыстие — находят в былине «Три поездки» выражение и подтверждение в новых поступках героя: в том, как он легко расправляется с сорокатысячной ватагой разбойников, в том, как он проникает в тайну подложной кровати, в том, что он не пользуется для себя найденными сокровищами.

По замыслу создателей былины, она, очевидно, должна была завершить эпическую биографию Ильи Муромца, так как в ряде записанных вариантов богатырь, после того как находит клад и отдает его (князю Владимиру, монастырям и церквам, сиротам), едет в киевские пещеры и там «окáменевает». В данной былине подчеркивается старость Ильи Муромца. Обычный зачин былины в ее наиболее целостных вариантах —

А ездил-то стар по чисту полю,
Ото младости ездил до старости,
Ото старости ездил до гробной доски.[67]

Иногда даже ему приписывается лирическое раздумье над своей старостью:

Ах ты старость, ты старость ты старая,
А старая старость глубокая,
. . . .
Застала ты старого в чистом поле. . .[68]

Превращение богатырей в камни, скрытие их в каменных горах — один из распространенных мотивов мирового фольклора. По смыслу легенды богатыри временно уходят из жизни людей, превращаясь в камни, в скалы, горы, чтобы вернуться к подвигам, когда придет в них нужда.[69]

В русском героическом эпосе также встречается мотив окаменения. Но он в большинстве случаев получает морально-религиозную трактовку. В известной сибирской былине, записанной поэтом Л. Меем и опубликованной под заглавием «С каких пор перевелись витязи на святой Руси»,[70] все богатыри превращаются в камни после того, как они дерзнули поднять мечи на «силу нездешнюю». Совершенно правильно было уже отмечено в литературе, что такая трактовка «ока-

---

[67] Гильфердинг, III, стр. 468, см. там же, стр. 128, 161, 392.

[68] Там же, стр. 16.

[69] См.: Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870, стр. 792, 796. На основе этого легендарного мотива в поэмах М. С. Крюковой, сложенных во время Великой Отечественной войны, ожившие богатыри, возглавленные Ильей Муромцем, помогают советской армии отвоевать Киев (М. С. Крюкова. О богатырях старопрежних и нынешних. Архангельск, 1946, стр. 23—33).

[70] Киреевский, IV, стр. 108.

менения» не соответствует общей направленности народного эпоса и, очевидно, привнесена извне.[71]

Морально-религиозный характер имеет концовка с окаменением Ильи Муромца и в ряде вариантов «Трех поездок»: он уходит в киевские пещеры «спасаться» и там окаменевает после того, как раздает найденное богатство на построение церквей и монастырей. Влияние церковно-религиозной идеологии и историческая ограниченность сознания народа здесь явны. Очевидно, именно вследствие такого характера концовки, который не соответствовал общему духу былин об Илье Муромце, третья часть былины не получила особенно широкого распространения и часто отбрасывалась.[72] Сложилась же былина с ее последней частью, конечно, под воздействием легенды о наличии в Киево-Печерской лавре мощей Ильи Муромца, следовательно, не ранее XVII века.[73] Так, смерть Ильи, как и начальный момент его богатырской деятельности — чудесное получение силы, одинаково оказались овеянными легендой.

Подобно былине о трех поездках, уже в процессе дальнейшего расширения поэтических биографий и Ильи Муромца и Добрыни Никитича складывается самая поздняя былина цикла — о встрече в поле и столкновении этих двух богатырей. Братание, которое последовало за схваткой богатырей в единоборстве, объясняет то положение Добрыни возле Ильи, которое установилось в эпосе: как «младшего брата» Ильи и его правой руки. Стремление раскрыть начальный момент в сближении друг с другом самых популярных богатырей русского народа и вызвало сложение данной былины. Образ Ильи Муромца пополняется новой чертой: он ищет встречи с молодым богатырем, чтобы ввести его в общий богатырский круг. Когда до него доходит слава о новом сильном богатыре Добрыне Никитиче из Рязани, Илья Муромец едет в Рязань. После встречи, единоборства и братания, Илья предлагает Добрыне ехать с ним в Киев. Этим и оканчиваются обычно лучшие обработки сюжета.

Былина возникла, вероятно, уже в XVIII веке в северовосточных районах распространения эпоса, так как известна только в записях из этих районов и не ранее конца XIX века. Но к этому времени былина уже прочно вошла в традицию Пинежья, района р. Кулоя и Зимнего берега Белого моря.

---

[71] Н. К. Митропольская. К вопросу о научной оценке текстов русских былин. (Былины о борьбе Ильи Муромца с Калином-царем). «Ученые записки Вильнюсского гос. университета», серия историко-филологических наук. Вильнюс, 1955

[72] См. об этом: Пропп, Русск. героич. эпос, стр. 255.

[73] По легенде мощи некоего Ильи из Мурома, которые показывались монахами Киево-Печерской лавры, признавались мощами богатыря Ильи Муромца. См. разыскания М. Г. Халанского о прославлении Ильи Муромца святым как явлении сравнительно позднем: М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 100—103.

Былина «Илья Муромец и Добрыня» — последняя по времени возникновения в цикле былин об Илье Муромце, принадлежащих коллективному творчеству русского народа. Но сложилась она, как и «Три поездки Ильи Муромца», уже не под непосредственным воздействием самой исторической действительности, а на основе некоторых устоявшихся в эпосе героических мотивов.

Такого рода новообразования внутри самого эпоса встречаются и позже, вплоть до нашего времени. Таковы былина о женитьбе Ильи Муромца, записанная в конце 1930-х годов в Пудожье,[74] и ряд былин М. С. Крюковой (тоже в записи тех же лет) о разных подвигах, а также семейных делах Ильи Муромца.[75]

Но все эти былины — плод размышлений и художественного вымысла тех сказителей, от которых они записаны. В эпическую традицию они не вошли, общим народным достоянием не стали и интересны лишь постольку, поскольку в самом факте их сложения своеобразно проявился огромный, не затухающий интерес народных сказителей к героическому образу Ильи Муромца.

Об этом свидетельствует и та непрекращавшаяся в течение многих столетий творческая разработка образа Ильи Муромца в традиционных былинах о нем, которую находим в многочисленных записях этих былин в XVIII—XX веках.

* *
*

Цикл былин об Илье Муромце складывался в течение нескольких веков. С каждым новым былинным сюжетом, прикрепленным к имени Ильи Муромца, образ богатыря обогащался новыми проявлениями характеризующих его черт. Одновременно возникали и различные редакции одного и того же сюжета, в которых выделялись то одни, то другие стороны образа, но всегда в духе той традиции, которая наметилась уже в ранних произведениях об Илье. Внимательно вчитываясь в былины об Илье Муромце, поражаешься многочисленности, богатству индивидуальных оттенков, художественных деталей в разработке одних и тех же эпизодов. Отдельные варианты не охватывают образ во всей его полноте. Он представляется в них то с одной, то с другой стороны. И только весь эпос об Илье Муромце в целом дает нам полное представление о том образе, который жил и живет в сознании народа, его творца. В этом и выразился коллективный характер многовековой творческой работы народа над созданием образа Ильи Муромца. Несмотря на развитие в веках, на постепенное его расширение, на прибавление ряда новых черт, образ богатыря остается целостным, монолитным. Новые детали не противоречат тому, что было создано ранее, а лишь обогащают образ, делают его многограннее.

Такой же характер получила дальнейшая судьба образа Ильи Муромца в устной поэтической традиции уже после того, как весь цикл былин о нем был

---

[74] Парилова—Соймонов, № 50.

[75] Крюкова, I, №№ 10, 12, 13, 15.

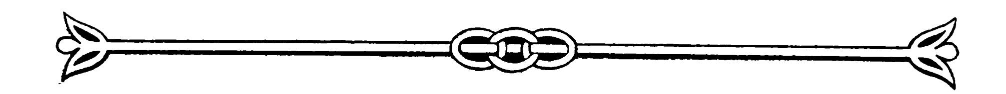
сложен. Коллективная шлифовка, чеканка образа в определенном направлении продолжались.

Художественной разработке на протяжении веков подвергались более всего те эпизоды былин об Илье Муромце, в которых особенно выделялись самые характерные стороны образа. Таковы все эпизоды, рисующие героический облик Ильи Муромца, его подвиги в защиту родины и народа, его первенствующее положение среди других богатырей. Расширялся круг сюжетов, посвященных другим героям, в которые включалось участие в действии Ильи Муромца. Под воздействием растущего классового сознания, крестьянских войн и восстаний XVIII—XIX веков продолжала разрабатываться и усиливаться социальная тема. Еще большее усиление получила она в начале XX века и у советских сказителей. Для последних особенно характерно подчеркивание происхождения Ильи Муромца из беднейших слоев крестьянства и открытых выступлений Ильи Муромца против князя и бояр. Показательна в этом отношении, например, новая разработка бунта Ильи Муромца в былине «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», записанной от пудожской сказительницы А. М. Пашковой.[76] Если в текстах конца XIX века еще изображается, что Илья Муромец идет на пир, специально для него устраиваемый перепуганным князем, то у Пашковой он не только не идет и не оставляет «голей», но уговаривает и Добрыню Никитича примкнуть к пиру народному. Оба они «ко князю идти да не торопятся». Также продолжают творчески разрабатываться эпизоды, выделяющие высокие моральные черты Ильи Муромца.[77]

Образ Ильи Муромца — выдающееся создание русской эпической поэзии, одно из «гигантских обобщений жизненного опыта народа» (Горький) — явился великим вкладом коллективной творческой мысли русского народа в общую сокровищницу мирового искусства.

[76] Парилова—Соймонов, № 2.

[77] Примеры творческой разработки образа Ильи Муромца в позднейший период жизни эпоса см.: Астахова, I, вступительная статья; Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.



НАПЕВЫ БЫЛИН ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Прилагаемые напевы былин об Илье Муромце взяты из различных источников и отражают две основных народных традиции музыкального воплощения русского былинного эпоса.

По виду исполнения былин эти традиции различаются как «одноголосная», или «сольная», и «многоголосная», или «хоровая».

В связи с местами преимущественного распространения первая из этих традиций получила наименование «северной», вторая — «южной», или «донской», так как наиболее яркое свое воплощение она нашла среди донского казачества.

История собирания былинного эпоса складывалась так, что поначалу только северная эпическая песня явилась предметом изучения и публикации, именно ей в литературе было присвоено наименование былины и только она считалась подлинным образцом русского народного эпоса, уходящего своими корнями в глубину веков.

Хоровые многоголосные былины впервые нашли свое достоверное отражение в фонографических записях А. М. Листопадова, начавшего свою деятельность в девяностых годах и посвятившего затем весь труд своей жизни изучению и собиранию донской казачьей песни.

Следует оговорить то, что девятисотые годы явились годами завершения длительной полемики о многоголосной природе русской народной песни. Именно в эти годы благодаря трудам известной собирательницы Е. Э. Линевой, впервые применившей для записей песен фонограф, богатство и своеобразие русского народного многоголосия было доказано как неопровержимый факт. В свете этого доказательства, равного по своему значению большому научному открытию, критически пересматривались и переоценивались выпущенные ранее сборники одноголосных записей народных песен. Одноголосная форма этих записей объяснялась как случайная, явившаяся следствием невозможности точной записи на слух сложной многоголосной песенной ткани, что приводило собирателей к вынужденной необходимости записывать песню от одного исполнителя.

Будучи горячим поборником признания многоголосной природы русской народной песни и наблюдая хоровое исполнение донских былин, А. М. Листопадов

взял под сомнение и одноголосную природу северных былинных напевов, склоняясь объяснить их одноголосие теми же причинами, которые лежали в основе одноголосной формы песенных записей, т. е. отказом собирателей от записей хорового исполнения на слух и вынужденным их обращением к одному исполнителю. Свои взгляды А. М. Листопадов изложил в критической статье, которая под названием «О складе былин северных и донских» помещена в первой части I тома его капитального труда «Песни донских казаков».[1]

Не касаясь спора о многоголосной природе русской народной песни, который давно и безоговорочно решен, а рассматривая лишь былинные напевы, мы можем сказать, что, с нашей точки зрения, спор об одноголосной или многоголосной природе былин попросту неправомерен, так как одна и другая былинные традиции являются различными формами выявления художественного содержания и каждая из них имеет свою природу.

В чем же заключаются характерные особенности напевов северных былин и какова природа их музыкального языка?

Одноголосное исполнение северных былин не случайно. Оно вытекает из существа эпического жанра и доносит до наших дней изначальные древнейшие формы его художественного выявления, так как в основе эпоса лежит повествование о событиях.

Воплощение повествования в поэтические образы и стройную форму стиха появляется как следствие стремления запечатлеть наиболее значительные события и сохранить память о них для будущих поколений.

Важность и общественная значимость содержания, равно как и поэтическая форма повествования, требует особых средств произнесения текста, особой организации его интонирования, а именно — приподнятой, размеренной декламации.

Всякой декламации свойственен распевный характер; один шаг отделяет ее от музыки, которая закрепила бы звуковысотный контур речи в точно интонируемой мелодии. Творческая инициатива народа преодолевает этот шаг, прокладывая «музыкальное русло», по которому идет и развивается такое важнейшее жанровое ответвление эпоса, как «поющееся» сказание, впечатляющее и содержанием поэтического текста и выразительностью его музыкальной декламации. Северные былины представляют собой именно такие «поющиеся» сказания, использующие выразительные средства музыки, но основными корнями своими уходящие в слово, в повествование, в рассказ.

Содержание северных былин, определяющее их ценность и назначение, лежит в развернутом поэтическом тексте. Их напевы служат лишь формой декламации, способствующей донесению слова, создающей настроение, располагающее к сосредоточенному, углубленному слушанию.

---

[1] А. Листопадов. Песни донских казаков, под общей редакцией проф. Г. Сердюченко, т. I, часть 1. Музгиз, 1949. стр. 33—49.

Типичным и ярким образцом напева северных былин может служить напев, записанный от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, представителя четвертого поколения прославленной семьи заонежских сказителей (напев № 1). На этот напев исполнялось большинство былин и старшими Рябиниными — Трофимом Григорьевичем, Иваном Трофимовичем и отцом Петра Ивановича — Иваном Герасимовичем Рябининым-Андреевым, в частности былины, включенные в настоящий сборник — №№ 6, 13, 26, 31 (вероятно, и № 18).[2]

В мелодическом рисунке этого напева отчетливо видны истоки речевой интонации. Если мы прочтем поэтический текст данной былины, вслушиваясь в колебания нашей интонации, обусловленные смыслом и строем речи, а затем обратимся к указанному напеву, мы увидим, что его звуковысотные отклонения полностью совпадут с контуром нашей речи. Но как прекрасно, как выразительно воплотится речь в мелодии! Лаконичный и простой напев, являясь удобной и естественной формой произнесения слов, дополнит их содержание ощущением величавого спокойствия и глубокой задумчивости, заложенным в музыкальном образе.[3]

Этот музыкальный образ не связан с конкретным сюжетом былины. Он раскрывает лишь общий характер повествования, развертывающего перед слушателями картины далекого и славного прошлого.

Отсутствие связи музыкального образа с конкретным сюжетом повествования дает возможность использовать один напев для исполнения былин различного содержания, сходных лишь по общему характеру и структуре стиха. Вследствие этого каждый сказитель для исполнения даже разнообразного и богатого эпического репертуара применяет только два-три напева. Музыкально одаренные исполнители создают свои, оригинальные напевы, менее одаренные используют напевы, ставшие наиболее распространенными в их округе и характеризующие местный традиционный стиль.

В основе мелодического рисунка былинных напевов, как уже говорилось, лежит речевая интонация. В ряде напевов эта основа чувствуется и сейчас. Однако в процессе многовековой жизни былин, тем более в связи с переходом былинного жанра в традицию, передающую былины из поколения в поколение, но не создающую их заново, живая связь речи и напева у некоторых сказителей нарушалась, и для исполнения былин они пользуются не живой формой «омузыкаленной» речи, а условно применяемыми попевками, взятыми из различных жанров народной песни.

Напевы северных былин лаконичны. Их протяженность определяется обычно формальными моментами связи со стихотворным текстом. Наиболее часто встре-

---

[2] В записи от Рябининых известен еще напев, на который исполнялась только одна былина — о Вольге и Микуле Селяниновиче.

[3] Былинные напевы Рябининых использованы композитором А. С. Аренским в его известной фантазии для фортепьяно с оркестром.

чаются напевы, протяженность которых равна одному стиху, т. е. одной строке поэтического текста (напевы №№ 3, 5, 6 и др.).

Реже встречаются напевы, равные двум стихам и как бы состоящие из двух «однострочных» фраз (№№ 1, 8). Иногда исполнители повторяют вторую фразу напева несколько раз до логического завершения основной мысли излагаемого поэтического текста. Еще реже встречаются развитые «трехстрочные» напевы.[4]

Многие сказители имеют свой, только им присущий стиль музыкального воплощения былинного эпоса. Свои местные традиции исполнения имеют отдельные области, особенно такие, как Заонежье, Печора, Мезень. Однако все эти различия, проявляясь в деталях, не изменяют тех основных черт северной былины, о которых говорилось выше.

Музыкальная природа хоровой былины иная. Хоровая былина — это прежде всего песня, в которой развернутый, многогранный в своем эмоциональном выражении музыкальный образ имеет не меньшее значение, чем текст.

Напев хоровой былины уже не является формой декламации, и его содержание вытекает непосредственно из поэтических образов текста. Именно поэтому напевы хоровых былин оказываются неразрывно связанными с определенными текстами, именно поэтому в хоровых былинах каждый былинный сюжет имеет свое музыкальное воплощение.

Структура стиха в хоровых былинах не подчиняет себе ритмо-метрическое строение напева, а сама во многом уступает интересам мелодии. В интересах широкого мелодического развития хоровая былина сокращает и протяженность своего поэтического текста.

Таковы основные черты одноголосной и хоровой былинных традиций, представляющих собой две различные по природе, но равнозначные по значению и ценности формы проявления народного гения в области создания музыкального эпоса.

Приведенные в музыкальном приложении напевы былин не являются иллюстративным материалом к поэтическим текстам, представленным в антологии. Музыкальное приложение ставит своей задачей ознакомить читателей с лучшими и разнообразными напевами былин об Илье Муромце для того, чтобы углубить их представление о народном эпосе, осветив, хотя бы вкратце, его музыкальные формы.

[4] Двухстрочные и трехстрочные напевы характерны для Заонежья.

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

2. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОВИЧА

(♩ = 92–98)

Що от сла.в(ы).но_ го от го_ ро_ да от Ки_ е_

ва Да до слав но_ го до го_ ро_ да до_

Му . . . у_ ро_ ва За_ ро_ ста_ ла гу_ т(ы) до_

рож ка да пря_ мо_ ез_ жа_ я, За_ ро_

ста ла тут до_ рож_ ка да ро_ в(ы)_но трыд_ цать

лет, Що не кон_ но_ му на ко_ нич_ ка_х(ы) про_

3. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

(♪ = 164)

За_ ле_ га_ ла до_ рож_ка пря_ мо_ ез_ жа_ я,

Пря_ мо_ ез_ жа до_ рож_ка пе_ шо_ ход_ на_ я.

За_ ле_ га_ ла до_ рож_ка рав_ но трид_цать лет

Бы не кон_но_ му не пе_ шо_ му про_ хо_ ду нет,

Не_ ка_ ко_ му бо_ га_ ты_ рю про_ ез_ ду нет.

4. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

5. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ОСВОБОЖДАЕТ КИЕВ ОТ КАЛИНА-ЦАРЯ

6. ПРО ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

7. КАМСКОЕ ПОБОИЩЕ

(ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ)

(♩ = 120)

Под-ни_ мал_си во_р(ы) са_ ба_ ка да зло_ дей

Ка_ лин чярь Он на наш на ко_

рош на кра ше_н(ы) Ки_ ёв_ град. Он по́

три го_да со_ ба_ ка да по т(ы)ри ме_ се_ ця. Не до_

_е_ хал о_н(ы) до го_ ро_ да до Ки_ ё_

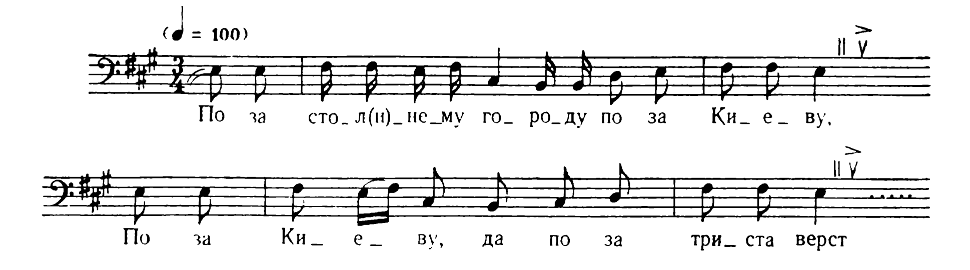
_ва. Не_до_ е_ хал о_н(ы) до го_ ро_да ро_ в(ы)_но

8. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЧУДИЩЕ ПРОКЛЯТОЕ В ЦАРЕГРАДЕ

9. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

10. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ, ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИЗДОЛИЩЕ В КИЕВЕ

11. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

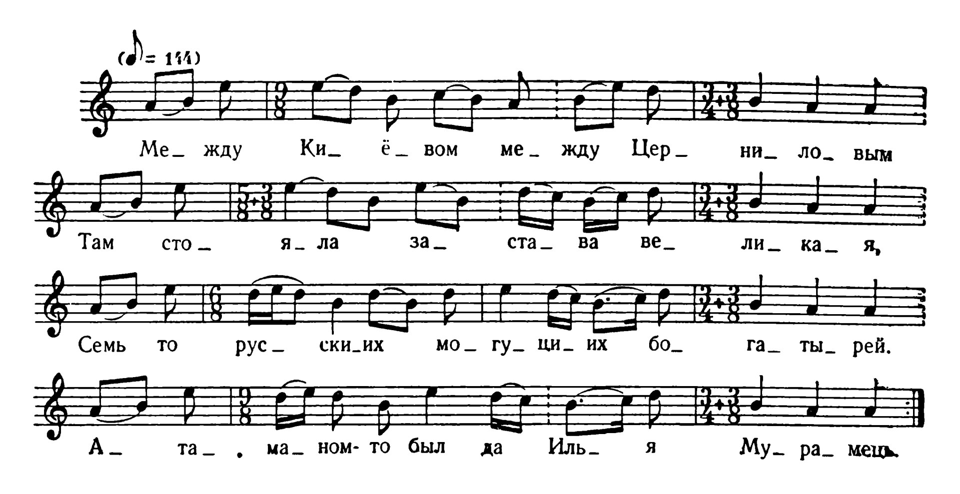


12. НАЕЗД НА БОГАТЫРСКУЮ ЗАСТАВУ И БОЙ ПОДСОКОЛЬНИКА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

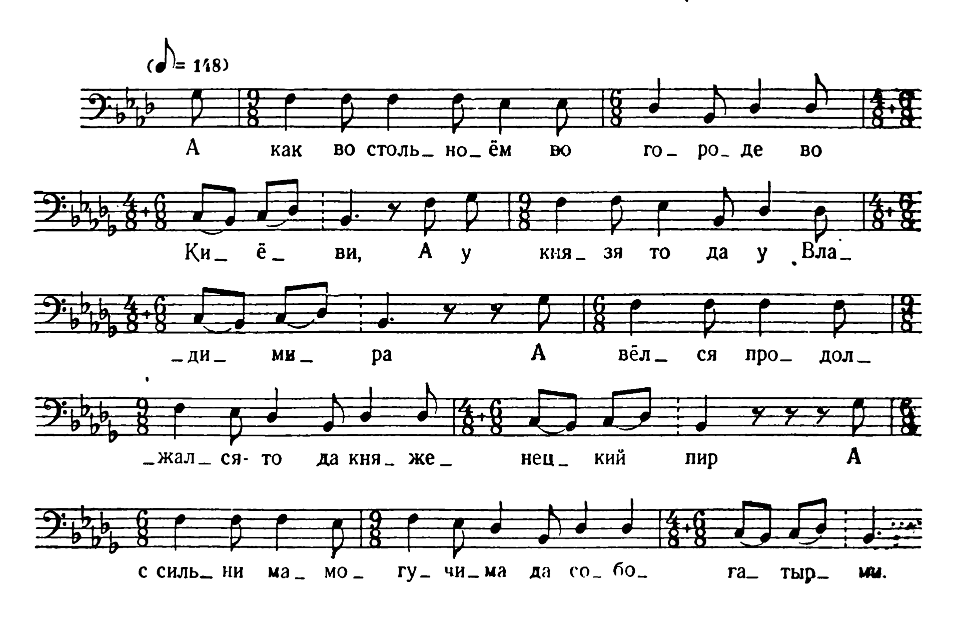
13. НАЕЗД НА БОГАТЫРСКУЮ ЗАСТАВУ И БОЙ СОКОЛЬНИКА С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ

14. ПРО СТАРОГО

15. БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ



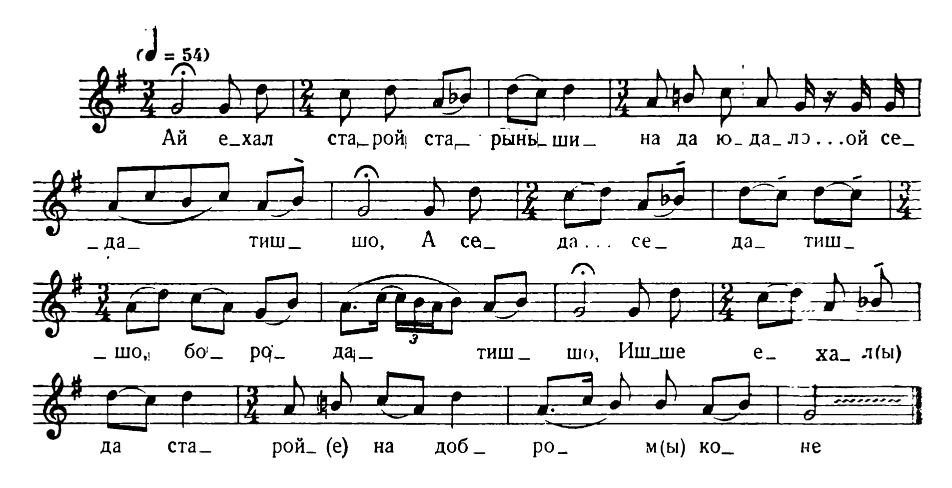
16. ПРО ИЛЬЮ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ



17. ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

18. КАК ЕЗДИЛ СТАР

19. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИШНИКИ



20. ОХ, НЕ БЕЛЫЕ СНЕЖКИ ЗАБЕЛИЛИСЯ
(ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СТАНИЧНИКИ)

да да
э
ба ра
да.
II
За бе
ле
(э)
ла ся
у ста
(а) ра
во
ся
да
я ба ра
да а
а
да
ведь а на ся
да
я,
а
и буй
ба ра да ся да я
на да
а на
га
ла
ва

III
Ой. ся_ да.. э ся_да_я ба_ ра...
И буй_ на_ я га_ла_ ва. О,
и под ним
конь бур ка_ сма_ тый гри_ ва я_во ко_ ле_ сом за_
_ви_ та. И и и и
IV
на_па_ да_ (а)_ ли на ста.. а_ра_

ста_ ни_ че...

во ста_ ни_ ч(е)_ни_ (и)_ки, а а

Ох, и ста_ ни_ че... а все раз

а_ ни все раз_ бой_ нич_

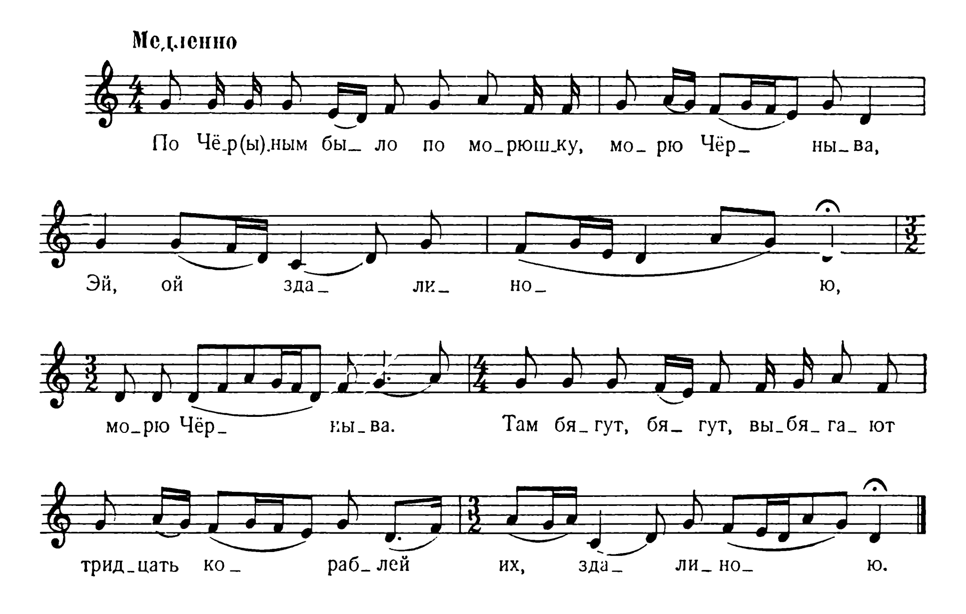
о о

_бо... да о ста_ни_ чни_ ки,

_ки. о о

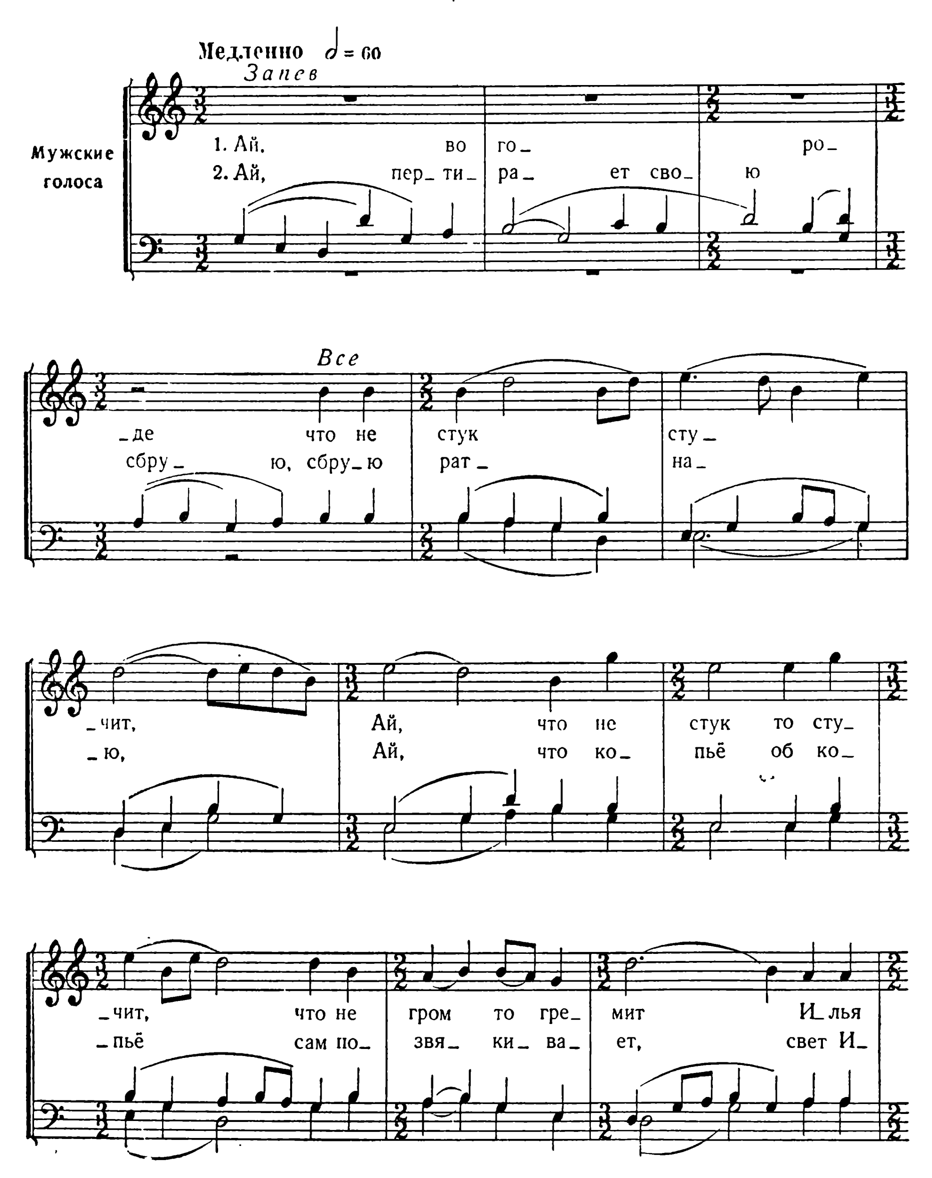
21. ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И ТУГАРОВЫХ ЗВЕРЯХ

22. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И САМСОН-БОГАТЫРЬ



23. ИЛЬЯ МУРОВИЧ

24. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ВЫЕЗЖАЕТ В ПОЛЕ



25. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ-КУЗЮТУШКА СОБИРАЕТСЯ ВО ДИКИ СТЕПЯ

Медленно 𝅗𝅥 = 58

Запев

Женские голоса

Ай, да не го_ры то сы го_ ра_

Мужские

Все

_ми сы_хо_ ди_ ли_ ся,

ей, да не ле_сы то сы ле_ со чка_

26. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА РЕЧКЕ СМОРОДИНКЕ

Не очень медленно ♩ = 84

[Запев I-й (нижний или средний голос)] *[Все]*

1. Ай, да как во слав_ном бы_ ло, братцы, да во

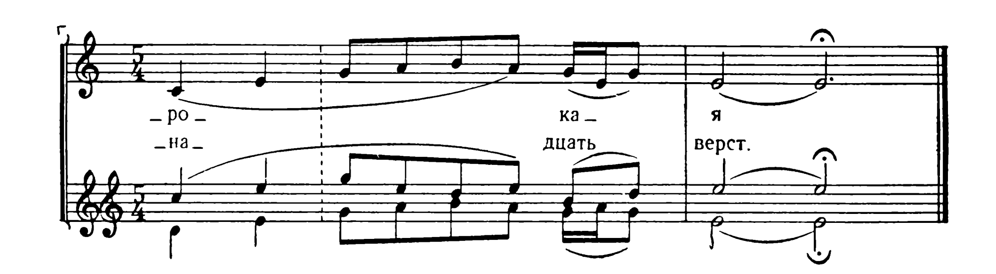
го_ ро_ де, во слав_ном во Ке_ и_

Все

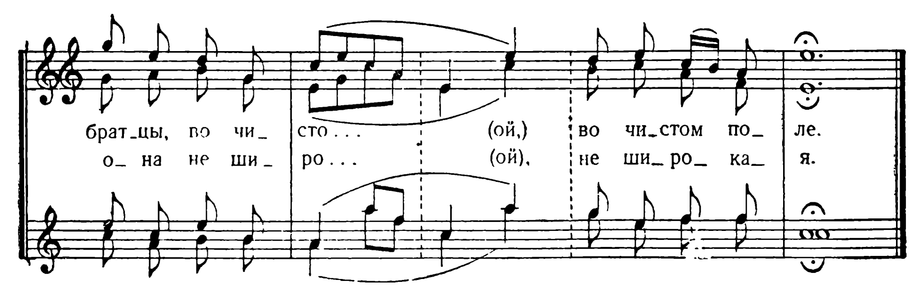
ве, ой да, там про лё_ га_ва_ла вот бы степь до_

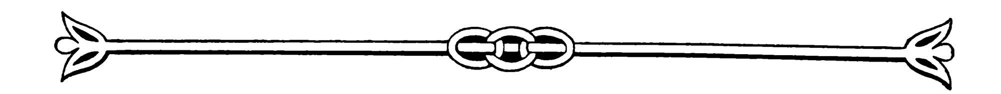
2. я, вот и д(ы)_ли_ но_ ю о_ на, э_ та степь до_

27. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ У ВОРОТ КИЕВА



28. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦЕЛОВАЛЬНИКИ





КОММЕНТАРИИ

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В ОБЩЕРУССКОЙ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII—XX ВЕКОВ

В раздел I, являющийся основной частью сборника, вошли тексты, записанные от народных исполнителей былин в том виде, в каком эти былины жили среди народа в устной передаче.

В разделе представлены сюжеты всех былин, в которых героем, единственным или главным, является Илья Муромец. В сборнике отобрано по нескольку образцов различных обработок каждого сюжета с тем, чтобы показать богатство и многообразие русского эпического творчества, посвященного Илье Муромцу.

При отборе составитель руководствовался задачей представить все основные типы былин каждого сюжетно-тематического цикла и, таким образом, познакомить с местными, областными эпическими традициями. При этом составитель стремился дать наилучшие в идейно-художественном отношении и ставшие классическими тексты. Поэтому в сборнике возможно шире представлены записи, произведенные от крупнейших мастеров былинного сказительства.

Вместе с традиционными, широко известными сюжетами в сборник включены и редкие сюжеты, существующие часто в единичных записях, представляющие более поздние новообразования, иногда — приурочение других песенных сюжетов к популярному имени Ильи Муромца.

Былины на традиционные, широко распространенные сюжеты группируются по сюжетно-тематическим циклам, внутри каждого из которых они располагаются в основном по времени записи. Хотя дата записи не всегда свидетельствует о времени возникновения данной редакции (порой тексты поздних сборников воссоздают как раз более древний вид сюжета, чем запись старшего сборника), но некоторое движение сюжета все же иногда можно проследить. Кроме того, записанные в определенную эпоху произведения всегда помогают уяснить направленность социальных интересов народа в данное время, показывают, что́ именно в образе Ильи Муромца, в его богатырской деятельности привлекает внимание носителей эпоса.

Тексты былин взяты из разных сборников, составители которых имели каждый свою методику записи и публикации текста. Одни из них отмечали лишь некоторые диалектные особенности (как например П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг), другие (как А. В. Марков) стремились передать средствами обычной транскрипции все основные, улавливаемые слухом особенности звучания, отличающие речь исполнителя от литературной, третьи (как А. Д. Григорьев) обозначали соответствующими буквами фонетику речи исполнителей даже в тех случаях, когда она совпадала с литературной (например, ассимиляцию согласных и т. п.).

Точное воспроизведение орфографии сборников может внести неверное представление о резких различиях в произношении в тех районах, в которых таких различий по существу не наблюдается. Кроме того, педантичное воспроизведение всех особенностей звучания делает тексты трудно воспринимаемыми.

Поэтому в орфографию текстов вносится ряд упрощений и единообразие в передаче явно одинаковых фонетических явлений в текстах из сборников Маркова, Григорьева, Ончукова, Астаховой, Париловой—Соймонова и Соколова—Чичерова. Сняты всюду: особое обозначение фрикативного *г*, гипертрофированное обозначение мягких согласных (как например у Маркова — русьськиx, песьни, печька, шьчобы, сьлезных и т. п.), передачу ассимилированных звонких согласных с глухими и специальное обозначение глухого в конце слов через глухие согласные (как например у Григорьева — фторой, пугофка, веть, уш и т. п.) и некоторые другие, затрудняющие чтение текста, приемы транскрипции.

Тексты из сборников Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга, в которых фонетические особенности отмечены умеренно, печатаются с сохранением этих особенностей. Окончания прилагательных в родительном падеже *аго*, *яго*, *ово*, *ево*, если ими не передано отклонение от обычного в данной местности произношения, заменены современными *ого*, *его*.

Тексты из сборника Кирши Данилова даны по изданию 1938 года.

Буквы в круглых скобках означают вставные звуки при пении. В квадратных скобках помещены слова и буквы, добавленные в источниках для правильного понимания текста, в ломаных < > — добавленные составителем данного сборника.

Знаки ударения перенесены из источников и добавлены составителем там, где ударения необычны в литературном языке. Знаком ударения обозначается произношение *е* вместо обычного в данном случае *ё* (например, по-учéному).

Курсивом в текстах выделены ремарки сказителей, сделанные ими во время исполнения.

Заглавия былин без скобок принадлежат источникам, в квадратных скобках — составителю.

В библиографии сюжетов при номерах в скобках ставятся условные сокращения: (к.) означает контаминацию с другим сюжетом, (пр.) — прозаический рассказ, (отр.) — отрывок.

1—3. Получение силы

(Исцеление Ильи-сидня, Илья Муромец и Святогор)

Тема получения Ильей Муромцем богатырской силы разработана в двух сюжетах: 1) в былине о чудесном исцелении крестьянского сына Ильи, который тридцать лет был сиднем, не владел руками и ногами, и 2) в былине о встрече Ильи Муромца с Святогором, о том, как последний перед смертью передал Илье часть своей чудовищной силы.

Сюжетом об исцелении открывается поэтическая биография Ильи Муромца. Это как бы пролог к повествованиям о богатырских подвигах Ильи. Поэтому в качестве отдельной былины данный сюжет почти не встречается, а, как правило, в соединении с другими былинами, предшествуя рассказу о каком-либо подвиге. Чаще всего сюжет об исцелении соединяется с былиной о Соловье-разбойнике, которая обычно передается исполнителями как рассказ о первой поездке богатыря. Сюжет об исцелении постоянно также входит в сводные былины об Илье Муромце, соединяющие несколько сюжетов цикла.

Сюжет широко распространен, но преимущественно в прозаических пересказах и сказочных обработках. В форме былины он известен почти исключительно Северу, но и здесь записано мало текстов, отличающихся хорошо отработанным былинным стихом, большинство же текстов отмечены прозаическим складом.

Все это заставляет предполагать первоначальное возникновение сюжета в форме легендарно-сказочной на основе широко распространенных народных сказок о сидне (см.: Вс. Миллер, Очерки, I, стр. 362—391). Былинные же обработки явились, очевидно, позднейшими попытками переоформить уже распространившуюся сказку в былину. Это в какой-то степени подтверждается и отличием стиля рассказа об исцелении в записях XVIII века, вполне прозаического, от стиля дальнейшего повествования о самих подвигах Ильи, где имеются явные следы былинного склада (см. тексты №№ 61—63 и комментарий к ним).

Варианты: Киреевский, I, стр. 1 (к.), Прилож., стр. I, IV, XVII (все три — пр., к.); IV, стр. 1 (к.); Рыбников, I, №№ 51 (к.), 139 (к.), 190 (пр.); Гильфердинг, № 120 (к.); Григорьев, I, № 8 (пр., к.); III, №№ 50 (к.), 89 (к.); Марков, №№ 42, 46 (к.), 67 (пр.), 91 (пр.); Ончуков, №№ 19 (к.), 53 (к.); Соколовы, стр. 306 (пр., к.); Савельев, стр. 79 (пр., к.); журн. «Культура», Научн. прилож., № 1, 1922, стр. 2—17; Астахова, I, №№ 28 (пр., к.), 80 (пр., к.), 92, 93, (пр., к.), 95 (к.); II, №№ 157 (к.), 165 (к.), 194, 201; Леонтьев, № 1 (к.); Парилова—Соймонов, №№ 3 (к.), 31 (к.); Конашков, № 1 (к.); Крюкова, I, № 11; Соколов—Чичеров, №№ 44 (пр., к.), 57 (пр., к.); 70 (к.), 77 (к.), 130 (к.), 170 (к.), 178 (к.), 195, 261 (к.), 269 (пр., к.). Реминисценции сюжета в других былинах (м.: Марков, №№ 61, 71; Тихонравов—Миллер, № 7, стр. 20.

О сказочных обработках см. в комментарии к сказкам, стр. 503 (большинство указанных сказок включают сюжет об исцелении). Тексты из рукописных сборников XVIII—начала XIX века: Миллер, стр. 285; Б. Соколов. Былины старинной записи. «Этнография», 1927, № 1—2; Труды ОДРЛ, IV, стр. 242; Славянский фольклор. М., 1951, стр. 246.

Приурочение к Илье Муромцу сказочного мотива о чудесном исцелении сидня явилось в результате естественного желания дать начало биографии любимейшего народного богатыря и вместе с тем окружить легендой происхождение его необычайной, неодолимой силы. Таким образом, сюжет этот — один из позднейших в цикле былин об Илье Муромце.

Самый эпизод исцеления довольно устойчив. Постоянными целителями являются неведомые странники, которые даруют силу через питье. При этом вначале полученная сила является чрезмерной, и ее затем уменьшают вполовину путем вторичного поднесения Илье питья.

См., например, обработку этого мотива у Киреевского (I, стр. 1):

Нища братия у Ильи спрашивали:
— Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?
— От земли столб был да до нéбушки,
Ко столбу было золотó кольцё,
За кольцё бы взял — Святорусску поворотил!
— Ты поди, Илья, принеси другý чашу!
Илья стал им поднашивать,
Они Илье отворачивают,
Выпивал Илья без отдыха
Большу чашу в полтора ведра,
Они у Ильи стали спрашивать·
— Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?
— Во мне силушки половинушка.

См. также в настоящем сборнике текст № 10.

В некоторых вариантах (но сравнительно нечасто) эпизод исцеления приобретает известную религиозную окрашенность: чудесные странники отождествляются с Христом, апостолами (см., например: Киреевский, I, стр. 1), чудотворцем Николаем и т. п., что явилось, вероятно, вследствие бытования сюжета в среде калик — исполнителей духовных стихов; от них эти мотивы были усвоены и некоторыми носителями богатырского эпоса.

В былинах, побывальщинах и сказках об исцелении почти неизменно отмечается крестьянское происхождение Ильи Муромца и рассказывается о выполнении им тяжелой крестьянской работы как первом подвиге после получения силы.

Былина о встрече Ильи Муромца со Святогором принадлежит к числу редких. Она известна лишь в немногих вариантах из северных районов, причем довольно

часто соединяется с другими сюжетами об Илье Муромце. Встречалась и в виде побывальщин, и в сказочных обработках.

Варианты: Рыбников, I, №№ 2, 51 (пр., к.); II, № 138 (пр.); Гильфердинг, №№ 1, 119 (к.), 265, 273; Марков, №№ 61, 66 (пр.); Григорьев, I, № 166 (пр.); II, № 61 (пр.); III, №№ 46 (к.), 50 (к.), 114 (к.); Ончуков, № 61; ср.: Киреевский, I, Прилож., стр. XXXIV; см. также: Гильфердинг, № 270; Астахова, I, №№ 5, 25, Прилож., № 2; II, №№ 157 (к.), 165 (к.); Леонтьев, № 5; Парилова—Соймонов, №№ 4 (к.), 40 (к.); Крюкова, I, № 8; Соколов—Чичеров, №№ 1, 44 (пр., к.), 57 (пр., к.), 75, 178 (к.), 269 (пр., к.). Ср. в якутском фольклоре: Русский фольклор. Материалы и исследования, I. М.—Л., 1956, стр. 235.

О Святогоре существует еще другая былина, где изображена его огромная, чудовищная сила, которая тяготит самого богатыря. Святогор погибает, «угрякая» в землю, когда пытается поднять сумочку с «тягой земной». Былина «Илья Муромец и Святогор» развивает другую версию о гибели Святогора — в найденном по дороге гробу, который оказывается ему «по мерке».

Происхождение самого образа Святогора в русском эпосе неясно; по-видимому, он восходит к доклассовому обществу: аналогичные образы встречаются и в древних эпосах других народов. О древности образа см.: Пропп. Русск. героич. эпос, стр. 72 и след. Древним является и мотив гибели в гробу. Мотив этот использован в цикле былин об Илье Муромце для объяснения происхождения силы последнего, которой он превосходит всех остальных богатырей: Святогор, умирая, передает Илье сквозь щель в гробу часть своей силы через дыхание (или, по некоторым вариантам, через смертную пену).

Хотя оба рассмотренных сюжета разрабатывают тему о получении Ильей Муромцем силы, они не стоят в противоречии друг с другом, как может это показаться на первый взгляд и как это отмечалось некоторыми исследователями (см.: Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. Изд. «Советский писатель», 1938, стр. 561). В восприятии носителей эпоса былина о встрече Ильи Муромца со Святогором показывает не приобретение Ильей Муромцем силы вообще, а лишь еще большее увеличение ее. Поэтому оба сюжета не только существуют в эпической традиции параллельно, разобщенно, но иногда и объединяются в одной былине, как это произошло в тексте № 1 настоящего сборника.

1. [**Получение силы**]. Печатается по записи П. Н. Рыбникова: первая часть, стихотворная, — по тексту первого издания (часть I, М., 1861, стр. 33—36), вторая, прозой, — по тексту второго издания (т. I, М., 1909, стр. 320—323). Былина записана в 1860 году в селе Кижи Петрозаводского уезда от Леонтия Богданова, 70 с лишним лет.

Текст был исполнителем не спет, а сказан и записан в виде побывальщины. Однако редактор первого издания П. А. Бессонов счел возможным разделить

рассказ на стихи, указывая на близость его к стихотворной форме. Только самый конец — смерть Святогора в гробу — был опубликован в сплошном рассказе (см. первое издание, часть I, стр. 41—42), а также переданы прозой заключительные слова эпизода встречи (там же, стр. 39). Редактор второго издания А. Е. Грузинский напечатал весь текст прозой.

Известно, что в XIX веке некоторые исполнители уже не пели былины, а сказывали, далеко не всегда, однако, превращая их в прозаический рассказ. Это была своеобразная декламация. Первая часть былины Л. Богданова обнаруживает явный стихотворный склад, и Бессонов был бесспорно прав, передавая ее стихами. Из ритма выпадает лишь рассказ о возвращении родителей домой (после 75-го стиха), который мы и передаем прозой. Чередование стихотворной интонации с прозаической — довольно частое явление при исполнении былин в XIX—XX веках (см., например, Астахова, I). В стихотворном виде первая часть былины Л. Богданова публиковалась неоднократно в разных изданиях с конца XIX века.

Что касается всей второй части, передающей встречу Ильи Муромца со Святогором и смерть последнего, то здесь мы видим обратное явление: вся эта часть несомненно сплошной рассказ, и лишь немногие отдельные фразы даны в складе эпического стиха. Разделение Бессоновым первой половины этой части на стихи характером материала не оправдано и воспринимается как искусственное деление.

Вариант Л. Богданова среди других былин об исцелении — один из лучших по простоте, ясности и выразительности разработки темы, а, главное, по своему крестьянскому колориту. Просто и вместе с тем убедительно, именно как выражение крестьянских интересов Ильи Муромца, передано первое применение им силы на работе по выкорчевке леса, расчистке лесной площади под пашню. Недаром вся начальная часть текста Богданова использовалась в хрестоматиях и массовых изданиях цикла былин об Илье Муромце.

Текст включает замечательный, вошедший в былинную классику мотив — предсказание калик о том, что Илье «смерть на бою не писана», а также характеристику четырех богатырей, с которыми Илье Муромцу нельзя вступать в бой по причине их особых, только им присущих свойств.

Вторая часть былины, включающая сюжет «Илья Муромец и Святогор», также отличается ясной, четкой композицией. Эпизод встречи осложнен мотивом неверной жены Святогора, что нередко встречается в обработках сюжета (например: Рыбников, II, № 138; Марков, № 61, и др.), но, однако, не является обязательным их компонентом (см. кенозерские варианты из сборников: Гильфердинг, №№ 265, 270, 273; Григорьев, I, № 166 — с Пинеги; III, № 114 — с Мезени; Ончуков, № 61 — с Печоры).

Объединение в одной былине обоих сюжетов о получении Ильей силы свидетельствует о том, что исполнители не воспринимали их как былины противоречивые. Напротив, в данном тексте оба сюжета связаны логически. Попросив

у родителей благословения, Илья Муромец едет «в раздольице чисто поле». Там он встречается и затем братается со Святогором, который называет Илью меньшим братом. Илья проходит под руководством Святогора воинскую выучку — «выучил Святогор Илью всем похваткам, поездкам богатырским», а затем Святогор, погибая в гробу, передает Илье часть своей силы и дарит ему свой меч-кладенец. Хорошо выделена рассудительность Ильи Муромца, разумность его поступков: не предполагая коварства Святогора, задумавшего его погубить «мертвым духом», Илья Муромец тем не менее отказывается от вторичной передачи Святогором силы, боясь излишка ее и, как бы вспоминая слова калик о Святогоре, говорит: «Будет с меня силы, бо́льший братец; не то земля на себе носить не станет».

2. [**Исцеление Ильи Муромца**]. Печатается по тексту № 53 сборника Ончукова. Записано Н. Е. Ончуковым в 1902 году в Усть-Цильме от Игнатия Михайловича Дуркина, свыше 75 лет.

Былина И. М. Дуркина — сводная, соединяющая сюжет об исцелении с сюжетами о станичниках и о Соловье-разбойнике. Так как обработка двух последних сюжетов ничего особо интересного и своеобразного не представляет, то мы печатаем здесь лишь первую часть былины — о получении силы, которая отличается завершенностью и отчетливо отделяется от последующего повествования.

Публикуемая часть представляет исключительный интерес своеобразной разработкой эпизода помощи родителям в их крестьянских нуждах. Вместо традиционной картины очистки пашни, здесь рисуются другие, но также типично крестьянские заботы и хлопоты Ильи Муромца: он выгоняет скот с поля и заботливо огораживает поле от возможной потравы скотом «людям на удивленьицо».

Обращает на себя внимание изображение коня Ильи Муромца, характерное для северо-восточной эпической традиции. См. печатаемый ниже мезенский текст о поездках Ильи Муромца (№ 41).

3. [**Илья Муромец и Святогор**]. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (III, № 273). Записано на Кенозере 14 августа 1871 года от Петра Яковлевича Меншикова, 52 лет

Принадлежит к той группе обработок, в которых встреча двух богатырей не осложнена мотивом неверной жены Святогора.

Это лучший по композиции и эпическому складу вариант из всех известных стихотворных текстов, хотя он и не дает полного завершения эпизода передачи силы (ср. с текстом № 1). Другие тексты отмечены нечеткостью стихотворного ритма, прозаическим складом и включают излишние детали, загромождающие и затемняющие основную линию повествования.

4—10. Илья Муромец и Соловей-разбойник

Принадлежит к древнейшему слою былин об Илье Муромце. Соловей-разбойник — обобщенный образ врага-насильника. В своей основе (борьба героя

с чудовищем) сюжет принадлежит доклассовому периоду, но как рассказ о подвиге Ильи Муромца он оформился в обстановке древней Руси дотатарского времени, много страдавшей от разбойничества. Впоследствии на образе Соловья-разбойника отразились и впечатления эпохи татарских нашествий. Соловей получает в некоторых вариантах отчество Рахматович — возможно отзвук воспоминаний о хане Ахмате, совершившем в XIV веке набег на Москву, или именуется Одихмантьев сын. Имя «Соловей» встречалось в древней Руси.

Пафос былины — в воспевании могучего русского богатыря, защитника народа и мирного народного труда. Почти постоянным компонентом былины, кроме изображения главного подвига — победы над Соловьем-разбойником, от которого «проходу-проезду нет», является освобождение по пути города (обычно Чернигова, иногда Смолягина, Бекешева или Бекетовца, Кидоша и др., в рукописных пересказах XVIII века — Себежа) от осадившей его несметной вражеской рати. Этот эпизод дает возможность подчеркнуть в образе Ильи Муромца его целеустремленность, стремление выполнить задачу богатыря — служить народу как оберегатель Русской земли: Илья Муромец отвергает предложенное ему властями и жителями освобожденного города высокое положение и почести, не остается в городе и спешит в Киев, чтобы занять свое место среди других богатырей — защитников родины.

Органично всему содержанию былины противопоставление Ильи Муромца князю Владимиру и его приближенным — «князьям-боярам», которые вначале не верят рассказу приехавшего богатыря о «замирении» им прямоезжей дороги и обвиняют его во лжи, а затем, при свисте Соловья, обнаруживают свою слабость и трусость. Этот эпизод мастерски разрабатывается в вариантах XIX—XX века, в острых сатирических образах рисует испуг князя и бояр или придворных богатырей.

Особенную социальную остроту придает сюжету указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца: конфликт между приехавшим богатырем и князем с его придворным окружением становится классовым конфликтом. Этот мотив обычно выделен в тех вариантах, в которых поездке Ильи в Киев предпосылается рассказ о чудесном исцелении Ильи Муромца и получении им богатырской силы.

Все эти идейно-художественные особенности былины, четко выделяющие образ Ильи Муромца как народного героя, определили широкую популярность сюжета в течение столетий. Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — одна из самых распространенных и известна в многочисленных записях из разных мест, начиная с XVIII века. Нередко эта былина контаминируется с другими героическими былинами об Илье Муромце. Особенно часто наблюдается включение рассказа о встрече Ильи Муромца (еще до освобождения им города) с ватагой разбойников, которые нападают на богатыря и хотят его ограбить. Илья Муромец или убивает всех разбойников или устрашает их стрельбой из лука и берет с них обещание бросить разбойничество. Сюжет этот известен

в качестве самостоятельной былины. Включение его в былину о Соловье-разбойнике усиливает героические черты в образе Ильи Муромца.

Сюжет о Соловье-разбойнике известен также в прозаических пересказах и в многочисленных сказочных обработках. Он проник в лубок, отражен и в народных лубочных картинках. В виде сказки сюжет известен многим другим народам Советского Союза.

Варианты: Кирша Данилов, № 49 (Киреевский, I, стр. 41); Киреевский, I, стр. 25, 30, 31, 34, 40, 77; IV, стр. 1(к.); Рыбников, I, №№ 4, 61, 82; II. №№ 103, 110 (к.), 116, 127 (к.), 139 (к.), 170, 191; Гильфердинг, №№ 3, 56, 74, 104, 112, 120 (к.), 171 (к.), 210 (к.), 212, 274, I, стр. 685; Марков, №№ 1 (к.), 68, 107; Григорьев, I, №№ 38, 180 (к.); II, №№ 12, 36, 52, 73, 85; III, №№ 8, 56 (к.), 89 (к.); Ончуков, №№ 19 (к.), 53 (к.); Марков, Маслов, Богословский, I, стр. 47; Тихонравов—Миллер, №№ 1, 2, 5; Миллер, №№ 1, 2, 3 (к.), Прилож., № 2; Соколовы, стр. 306 (к., пр.); Савельев, стр. 80 (к., пр.); Живая старина, 1915, вып. III; Астахова, I, №№ 1, 28, 32, 39, 47 (пр., к.), 48, 80, 93 (пр., к.), 95, Прилож., № 1; II, №№ 122, 131, 141, 157 (к.), 165 (к.), 192, Прилож.. I, № 2, III, № 1; Леонтьев. № 1 (к.); Иван Рябинин-Андреев, стр. 116 (отр.); Парилова—Соймонов, №№ 3 (к.), 17, 31 (к.), 53, 62; Петр Рябинин-Андреев, № 2; Конашков, № 1 (к.); Крюкова, I, № 1; Соколов—Чичеров, №№ 3, 44 (пр., к.), 53 (к.), 55 (к.), 57 (пр., к.), 61, 70 (к.), 77 (к.), 96, 104, 107, 130 (к.), 169, 170 (к.), 184, 193, 196, 199, 255 (к.).

О сказочных обработках см. в комментарии к сказкам, стр. 503. Тексты из рукописных сборников XVIII—начала XIX века: Тихонравов — Миллер, стр. 1, 4, 7, 10, 11 (к.); Миллер, стр. 285; «Этнография», 1927, № 1—2; Труды ОДРЛ, IV и VI; Славянский фольклор. М., 1951, стр. 246.

4. Первая поездка Ильи Муромца в Киев. Печатается по тексту № 49 сборника Кирши Данилова. Самая ранняя запись былины в стихах, отличающаяся крайне сжатой композицией. Сближаясь рядом своих черт с краткой редакцией «себежских» рукописных пересказов XVIII века (см. стр. 512), запись эта отклоняется от них полным выключением эпизода освобождения города.

Своеобразной чертой текста является перечисление богатырей, идущих вместе с князем смотреть Соловья-разбойника. В уста богатырей вкладывается и выражение недоверия к рассказу Ильи Муромца. Изображение в конце былины испуга этих богатырей особенно выделяет подлинное богатырство Ильи Муромца: смертельно испуганными оказываются не только князь и бояре, но и все «сильные богатыри могучие». Сатирически рисуются «князи и бояра», которые так перепугались, что «на корачках по двору наползáлися». При всей краткости изложения событий в былине четко выделяется могучий облик Ильи Муромца.

Отмечена также и неподкупность Ильи (неудачная попытка жены Соловья выкупить мужа «золотой казной»).

Крестьянское происхождение Ильи Муромца не указано, но упоминается село Корочаево как родина богатыря.

5. [Первая поездка Ильи Муромца]. Печатается по сборнику Киреевского (I, стр. 34). Записано Е. Фаворским в селе Павлово Нижегородской губ. Впервые напечатано в «Прибавлениях» к «Известиям II Отделения Академии наук» (т. I, М., 1852).

Вариант замечателен включением гуманистического завета отца Ильи Муромца — старого крестьянина Ивана Тимофеевича: «Я на добрые дела тебе благословенье дам, А на худые дела благословенья нет». Завет этот как бы бросает свет на характер всей последующей деятельности Ильи Муромца — защитника народа и борца против угнетения и насилия. Наличие аналогичного мотива в некоторых рукописных пересказах XVIII века (см., например, в № 64 нашего сборника: «Не делай обиды и не проливай крови християнския напрасно») показывает, что этот мотив не был индивидуальной особенностью именно данного текста, а входил в традицию.

Очень важен также в былине патриотический мотив: наказ Ильи Муромца освобожденным царевичам, чтобы они разглашали всюду о силе Руси, в которой «есть сильны́, могу́чи бога́тыри». Хорошо передано в варианте стремление Ильи Муромца поскорей попасть в Киев (отказ идти к воеводе «хлеба-соли кушать»).

Своеобразной чертой варианта, больше нигде не встречающейся, является мотивировка убийства Ильей Муромцем детей Соловья-разбойника необходимостью искоренить весь зловредный род Соловья, «чистоту» которого поддерживал Соловей кровосмесительными браками сыновей с дочерьми.

Необычным для конца былин на данный сюжет является также поступок Алеши Поповича, бросающего в Илью Муромца нож в обиде на то, что Илья «пожал» всех князей, бояр и богатырей, чтобы сесть против князя Владимира.

В художественном отношении в варианте выделяется самое начало — образ склоняющегося перед отцом богатыря — и замечательная картина скачки Ильи Муромца. Вся эта начальная часть (кончая словами «В третий скочил — под Чернигов-град»), в которую входил и отмеченный нами завет отца, постоянно печаталась в хрестоматиях, антологиях и массовых изданиях, как одно из лучших былинных изображений отъезда Ильи Муромца из дому. Именно в этой обработке описание первого выезда Ильи Муромца и вошло в сознание многих русских людей.

6. Илья и Соловей-разбойник. Печатается по сборнику Гильфердинга (II, № 74). Записано А. Ф. Гильфердингом 8 июля 1871 года в Кижах (Заонежье) от Трофима Григорьевича Рябинина, 78 лет.

Впервые эта былина была записана от Т. Г. Рябинина в 1860 году П. Н. Рыбниковым в несколько более сжатом варианте (233 стиха) и с некоторыми, незначительными отличиями от записи А. Ф. Гильфердинга (Рыбни-

Запись из сборника Кирши Данилова.

ков, I, № 5). Былину от Т. Г. Рябинина усвоил его сын Иван Трофимович Рябинин («Этнографическое обозрение», 1894, кн. XXIII, статья «И. Т. Рябинин и его былины»), который в свою очередь передал ее пасынку Ивану Герасимовичу Рябинину-Андрееву. От последнего сохранилась лишь запись начала былины на фонограф (Иван Рябинин-Андреев, стр. 116). От сына И. Г. Рябинина-Андреева, Петра Ивановича Рябинина-Андреева, былина в редакции Трофима Рябинина была донесена с некоторыми уже изменениями до наших дней. От четвертого Рябинина произведено несколько записей ее в разное время: Соколов—Чичеров, № 96 (запись 1926 года); Астахова, II, № 131 (запись 1932 года); Петр Рябинин-Андреев, № 2 (запись 1939 года).

От Т. Г. и И. Т. Рябининых былина была усвоена некоторыми другими сказителями Заонежья.

Рябининская редакция былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» отличается большими идейно-художественными достоинствами. Запись А. Ф. Гильфердинга от Т. Г. Рябинина, публикуемая здесь, принадлежит к числу самых лучших обработок данного сюжета. Недаром этот текст вошел в былинную классику и неизменно включался во все хрестоматии и антологии как ценнейший образец эпического творчества.

Композиция былины отличается простотой, стройностью и четко выделяет героическую тему. Путем последовательного включения эпизодов, раскрывающих силу, храбрость, целеустремленность, отсутствие своекорыстных стремлений, заботу о народном благе, обрисован высокий нравственный и физический облик Ильи Муромца. Выражение недоверия к словам приехавшего богатыря вложено в уста самого князя Владимира, который оскорбляет богатыря, обвиняя его во лжи. Тем сильнее противопоставление князю и его придворным богатыря-крестьянина, «мужика-деревенщины», как называет его князь, тем эффектнее конечное торжество Ильи Муромца. Иронически представлен в конце былины князь, который от свиста Соловья «куньей шубонькой укрывается».

Большим художественным мастерством отмечены описательные образы — передача многочисленности вражеской «силы» под Черниговом (использование приема аллитерации и повторения смысловых частей слова), изображение губительной силы свиста Соловья-разбойника (картины потрясенной природы и произведенных в городе разрушений) и др. Выразительна речь Ильи Муромца, мотивирующая казнь Соловья-разбойника правильно понятыми народными интересами.

Исполнялась былина на напев № 1, на который пелись почти все былины Т. Г. Рябинина.

7. Илья Муромец (первая поездка его в Киев). Печатается по тексту № 1 сборника Гуляева, 1952. Записано С. И. Гуляевым в Барнауле от крестьянина деревни Ересной Барнаульской волости Леонтия Гавриловича Тупицына в начале 1870-х годов. Впервые напечатано у Тихонравова—Миллера (№ 1). Перепечатано М. К. Азадовским (Гуляев, 1939). Указание, помещенное перед текстом, сделано С. И. Гуляевым.

Своеобразной особенностью текста Леонтия Тупицына является необычная разработка традиционного эпизода обвинения Ильи Муромца на пиру у князя Владимира во лжи и хвастовстве. Тупицын включает мотив открытого столкновения Ильи Муромца с князем: оскорбленный боярами богатырь покидает пир. Этот мотив усиливает противопоставление могучего богатыря-крестьянина князю и боярам. Жалкую фигуру представляет князь Владимир, когда, испуганный уходом Ильи, он с чарой вина бежит за богатырем, уговаривая его: «хоть выпей», но получает заслуженную отповедь: «На приходе ты гостя не употчивал, На походе ты гостя не учествуешь». Трое суток гуляет Илья в царевом кабаке и возвращается только после особого приглашения. Резкую характеристику получают в варианте бояре — «злые бояре подмолчивые». Заключительная сцена, данная в обычном традиционном плане (Илья Муромец берет князя, чтобы оберечь его от свиста Соловья, «под пазуху», бояре, оглушенные свистом, «падают на кирпищат пол»), кладет последний штрих на противопоставление Ильи Муромца князю и его придворным.

Включение эпизода ссоры в былину о Соловье-разбойнике мы встречаем еще в одном шенкурском варианте (Киреевский, I, стр. 77), записанном в 1843 году. Но в нем ссора изображена уже после сцены со свистом Соловья-разбойника и не связана с мотивом недоверия к приехавшему богатырю. Князь Владимир укоряет Илью Муромца в том, что он, потеснив гостей на пиру, погнул все сваи железные, которые разделяли места гостей. Разгневанный Илья Муромец отказывается от угощения и начинает размахивать плеткой, приговаривая:

> На приезде гостя не употчивали,
> А на поездинах да не уче́ствовали!

Перепуганный князь прячется за печку и укрывается «собольей шубкой».

Таким образом, эпизод бунта Ильи присоединяется здесь к уже законченной былине о Соловье-разбойнике, развивая новую тему, в то время как у Тупицына он органически и очень искусно включается в композицию самого сюжета о Соловье.

Необычны и некоторые другие подробности в былине Тупицына: попытка дочери Соловья убить Илью Муромца не тяжелой подворотней, а сабелькой острой, положенной на ворота; троекратная встреча в поле с сыновьями Соловья; повторный свист Соловья, которым он хочет оглушить самого Илью Муромца; вымышленное имя, которым Илья называет себя жителям освобожденного города; наименование этого города — Кидош. Впрочем, это название встречается еще в нескольких былинах, например в том же указанном нами варианте из Шенкурска (в форме «Кидиш»).

В. Ф. Миллер предполагает, хотя и не с полной уверенностью, что Кидош — это легендарный Китеж, который подставлен в былину на место Себежа по некоторому звуковому сходству (Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 113).

8. **Первая поездка Ильи Муромца.** Печатается по тексту сборника Маркова (№ 68). Записано А. В. Марковым в 1899 году в деревне Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.

Как все былины этого сказителя, и данный вариант отличается стройной композицией, четким развитием действия, хорошим эпическим стилем. Представляет беломорский тип обработки сюжета. В варианте мы находим все основные компоненты данного сюжета в его классической форме, сближающие беломорские тексты с прионежскими. Своеобразными чертами является использование некоторых «общих мест», которые обычно в былинах на данный сюжет не встречаются: развернутое описание сборов богатыря в поездку и мотив похвальбы гостей на пиру. Обращает внимание художественное изображение того, как Илья Муромец прокладывает дорогу в непроходимых лесах и болотах.

Те же особенности находим и в другом беломорском варианте, записанном тогда же в соседней деревне — Верхняя Золотица (Марков, № 107). Некоторое отличие имеется в сцене на пиру: в тексте Г. Л. Крюкова Илью Муромца оскорбляют «бояра кособрюхие», в верхне-золотицком варианте — сам князь Владимир. В соответствии с этим у Крюкова сатирический акцент в конце делается больше на изображении бояр: сказав, что бояре от свиста Соловья «испопадали да вси ведь замертво», он презрительно добавляет: «А как тут бояришка поверили, забоéлися». Сказитель же Верхней Золотицы Ф. П. Седунов развертывает изображение испуга князя и рисует признание им своей вины перед Ильей Муромцем:

Задрожали у Владимёра ножки резвые,
Буйна голова с плеч да покатиласе;
Он падал Владимёр на сыру́ землю́,
Да подхватывал Добрынюшка за праву́ руку,
А Олешенька подхватывал за леву́ руку,
Повели-то во гридню да княженецькую.
Говорил-то Владимёр-князь тáковы речи:
— Ты прости меня, осударь Илья Муромець,
Да прости меня да в таковой вины.

9. **Илья Муромец и Соловей-разбойник.** Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 1). Записано А. М. Астаховой в 1928 году на Мезени в деревне Лебская Лешуконского района от Якова Евдокимовича Гольчикова, 61 года.

В тексте видим характерное для Мезени объединение сюжета о Соловье-разбойнике с сюжетом о нападении на Илью Муромца разбойников (Григорьев, III, №№ 8, 56, 89; см. также публикуемый в настоящем сборнике под № 64 старинный пересказ былины). В рассказе о встрече с разбойниками четко выделено в образе Ильи Муромца его пренебрежение богатством, неподкупность богатыря.

К мезенской эпической традиции принадлежит также отсутствие эпизода освобождения города (ср.: Григорьев, III, №№ 8 и 89). Впрочем, некоторые мезенские варианты знают и этот мотив (Григорьев, III, № 56).

Превосходный текст Я. Е. Гольчикова несколько обеднен в художественном отношении в самом конце, поскольку стихи заключительной сцены (154—181) были досказаны, а не спеты. Но социальное содержание этой сцены сохранено — сатирически изображены «бояре кособрюхие», которые заносчиво обвиняли богатыря-героя в пустой похвальбе, а сами обнаружили свою слабость и трусость.

10. Илья Муромец. Печатается по тексту № 70 сборника Соколова—Чичерова. Записано Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой 9 июля 1928 года в деревне Семеново на реке Шале Пудожского района от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.

Текст былины сводный, соединяет сюжет об исцелении с былиной о Соловье-разбойнике. Обработка первого сюжета (126 стихов) отличается большой полнотой: включены все основные эпизоды и мотивы былины — чудесное исцеление Ильи-сидня неведомыми странниками-стариками, получение Ильей силы через питье, уменьшение первоначально полученной силы через вторичное испитие чары воды, предсказание странников, что Илье в бою смерть не писана, выкорчевывание леса в помощь родителям, прощание с родителями и их завет не убивать без нужды и не творить насилия, выхаживание коня. При этом все эпизоды хорошо разработаны. Эта часть текста принадлежит, несомненно, к лучшим былинным обработкам сюжета об исцелении.

Начальный стих «А во славноём во ри́мыскоём царьсви» — явная оговорка сказителя (возможно, вместо «русскоём царьсви»), появившаяся под воздействием хорошо известного в Прионежье духовного стиха об Алексее, человеке божием, который (стих) обычно так начинается.

Во второй части своеобразно передан эпизод освобождения города с привлечением некоторых мотивов былины об Идолище поганом (внешний образ Удо́лища, насмешки последнего над Ильей как якобы никудышным поединщиком) и былин о единоборстве (см. комментарий к былинам «Илья Муромец и Идолище» и «Илья Муромец и Сокольник»).

Упоминания о мужичках черниговцах (стих 129) и мужичках карачаевцах (стихи 144, 205 и 206) явно исполнителем переставлены: выезжая, Илья Муромец о прямоезжей дороге должен был спрашивать у карачаевцев, после освобождения города — у черниговцев.

Рассказ о столкновении с Соловьем-разбойником и его семьей передан в наиболее распространенной версии. Сцены в палатах князя Владимира тоже в основном традиционны, но эпизод недоверия передан без той социальной остроты, которая столь характерна для многих других вариантов былины.

Но в целом текст отличается большими достоинствами — хорошим эпическим складом, ясным построением, выделением героических черт Ильи Муромца.

11—17. Илья Муромец и татарское нашествие

(Илья и Калин-царь, или Батый, Кудреванко, Скурла и т. п.; Илья Муромец, Ермак и Калин-царь; Камское побоище)

Былины о татарском нашествии, с Ильей Муромцем в качестве главного или одного из главных героев, занимают центральное место в русском героическом эпосе. Возникновение этого тематического цикла связано с реальными историческими событиями, которые отражены эпосом в широких художественных обобщениях. Начало формирования цикла относится к XIII веку, ко времени первых татарских нашествий, в дальнейшем под воздействием исторической действительности последующего времени цикл этот продолжал развиваться путем создания новых сюжетных ситуаций и путем включения в сложившиеся композиции новых эпизодов.

Былины об Илье Муромце и татарском нашествии отличаются многообразием и сложностью сюжетных разработок темы. Эти разработки можно распределить по трем основным группам, но и внутри каждой из них имеются разные версии и редакции, а также переклички с вариантами других групп.

Наиболее многочисленны и разнообразны по содержанию былины об Илье Муромце как неожиданном спасителе Киева от вторгнувшихся на Русь татарских орд (группа *А*). Обычная сюжетная ситуация этих былин такова: Калин-царь с несметной силой подступает к Киеву, требуя сдать его без боя. В Киеве между тем по разным причинам богатыри отсутствуют. Князь Владимир в полной растерянности. В этот момент и появляется неожиданный спаситель в лице Ильи Муромца. Он или один едет против Калина, или отыскивает других богатырей во главе с Самсоном Колывановичем, и те помогают Илье. Именно к этим былинам собственно и применяется наименование «Илья-Муромец и Калин-царь» (иногда с заменой Калина Кудреванкой, Баданом, Ковшеем и пр.).

Другой сюжетной разработкой (группа *Б*) являются былины, в которых рядом с Ильей Муромцем стоит богатырь-малолетка Ермак, в некоторых вариантах даже заслоняющий собой Илью Муромца («Илья Муромец, Ермак и Калин-царь»).

Третья группа (*В*) — это былины о том, как все богатыри сообща, предводительствуемые Ильей Муромцем, одолевают татарские полчища, причем выдерживают бой дважды: второй раз — с ожившей мертвой, ими уже порубленной силой («Камское побоище»).

Некоторые варианты представляют тип переходный от первой группы к былинам о Камском побоище.

В предлагаемом списке мы распределяем варианты по указанным группам. Промежуточные относим к той или иной группе по преобладанию характерных черт и отмечаем звездочкой.

А: Кирша Данилов, № 25 (Киреевский, I, стр. 70); Киреевский, IV, стр. 38; Рыбников, II, №№ 141, 205; Гильфердинг, №№ 57,

75, 170, 257 (к.), 296, 304, 320 (отр.); Марков, № 2; Григорьев, I, № 111*; II, № 55; III, № 111; Ончуков, № 2; Тихонравов—Миллер, №№ 11, 12, Приложение, стр. 274; Миллер, № 5; Гуляев, 1952, №№ 2, 3; Кривополенова, № 2* (Озаровская, стр. 28); Астахова, II, № 123, 132, см. также стр. 352; Леонтьев, № 6; Иван Рябинин-Андреев, № 1; Петр Рябинин-Андреев, № 3 (к.); Крюкова, I, №№ 2 (к.), 3; Конашков, № 3; см. также Миллер, № 6; Путилов, № 212 (отр.).

Б: Киреевский, I, стр. 58; Рыбников, I, №№ 7, 39, 74 (отр.); II, № 120; Гильфердинг, №№ 69, 92, 105, 121, 138; Тихонравов—Миллер, № 10; Астахова, II, № 100; Парилова—Соймонов, №№ 20, 32; Соколов—Чичеров, №№ 5, 38, 62, 131, 143.

В: Киреевский, IV, стр. 108; Марков, №№ 81, 94 (к.), 104 (отр.); Григорьев, II, №№ 64, 91; III, №№ 90*, 98*; Ончуков, № 26; Тихонравов—Миллер, № 8; Астахова, I, №№ 12, 33, 44, 86; Крюкова, I, № 34.

Как видно из списка, былины первой группы получили повсеместное распространение. Былины с участием Ермака являются специфической принадлежностью прионежской традиции, былины третьей группы характерны для северо-восточных районов.

Наибольшей устойчивостью отличается построение былин об Илье Муромце, Ермаке и Калине, но они менее интересны по обрисовке образа Ильи Муромца: его активная роль сводится, главным образом, к тому, что он вовремя удерживает увлекшегося боем молодого богатыря и направляет на врага других богатырей. Былины двух других групп чрезвычайно разнообразны, особенно былины первой группы. Разнообразие это обусловлено, главным образом, включением в содержание эпизода ссоры, который то дается совершенно кратко, в плане экспозиции (см., например: Гильфердинг, №№ 57, 75; наш сборник, № 13), то развертывается в подробный рассказ, что приводит к сжатию описания самого столкновения с Калином (Гильфердинг, № 257). Эпизод ссоры дается во всевозможных его версиях (см. примечания к №№ 30—34). Включение эпизодов ссоры и бунта, заточения Ильи Муромца, отъезда разгневанных богатырей и т. п. придает былинам большую социальную остроту и выделяют образ Ильи Муромца как подлинного патриота.

В былинах о Камском побоище используются иногда мотивы былин об Идолище поганом — его внешний портрет (Марков, № 94), традиционный диалог Ильи Муромца и Идолища (Марков, №№ 81, 94). Но главной особенностью этих былин является введение похвальбы двух или всех богатырей в том, что они, победив татар, справятся и с «силой нездешней». Похвальба вызывает оживание мертвых врагов, и богатыри вступают с ними во вторичный бой. В некоторых былинах изображается в результате боя гибель всех богатырей — они окáменевают (Киреевский, IV, стр. 108; Григорьев, II № 64), в других — гибель двух похваставших богатырей.

Мотив окамеиеваиия, заключения богатырей в горы — очень древний и, как показывают аналогичные предания других народов, содержит в себе идею возможности возвращения таких окаменевших богатырей. Моральная же трактовка гибели как наказания за похвальбу «присечь силу небесную» — показатель ограниченности народного сознания. В соответствии с этим похвальба обычно вкладывается в уста лишь нескольких заносчивых и хвастливых богатырей, другие богатыри их осуждают за «похвальные речи». В конечном счете погибают только эти похвастравшиеся богатыри. Остальные же во главе с Ильей Муромцем одолевают и страшную силу оживших мертвецов; в этом выразилась вера народа в свои силы, персонифицированные в образах богатырей.

В разнообразии сюжетов и вариантов видна большая творческая работа на протяжении столетий над одной из самых значительных тем исторического эпоса — темой борьбы с иноземными вторжениями.

11. Калин-царь. Печатается по тексту № 25 сборника Кирши Данилова. Самая ранняя запись былины на тему татарского нашествия. Текст принадлежит к первой из указанных в общей заметке групп, но включает своеобразные черты, возникшие под воздействием более поздних былин о Василии Игнатьеве (Пьянице) и о голях кабацких: стрельбу Василия в стан врага и убийство им одного из родственников татарского царя, требование последнего «выдать виноватого» — обычная ситуация былин о Василии Пьянице; братание Ильи Муромца с «голью кабацкою» Василием и совместное угощение в кабаке — мотив былин «Илья Муромец и голи кабацкие». Воздействие былин о Василии Пьянице находим и в одной прионежской обработке сюжета о Калине — в тексте Ф. Никитина из Выгозера (Г и л ь ф е р д и н г, № 170): когда Калин-царь осаждает Киев, «голь кабацкая», «Васильюшка упьянсливый», отыскивает в поле Илью Муромца, будит его и сообщает о случившемся; Илья Муромец едет против Калина-царя и побеждает его. Такие перенесения мотивов из былин о Василии Пьянице в былины о Калине-царе еще раз подтверждают устойчивость и популярность образа Ильи Муромца как друга голытьбы.

Текст Кирши Данилова отличается большой экспрессивностью. Картина нашествия по художественной силе — одна из лучших в эпосе. Ярко дано столкновение Ильи Муромца с Калином в его стане и бой с врагом. Выразительно «заклинание» татар, которое передает сознание русским народом своей силы, обобщенной в образе Ильи Муромца:

Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?

В тексте попадаются анахронизмы: «трубки немецкие», т. е. подзорные трубки, «кружало петровское». Упомянутая в начале былины «Могозея» — искаженная «Мангазея» — город на правом берегу Тазовской губы в Сибири.

Мангазея была хорошо известна русскому Северу, так как еще в XVII веке туда ходили промышленники с Поморья. В 1601 году был построен Мангазейский острог, служивший торговым пунктом, через который шла енисейская и ленская пушнина, вследствие чего Мангазея в первой половине XVII века именовалась «златокипящей государевой вотчиной». Отсюда вполне понятен эпитет «богатая» Могозея. Позднейшее включение в былины названий мест и народов, оставивших след в историческом развитии района, где данные былины перерабатывались, — частое явление. Добрыня Никитич борется, например, с «чукчами-алюторами», покоряет «чудь». Дюк приезжает из Карелы, из Карельской земли «подымается» иногда Калин-царь и т. д.

12. [**Илья Муромец и Батый Батыевич**]. Печатается по тексту сборника Киреевского (IV, стр. 38). Записано 5 января 1849 года в Архангельском уезде.

Текст представляет традиционную композицию тех былин о Калине-царе, в которых изображено участие богатыря Самсона с дружиной (ср. в нашем сборнике текст № 13). Замена Калина Батыем произошла, очевидно, под воздействием былин о Василии Игнатьевиче и Батыге, из которых заимствовано самое начало с именами родственников Батыги (ср., например: Рыбников, II, № 174), повторяющееся затем в содержании присланного врагом ярлыка и в сообщении князем Владимиром о случившемся пришедшему под видом калики Илье Муромцу. В дальнейшем сюжет развивается по обычной схеме былин о Калине-царе. В былине нет самого эпизода столкновения Ильи с князем, но о том, что оно было, говорят слова Ильи Муромца в ответ на мольбы князя Владимира постоять за Киев:

Уж давно нам от Киева отказано,
Отказано от Киева двенадцать лет.

Обычные слова Ильи Муромца, что он пойдет на бой с врагами «не для князя Владимира, не для ради княгини Апраксин, не для церквей и монастырей, а для бедных вдов и малых детей» вложены в данном тексте в уста самого князя Владимира, чувствующего свою вину перед Ильей и потому старающегося сделать свою просьбу наиболее убедительной. Таким образом, социальный конфликт налицо и в данной былине, хотя он и не развернут.

Выразительно переданы двукратно повторенные угрозы Батыя, интересна деталь, подчеркивающая угнетенное состояние князя Владимира — «черное платье, печальное», ярко изображено в заключительных словах посрамление наглого врага, который принужден «убраться» «с большими убытками», «со срамотою вечною».

Текст Киреевского был перенят через книгу (хрестоматию А. В. Оксенова «Народная поэзия», распространенную в начальных школах в конце XIX—начале XX века) и переработан А. М. Крюковой (Марков, № 3 — «Илья Муромец и Бадан»), а от нее усвоен дочерью Марфой Крюковой (Крюкова, I, № 2 —

«Илья Муромец и Батай»). См. об этом в книге А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948, стр. 321—324).

13. [**Илья Муромец и Калин-царь**]. Печатается по тексту № 1 сборника Ивана Рябинина-Андреева. Записано 3—4 марта 1921 года В. Н. Всеволодским-Гернгроссом в Петрограде.

Представляет классический образец разработки темы татарского нашествия в плане былин первой группы с включением эпизода ссоры и участия богатыря Самсона. Публикуемый текст восходит к былине Трофима Рябинина в записи А. Ф. Гильфердинга 1871 года (Гильфердинг, II, № 75). Все замечательные качества редакции первого Рябинина текст Рябинина-Андреева сохранил полностью. Опущена только в конце мотивировка отпуска Калина в Орду: в тексте Т. Г. Рябинина Калин обещает князю Владимиру «платить дани век и по́ веку».

В былине выпукло и ярко обрисован героический образ Ильи Муромца — защитника родной земли. Изображая несметные вражеские полчища, которым нельзя «насмотреть конца-краю», страшные угрозы врага, растерянность и беспомощность князя и бояр, былина подчеркивает, что только Илья Муромец может спасти родину от нависшей над ней опасности. Остро дан социальный конфликт: богатыри, оскорбленные заключением Ильи Муромца в погреб, уезжают из Киева, отказываясь служить князю, от которого они «ничего не предвидели» и который жалует только господ — князей-бояр. На фоне данной ситуации особенно четко выделяется благородство и великодушие Ильи Муромца, его подлинный патриотизм, а также его главенствующее положение среди других богатырей. Включение эпизода захвата Ильи Муромца в плен и попытки Калина-царя переманить могучего богатыря к себе на службу подчеркивают высокие моральные качества народного героя.

Исполнялась былина на напев № 1.

14. Илья Мурович и Калин-царь. Печатается по тексту сборника Озаровской (стр. 28). Записано в 1915 году О. Э. Озаровской от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, 82 лет.

Текст представляет промежуточный тип между обработками первой и третьей группами. С последней сближает эпизод похвальбы двух «брателков» и вторичный бой богатырей с чудесно ожившей вражеской ратью. Как в большинстве вариантов с этим мотивом, богатыри справляются и с ожившей силой, прибивая «всех до единого», погибают только сами расхваставшиеся богатыри.

Своеобразной чертой варианта является введение в былину в качестве участников битвы донских казаков, что, возможно, обусловлено известной исполнителям эпоса ролью казаков в борьбе с татарами в XVI—XVII веках.

Имя Борис-королевич нередко встречается в былинах как имя татарского посла (Григорьев, I, № 75; III, № 111), иногда как имя сына Ильи Муромца (Кирша Данилов, № 50; Марков, № 94).

При исполнении былины М. Д. Кривополенова ассоциировала изображенное в былине нашествие татар с событиями первой мировой войны. После передачи содержания вражеской грамоты, изложенного в ней требования сдать Киев «без бою, без драки, без сеченья» (стих 62), сказительница прибавила от себя: «Как нынешний ерманец» — интересный штрих, свидетельствующий о живом восприятии содержания героического эпоса.

В записи О. Э. Озаровской не отражено явление последовательного цоканья, сильно выраженное в языке М. Д. Кривополеновой (см. записи ее былин: Григорьев, I, стр. 336—391).

Исполнялась былина на напев № 5.

15. Илья Муромец и Калин. Печатается по тексту № 2 сборника Маркова. Записано А. В. Марковым 19 июня 1899 года на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Золотица от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Своеобразная обработка сюжета группы *А*. Одна из особенностей варианта — использование мотива ссоры в той его версии, когда столкновение происходит из-за шубы, подаренной Илье Муромцу князем. Бояре, завидуя Илье, клевещут на него [ср. с текстом № 257 у Гильфердинга (III), где клевещут чумаки-целовальники в отместку за захваченное Ильей вино]. Далее сюжет развертывается по традиционной композиционной схеме былин с эпизодом ссоры и с участием богатыря Самсона (ср. с текстом № 13 нашего сборника), отличаясь, однако, в подробностях разработки. Так, победу, над Калином Илья Муромец одерживает один, без участия других богатырей, которые спят в это время в шатрах, ничего «не ведают» (стихи 304—309). Нет и рассказа о подкопах и плене Ильи Муромца. Бой с ратью Калина и расправа с ним самим даются более кратко. Но значительно подробнее рассказано о возвращении Ильи Муромца в Киев. В конце дан необычный эпизод большого социального звучания: князь Владимир предлагает Илье высокое положение при своем дворе («я могу сделать тебя князём, бояриным»), богатырь отказывается от него, не желая «слушать-то бояр всё кособрюхих» и предпочитая нести воинскую, богатырскую службу («Лучше буду я ездить по цисту́ полю»).

Вообще вся былина направлена против бояр. Именно из-за них произошла ссора. Когда князь Владимир просит Илью Муромца простить его «виноватого», богатырь подчеркивает, что несправедливое дело князь сделал «не своим умом», а по наущению бояр (стихи 217—218). Каждое упоминание о боярах сопровождается эпитетом «кособрюхие» бояре.

В тексте много оригинальных деталей: сетование Добрыни, когда Илью Муромца заключают в погреб (стихи 81—82), укор богатыря князю, что тот разлучил его с конем, возвращение Воронеюшка, наименование Калина — Каином. Необычен и оригинален образ смертельной усталости Ильи Муромца после битвы (стихи 313—319). Развернуто и ярко изображено само нашествие татар (стихи 93—122).

16. Про татарское нашествие. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 12). Записано А. М. Астаховой на Мезени в деревне Усть-Низема Лешуконского района 1 июля 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет.

Текст относится к типу былин о Камском побоище (группа *В*) — собирание по всем концам земли русских богатырей, изображение общего их участия в бою, в котором главную роль играет Илья Муромец, вторичный бой с ожившей ратью. Но, совпадая с другими былинами данного типа по основным особенностям построения, вариант Антонова представляет оригинальную композицию. В былине творчески использованы мотивы, включаемые обычно в обработки других сюжетов, в соединении с оригинальными деталями, очевидно, плодом собственной фантазии сказителя.

Из былин об Идолище в данный текст перенесено гротескное изображение внешнего облика Идолища (ср.: Григорьев, III, № 51, стихи 29—31; Ончуков, № 20, стихи 19—29; настоящий сборник, №№ 19 и 20). Использование этого образа в самом начале былины сразу создает впечатление страшной угрозы для Руси готовящегося наступления. Это впечатление усилено далее изображением «набора», который производит Идолище перед наступлением, — подробность, не встречающаяся в известных нам вариантах. Далее следует традиционный образ несметной силы врага («По право́й его руки́ да сорок тысячей, По лево́й руки́ да сорок тысячей, Да позади его да чи́слу-сме́ты нет»).

В текст, как и во многие другие былины о татарском нашествии, включен эпизод ссоры, но он не развернут, нет и мотивировки заключения богатыря в погреб. Подробно здесь разработан мотив беспомощности и растерянности князя, причем эпизод упрашивания Ильи близок к разработке его в некоторых былинах о Василии Игнатьеве — троекратное забегание князя перед Ильей, униженная мольба: «Пособи-тко мне думу думати», ответ богатыря: «Ты уж думу думай не со мною, а с боярами, Со боярами да с толстобрюхими» (ср., например: Ончуков, №№ 4 и 18). Образ князя Владимира еще более снижен попыткой загладить свою вину, нанесенное богатырю оскорбление, «бочками зелена́ вина».

Картина пробуждения Ильи и высматривания им силы врага находит параллель в мезенских и печорских вариантах былины о заставе и Сокольнике (см. также: Киреевский, IV, стр. 110, былина о гибели богатырей, стихи 148—156).

Наименование предводителя татарских полчищ Идолищем довольно обычно для былин типа «Камского побоища» (см., например: Марков, №№ 81, 94). Это и способствовало перенесению в них отдельных мотивов былины об Илье Муромце и Идолище (см. указанные тексты у Маркова, а также: Григорьев, II, № 64).

Свободное творческое комбинирование различных эпических мотивов помогло создать талантливому сказителю М. Г. Антонову произведение большой впечатляющей силы. В исполнении чувствовалась глубокая заинтересованность

сказителя темой, его взволнованность, о чем свидетельствуют отчасти его реплики и ремарки. В варианте четко выделен образ Ильи Муромца, оставшегося победителем и во вторичном бою, несмотря на утроение вражеской силы. Грандиозность и трудность борьбы подчеркнута фантастическим образом Идолища о трех головах и длительностью битвы («двенадцать дён не пиваючи и не едаючи»).

Былина исполнялась на напев № 6.

17. Илья Муромец и **Кудреванко.** Печатается по сборнику Астаховой (I, № 44). Записано И. М. Левиной на Мезени, в деревне Большие Нисогоры Лешуконского района 18 июля 1928 года от Александра Ивановича Палкина, 75 лет.

Текст представляет собой обработку сюжета «Камское побоище». В основном характерен для мезенской традиции (ср. с вариантом № 111 у Григорьева — т. III, из Малых Нисогор), но имеет ряд своеобразных черт. Отличается большими художественными достоинствами. Ярко переданы само нашествие и приезд посла с грамотой к князю Владимиру. Особо подчеркнута растерянность князя: он готов «отступиться» от Киева и бежать в горы. Уговоры княгини Апраксии («пошто же нам с тобой бежать до делышка») и встреча на улице князя с Ильей, возвращающимися с поля, где он разведывал силу врага, необычны. Последний эпизод хорошо оттеняет заботу богатыря о родной земле: сообщение князя о нашествии не является для Ильи неожиданностью — он уже «высмотрел» «силу» Кудреванкову.

Образ Ильи Муромца как героя-спасителя родины дан очень четко и выпукло. Показана его активная и первенствующая роль в обороне (распоряжения Ильи Муромца богатырям), его беспокойство за исход сражения (см. мотивировку традиционного раннего пробуждения Ильи — «зазнобушка была на́ сердци́»). Героические черты Ильи Муромца своеобразно выделяются проходящим через всю былину подчеркиванием старости богатыря: «старый старенькой», «да в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти».

Подобно тексту № 16, и данный текст оканчивается изображением полной победы богатырей во вторичном бою с ратью оживших мертвецов. Мотив поглощения вражеской крови расступившейся землей встречается в прионежских былинах о бое Добрыни Никитича со Змеем (см., например: Гильфердинг, I, № 5; II, № 148).

Имя предводителя татар — Кудреванко обычно в северо-восточной традиции рядом с Калином и Идолищем, оно могло быть перенесено из духовного стиха о Егории храбром, где мучитель Егория иногда называется Кудрианищем.

18—21. Илья Муромец и Идолище

Былины на данный сюжет принадлежат к основному ядру героического цикла о борьбе с иноземными насильниками. Пафос их — в изображении освободительной миссии Ильи Муромца.

В происхождении этих былин много неясного, главным образом в их генетическом соотношении с почти тождественными по сюжету былинами об Алеше Поповиче и Тугарине, а также со «Сказанием о киевских богатырях, как ходили во Царьград...», известным в списках XVII—XVIII веков и отмеченным одновременно как былинными чертами, так и следами книжной обработки. См. различные, порой совершенно противоположные решения этих вопросов у А. Н. Веселовского (Южнорусские былины. СПб., 1881, X, стр 341—380), Вс. Миллера (Очерки, II, стр. 87—168), Б. М. Соколова (Былины об Идолище Поганом. «Журн. Министерства народного просвещения», 1916, № 5), А. В. Позднеева (Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941). Наиболее вероятной нам представляется гипотеза Вс. Миллера о том, что более ранним сюжетом явился сюжет «Алеша Попович и Тугарин», который сложился на основе преданий о борьбе с кочевниками дотатарского периода (конкретно с половецким ханом конца XI века Тугор-ханом) и был приурочен затем, когда образовывался эпический цикл об Илье Муромце, к имени этого богатыря, ставшего самым популярным.

Но если вопросы генезиса сюжета еще окончательно не разрешены, то идейно-художественный смысл былин, их общая направленность совершенно ясны. В Идолище (как и в Тугарине) дан обобщенный образ врага-насильника, бесчинствующего в захваченном им городе. Сюжет известен в двух версиях: в одних былинах изображается, что Идолище насильничает в Киеве, в других место действия — Царьград, и унижение терпит не князь Владимир, как в былинах первой версии, а царь Константин Боголюбов. В первом случае Илья Муромец является в обычной своей роли защитника и спасителя родины от иноземных захватчиков, во втором — он совершает свой подвиг как враг всякого зла и насилия в защиту соседнего и дружественного народа, попавшего в беду (в былинах этой версии могли сказаться отзвуки борьбы Византии и южных славян против турок). В этом отношении характерен укор Ильи Муромца калике — сильному, могучему Иванищу, от которого он и узнает, что Царьград «одолели есть поганыи татарева»: «Силы о тебя есте с два меня... Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина Боголюбова?» (см. в настоящем сборнике текст № 19). Ясен смысл этого укора: если у тебя есть возможность защитить подвергшихся насилию, твой долг сделать это.

Основная сюжетная схема всех былин об Илье Муромце и Идолище, независимо от характера версии, в основном устойчива: встреча с каликой, который и сообщает о бесчинствах Идолища в Киеве или Царьграде; мена с каликой платьями и приход Ильи в палаты князя или царя в обличье калики; гротескное изображение чудовищного вида врага («голова, как котел, глаза, как пивные чаши», и т. д.); расспросы Идолища о том, каков богатырь Илья Муромец; насмешки Ильи над прожорливостью Идолища, бросание в Илью кинжалом или ножом и расправа богатыря с врагом. Разные варианты отличаются друг от

друга большей или меньшей степенью разработанности этих основных компонентов и некоторыми отдельными деталями. Сюжет встречается в виде самостоятельной былины (главным образом в Прионежье) и в соединении с другими сюжетами, чаще всего со следующими: о голях, о ссоре с князем Владимиром и о встрече со Святогором. Такие соединения обычны в северо-восточной традиции — в пинежских, мезенских, печорских и золотицких вариантах. Следует обратить внимание также на соединение сюжета с былиной о Соловье-разбойнике в рукописных вариантах XVIII века. Чудовищный образ Идолища и эпизод столкновения с ним Ильи Муромца находим (но в менее разработанном виде, чем в устных вариантах) в текстах «Сказания о киевских богатырях...» (см.: Тихонравов—Миллер, стр. 49—50; Миллер, стр. 281).

Варианты: Киреевский, I, стр. XXI (пр.), XXXIV (пр.); IV, стр. 18, 22; Рыбников, I, №№ 6, 24, 62, 87 (пр.); II, №№ 118, 140; Гильфердинг, №№ 4, 22, 48, 63 (к.), 120 (к.), 144, 178, 186, 196, 218 (к.), 232 (к.), 245; Марков, №№ 43, 44 (к.), 69 (к.), 92 (пр.); Григорьев, I, №№ 90, 112, 138 (к.); III, №№ 19, 45 (к.), 51 (к.), 114 (к.); Ончуков, № 20 (к.); Тихонравов—Миллер, стр. 22; №№ 7 (к.), 13; Миллер, №№ 3 (к.), 4, Прилож., № 9; Кривополенова, № 3 (Озаровская, стр. 36); «Этнография», 1927, 2, стр. 313 (пр.); Астахова, I, №№ 5 (пр.), 47 (пр.), 78, Прилож. № 2; II, № 124, стр. 350—351; Леонтьев, № 2; Парилова—Соймонов, №№ 18, 32; Конашков, № 2; Крюкова, I, № 7; Соколов—Чичеров, №№ 6, 44 (пр., к.), 53 (к.), 77 (к.), 238, 248 (к.), 255 (к.), 269 (пр., к.).

18. Илья Муромец и Идолище. Печатается по сборнику Рыбникова (I, № 6). Текст записан в 1860 году в селе Кижи Петрозаводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина, 67 лет. А. Ф. Гильфердингом эта былина от Т. Г. Рябинина записана не была.

Принадлежит к той группе былин на данный сюжет, в которых действие происходит в Киеве. Несмотря на свою краткость, текст содержит все основные традиционные эпизоды, но они не развернуты. В частности, отсутствует гротескное изображение Идолища. Столкновение с ним Ильи происходит не на пиру у князя Владимира, а в палатах на княженецком дворе, куда вселилось Идолище. Достоинства варианта в его простоте и выразительности.

19. Илья Муромец и Идолище. Печатается по сборнику Гильфердинга (I, № 48). Записано 26 июля 1871 года от крестьянина деревни Бураковой Пудожского уезда, Никифора Прохорова, 51 года.

Представляет иную, чем текст № 18, версию сюжета — действие отнесено в Царьград. В противоположность рябининскому тексту все эпизоды обстоятельно разработаны. Три раза повторяется гротескное изображение Идолища, два раза говорится о разгроме, произведенном им в Царьграде, ярко выделены прожорливость Идолища и его сила: брошенный им нож с такой силой выбивает дверь,

что та перебивает находящихся в сенях татар. Все это создает образ страшного и отвратительного врага и тем самым еще более выделяет подвиг Ильи Муромца.

В былину искусно включен мотив обличения князя Владимира, который не ценит и не бережет своих богатырей, верно ему служащих. Это сильнее подчеркивает патриотизм Ильи: несмотря на свою обиду, Илья Муромец не остается в Царьграде и возвращается в Киев. Поэтому упоминание «Русии» в наказе Ильи Муромца Иванищу («Впредь ты так да больше не делай-ко, А выручай-ко ты Русию от поганых») возможно рассматривать не как случайную подстановку слова Руси в памяти певца по смешению двух версий сюжета (как это предполагал А. Н. Веселовский; см.: Южнорусские былины. СПб., 1881, I, стр. 58), а как заключительный штрих в обрисовке патриотического образа Ильи Муромца: возвращаясь в Киев, он думает об опасности татарского вторжения и на Русь и о богатырском долге защищать ее.

В советское время былина в редакции Н. Прохорова была записана от одного из учеников его, хорошего сказителя Пудожского района И. Т. Фофанова (см. сборник Париловой—Соймонова, № 18), который, помимо значительных сокращений (на 90 стихов), произвел еще характерное изменение: перенес действие в Киев, к князю Владимиру.

20. Илья Мурович и чудище. Печатается по тексту сборника Озаровской (стр. 36). Записано О. Э. Озаровской в 1915 году от пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой.

Как и текст Н. Прохорова (см. № 19), относится к версии с Царьградом, но имеет свои характерные особенности: о беде, которая случилась в Царьграде, Илья Муромец узнает еще в Киеве («Перепахнула вестка... во тот же как ведь Киёв-град») и спешит на выручку князя «Костянтина Атаульевича», захваченного в плен и скованного «железами немецкима»; от калики о чудище в Царьграде Илья, таким образом, узнает по дороге уже вторично; чудище не только смеется над предполагаемым бессилием Ильи Муромца, но и угрожает вторжением в Киев и расправой с Ильей Муромцем; после убийства чудища Илью схватывают враги и заковывают в «жалеза», но богатырь ломает их и рвет путы, перебивает всю «силу» и освобождает царя с княгиней.

Таким образом, текст очень своеобразен, он значительно отступает от традиционной схемы, представленной прионежскими вариантами. Он очень выразителен: ярко даны героический образ Ильи Муромца и отвратительный, страшный и вместе с тем смешной образ самонадеянного чудища.

Как и в тексте № 14, в данном тексте не отражено последовательное цоканье — характерная черта речи М. Д. Кривополеновой (см. записи ее былин 1899 года: Григорьев, I, стр. 336—391).

Былина исполнялась на напев № 8.

21. Илья Муромец в изгнании и Идолище. Печатается по тексту № 43 сборника Маркова. Записано в июле 1899 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

Вариант объединяет тему о борьбе с Идолищем с темой ссоры, причем очень своеобразно: по доносу «бояр кособрюхих» князь Владимир изгоняет Илью Муромца из Киева, и богатырь уезжает на родину, в село Качарово к родителям; именно этим изгнанием, вестью о том, что нет в живых Ильи Муромца, и вызвано нашествие Идолища.

Рассказ о нашествии развернут в плане былин о Калине-царе: Идолище шлет к князю Владимиру посла с требованием сдать Киев и самому «выбираться» из палат. Далее опять введены оригинальные мотивы: князь Владимир беспрекословно выполняет требование, выбирается из палат на кухню и стряпает на Идолище; Илью Муромца же в это время терзают недобрые предчувствия, он покидает родителей и едет в Киев. В дальнейшем повествовании очень ярко выделен мотив унижения князя: когда в пришедшем калике князь Владимир узнает Илью Муромца, он падает ему в ноги и просит прощения; Илья Муромец обещает выручить его из неволи.

В традиционный диалог Ильи Муромца с Идолищем тоже внесена своеобразная деталь: мнимый калика сообщает Идолищу «весть нерадосьню» — о том, что Илья Муромец «живёхонёк» и «здорове́шенёк», он «полякует» в чистом поле, назавтра собирается приехать в Киев-град. Это сообщение и вызывает вопрос Идолища, каков Илья Муромец.

Заканчивается былина традиционно: Илья убивает Идолища шляпой калики, а затем рубит «силу татарскую». И опять новая деталь: князь Владимир собирает «почестен пир» специально для Ильи Муромца.

Таким образом, текст отличается стройной композицией, логически развивающей действие, и оригинальными деталями. А. М. Крюкова, по ее словам, усвоила эту былину от своего свекра Василия Леонтьевича Крюкова, который, как и его брат Гаврила, были одними из лучших сказителей Зимней Золотицы в конце XIX века и в 1900-е годы. В аналогичной редакции былина больше собирателю не встретилась. Вариант, записанный от Гаврилы Леонтьевича (Марков, № 69), дает пример другой контаминации: соединяет сюжет об Идолище с былиной о нападении на Илью Муромца разбойников, столкновение же с Идолищем переносит в город Любов к Любову-царю (от испорченного «Боголюбова»). Так, в одной семье сказителей были известны обе версии былины.

22—28. Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвальщик

Данные тексты представляют разработку темы о бое Ильи Муромца с иноземным богатырем, похваляющимся захватить и разорить Киев. Эти былины входят в основное ядро героического эпоса. Они получили широкое распространение во всех районах бытования былин.

Кирша Данилов, № 50 (к.), (Киреевский, I, стр. 11); Киреевский, I, стр. 7. 46, 52; IV, стр. 6, 12; Рыбников, I, 80; II, №№ 117, 177:

Гильфердинг, №№ 46, 77, 114, 219, 226, 246, 265 (к.); «Саратовский сборник», т. I, 1881, стр. 120 (отр.); Марков, №№ 4, 70, 94 (к.), 98; Григорьев, I, №№ 2, 5, 8, 26, 129 (к.); II, №№ 76, 87; III, №№ 4, 16, 32, 42, 60, 64, 85, 88, 92, 113; Ончуков, №№ 1, 6; Марков, Маслов, Богословский, II, стр. 45; Тихонравов—Миллер, №№ 14, 31 (к.); «Живая старина», 1906, I, отд. II, № 5; Миллер, Прилож., № 10; Панкратов, стр. 6; «Этнографическое обозрение», 1915, № 1—2, стр. 102; Гуляев, 1952, № 7, 8; Астахова, I, №№ 2, 11, 20, 40, 57, 70, 79, 87; II, стр. 357, 399, 674; Соколов—Чичеров, №№ 4, 175, 247; Иван Рябинин-Андреев, № 3; Леонтьев, № 3; Парилова—Соймонов, № 19; Крюкова, I, №№ 10, 14; II, № 63.

Былины сложились на основе исторического военного быта древней Руси. Они сохранили воспоминания о борьбе со «степью», о встречах с чужеземными богатырями-врагами «в поле», о фактах единоборства, о русских сторожевых постах.

Большинство вариантов тему единоборства с богатырем-нахвальщиком разрабатывает как повествование о бое отца с неузнанным сыном — древний сюжет, известный эпосам многих других народов (иранским — «Шах-намэ», германским — «Песни о Гильдебранте», эстонским — «Кивви-аль» и др.). Приурочение сюжета к Илье Муромцу дало возможность показать глубокий патриотизм народного героя еще с одной стороны: Илья беспощаден к врагам родины и убивает своего сына, когда убеждается в неискоренимости в нем злого начала, в том, что он опасен для родной земли. Эту идею эпоса хорошо выразила в наше время Марфа Крюкова, передавая размышления Ильи Муромца над мертвым Подсокольником. Илье жаль сына, но он считает, что должен был его уничтожить —

Нет бы сам ты многих убил бы всё,
Ты разрушил [бы], знаю, славный Киев-град.

(«Советский фольклор», № 6, М.-Л., 1939, стр. 180).

Некоторые былины эпизоду встречи Ильи Муромца с сыном предпосылают рассказ о матери чужеземного богатыря, о его рождении и детстве (см. кулойские и мезенские варианты). Варианты, в которых отсутствуют покушение на жизнь отца и убийство сына, очень редки (см.: Гуляев, 1952, №№ 7, 8; Григорьев, III, № 88; в последнем говорится, что Илья Муромец после узнавания сына везет его в Киев к князю Владимиру).

Значительно меньше записано былин на тему о бое Ильи Муромца с иноземным богатырем-нахвальщиком, в которых отсутствует мотив узнавания сына (см. образцы таких обработок в нашем сборнике, № 22, и у Маркова, № 98). Вероятнее всего, что эти былины — не позднейшая переработка сюжета о бое Ильи Муромца и сына, с выпадением мотива узнавания, а параллельно складывавшиеся былины на основе той же исторической обстановки.

Вследствие широкого распространения былин о встрече с чужеземцем во многих районах, сложились различные композиционные типы обработок, разнообразные вариации отдельных эпизодов. По особенностям построения можно отметить две основные группы: 1) с развернутым описанием заставы и особой композицией выезда Ильи Муромца (предварительный отвод одних богатырей и безрезультатный выезд других) и 2) без описания заставы, с изображением действий одного Ильи Муромца, просто встречающегося с врагом в поле. Первый тип преобладает в северо-восточной традиции (мезенские, беломорские, печорские варианты), к которой отчасти примыкают и кенозерские обработки, второй — в Прионежье. В северо-восточных былинах подробнее изображены и охотничьи атрибуты чужеземного богатыря (ловчие звери и птицы), в соответствии с чем его постоянное имя — Сокольник или Подсокольник. В прионежских, западносибирских и в былинах из других районов имена разнообразны (Збут, Бориско, Михайло, Василий, Кузьма Семерцянинов, рядом с Сокольником и Соло́вником — измененное Сокольник). Выделяется уникальная былина в репертуаре сказителей Рябининых, в которой изображена встреча Ильи Муромца не с сыном, а с дочерью.

В былинах с описанием заставы даются обычно характеристики охраняющих Киев богатырей, иногда по их личным свойствам (Самсон Колыбанов — «роду-то сонливого», Мишка Торопанишка — «роду торопливого» и т. п.; см., например: Ончуков, стр. 8), иногда с определенным социальным содержанием (см. наш сборник, №№ 22 и 24). Неприступная застава богатырская, от которой «ни конному, ни пешому проходу нет», «ни ясному-ту соколу проле́ту нет» (Марков, стр. 502) — один из самых замечательных образов героического эпоса, ярко выделяющий идею богатырского долга, обороны родной земли. Некоторые сказители особенно любовно развивают этот патриотический образ. Таково, например, замечательное, живописное и величавое начало былины о Подсокольнике М. Г. Антонова (Астахова, I, № 11), в котором идея «заставы» искусно выделена эпическим повторением:

На гора́х ли гора́х ли да на укатистых,
На крутых горах да на желты́х песка́х,
Да там стоял шатер нов белополо́тняной,
Да как во том шатре новом белополо́тняном
Тут стояли могуции богатыри́,
Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской.

22. [Илья Муромец на заставе богатырской]. Печатается по сборнику Киреевского (I, стр. 46). Записано Кузмищевым в Шенкурском уезде Архангельской губ. и доставлено П. В. Киреевскому от М. П. Погодина.

Данный текст может рассматриваться как образец разработки темы единоборства Ильи Муромца с богатырем-нахвальщиком без привнесения в него мотива встречи с незнаемым сыном. Былина замечательна острой социальной характеристикой богатырей на заставе как представителей различных общественных слоев и сословий. На фоне сатирической характеристики бояр, попов и «долгополых» (подразумеваются подьячие) четко выделяется образ Ильи Муромца, единственно безупречного из всех богатырей. Ему уступает в силе и храбрости даже Добрыня Никитич. Испуг Добрыни дан здесь не для снижения образа самого Добрыни, а именно для выделения особо высоких богатырских качеств Ильи Муромца: в таком чрезвычайно трудном и опасном деле, как предстоящий бой с нахвальщиком, может успеть только Илья. «Больше некем заменитися, Видно ехать атаману самому!» — говорит сам Илья после возвращения Добрыни. Трудность совершенного подвига подчеркивается и последними словами Ильи Муромца:

Ездил во́ поле тридцать лет, —
Экого чуда не нае́зживал!

Характерна и такая деталь, отмечающая отличие Добрыни от Ильи: Добрыня высматривает чужеземца «из трубочки серебряной», Илья Муромец — «из кулака молодецкого».

Интересен мотив получения силы от земли: «Лежучи́ у Ильи втрое силы при́было» (тема Антея).

Былина замечательна также картиной самого боя, сохранившей типические черты воинских схваток эпохи феодализма.

23. Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем. Печатается по тексту сборника Григорьева [III, № 64 (368)]. Записано А. Д. Григорьевым в 1901 году на Мезени, в деревне Кильца от Ивана Алексеевича Чупова, в возрасте около 30 лет.

Текст принадлежит к той группе северо-восточных вариантов, которые начинаются с рассказа о рождении Сокольника (Подсокольника). Некоторые варианты включают еще насмешки детей над происхождением Сокольника (см., например: Григорьев, III, № 88), что и мотивирует его отъезд (хочет разыскать отца), а также вводят изображение богатырской силы молодого Сокольника, которое дается в традиционном эпическом плане («кого возьмет за руку — руку выдернет, кого ухватит за ногу — ногу выставит»; например: Григорьев, III, № 42). Таким образом, эти варианты переносят до известной степени внимание с Ильи Муромца на Сокольника. В нашем варианте нет этих подробностей, предыстория дана кратко, и внимание сосредоточено на основной части произведения — на встрече Сокольника с Ильей Муромцем.

Более сокращенно, чем в некоторых других вариантах (см. предыдущий текст), дается и эпизод выбора богатыря для поездки вдогонку за чужеземцем. Богатыри на заставе характеризуются по их личным качествам. Разработка

встречи, боя и развязки — традиционна. Вариант — хороший образец мезенской традиции.

24. Бой Ильи Муромца с сыном. Печатается по тексту № 4 сборника Маркова. Записано А. В. Марковым на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Зимняя Золотица в июне 1899 года от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.

По словам сказительницы, она усвоила эту былину от своего дяди Ефима еще в ранней молодости на своей родине, в деревне Чаваньга на Терском берегу Белого моря. Действительно, текст отмечен некоторыми своеобразными чертами, которые отличают его от беломорских обработок.

Начальная часть былины традиционна: изображение богатырской заставы, обсуждение вопроса, кого послать за проехавшим богатырем, социальная характеристика богатырей (вводится еще богатырь Ванька, «енеральской сын», «енеральцкого роду, нежного»), поездка Добрыни, его испуг и возвращение. Но встреча Ильи с богатырем, бой и развязка разработаны по-иному. В эпизоде встречи использованы мотивы, встречающиеся в обработках других сюжетов о встрече с неизвестным богатырем или богатыркой (Ильи Муромца со Святогором, Добрыни с поленицей Настасьей Микуличной; см., например: Гильфердинг, II, № 148, конечная часть былины); отсутствует временное поражение Ильи Муромца из-за несчастной случайности — бой сразу кончается победой Ильи. Но особенно важны изменения, внесенные в конец былины: после покушения сына на убийство Ильи Муромца, последний не убивает его, а лишь хватает за кудри и подбрасывает вверх, а затем привязывает к коню и отпускает «во свое место» с наказом: «Щёбы не ездил к нам больше во чисто́ полё». И только после того как Подсокольник снова нападает на Русь и захватывает русские корабли, Илья убивает его. Такой конец былины ярко рисует образ Ильи Муромца и раскрывает идею произведения: Илья щадит молодого богатыря, прощая покушение на лично его, Ильи, жизнь; он уверен, что Подсокольник получил хороший урок. Но когда Илья Муромец узнает о враждебных действиях Подсокольника против родины, он уничтожает его.

25. Недалеко от Киева. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 87). Записано А. М. Астаховой на Печоре в деревне Климовка Усть-Цилемского района 21 июля 1899 г. от Николая Самсоновича Торопова, 79 лет, и Михаила Алексеевича Поздеева, 33 лет.

Текст представляет типичную печорскую редакцию сюжета (Ончуков, №№ 1, 6; Астахова, I, №№ 57, 70, 79), которая отмечена и записями с верховьев Мезени (см. мезенские варианты этой былины в сборнике Астаховой, I). Былина начинается с картины заставы и перечисления богатырей, обороняющих Киев; подробно рассказывается о том, как встает ото сна, умывается и одевается Илья Муромец; дается образ Сокольника с его охотничьими атрибутами, он пишет «скорограмотку» с угрозами; в догонку посылается Добрыня после отвода некоторых других богатырей. Своеобразный эпизод пред-

ставляет сцена унизительного избиения Добрыни, аналогичная расправе с Алешей Поповичем калик в былине о сорока каликах (см., например: Гильфердинг, II, № 96; Астахова, I, № 4, и др.), где обращение калик с Алешей мотивируется грубостью самого богатыря. Вероятно, указанная сцена и перенесена из данной былины в связи с тем, что и «вежливый» Добрыня вынужден был «ругаться», так как приезжий богатырь не хотел останавливаться.

Вариант Н. С. Торопова отличается полнотой и стройностью при сравнительной своей краткости; ср. с тоже очень хорошим текстом Ф. Е. Чуркиной (Ончуков, № 1), к которому он очень близок.

26. Илья Муромец и дочь его. Печатается по сборнику Гильфердинга (II, № 77). Записано А. Ф. Гильфердингом 6 июля 1871 года в селе Кижи Петрозаводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина.

Уникальная былина Рябининых, являющаяся вариантом героической былины о единоборстве Ильи Муромца с неузнанным сыном. Вместо сына здесь фигурирует дочь-богатырка, но композиция сюжета обычная; примыкает к той прионежской редакции, где вводится мотив заставы, но не развернута характеристика богатырей. Отдельные эпизоды в варианте Рябинина разработаны подробно, стройно, ярко, отмечены большим художественным мастерством. Великолепно развернута картина единоборства, что в особенности характерно для Трофима Рябинина с его преимущественным интересом к героическим мотивам эпоса.

Былина о встрече Ильи Муромца с дочерью от Трофима Рябинина была записана дважды: кроме Гильфердинга, в 60-х годах — П. Н. Рыбниковым (I, № 5). От сына Т. Г. Рябинина — Ивана Трофимовича — записи былины нет, но в списке Евг. Ляцкого былин, известных И. Т. Рябинину, эта былина указана («Этнографическое обозрение», кн. XXIII, М., 1894, стр. 135). В 1921 году былина была вновь записана от пасынка Ивана Трофимовича — Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева — В. Н. Всеволодским-Гернгроссом. К сожалению, сохранилась лишь вторая часть записи, которая и опубликована в сборнике «Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева» (Петрозаводск, 1948, № 3). Сохранившаяся часть показывает близость к тексту первого Рябинина в записи П. Н. Рыбникова (Иван Трофимович большинство былин отца перенял в их более ранних редакциях). Четвертый Рябинин — Петр Иванович — этой былины не знал.

Сюжет о встрече Ильи Муромца в поле с дочерью имеется и в записи от Марфы Крюковой (т. II, № 63), которая усвоила его из публикаций былин Т. Г. Рябинина и развернула в обширное повествование (1088 стихов), усложнив многими добавочными, лично ею придуманными эпизодами.

Былина исполнялась на напев № 1.

27. [Илья Муромец и татáрченок]. Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 3). Записано в селе Языково Симбирского уезда.

Очевидно, былина представляет собой позднее и местное образование самостоятельной песни на основе мотивов былин о единоборстве Ильи Муромца

с чужеземным богатырем-врагом. Былина известна только в трех вариантах из села Языкова (кроме публикуемого, см.: Киреевский, I, стр. 1 и 4).

Сюжет о тата́рченке во всех вариантах передан почти одинаково, отличие их друг от друга — в разном присоединении к основной части других эпизодов. В первом из дополнительно указанных вариантов столкновению с тата́рченком предшествует рассказ об исцелении Ильи Муромца, а в конце былины упоминаются три дороги, по которым Илье придется ехать. В нашем варианте рассказ об исцелении заменен кратким указанием на пребывание Ильи Муромца в сиднях в течение тридцати трех лет. В третьем варианте (Киреевский, I, стр. 4) сюжет о тата́рченке предваряется эпизодом встречи Ильи Муромца в поле с «разъездной походной» красной девицей, бежавшей от преследований «насмешника-пересмешника» Олеши Поповича — эпизод, больше нигде не встречающийся.

Во всех трех вариантах ясны реминисценции былин о столкновении Ильи с сыном: попытка тата́рченка убить Илью Муромца во время сна в шатре, причем он попадает стрелой в коня или в золотой крест на груди, от чего Илья и просыпается; в тексте у Киреевского на стр. 1 есть и упоминание о матери тата́рченка как о «куме» Ильи Муромца.

Публикуемый вариант, наиболее целостный и завершенный из всех, выделяется еще гиперболизированным образом подло напавшего на Илью Муромца врага, что усиливает героический пафос произведения.

Обращает внимание запев, назначение которого — направить внимание слушателя на основную тему и на героя предстоящего повествования.

28. Илья Муромец и богатырь турок. Печатается по сборнику Гуляева, 1952 (№ 4). Записано от барнаульского мещанина И. М. Калистратова в селе Калистратиха Барнаульского округа. Впервые былина опубликована С. И. Гуляевым в «Библиотеке для чтения» (1848, т. 20, отд. III, стр. 107—108) и вторично — в «Известиях Академии наук» (II, 1853, Прибавления, стр. 153); перепечатана у Киреевского (I, стр. 93). Публикация по рукописи Архива Академии наук СССР в Ленинграде: Гуляев, 1939, № 11.

Былина известна в единичной записи с Алтая. Время и место возникновения не установлены. Вопрос заключается в том, произошла ли в былине позднейшая замена обычных врагов-татар турками вследствие бытования былин в казачьей среде, как об этом думал М. К. Азадовский (Гуляев, 1939, стр. 167), или былина возникла уже в более позднее время, когда впечатления от событий борьбы с турками на южных окраинах государства дали материал для ряда новых песенных сюжетов, которые порой приурочивались к популярным героям старого эпоса (см., например, песни о Соколе-корабле). Упоминание о Царь-граде в связи с турками делает вероятным это второе предположение.

29. Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Одна из поздних былин, возникшая в результате стремления показать, как произошло начальное сближение двух самых популярных в русском эпосе бога-

тырей, постоянно изображаемых крестовыми братьями. По былине Илья Муромец и Добрыня Никитич встречаются в поле, борются друг с другом, Илья одолевает Добрыню и затем они братаются. Некоторые варианты кончаются совместной поездкой богатырей в Киев, к князю Владимиру.

Сюжет известен в записях конца XIX—начала XX века всего из нескольких северных районов, близко связанных друг с другом — с Пинеги, Кулоя, Мезени и Зимнего берега: Марков, №№ 46, 71, 108; Григорьев, I, №№ 113, 129 (к.), 186; II, №№ 1 (к.), 23, 42, 54; III, №№ 47 (к.), 87; Марков, Маслов, Богословский, I, стр. 53; Тихонравов—Миллер, № 15; Кривополенова, № 4; Астахова, I, № 26; Крюкова, I, № 17.

Один краткий вариант, записанный в Московской области (Миллер, № 20), занесен был в нее с Севера.

Такое узко ограниченное распространение былины заставляет предполагать позднее ее возникновение (вероятнее всего — в XVIII веке) в пределах какого-либо из означенных районов.

Былина сложилась на основе героических мотивов старших песен о единоборстве. Это привело в некоторых вариантах к реминисценциям былины о бое Ильи Муромца с сыном (см., например: Григорьев, I, № 113, II, №№ 1, 54) вплоть до повторения конечного эпизода покушения Добрыни на убийство Ильи (вариант М. Д. Кривополеновой: Григорьев, I, № 113; Озаровская, стр. 42; Кривополенова, № 4).

Публикуемый текст взят из сборника: Марков, Маслов, Богословский, I, № 11. Записано А. В. Марковым летом 1901 года в деревне Верхняя Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Федора Тимофеевича Пономарева, 72—73 лет.

Зимнезолотицкие варианты являются лучшими обработками данного сюжета. В них старый эпический материал, на основе которого возник сюжет, использован довольно искусно; образы старого и молодого богатырей выдержаны; смешения с былиной о бое Ильи Муромца с сыном, как это мы видим в пинежских и кулойских вариантах (см. общую заметку о сюжете), не наблюдается. Публикуемый вариант — типичный образец такой обработки.

Характерной чертой золотицких вариантов, в том числе и данного, является создание образа матери, обеспокоенной исходом встречи молодого и «зашибчивого» в речах богатыря с опытным старым воином, — тенденция к психологизации образов вообще типична для золотицкой былинной традиции.

Вариант заканчивается тем, что Илья Муромец просит мать Добрыни отпустить его к князю Владимиру, и оба богатыря уезжают в Киев. А. М. Крюкова, от которой тоже была записана эта былина (Марков, № 46), развивает этот мотив, развертывая эпизод приезда. Перечисляются богатыри, с которыми знакомятся Илья и Добрыня, и былина завершается характерным для героического эпоса патриотическим мотивом: все богатыри «записались... в заповедь великую» — стоять «що за землю-ту нам щобы Святоруськую».

30—34. Бунт Ильи Муромца против князя Владимира

Тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром и бунта богатыря против князя проходит, в различных вариациях, через целый ряд былин героического цикла. Она сообщает этим былинам большую социальную остроту и еще более выпукло обрисовывает благородный облик богатыря-патриота. Обойденный и оскорбленный князем, несправедливо заточенный им в погреб, Илья Муромец в минуту грозной опасности, нависшей над родиной, забывает свои обиды и идет спасать Киев — такова обычная ситуация, разрабатываемая в былине о татарском нашествии и в некоторых вариантах былины «Илья Муромец и Идолище».

Отдельных самостоятельных былин на тему ссоры немного. Они группируются вокруг двух различных разработок темы: 1) о неузнанном на пиру Илье Муромце, которого оскорбляют князь и бояре, и 2) о собственном пире, который обиженный князем богатырь задает городской голытьбе — «голям кабацким».

Время возникновения первого из названных сюжетов трудно определить: мотив столкновения богатыря с князем и его придворными мог включаться в разных видах и в былины киевского цикла еще в период феодальной раздробленности, развиваясь и усиливаясь вместе с ростом классовых противоречий, в особенности, когда окончательно определяется облик Ильи Муромца как богатыря-крестьянина. В это же время могла оформиться и самостоятельная былина о Никите Залешанине (или Шалталовиче), под именем которого Илья Муромец приходит на пир к князю Владимиру, где его «не учествуют» и оскорбляют присутствующие на пиру.

Второй сюжет, рисующий открытый бунт Ильи Муромца против князя и его дружбу с «голями», оформлен был, очевидно, под влиянием социальных настроений XVII века — эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов.

Имеется в эпосе еще третья версия темы ссоры, тоже получившая довольно широкое распространение, — это рассказ о заточении Ильи Муромца по клеветническому доносу бояр или целовальников. Они сообщают, что Илья, обливая шубу, подарок князя, вином и волоча ее по полу, будто бы угрожает так волочить самого князя — извращение угроз Ильи Муромца в адрес Калина-царя. В некоторых вариантах сохраняется четкое объяснение того, чем так ненавистен Илье Муромцу подарок князя: шуба эта досталась князю в дар от татар. См., например, у Киреевского (I, стр. 67) слова князя:

Подарю я удала добра молодца
Теми дарами, которы мне пришли
От татарина, от бусурманова.

Поэтому Илья Муромец и бьет шубу о пол, угрожая так «бивать татарина». Сюжет этот обычно подробно разрабатывается, однако в самостоятельном виде

не встречается, а соединяется с рассказом о каком-либо подвиге богатыря. Былины на тему ссоры и бунта показывают внутреннее развитие эпоса в сторону насыщения его, под воздействием растущего классового антагонизма, острым социальным содержанием.

Варианты обработки темы ссоры и бунта в отдельную былину см.: Киреевский, IV, стр. 46, 49; Рыбников, II, № 119; Гильфердинг, II, №№ 47, 76; Миллер, № 8; Конашков, № 4; Соколов—Чичеров, № 78; Песни донского казачества. Сталинград, 1937, № 23; Парилова—Соймонов, № 2.

30. **Никита Заолешанин.** Печатается по тексту сборника Киреевского (IV, стр. 46). Записано в конце 1840-х годов в Архангельском уезде А. Харитоновым и доставлено П. В. Киреевскому В. И. Далем.

Представляет одну из разработок темы ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. В качестве самостоятельного произведения сюжет о буйном поведении на пиру разгневанного богатыря, кроме данного варианта, известен еще в нескольких записях, но со значительными отклонениями от основного типа: в двух записях — середины XIX века из Онежского уезда Архангельской губ. (Киреевский, IV, стр. 49) и 1890-х годов из Пермской губ. (Миллер, № 10; перепечатано из «Этнографического обозрения», 1899, № 4, стр. 90) — выпал основной мотив ссоры, самый смысл конфликта — «неучествование» пришедшего незнатного с виду и по имени гостя. В онежском варианте, носящем отпечаток песенно-скоморошьего склада, сохраняется еще имя гостя — Никита, но не указывается, кто скрывается под этим именем. Во второй записи отзвуки сюжета еще слабее: не упоминаются ни Киев, ни князь Владимир, действие происходит на пиру у каких-то «хозяев», и пришедший богатырь именуется Буян-богатырь свет Буянович. В третьей известной записи со следами данного сюжета («Саратовский сборник», т. I, 1881; перепечатано у Миллера, № 8, от певицы-мордовки 80-ти лет) приехавший гость называется своим именем «Илья Муромец, сын Иванович», но в то же время он «незнамой, незнакомой» и явно противопоставлен присутствующим на пиру князя Владимира, где «гости сидят все дорогие, князья, попы, бояры, архиреи». Социальный характер конфликта усилен здесь заключительной сценой. Когда князь Владимир дает приказ схватить приехавшего богатыря и на Илью набрасываются с каждой стороны по пятнадцати человек, Илья говорит, обращаясь к князю: «Уймешь аль не уймешь своих злых собак? Коли не уймешь своих злых собак, Я сам их уйму». И он отбрасывает от себя всех схвативших его «верных слуг» князя Владимира.

Но если в оформлении отдельной самостоятельной былины сюжет был мало распространен, то он неоднократно включался в качестве эпизода ссоры в былины о спасении Ильей Муромцем Киева от разгрома его татарами. Таковы былины из Беломорья и Прионежья — А. М. Крюковой (Марков, № 44), В. В. Амосова и П. И. Рябинина-Андреева (Астахова, II, №№ 123, 132). Во всех

этих записях сюжет разработан во всех подробностях и получил острое социальное звучание. В варианте В. В. Амосова подчеркнуто пренебрежение князя Владимира к лицам низкого звания и положения. Услышав в ответ на свой вопрос: «Ты какого роду-племени, Ты откуда, гость непосланой?», что гость — «Микитушка Шалталович», князь Владимир говорит: «А коли Микитушка Шалталович, То садись-ко на задню, гось, на скамеечку». В варианте А. М. Крюковой неблаговидность поведения князя выделена словами: «Ай ведь не́ дал князь места всё по уму ему, По уму-ту не дал места, всё по разуму... Посадил-то ёго в место не в почотноё». В. В. Амосов рисует яркую картину общего перепуга, когда приехавший богатырь разбрасывает всех вступивших с ним в драку богатырей:

Вси бога́тыри разбежалися,
А Владимир-князь взял шубу соболиную,
Обирался под печку под кирпичную.
Но не спа́сенье под печкой под кирпичноей,
Тут Илья Муромец столичник отдёргивал,
Снял золоты́ ключи:
«Завтра сам буду править княжеством!»

Оба прионежских варианта заканчивают эпизод захватом Ильей Муромцем бочек вина из погреба князя и угощением этим вином «голей кабацких», за что князь садит Илью «в погреба глубокие». В беломорском варианте князь за укор гостя: «Ты сидишь-то как всё с ворона́ми ты, Ай миня всё посадил ты с воронятами» — изгоняет гостя из Киева. Когда же узнает, что гость-«залешанин» — Илья Муромец, он умоляет его остаться, но Илья не соглашается и предсказывает. что князь попадет в трудное положение, когда подойдет «сила неверная», — «тогда у тя бояре кособрюхи с ей управятце», — иронически замечает богатырь.

В советское время сюжет был снова записан как отдельная былина от М. С. Крюковой. Со свойственным ей острым восприятием социальных мотивов эпоса М. С. Крюкова еще более усиливает и выделяет классовую основу конфликта. Она подробно останавливается на внешнем «мужицком» облике Ильи Муромца:

Одевал-то он ведь платьё деревеньскоё,
Деревеньское-от платьё-то са́мо про́стое,
А и одевал-то он кафтан-то деревеньской-от,
А и опоясался-то он кушаком-то да всё просты́м же он.
А и вот просты́м кушаком-то он деревеньским-то,
А он на ноги одел-то, да скажом, лапотки,
А и вот чулки-то надел-те да про́сты деревеньские,
А и вот оделся он Никитушкой Залешанин.

Далее она отделяет отношение к гостю богатырей от отношения бояр. Именно «бояра-дворяна» пытаются вытолкать Залешанина с пиру. Богатыри же «сидят да усмехаются», переглядываясь между собой, очевидно, узнав Илью Муромца и ожидая посрамления бояр.

Таким образом, сюжет «Никита Залешанин» получил в ряде вариантов очень острую разработку темы столкновения Ильи Муромца с князем Владимиром на пиру.

Прозвище «Залешанин» не раз встречается в былинах в применении к богатырям-крестьянам. См., например, «мужики Залешана» у Кирши Данилова (стр. 53, 245).

31. Илья Муромец в ссоре со Владимиром. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (II, № 76). Записано 8 июля 1871 года в деревне Кижи Петрозаводского уезда от Трофима Григорьевича Рябинина.

Представляет иную, чем № 30, версию ссоры — буйство в Киеве оскорбленного князем Владимиром богатыря. Одна из наиболее острых в социальном отношении былин.

Публикуемый вариант отличается мастерским изображением действующих лиц: взбунтовавшегося богатыря, отстреливающего золоченые кресты и маковки с церквей и угощающего «голей кабацких», и перепуганного князя. Тонкими штрихами рисуется состояние князя: надо обязательно примириться с Ильей, позвать его на пир, но самому идти «не хочется», послать же княгиню Апраксию — «то не к лицу идет». Поручив это дело Добрыне, князь Владимир в беспокойстве ходит по горнице и посматривает в окошко, идет или не идет Илья Муромец. Выразительно также изображено, как «обхаживают» князь и княгиня приведенного Добрыней Илью Муромца.

Былина Т. Г. Рябинина была усвоена его потомками — Иваном Трофимовичем Рябининым, в записи от которого, к сожалению, она до нас не дошла, и пасынком Ивана Трофимовича — И. Г. Рябининым-Андреевым, сохранившим редакцию деда без изменений (Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1938, № 2).

Былина исполнялась на напев № 1.

32. Илья в ссоре с Владимиром. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (I, № 47). Записано 26 июля 1871 года от Никифора Прохорова из деревни Бураковой Пудожского уезда.

Обработка того же сюжета, что и предыдущий текст № 18, близка к его редакции, но заключает и некоторые своеобразные детали. Ярко дан образ взбунтовавшегося богатыря. Еще больше, чем в тексте Т. Г. Рябинина, подчеркнута дружба Ильи Муромца с голями. Илья не просто предлагает голям собрать отстреленные им золоченые маковки и пропить их в кабаке, но зовет голытьбу угощаться вместе с ним («Да станем-то пить да заодно́ со мной»); благодарные голи называют Илью своим батюшкой, своим отцом. Более подробно разработан образ «дипломата» Добрыни. Острее дан конец: хотя Илья Муромец и приходит

к князю Владимиру на пир, но подчеркивает «вину великую» князя перед ним, Ильей, который мог бы в гневе даже убить князя с княгиней.

Былина Никифора Прохорова была впервые записана от него в 1860-е годы П. Н. Рыбниковым (Рыбников, II, № 113). Общее построение и все основные эпизоды те же, что и в записи А. Ф. Гильфердинга, но содержание передано более сжато (короче на 67 стихов).

33. Про Илью и голи кабацкие. Печатается по тексту № 4 сборника былин Ф. А. Конашкова, 78 лет. Записано Е. П. Родиной в 1938 году. Впервые эта былина была записана от Ф. А. Конашкова 12 июля 1928 года в деревне Семеново Пудожского района Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым, В. И. Яковлевой (Соколов—Чичеров, № 78).

Текст Ф. А. Конашкова, примыкая по сюжетной схеме к вариантам Т. Г. Рябинина и Н. Прохорова, иначе разрабатывает эпизод угощения голей: Илья Муромец не идет с ними в кабак, а устраивает свой «почесной» пир, выбрав для него «что не лучшее место, самолучшее», возле самых теремов князя Владимира. Колоритно развернута картина этого пира голытьбы, с песнями, от которых «не днем-то, не ночью да ути́ха нет». Как и предыдущие тексты №№ 31, 32, былина заканчивается примирением Ильи Муромца с князем: Добрыне удается уговорить его идти на пир к князю.

В варианте 1928 года конец имеет несколько иной оттенок: Илья, уходя с Добрыней, говорит голям, что он больше не будет прибавлять им маковок, и голи тогда собирают и делят все сбитые маковки, «что лежало-то по городу».

Былина о пире Ильи Муромца с голытьбой была одной из любимых в эпическом репертуаре Ф. А. Конашкова, с ней он неоднократно выступал. По художественным образам она очень своеобразна: маковки теремов не только золоченые, но и «шелко́вые», они «подвешены» на теремах; отстреленные Ильей Муромцем, эти маковки скатываются на землю, «как ведь мелкии воробушки»; голи носят их «в лавоцьки торговыи» и оттуда «таскали напитоцьки спиртовыи».

В книге «Песни донского казачества» (Сталинград, 1937) помещена под № 23 былина на тот же сюжет, записанная на Дону, по словам составителя И. И. Кравченко, в 1935 году Е. Захаровым от колхозника Е. Т. Архипова, 56 лет, хутора Тополева В.-Курмоярского района. Это единственный текст на сюжет ссоры, записанный в казачьем районе. Сличение данного текста с былиной Ф. А. Конашкова показало полное тождество обоих текстов с некоторым лишь сокращением — выпуском отдельных стихов — в южном варианте. Дословное повторение одних и тех же стихов, своеобразных выражений и образов, которых, кроме как у Конашкова, нет в устной традиции этой былины, не оставляет сомнения в том, что текст, напечатанный в сборнике «Песни донского казачества», — это былина Конашкова, усвоенная при выступлениях Конашкова в Москве или по радио исполнителем из хутора Тополева.

Былина исполнялась на напев № 16.

34. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром. Печатается по тексту № 2 сборника Париловой—Соймонова. Записано Е. С. Шоймером в Петрозаводске в феврале 1939 года от Анны Михайловны Пашковой, 73 лет, из деревни Семеново Пудожского района.

Публикуемый текст развивает тот же сюжет, что и тексты №№ 31—33, примыкая ближе всего к варианту Ф. А. Конашкова. Как и в последнем, Илья Муромец не просто угощает голей в кабаке, а устраивает свой пир на площади против теремов князя Владимира. Еще более остро, чем в других вариантах на тот же сюжет, дано противопоставление Ильи Муромца князю Владимиру с его окружением, подчеркнута связь Ильи с народными массами. Илья Муромец созывает на свой пир, кроме голей кабацких, «бедноту деревенскую», «лапотников», «балахонников». Этот состав гостей на «почестном пиру» Ильи Муромца упоминается и подчеркивается в былине неоднократно: и когда князь Владимир смотрит на пирующих в трубочку подзорную, и в презрительном отзыве Алеши Поповича о пире, и когда Илья Муромец отказывается идти к князю Владимиру. Таким образом, мотив связи Ильи Муромца с бедняцкими слоями становится лейтмотивом, проходящим через всю былину.

В противоположность другим вариантам данный не заканчивается примирением. Илья Муромец приглашает Добрыню принять участие в его народном пире, и Добрыня остается. В былине говорится, что они оба «ко Владимиру идти да не торопятся». Строфой из стихотворения А. К. Толстого «Илья Муромец», которая заканчивает былину, завершается это противопоставление богатыря, близкого к народу, княжескому двору.

Обращает на себя внимание также детальная и необычная разработка эпизода «зазывания» Ильи Муромца на княжеский пир. Кроме Добрыни, обычно выступающего в качестве «зазывальщика», А. М. Пашкова вводит еще следующих богатырей: Ваську Долгополого (иногда упоминается как эпизодическое лицо в некоторых других былинах), с той характеристикой, которая дана ему в известном шенкурском варианте о богатырях на заставе (Киреевский, I, стр. 46; см. в настоящем сборнике текст № 22), Алешу Поповича и Чурилу Плёнковича, изображая их сатирически в соответствии с традиционной их обрисовкой в эпосе.

Вся обработка А. М. Пашковой былины свидетельствует о большой поэтической одаренности сказительницы и о творческом восприятии и развитии эпических образов сказителями советского времени.

35, 36. Илья Муромец и голи кабацкие

Сюжет «Илья Муромец и голи кабацкие» близко примыкает к тем былинам о бунте богатыря против князя Владимира, в которых рассказывается, как не позванный на княжеский пир Илья устраивает свой пир для голей. Как и былины о бунте Ильи, данный сюжет сложился, очевидно, в атмосфере антагонистических социальных настроений XVII века.

Былины о голях обычно строятся в таком порядке: Илья под видом калики возвращается в Киев, заходит в кабак и просит целовальников отпустить ему вина, предлагая в заклад свой нательный золотой крест. Но целовальники отказывают ему в вине. Илья обращается тогда к голям, и те, сложившись по копеечке, угощают Илью. Тогда Илья в свою очередь, разбив винные погреба, выкатывает бочки с вином и угощает голей.

Сюжет встречается и как самостоятельная былина и в соединении с другими сюжетами героического цикла о подвигах Ильи Муромца. В последнем случае связующим звеном является жалоба целовальников князю Владимиру на самоуправство Ильи (см., например: Ончуков, № 20), иногда сопровождаемая еще клеветническим доносом об изменнических будто бы намерениях Ильи Муромца, за что князь Владимир и заключает богатыря в погреб (Гильфердинг, III, № 257).

Варианты обработок сюжета в самостоятельную былину: Гильфердинг, III, №№ 239, 249, 281; Григорьев, II, № 28; III, № 51 (к.); Ончуков, № 62; Миллер, № 9; Соколов—Чичеров, №№ 203, 232; Крюкова, I, № 6. В соединении с другими сюжетами: Гильфердинг, III, №№ 210, 257; Ончуков, № 20; Соколов—Чичеров, №№ 248, 255; Листопадов, 1949, № 7.

35. Илья Муромец и голи кабацкие. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (III, № 281). Записано А. Ф. Гильфердингом 16 августа 1871 года на Кенозере от Матрены Григорьевны Меньшиковой, 40 лет.

Хороший вариант былины, оформленный как отдельное, самостоятельное произведение. Для образа Ильи-бунтаря здесь характерна деталь: он разбивает не торговые, кабацкие погреба (Гильфердинг, III, №№ 249 и 257; Ончуков, № 20), а погреб «княженецкий».

36. Илья Муромец и голи кабацкие. Печатается по тексту сборника Крюковой (I, № 6). Записано Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец 30 августа 1937 года в деревне Нижняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области от Марфы Семеновны Крюковой, 62 лет.

Как все былины М. С. Крюковой на традиционные сюжеты, и данная развивает и распространяет усвоенный сказительницей сюжет целым рядом новых эпизодов и отдельных деталей. В центре былины — традиционный мотив дружбы Ильи Муромца с голями кабацкими. Он водится с ними, угощает их. Но Крюкова развивает и дальше этот мотив дружбы, вводя новые эпизоды: Илья Муромец снабжает голей деньгами, платьем и оружием, и голи оказывают ему помощь в борьбе с иноземными захватчиками. В конце былины говорится, что голи образуют дружину Ильи Муромца. Так, Илья оказывается еще в новой роли — организатора народных масс.

М. С. Крюкова вводит также в былину «бояр-дворян». Они насмехаются над дружбой Ильи с голытьбой, а затем и клевещут на него, говоря князю

Владимиру о намерении якобы Ильи Муромца отобрать с помощью голей у князя Киев.

Былина М. С. Крюковой показывает, как в свете современного сознания могут восприниматься и переосмысляться традиционные образы и сюжеты.

37—39. Илья Муромец и разбойники

Сюжет сложился на почве историко-бытовой действительности древней Руси. Разбойничество было большим общественным злом, от которого сильно страдало трудовое население и борьба с которым была длительной и упорной. Поэтому она отразилась в эпосе как одно из характерных выражений оборонительной и освободительной деятельности любимого народного богатыря. Приурочение сюжета к какому-либо определенному периоду древней Руси не представляется возможным.

Сюжет известен и в качестве самостоятельной былины, и в соединении с другими сюжетами. Чаще всего он входит в былину о Соловье-разбойнике для еще большего усиления героического образа Ильи Муромца как повествование о первом подвиге Ильи по дороге в Киев (см. в настоящем сборнике текст № 9, а также лубочный текст № 64). Кроме того, сюжет использован в былине о трех поездках Ильи Муромца, где он составляет содержание происшествия на первой дороге (см. в нашем сборнике №№ 40 и 41). Как часть былин о Соловье-разбойнике и о трех поездках сюжет известен в Беломорье, Онежском крае и в Сибири; во всех этих районах он редко встречается в отдельном оформлении. Наоборот, в средней России и южноказачьих районах, а также на Пинеге он распространен именно как отдельная, вполне законченная песня.

В библиографии сюжета звездочками отмечены варианты, в которые он входит как составная часть былин на другие сюжеты.

Кирша Данилов, № 60 (Киреевский, I, стр. 23); Киреевский, I, стр. 15—20, 22, 25*, 31*, 40, 36*; VII, Прилож., стр. 7; Тихонравов. Летописи русской литературы и древностей, т. IV, М., 1862, стр. 11; Рыбников, II, №№ 103*, 110*, 128*, 142*, 154*, 165*, 176*; Гильфердинг, I, №№ 58*, 120*, 171*, 190*, 197, 216, 221*, 240*, 266*, 271*, 274*, 287*, 291*, 305*; Марков, №№ 1*, 45, 69*, 97; Григорьев, I, №№ 21*, 32*, 141, 153, 155, 158, 161, 162, 206, 208; II, №№ 20, 66, 92*; III, №№ 8*, 56*, 89*; Ончуков, №№ 19*, 53*; Пермский сборн., II, отд. II, № 166; Тихонравов—Миллер, №№ 3, 4, 6*, 7*, Прилож., а, б, в; Миллер, №№ 11*, 12—16; Листопадов, 1949, № 5; Астахова, I, №№ 1*, 53, 59; II, №№ 208, 216, 227, 232; Крюкова, I, № 4*; Путилов, № 213; Соколов—Чичеров, №№ 7*, 209*, 211*, 231*, 237*, 261*, 269* (пр.), 272, 278.

Построение сюжета в общем устойчиво. Главное различие вариантов — в развязке. В одних — Илья Муромец уничтожает всех напавших на него 40 тысяч разбойников, в других — он их только устрашает стрельбой в дуб или землю

и берет затем с них обещание бросить разбой. Подобной развязкой подчеркивается в Илье Муромце человеколюбие и великодушие (см. мотивировку такого поступка Ильи Муромца в записи 1833 года из Московского уезда у Киреевского, I, стр. 17: «Ему жалко их до смерти убить»). Эта развязка чаще встречается в былинах, имеющих самостоятельное значение.

В былинах же о трех поездках развязка обычно иная: Илья Муромец убивает разбойников. Это находится в соответствии с той задачей, которая стоит перед ним как борцом за мирный труд и благосостояние народа: он должен «очистить», «замирить» дорогу, на которой всякий «пеший-конный» бывает убит. Не случайно в некоторых вариантах разбойники именуются «татарами» (см., например: Григорьев, III, № 89; Марков, № 45, и др.). Иногда говорится о тщетной попытке разбойников спасти свою жизнь ценою «золотой казны» и другого награбленного богатства, — этот эпизод рисует бескорыстие и неподкупность Ильи Муромца (см. настоящий сборник, текст № 9).

В отдельных былинах варьируется диалог Ильи Муромца с разбойниками.

37. Встреча Ильи Муромца со станичниками. Печатается по сборнику Григорьева [I, № 105 (141)]. Записано А. Д. Григорьевым в 1899 году на Пинеге, в деревне Красное, от Моисея Амосова, 75 лет.

Былина в данной редакции была широко известна на Пинеге. В 1899 году по среднему течению реки Пинеги в Карпогорском районе Григорьев записал 8 вариантов [см., кроме публикуемого, №№ 117 (153), 119 (155), 122 (158), 125 (161), 126 (162), 170 (206), 172 (208)]. В 1927 году А. М. Астаховой записано там же 3 варианта, 2 из которых опубликованы в «Былинах Севера» (I, №№ 208, 209). Все варианты принадлежат к одной редакции, отличаясь друг от друга лишь характером развязки и незначительными деталями в описании Ильей Муромцем своего коня и имущества. В половине вариантов развязка мирная, но представлена по-разному. В одном [№ 117 (153)], например, Илья Муромец ударяет своей железной палицей в землю, от чего сотрясается «мать сыра земля», в другом [№ 170 (206)] он просто уезжает, не причинив разбойникам вреда. Публикуемый текст заключает наиболее распространенный тип мирной развязки, известный и другим районам (см.: Тихонравов—Миллер, № 4; Миллер, №№ 12, 14, 15, и др.).

Пинежские тексты отличаются от других северных вариантов художественным описанием дороги, по которой едет Илья Муромец, и изображением самого богатыря. Это всегда «стар матёр человек» —

И голова-то у его была се́дая,
А борода-та у его была бе́лая.

[Григорьев, I, № 117(153)].

Эти черты роднят пинежские варианты с южными казачьими (см., например, описание дороги у Листопадова, 1949, № 5; настоящий сборник, №№ 47, 48, и

образ Ильи Муромца в текстах №№ 15 и 16 у Миллера). Публикуемый текст включает также эти типичные для пинежской традиции черты.

Начало варианта возникло, очевидно, под влиянием распространенной на Пинеге исторической песни о торжественном выезде Петра I [Григорьев, I, № 118 (154)]. Обычно пинежские былины о встрече Ильи Муромца со станичниками начинаются так:

Из славного города Мурова
И до славного города Киева
Пролегала дорога широкая...

Но параллельно ему вошло в традицию и отмеченное вступление: «Середи было царства Московского» [Григорьев, I, № 125 (161); Астахова, II, № 216].

Былина, по словам собирателей, пелась на напев, отличный от былинного и приближающийся к песенному, но называлась исполнителями, как и другие былины, «стариной».

38. Как ездил стар. Печатается по тексту сборника Астаховой (II, № 227). Былина записана А. М. Астаховой в Сумском посаде Беломорского района 5 июля 1932 года от Натальи Алексеевны Ростовцевой, 69 лет.

Текст представляет образец современной поморской обработки сюжета, очевидно, на основе былины о трех поездках Ильи Муромца, так как в начале сохраняется мотив трех дорог и традиционного раздумья богатыря у камня на распутье. Былина «Три поездки» прошла в Поморье путь постепенного сокращения: в 1900-е годы А. Д. Григорьевым были записаны варианты былины «Две поездки», в которую сюжет о разбойниках входил в качестве первого эпизода (Григорьев, I, №№ 21, 32). К нашему времени отпала и «вторая дорога», и начальная часть превратилась в самостоятельную былину.

В ней хорошо выделено значение совершенного Ильей Муромцем подвига «замирения» дороги надписью, которую богатырь делает на камне. Аналогичные концовки находим и в других поморских вариантах, например:

Поезжайте, православные без о́паси
В пути торные эти дороженьки:
Нет больше воров-разбойников,
Не станут они губить буйны головы.

(Студенческие записки Филологического факультета ЛГУ, 1937, стр. 13).

Или:

Замирил дороженьку staро́й казак Илья Муромец,
И протори́л дороженьку staро́й казак Илья Муромец.

(Астахова, II, стр. 670).

Обращает внимание в публикуемом варианте образ коня Ильи Муромца — «тучи-падушка» и его скачки.

Сюжет известен на Поморском побережье под тем заглавием, под которым он публикуется. Оно тоже указывает на происхождение нынешней поморской обработки сюжета от былины «Три поездки».

Былина исполнялась на напев № 78.

39. Илья Муромец и казна монастырская. Печатается по тексту сборника Астаховой (I, № 22). Былина записана А. М. Астаховой на Мезени в деревне Засулье Лешуконского района 29 июля 1928 года от Карпа Ивановича Михеева, 77 лет.

В тексте явно обнаруживается приурочение к имени Ильи Муромца песенного сюжета XVI века о молодце, отнявшем у разбойников казну ограбленного ими монастыря и поставленном, будучи заподозренным в грабеже, на правеж (см., например: Киреевский, VI, стр. 194—199; Гуляев, 1952, №№ 33, 34; Астахова, II, № 191).

В Беломорье и на Урале данный сюжет был найден в виде былины с наименованием героя — Оксёнко [Миллер, № 98; Марков, № 86 (пр.); «Пермский сборник», II, отд. II, стр. 166, № 6 (пр.); Сказки М. М. Коргуева, кн. 2-я. Записи и комментарий А. Н. Нечаева, Петрозаводск, 1939, стр. 473; Крюкова, II, № 105].

В публикуемом тексте использованы только эпизоды встречи молодца с разбойниками и отобрания от них награбленной казны. Приурочение сюжета к Илье Муромцу произошло под воздействием былин об Илье Муромце и разбойниках и известно только в данном единичном случае. В соответствии с общим обликом любимого народного героя как друга обездоленных изменен конец: молодец обычно пропивает казну в кабаке, что и дает повод заподозрить его в грабеже, Илья Муромец раздает ее «по миру». Аналогичный мотив, но в безыменном варианте песни о правеже встречаем в записи из Сызрани (Киреевский, VI, стр. 194): молодец на вопрос, куда он девал золотую казну и цветное платье, отбитые от разбойников, отвечает:

А поил я всё голь кабацкую,
А цветное платье — одевал всё наших бóсыих.

Возможно, что данный мотив был известен и на Севере, и это и привело, вместе с реминисценциями былин о разбойниках и голях кабацких, к возникновению песни с Ильей Муромцем в качестве действующего лица.

40, 41. Три поездки Ильи Муромца

По-видимому, данный сюжет — один из самых поздних в цикле былин об Илье Муромце, сложившийся в результате стремления шире развернуть поэтическую биографию любимого богатыря, наделить его добавочными подвигами.

Предположение о позднем сложении сюжета особенно поддерживается тем, что ряд вариантов оканчивается смертью Ильи Муромца, причем необычайною: найдя в последнюю поездку клад, Илья строит в Киеве монастыри или церкви или раздает золото нищим и сиротам, затем уходит в киевские пещеры и там окаменевает (см. варианты: Киреевский, I, стр. 86; Рыбников, II, № 176; Гильфердинг, I, № 58; III, №№ 221, 266).

Некоторые сказители и сообщали эту былину как повествование о последней поездке Ильи Муромца (Гильфердинг, I, № 58).

Такое завершение поэтической биографии любимого народного героя связано с известной легендой о том, что мощи Ильи из Мурома в киевских пещерах принадлежат Илье Муромцу.

Возникновение былины Вс. Миллер относил, по ряду соображений, ко времени не ранее первой четверти XVII века и приурочивал к Олонецкому краю, поскольку именно здесь (главным образом, в северных и восточных частях края) и была былина распространена, притом в лучших, наиболее полных и целостных вариантах (Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 142—146). На Севере за пределами Олонецкого края сюжет встречался редко, на Пинеге и Печоре, например, он совершенно неизвестен; в средней и южной России былина тоже записана не была; ни в старинных пересказах былин, ни в сборнике Кирши Данилова следов этой былины нет. В нескольких случаях сюжет объединяется с былиной о Соловье-разбойнике.

Варианты: Киреевский, I, стр. 86; Рыбников, II, № 110, 128, 142 (к.), 154, 165 (к.), 176; Гильфердинг, I, № 58; II, №№ 171 (к.), 190; III, №№ 221, 240, 266, 271, 287, 291, 305; Марков, № 1 (к.); Григорьев, I, №№ 21, 32; II, № 92; III, № 56 (к.); Тихонравов—Миллер, № 6; Миллер, №№ 6, 11; Астахова, I, № 13; Соколов—Чичеров, №№ 7, 209, 211, 231, 237, 261 (к.), 269 (пр., к.); Крюкова, I, № 4; Парилова—Соймонов, № 31 (к.).

В былине о трех поездках использована более ранняя былина о столкновении Ильи Муромца с разбойниками, а также ряд сказочных мотивов: испытание судьбы, разоблачение злого замысла коварной соблазнительницы проезжих молодцев, нахождение клада под камнем или в подземелье. Былина раскрывает образ любимого народного героя с разных сторон: 1) как могучего богатыря, обладающего огромной силой и храбростью, 2) рисует его ум и проницательность, 3) показывает отсутствие в нем корыстолюбия: найденные богатства Илья не оставляет себе, а отдает церквам и монастырям, нищим и сиротам или везет в Киев к князю Владимиру. В одном из текстов (Гильфердинг, II, № 190) говорится, что Илья вообще решает не ехать в третью дорогу, где «богату быть», так как ему достаточно того, что он имеет.

Многие варианты еще в XIX веке утеряли последнюю часть и превратились в рассказ о «двух поездках» (например: Григорьев, I, №№ 21, 32). Такое сокращение происходит и в последующее время (Соколов—Чичеров, №№ 209,

211). Наконец, в некоторых случаях отпадает и второй эпизод, и остается лишь повествование о нападении разбойников, сохраняя все же в начальной своей части мотив трех дорог (см. в нашем сборнике текст № 38).

40. [Три поездки Ильи Муромца]. Печатается по тексту сборника Гильфердинга (II, 171). Записано на Выгозере 16 июля 1871 года от Федора Никитина, около 45 лет.

В варианте Ф. Никитина за рассказом о трех дорогах следует повествование о четвертой, на которой Илья Муромец побеждает Соловья-разбойника. Эту часть мы опускаем, так как она ничего не вносит нового и своеобразного в обработку сюжета о Соловье-разбойнике. Представляя традиционный прионежский тип, обработка Ф. Никитина уступает в идейно-художественных особенностях классическому варианту Т. Г. Рябинина (см. текст № 6).

В первой же своей части вариант Ф. Никитина — один из лучших на сюжет трех дорог, он отличается стройной композицией и выразительными образами (развернутые в реалистическом плане размышления Ильи Муромца у камня на распутье, скачка богатыря, описание Ильей своего имущества и др.). Но в особенности вариант выделяется своим концом, рисующим Илью Муромца как друга народа: Илья отдает найденные богатства не на церкви и монастыри, а «по нищей по братии», «по сиротам да бесприютным».

41. Поездки Ильи Муромца. Печатается по сборнику Астаховой (I, № 13). Записано на Мезени в деревне Усть-Низема Лешуконского района от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет.

Вариант М. Г. Антонова — один из замечательнейших образцов высокого художественного мастерства, несмотря на некоторые композиционные недостатки: в тексте утеряна последняя часть сюжета о трех поездках, сам мотив трех дорог перенесен в начало второй части, что несколько нарушило стройность композиции. Былина о трех поездках вообще не имела на Мезени распространения. А. Д. Григорьевым была сделана только одна запись сюжета, и тоже без третьего эпизода, в соединении с другим сюжетом — о Соловье-разбойнике (Григорьев, III, № 56). Мало был известен и сюжет о столкновении Ильи Муромца с разбойниками (всего две записи у Григорьева — №№ 8 и 89, тоже в контаминации с былиной о Соловье-разбойнике). Таким образом, М. Г. Антонов, очевидно, не имел возможности услышать былину о трех поездках в полноценной художественной обработке. От этого проистекают и отмеченные недостатки варианта. Но из того, что Антонов мог услышать и усвоить, он сделал подлинное произведение искусства.

Прежде всего обращает на себя внимание великолепный внешний портрет Ильи Муромца, которым открывается былина. Аналогичный образ мы находим еще только в одной записи Григорьева (III, № 8, стихи 36—41), но там он встречается всего один раз и, будучи помещен в средней части былины, теряется среди других описаний. У Антонова же, именно потому, что он открывает все

повествование, а затем дважды повторяется, начиная каждый раз новую часть, он становится лейтмотивом, окрашивает собой всю былину.

Хороши также описание Ильей Муромцем своего снаряжения и одежды, изображение стрельбы из лука, — все это полно живописных деталей. В былине использован мотив драгоценных стрел, перённых перьями чудесного орла; в прионежских вариантах этот мотив связан с былиной о Дюке Степановиче (например: Гильфердинг, II, №№ 115, 152, 159 и др.) или применяется в описаниях седла или шапки в былинах о нападении разбойников.

Очень своеобразен конец: Илья Муромец наказывает обманутых коварной красавицей молодцев за их слабохарактерность (ср. у Гильфердинга, III, № 271, укор Ильи Муромца освобожденным богатырям: «Вы сдаваетесь на прелесть-ту на женскую»).

Как все былины, записанные от М. Г. Антонова, и эта пленяет четкостью и звучностью ритмики.

Концовка была передана исполнителем не пением, а говорком. Она перенесена из былин, изображающих захват «полона» (см., например: Гильфердинг, I, № 71; Астахова, I, № 88). Исполнитель назвал ее «присказкою».

Былина исполнялась на напев № 17.

42, 43. Илья Муромец на Соколе-корабле

Возникновение сюжета относится, очевидно, к XVII веку и связано с казачьими походами в Каспийское (Хвалынское) море и столкновениями казаков с турками, ногайскими татарами и персами.

Сюжет известен в записях из разных районов: из казачьих поселений, Поволжья, Сибири (например, из б. Енисейского округа и Якутии), Вологодской и Вятской губерний. В основных местах бытования былин на русском Севере сюжет не записан.

Известно несколько типов обработки.

1. Соколу-кораблю угрожают турки; Илья Муромец натягивает лук, чтобы пустить стрелу в турецкий град, в зелен сад, в бел шатер, самому Салтану в грудь; Салтан пугается и «заказывает» туркам когда-либо вступать в столкновение с Ильей Муромцем. — Тихонравов—Миллер, № 16; Миллер, № 17 (Енисей); «Русская старина», т. XI, 1874, стр. 185.

2. На Сокол-корабль нападают крымские или горские татары с калмыками или персианами. Илья Муромец (иногда Алеша Попович) проводит рукой или тростью по пуговкам своего кафтана, изображенные на пуговках звери начинают страшно реветь, нападающие бросаются в море или бегут прочь от корабля. — М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. II. СПб., 1913, № 199; И. И. Дмитриев. Карманный песенник, М., 1796, № 1; Киреевский, I, стр. 22; Миллер, №№ 18 (запись В. Г. Богораза-Тана в Якутии), 19 (запись М. Карпинского на Тереке); Панкратов, стр. 21; Н. И. Костомаров и

А. Н. Мордовцева. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии, М., 1862, стр. 9.

3) На деревцо, украшающее корабль, спускается орел и хочет потопить корабль. Илья Муромец стрелой убивает орла. — Тихонравов—Миллер, № 17, Прилож., стр. 276 (уральские варианты).

4) Нападения или угрозы нет. В центре — описание корабля. Песня заканчивается уговариванием красной девицы взойти на корабль и осмотреть его. — Путилов, №№ 136, 137.

Последний тип близок к безыменным песням о заманивании девушки на корабль с целью увоза и представляет, очевидно, позднейшее переоформление былины под воздействием этих песен.

Относительно 3-й группы песен было высказано предположение, что в них аллегорически изображено столкновение Разина на его «Соколе-корабле» (по народному преданию так именовался корабль Разина) с правительственным кораблем, носившим имя «Орла» (см.: Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 260).

Из всех известных только несколько записей имеют развернутый сюжет, обработанный в былинном стиле. Большинство же представляет краткие тексты, бытующие, по-видимому, как песни. Да и развернутые тексты, по сообщениям собирателей, иногда воспринимались уже как песни и исполнялись в качестве величальных колядок (см.: Миллер, № 17 и примечание к данному тексту; Вс. Миллер. Очерки, III, стр. 344—349).

Состав богатырей на корабле в вариантах меняется. Почти во всех атаман, «хозяин» корабля, — Илья Муромец (есть отдельные случаи, когда он — есаул), а атаман — Степан Разин (см. настоящий сборник, текст № 43 и примечание к нему). Рядом с Ильей Муромцем упоминаются Добрыня, Алеша Попович, иногда Святогор, Полкан, Еруслан.

Возникновение данной былины свидетельствует о широкой популярности образа Ильи Муромца, о котором на основе позднейших исторических событий продолжают складываться новые героические сюжеты.

42. Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле. Печатается по тексту № 16 сборника Тихонравова—Миллера. Место записи неизвестно. Текст взят из рукописного сборника, доставленного из б. Вологодской губ.; на первом листе сборника имеется помета 1803 года; впервые текст опубликован Л. Майковым в «Живой старине» (1890, I).

Представляет образец былинной обработки, относящейся к первому из указанных в общей заметке типов. Как все песни о Соколе-корабле, начинается с описания внешнего вида корабля, которое восходит к образу корабля в былинах о Соловье Будимировиче (ср., например: Кирша Данилов, № 1). Последние стихи — традиционное в былинах «заклинание» побежденным врагом никогда больше не иметь дела с русскими богатырями.

43. О Соколе-корабле. Печатается по тексту № 18 сборника Миллера. Записано В. Г. Богоразом-Таном летом 1896 года в дер. Походской б. Якутской обл. от Митрофана Кривогорницына, 60 лет. Первая публикация — в статье В. Ф. Миллера «Новые записи былин в Якутской области» (Известия Отделения русского языка и словесности, т. V, кн. 1, стр. 75).

Текст представляет иную, чем предыдущий вариант, редакцию сюжета о нападении врагов на Сокол-корабль. Обращает на себя внимание подчеркнутое выделение, как и в варианте № 42, главенствующей роли Ильи Муромца («всем он кóраблем владат»; ср. № 42: — «хозяин-от был Илья Муромец»). Характерно припоминание в последних стихах о связи русских богатырей с Киевом и Черниговом.

Мотив оживления на пуговках зверей попал в данную редакцию сюжета из былины о Дюке Степановиче (см., например: Гильфердинг, II, № 85).

Собирателем указано, что после каждого стиха былины исполнялся припев: «Сдудинá ты, сдудинá! Сдудинá ты, сдудинá!» *Сдудинá* — искаженное *Здудинай*, встречающееся в припевах величальных песен и возникшее из *Дунай* через *Здунай*. Припоминания реки Дунай в припевах или концовках отмечены и в эпической традиции русского Севера, например у Гильфердинга:

Ай Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

(Гильфердинг, I, стр. 639).

Дунай, Дунай, боле вперед не знай!

(Гильфердинг, III, стр. 518).

44. [Илья Муромец на Волге]

Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 90, № 2). Указано место записи: Калужская губ., Боровский уезд. Текст сопровожден пометой: «Записано от старухи».

Изображение речных просторов, плывущих по реке «красных лодочек» с гребцами и на одной из них есаула восходит к песням разинского цикла, где эти образы составляют очень часто начальную часть песни; в дальнейшем же развертывается уже самый сюжет, различный в каждой из песен (см., например: Кирша Данилов, № 43; Киреевский, VII, стр. 149; Догадин, № 20; Листопадов, 1946, №№ 69, 76, 79).

Позднее эта начальная картина была использована в обличительных песнях XVIII века, направленных против вельмож, грабящих народ и казну: гребцы поют песни, в которых хвалят Петра I и бранят того или иного вельможу — Голицына, Меншикова, Гагарина (см.: Русские народные песни, записанные в Ленинградской области 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ши-

ряева. Л.—М., 1950, №№ 125 и 126). Аналогичную композицию, только без последней обличительной части имеем и в публикуемом варианте. Как и в песне № 56 нашего сборника, Илья Муромец воспет как предводитель вольных казаков.

КАЗАЦКИЕ БЫЛИННЫЕ ПЕСНИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Образ Ильи Муромца отражен не только в былинах классического типа, развернутых эпических повествованиях, дошедших до нас в устной традиции средней России, Севера и Сибири, но и во многих песнях, сложившихся на основе былинного эпоса. Эти песни, которые А. М. Листопадов удачно назвал «былинными песнями» (Листопадов, 1949, стр. 31), распространены преимущественно в казацких поселениях южной России — на Дону, Северном Кавказе, Южном Урале и в Оренбургском крае. Они отражают наряду с отголосками былинного эпоса черты жизни и быта, характерные для истории казачества. Это именно *песни*, которые исполняются чаще всего хором, иногда и соло, но всегда в песенном распеве, отличающем их от классической былины, исполняющейся на особый, речитативный, сказовый напев.

Только немногие из этих песен сохранили традиционные сюжеты цикла былин об Илье Муромце в их целостном виде, хотя и в сокращенной форме. Таковы песни об Илье Муромце и разбойниках и об Илье и целовальниках. Большинство же песен представляют лишь фрагменты былин на определенные сюжеты или приурочение к имени Ильи Муромца сюжетов и эпизодов из других песенных циклов. Иногда это совершенно новые сюжеты, в которых использованы отдельные былинные и песенные мотивы. Наибольшее количество записей былинных песен мы имеем с Дона благодаря многолетней собирательской работе известного энтузиаста и знатока донского фольклора А. М. Листопадова.

В тех случаях, когда тексты приводятся в песенном распеве, цифрами слева отмечаются не стихи, а строфы.

45. Илья Муромец выезжает в поле. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 1 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в станице Клетской в 1903 году.

Донская песня о выезде Ильи Муромца на подвиги. Со среднерусскими и северными былинами о первой поездке Ильи соприкасается только в мотиве прощания с родителями, но и он дается по-иному: нет никаких упоминаний о Киеве и князе Владимире, Илье хочется в поле «богатырскую силушку испробовать». Песня интересна отражением казацкого быта: заботливое обращение с оружием, любовное упоминание о коне буланом, черногривом, сетования стариков родителей, что их покидает единственный сын. Образ Ильи Муромца принял в данной песне характерные черты казака, собирающегося в поход.

Былина исполнялась на напев № 24.

46. Илья Муромец-Кузюгушка собирается во дики степя. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 2 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Пятиизбянской, в 1903 году от группы певцов. Строфы 10 и 11 добавлены из вторичной записи этой песни в 1936 году, в том же пункте, от М. М. Кубанцева, 60 лет, единственного оставшегося в живых из певших песню в 1903 году (Листопадов, 1949, стр. 234). Он же дал следующий вариант двух последних стихов:

Вот Кузьма-то казак, што ясьмён сокол,
На коне лятит.

В песне нет имени Ильи Муромца. По словам А. М. Листопадова, песенники одной из донских станиц говорили, что «песня эта про Добрыню». Однако М. М. Кубанцев, исполнявший песню в хоре 1903 года и помнивший ее в 1936 году, относил ее к «старому казаку Кузьме Муровцу» (Листопадов, 1949, стр. 234).

А. М. Листопадов отмечает близость данного варианта и по тексту, и по напеву к песне о выезде в поле Ильи Муромца (см. настоящий сборник, текст № 45), записанной в станице Клетской, в 80 км. от Пятиизбянской. Действительно, в центре песни та же тема — просьба богатыря к родителям отпустить его «показаковать». Поэтическое изображение прощания даже ближе к былинам о первой поездке, чем в тексте № 45 (ср. начало песни с образом склоняющегося перед родителями богатыря в тексте № 5 нашего сборника). Просьбу к родителям о коне и мотив выхаживания коня находим в некоторых былинах об исцелении и первой поездке (см., например, тексты №№ 1, 10, 57, 62, 63 в настоящем сборнике).

Изображение седлания коня — традиционное «общее место» былин, в особенности об Илье Муромце и о Добрыне Никитиче.

Публикуемый текст интересен передачей характерной и красочной обстановки древнерусского юга: дикие степи, табуны диких пасущихся коней, среди которых Кузютушка ловит себе коня по вкусу — «буйного, золотистого».

Характерно для южнорусской песни упоминание о «донских казачёчках», с которыми хочет казаковать Кузютушка.

Былина исполнялась на напев № 25.

47. Разбойники нападают на Илью Муромца. Печатается по тексту № 13 сборника Миллера (из сборника А. Пивоварова «Донские казачьи песни», Новочеркасск, 1895).

Песня отражает донской вариант былины, известной во всех районах бытования былинного эпоса (см. примечание к сюжету на стр. 488). В южнорусской казачьей традиции — одна из немногих былинных песен, сохранивших сюжет в его завершенном виде.

Казачьи варианты: Листопадов, 1945, № 5 (донской; тот же, но в песенном распеве у Листопадова, 1949, № 5); Тихонравов—Миллер, № 4

(уральский), Прилож., а, б, (терские), в (уральский); Миллер, №№ 14 (терский), 15, 16 (оренбургские).

Все казачьи варианты очень близки друг к другу. Одинаково начало — образ непрохожей, непроезжей дороги. За ним следует описание «излатанной шубеночки» Ильи Муромца (в северных вариантах это описание дается от лица самого Ильи Муромца в перекорах его с разбойниками). Одинакова и развязка: Илья стрельбой из лука устрашает разбойников, и они разбегаются. В подробностях разработки отдельных эпизодов есть черты местной традиции. В донских вариантах разбойники нападают на Илью Муромца ночью, когда он спит на кургане (тот же мотив встречаем и в одном оренбургском варианте — Миллер, № 15). В них не говорится, как во всех других казачьих текстах, что Илья Муромец расщепляет стрелой дуб, а разбойники пугаются самого рева лука и свиста стрел. В оренбургских вариантах имеется внешний портрет Ильи Муромца — «головушка седым-седа», «бородушка, ровно лунь, бела», причем Илья изображен на коне (в донских и терских он изображен пешим). В уральских вариантах включен в начало песни мотив трех дорог.

Устойчивость местных черт говорит о длительном бытовании сюжета в каждой из групп южного казачества, широкое же распространение былины в ее завершенном виде среди казачества свидетельствует о том, что содержание ее, очевидно, соответствовало исторической бытовой обстановке южных районов, пограничных с немирными народностями.

В публикуемом варианте выделяются черты местной природы и быта: Илья Муромец на ночь располагается на кургане, упоминается сагайдак — южное наименование (с татарского яз.) налучника, иногда лука.

48. На Илью Муромца нападают разбойники. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 5 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в 1905 году в станице Есауловской (ныне Разинской).

Сопоставление с предыдущим вариантом говорит о единой редакции, лежащей в основе обоих. Текст дает представление о том, как художественно развертываются основные мотивы песни в музыкальном ее исполнении.

49. Илья Муромец на речке Смородинке. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 4 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону в 1903 году в станице Распопинской.

Вариант песни записан А. М. Листопадовым в станице Мариинской в 1911 году (Листопадов, 1949, № 3). Те же тексты у Листопадова см.: Листопадов, 1945, №№ 3, 4.

В песне использована начальная часть (разговор с рекой) известной народной баллады о бессчастном молодце, утонувшем в реке Смородинке, над которой он насмеялся, сравнив с дождевой лужей.

Варианты этой баллады: Кирша Данилов, № 33; Киреевский, VIII, стр. 3 и 5 (оба из Симбирской губ.); Рыбников, II, № 186; Гильфердинг, III, № 262. Перепечатаны у Соболевского (I, №№ 280—283).

Сюжет баллады устойчив. Молодец спрашивает у реки Смородинки о переправе. «За слова ласковые», «за поклоны низкие» река дает благополучно переехать. Но, переправившись, молодец начинает смеяться над рекой. Переезжая обратно за позабытыми ножами, молодец погибает. В одном из вариантов (Киреевский, VIII, стр. 5; Соболевский, I, № 282) сюжет прикреплен к богатырю Добрыне Никитьевичу.

Содержание казацких былин об Илье Муромце у реки Смородинки иное. Первая часть обоих донских текстов представляет поэтическое описание дороги, характерное для южных песен об Илье Муромце (см. наши тексты №№ 47, 48, 50, 51) и для северных былин о встрече Ильи Муромца с разбойниками (см., например, пинежские: Григорьев, I, №№ 141, 153, 155, 161, 162, 206, 208). Во второй части переданы расспросы Ильи Муромца о переправе и ответ реки, что в ней есть и «броды песчаные» и места опасные, «пропащие». На этом варианты заканчиваются. Таким образом, они примыкают к типичному для донской эпической традиции кругу песен о степных поездках и пеших странствиях Ильи Муромца, в которых ему приходится преодолевать различные препятствия. Как и все эти песни, указанная песня отличается яркой образностью, степным колоритом.

В варианте № 3 у Листопадова упоминается село Карачарово, втянутое в песню именем Ильи Муромца, и дается необычный образ Ильи — «светлорусенький», «кучерявенький», перенесенный из безыменных песен о добром молодце.

Былина исполнялась на напев № 26.

50. Илья Муромец у ворот Киева. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1949, № 6 (в песенном распеве). Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Усть-Быстрянской, в 1902 году. Тот же текст, но не в песенном распеве, см.: Листопадов, 1945, № 6.

В основе песни — эпический мотив перескакивания богатырем городовой стены (см., например: Миллер, стр. 74; Астахова, II, стр. 71). Мотив развернут в картину приезда в Киев Ильи Муромца, богатую изобразительными деталями и создающую яркий образ могучего богатыря. Начальная часть — любимый казачьим фольклором образ шлях-дороженьки (см. в нашем сборнике тексты №№ 47, 48, 51).

Былина исполнялась на напев № 27.

51. Илья Муромец и целовальнички. Печатается по тексту сборника: Листопадов, 1945, № 7. Записано А. М. Листопадовым на Дону, в станице Кочетовской, в 1902 году. В песенном распеве тот же текст см.: Листопадов, 1949, № 7.

В варианте соединены мотивы разных былин: о первой поездке Ильи Муромца — мотив непроезжей дороги (один из наиболее распространенных в казачьем фольклоре; см. наши тексты №№ 47—50); «Илья Муромец и голи» — отказ целовальников дать вина; «Илья Муромец и разбойники» — описание драгоценной шубы (см. № 47); «Илья Муромец у речки Смородинки» — обращение

к реке. Ни один из этих мотивов не развернут в законченный эпизод. В центральной сцене (в кабаке) сохранен традиционный мотив перепуга целовальников, но развязки нет. В северных былинах Илья Муромец, не получив от целовальников вина ни в долг, ни за свой «золотой крест», или просит голей сложиться «по копеечке» и угостить его, или разбивает погреба и угощает голей Здесь за сценой перепуга целовальников следует их размышление о незнакомом «ярыге кабацком» (сюда и включено описание шубы), Илья же показан уже возле реки.

Эпизод требования Ильей вина в «царском кабаке» и перепуга целовальников находим, в близкой редакции, в одном терском варианте об Илье Муромце и разбойниках (Тихонравов—Миллер, Прилож., 6), где данный эпизод присоединен к концу песни.

Былина исполнялась на напев № 28.

52. Илья Муромец. Печатается по тексту № 16 сборника Миллера (из сборника А. И. Мякутина «Песни оренбургских казаков», т. II. Оренбург, 1905).

Основа песни — сюжет «Илья Муромец и разбойники». Но вследствие того, что выпало изображение самого нападения разбойников и изменена традиционная развязка (см. примечания к тексту № 47 в нашем сборнике), а также упоминается «рать поганая», песня воспринимается как рассказ о столкновении богатыря с каким-то вражеским войском, тем более что образ расправы Ильи Муромца с ним традиционен для былин о бое с татарами.

53. Илья Муромец и татары. Печатается по тексту № 6 сборника Миллера (из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVII, Тифлис, 1900, отд. IV, стр. 83). Записано М. Карпинским в станице Щедринской б. Терской области в 1899 году от казаков Федора Пономарева и Василия Шамина.

Песня известна только в записях на Тереке от гребенских казаков. Варианты: Панкратов, стр. 12; «Вестник Харьковского историко-филологического общества», вып. 2, 1912, стр. 41; Путилов, № 1.

Запись представляет собой песенную обработку известного в северных былинах о Калине-царе эпизода падения Ильи Муромца в вырытые татарами ямы (см., например, в нашем сборнике текст № 13). Указание черным вороном на врага также встречается в ряде северных былин (например, в былинах «Королевичи из Крякова», см.: Гильфердинг, II, № 87). В песне сохранен героический образ Ильи Муромца, разрывающего путы и побивающего несметную силу врага.

Во всех гребенских вариантах Илья Муромец именуется, вопреки традиции, «малюткою». В. Ф. Миллер высказал предположение, что это произошло «по смешению с сыном, молодым нахвальщиком Сокольником» (Очерки, III, стр. 265, см. также сравнение в стихе 3).

54. Богатыри на заставе. Печатается по тексту сборника Миллера (Прилож. № 10; из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXIV, Тифлис, 1898, отд. I, стр. 108). Записано М. Карпинским в станице Щедринской Терской области в 1897 году от Л. Меденика.

Вариант: Панкратов, стр. 6.

Текст представляет оформление в песню начальных мотивов былины о бое Ильи Муромца с сыном или каким-либо другим чужеземным богатырем-нахвальщиком. Песня сохранила изображение заставы, эпизод проезда нахвальщика и смутные реминисценции последовательного отвода богатырей от погони за ним (присоединяется еще вопрос, кому на часах стоять). Обращает внимание мотивировка отвода двух богатырей-бояршичков, в которой заключена их социальная характеристика, совпадающая с традиционным изображением бояр в русском эпосе.

55. [**Илья Мурович со Степаном Разиным на Соколе-корабле**]. Печатается по тексту сборника Панкратова (стр. 21).

Представляет редакцию сюжета о нападении врагов на Сокол-корабль и о расправе с ними Ильи Муромца, наиболее характерную для казацкой эпической традиции. См. общий комментарий в нашем сборнике к сюжету, стр. 494.

Вариант интересен включением имени Разина и объединением, через такое включение, Ильи Муромца с предводителем народного движения.

56. [**Илья Муромец на Дону**]. Печатается по тексту сборника Киреевского (I, стр. 90, № 1). Никаких сведений о том, когда и где записано, нет.

Первая часть публикуемого текста представляет использование мотивов известной песни о гибели Степана Разина (Киреевский, VII, стр. 41; перепечатано из сборника Н. И. Новикова «Новое и полное собрание российских песен», М., 1780—1781). Ср. со следующими стихами разинской песни:

Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до черна мóря,
До черна моря Азовскова,
Помешался весь козачей круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.

Далее говорится о казни Разина в Москве на Красной площади.

Приурочение к имени Ильи Муромца песенных мотивов разинского цикла встречается нередко (см. комментарий к былине о Соколе-корабле и песне «Илья Муромец на Волге»). Данная песня показывает, что в казачьей среде Илья Муромец превращается в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами.

СКАЗКИ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Сказки об Илье Муромце очень разнообразны по содержанию, характеру и происхождению.

Одни из них основаны только на былинах об Илье Муромце и представляют их пересказ в прозаической форме при разной степени близости к содержанию и

речевому строю былин; некоторые так близки к былинам, что скорее их можно назвать побывальщинами, чем сказками. Другие утеряли былинный колорит и приобрели специфику сказочного повествования. В сказках объединяется различное число былинных сюжетов от двух-трех до полного или почти полного состава всего цикла былин об Илье Муромце. Иногда в виде сказки передается и один сюжет. Сказки, более полные по составу отраженных в них былинных сюжетов обычно помещают эти сюжеты в предполагаемой последовательности событий, образуя, таким образом, поэтическую биографию богатыря.

Но есть сказки, в которых былинные сюжеты и мотивы объединяются со сказочными сюжетами и мотивами, чаще всего принадлежащими сказкам типа «Бовы-королевича» и «Еруслана Лазаревича» или сказкам волшебно-героическим. Степень подчинения былинного материала сказочному тоже различна.

Некоторые сказки складывались в среде самого народа и имеют более или менее длительную устную традицию, другие возникали на основе искусственно сделанных былинных сводов или сказок, издававшихся в XIX веке в дешевых изданиях для распространения в народе. См., например: «Илья Муромец, крестьянский сын. По народным былинам рассказано В. Острогорским» (СПб., 1869) — в стихах, в конце XIX века книжка выдержала несколько изданий; «Сказ об Илье Муромце», изданный тоже в стихах, под редакцией О. Ф. Миллера, и также выдержавший ряд повторных изданий (3-е изд., СПб., 1899); «Илья Муромец, крестьянский сын. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга» (составлено В. и Л. Р—н. М., 1894) и др. В таких книжках былины иногда точно передавались по определенным классическим источникам, но иногда отдельные былины произвольно объединялись в один текст и подвергались переработкам, сокращениям и дополнениям. Издавались также сводные сказки на сюжеты былин об Илье Муромце. Так, широкое распространение получила книжка «Илья Муромец, набольший богатырь земли русской» в дешевом многотиражном издании Товарищества И. Д. Сытина в Москве, многократно переиздававшаяся без каких-либо изменений в 1890-х, 1900-х и 1910-х годах (первое известное мне издание — М., 1892). Книжка сохранила демократические тенденции русского эпоса.

Сказки об Илье Муромце, несмотря на их большое значение в народном творчестве русского и других народов Советского Союза, еще слабо исследованы. Библиографию и обзор сказок, известных до середины 1890-х годов, см.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 362—391; Андреев, № 650, I. Более поздние записи указаны у Астаховой (II, стр. 746—747), но без исчерпывающего охвата всех записей. Дополнительно: А. В. Гуревич. Русские сказки Восточной Сибири. Иркутск, 1939, №№ 4, 33; Сказки М. М. Коргуева, II. Петрозаводск, 1938, № 39; Сказки Магая, Л., 1940, № 9; Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, №№ 35—37; Тамбовский фольклор. Тамбов, 1941, № 1; Сказки М. А. Сказкина. Горький, 1952, № 24.

В настоящем сборнике даются три образца сказок разного типа по происхождению, составу и характеру.

57. Сказка-былина про Илью Муромца. Печатается по тексту № 24 сборника «Сказки М. А. Сказкина» (Вступительная статья, запись и редакция текстов, примечания Н. Д. Комовской. Горький, 1952). Записано в июле 1939 года Н. Д. Комовской от Михаила Ананьевича Сказкина, 56 лет, из колхоза им. Кирова Уренского района Горьковской области.

Сказка построена на пересказе 8 былинных сюжетов: 1) Исцеление Ильи Муромца; 2) Илья Муромец и Соловей-разбойник; 3) Илья и Святогор (смерть Святогора в гробу); 4) Бой Ильи с богатырем из неверной страны; 5) Бунт Ильи Муромца против князя Владимира; 6) Илья и Идолище; 7) Дюк Степанович; 8) Три поездки. Но это объединение принадлежит не самому исполнителю. Источником его сказки является названное выше издание Товарищества И. Д. Сытина «Илья Муромец, набольший богатырь земли русской». О восхождении «Сказки-былины про Илью Муромца» к сытинскому изданию убедительно свидетельствуют, во-первых, одинаковая композиция, во-вторых, текстуальные совпадения, при этом часто в формулировках, не встречающихся в изустных записях былин.

По композиции сказка-былина М. А. Сказкина сохраняет почти полностью расположение материала в сытинском издании. Отклонения заключаются только 1) в выпуске одного сюжета — о нашествии Калина-царя, который в лубочной книжке помещен между рассказом о бунте Ильи Муромца и сюжетом «Илья и Идолище», и 2) в перенесении рассказа о состязании Дюка Степановича с Чурилой в конец сказки перед заключительным сюжетом о трех поездках (в сытинской книжке пересказ былины о Дюке включен после рассказа о единоборстве Ильи с чужеземным богатырем и предшествует рассказу о бунте Ильи Муромца).

В генетической зависимости текста М. А. Сказкина от сытинской книжки в особенности убеждает нас наличие в обеих сказках сюжета о Дюке Степановиче, что в сводных былинах об Илье Муромце, идущих от устной традиции, не встречается.

Сближают обе сказки и особенности построения отдельных частей. Так, в часть, посвященную смерти Святогора в гробу, одинаково в обеих сказках и очень своеобразно вставлен эпизод с сумочкой переметной, которую Святогор не мог поднять: сам Святогор рассказывает об этом случае Илье Муромцу, чтобы объяснить, почему он, Святогор, перестал ездить по русской земле. В обеих сказках в рассказе о бунте Ильи Муромца объединены две версии «ссоры» Ильи с князем Владимиром: Илья, обойденный приглашением на пир, устраивает пир киевской голытьбе; Илья рвет подаренную ему князем шубу. Одинаково построены эпизод с выбором коня (былина об исцелении) и рассказ о том, как были раскрыты подвалы с сокровищами («Три поездки» — Илья Муромец зво-

нит в повешенные у подвалов колокола, и неожиданно появившийся мужичок с золотой клюшкой, а в сытинской сказке «старый-престарый старичок» с ключами, отпирает подземелье) и ряд других эпизодов. Рассказы в обеих сказках близки и фразеологически.

Наиболее показательные фразеологические совпадения:

Илья Муромец, набольший богатырь земли русской.	*Сказка-былина про Илью Муромца.*
Будет тебе, Илья, обманывать-то нас! Говорил — попробуй! — кричат странники.	Брось ты, Илья, нас обманывать! Сперва попробуй, а после и говори!
Нечего делать, начал Илья пробовать свои ноги. Пошевелил одной, пошевелил другой и встал, как встрепанный.	Пошевелил Илья одной ногой — шевелится. Другой пошевелил — шевелится.
Услыхали эти слова могучие богатыри и говорят князю Владимиру: — Не верь детине, князь Красное Солнышко; больно он завирается! Не мог он проехать по этой дороге: вот уже более тридцати лет, как залег на ней Соловей-разбойник, и не только человеку невозможно пройти по ней — зверь не пробежит, птица не пролетит.	Как только услыхали это богатыри, говорят они князю Владимиру: — Не верь ты, князь, этому детине; уж больно он завирается. Разве можно ехать этой дорогой? Ведь тут уже тридцать лет залег Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Тут ни зверь не пробегает, ни птица не пролетает.
— А не хочешь ли, князь, покажу я тебе этого самого Соловья-разбойника. Привез я его с собой на княжеский двор, висит он у меня у стремени привязанный! — А ну-ка, удалый богатырь, прикажи засвистать Соловью по-соловьиному, закричать по-звериному, потешь меня и гостей моих.	— А не хочешь ли ты посмотреть сейчас на Соловья-разбойника Я привез его на наш двор, и висит он сейчас привязан у моего стремени. — А ну-ка, удалой богатырь, заставь этого разбойника засвистеть по-соловьиному, потешить меня с моей княгинюшкой, моих богатырей могучиих.
Нельзя, говорит, послать нам в чистое поле Алешу Поповича. Сами	Нельзя нам посылать Алешу Поповича: позавидует он на золотую

знаете, из какого он роду; глаза у него, у поповского сына, завидущие, а руки загребущие. Как увидит он богатырского коня, всего золотом да серебром убранного, позавидует он золоту, а богатырь тем временем и воспользуется и вышибит из него поповскую душеньку.	сбрую, на тот момент и вышибут из седла его душеньку поповскую.
Услышал эти слова Идолище, разгневался на странника, схватил свой острый меч и бросил со всей силы в Илью. Илья посторонился немного, и меч пролетел мимо него, пробил насквозь стену и вылетел на двор.	Озлился тут Идолище Поганое, схватил свой булатный меч и пустил с силой в Илью Муромца. Илья Муромец отворотился, а меч пробил стену и насквозь вылетел.
Берет он свою сорокапудовую палицу, да как хватит ею татарина по маковке...	Тут Илья Муромец, в свою очередь, схватил клюку сорокапудовую, да как хватит Идолище по маковке...

Сам М. А. Сказкин в беседе с собирателем упомянул о книжном источнике своей сказки-былины: «Читал ее, жаль вот книги такой у меня нынче нет, а то бы проверить можно было» (Сказки М. А. Сказкина. Горький, 1952, стр. 9).

Вместе с тем при всей композиционной и порой фразеологической близости сказки-былины к сытинской сказке — это не затверженный сказочником текст, а свободный пересказ когда-то полюбившегося исполнителю и освоенного им книжного произведения. Многие эпизоды М. А. Сказкин передает иначе, чем в книге, по-своему, развертывая или, наоборот, сокращая, вносит новые детали (таков, например, эпизод с топорами, воткнутыми Ильей в пни) или выпускает некоторые подробности (выпущен, например, эпизод бросания Алешей Поповичем в Илью Муромца ножа, эпизод, который в книжной сказке передан по нижегородскому тексту из сборника Киреевского (т. I, стр. 39); выпущена несвойственная устной традиции встреча Ильи с каким-то стариком, который и указывает Илье путь к Святогору; отсутствует эпизод передачи Святогором силы Илье; нет описания снаряжения Дюка и встречи Дюка с Ильей в шатре; выпущен рассказ о пребывании Ильи Муромца у родителей перед описанием трех последних поездок богатыря). Рассказ М. А. Сказкина вообще проще и по построению и по языку, ближе по стилю к былинам. Характерно, что исполнитель в ряде случаев употребляет удлиненные формы имен прилагательных (три царевича басурманск*иих*, в одежах переменн*ыих*, по лесам дремуч*иим*, богат*оей*

и т. п.), которые увеличивают число дактилических окончаний отдельных фраз и служат усилению ритмичности.

Нет сомнения, что М. А. Сказкину случалось читать, а может быть, и слышать былины об Илье Муромце и в других обработках, кроме указанной (которая является главным источником), и это сказалось в его сказке.

Героическое и патриотическое звучание былин об Илье Муромце хорошо сохранено у Сказкина (см., например, лейтмотив первой части в заветах странников и родителей: «...заступайся за слабых, не обижай беззащитных, бей вора-разбойника» — смысл всех подвигов Ильи). Хорошо дан весь высокий моральный облик богатыря, а также социальное противопоставление крестьянского богатыря князю и придворным богатырям-бражникам. Эти качества достаточно ощутимо представлены и в указанном источнике — книжке, изданной Сытиным, но идейная направленность сказки особенно выиграла в свободном художественном изложении исполнителя.

В сказке-былине про Илью Муромца отразились многие характерные черты М. А. Сказкина как исполнителя: тяготение к монументальным формам, логичность построения и изложения, искусная разработка диалога, понимание жанровой специфики, интерес к героическим и социальным темам.

58. Илья Муромец. Печатается по тексту сборника Астаховой (II, Прилож. III, № 1). Записано А. М. Астаховой в селе Нижняя Кандалакша 11 июля 1933 г. от Ивана Корниловича Лопинцева, 44 лет.

Текст является соединением нескольких сюжетов об Илье Муромце с мотивами сказок о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче. Все былинные эпизоды — исцеление, выбор коня, победа над Соловьем-разбойником, бой с сыном — сильно переработаны. Мотив «тяги земной» из былины о Святогоре своеобразно использован в качестве «урока» богатырю. Через всю сказку проходит патриотическая тема былин об Илье Муромце, четко сформулированная в напутствии старика-прохожего и в завете сыну.

Источник сказки исполнитель сам указал — «книги в школе»: «Там про разных богатырей было — про Бову, Еруслана, Святогора». Вероятно, данный текст — объединение самим И. К. Лопинцевым когда-то усвоенных из книг и из устной традиции былинных и сказочных мотивов. В примечании сказочника отточием указан пропуск в рукописи.

59. Илья Муромец и змей. Печатается по тексту сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (III, Гослитиздат, 1940, № 310). По указанию Афанасьева, текст сообщен ему П. В. Киреевским; записан, вероятно, П. И. Якушкиным (см. примечание к тексту у А. Н. Афанасьева, III, стр. 414).

Текст представляет собой образец прикрепления к имени Ильи Муромца сказочного сюжета о победителе змея с характерными атрибутами волшебной сказки: три дороги на выбор, избушка на курьих ножках, баба-яга, доброжелательно относящаяся к герою, освобождение девушки от двенадцатиглавого змея, женитьба на царской дочери. Из былинных сюжетов в сказке использованы:

исцеление и чудесное получение силы (с эпизодом помощи родителям) и победа над Соловьем-разбойником, но они подчинены общему сказочному строю. Эпизод выбора коня путем накладывания руки традиционен для сказок о Еруслане Лазаровиче, но в них герой обычно испытывает силу коня в пасущемся конском табуне (см. предыдущий текст).

БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ В РУКОПИСНЫХ ПЕРЕСКАЗАХ И ЛУБКЕ XVIII ВЕКА

Публикуемые в последнем разделе тексты принадлежат к старинным записям былинных сюжетов, дошедших до нас в различных рукописных сборниках XVII—начала XIX века, а также в старинном лубке. Записи в большинстве своем — не дословная передача былин в том виде, как они жили в устной традиции, а прозаический пересказ, сохраняющий в ряде мест, то в большей, то в меньшей степени, явные следы ритмического строя былины и подлинно былинные выражения. Большое значение этих старинных записей для изучения истории развития русского эпоса тем более бесспорно, что некоторые из них являются списками с более древних оригиналов или копий.

Таких текстов, носящих наименование «Сказание», «Повесть» или «Гистория» («История»), иногда «Сказка», к настоящему времени насчитывается более 30, среди опубликованных имеется 20, в которых главным героем является Илья Муромец.

Все 20 записей, из которых самая ранняя относится к первой четверти XVIII века, представляют пересказ былины о первой поездке Ильи Муромца — освобождении им по дороге в Киев города Себежа или Чернигова (в одном списке — Кинешмы) от осадившей город несметной иноземной рати, о победе над Соловьем-разбойником и приезде в Киев ко князю Владимиру (обычная композиция былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник»). Несколько текстов включают еще эпизод чудесного исцеления Ильи-сидня. Семь текстов контаминируют былину об Илье Муромце и Соловье-разбойнике с другими былинами: четыре — с былиной об Идолище Поганом и три присоединяют к сюжету о Соловье-разбойнике еще рассказ о победе Ильи Муромца над царем Тухманом — сюжет, неизвестный в живой устной традиции.

Имя Ильи Муромца упоминается и в некоторых других старинных текстах с былинными сюжетами, но уже не как имя главного героя, а среди других действующих в данных произведениях богатырей.

Таким образом, старинные записи былинных сюжетов убедительно говорят об исключительной популярности образа Ильи Муромца. Обилие же старинных списков пересказа былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике свидетельствует о наиболее широком распространении еще до XIX века именно этой былины.

Для настоящего сборника отобраны шесть текстов, имеющих каждый свои особенные черты. Они знакомят с различными типами пересказов былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, представленными в старинных записях.

Тексты публикуются по печатным изданиям с внесением поправок, взятых из подготовленного Институтом русской литературы АН СССР I тома сводного издания «Русские былины».

В орфографию текстов, взятых из разных источников, введены единообразные упрощения: титлы раскрыты без соответствующей оговорки; выносные надстрочные буквы внесены в строку, при этом *л* и *т* (в окончании инфинитива) с *ь*; в случаях слитного написания предлогов с существительными и местоимениями и отрицательной частицы *не* с глаголами они отделены; *і* передается через *и*, *омега* — через *о*, *ук* — через *у*, *ять* — через *е*; *ер* на конце слов опущен; в соответствии с произношением *и* передается через *й* (разбо*и*ник — разбо*й*ник); вносится *ь* (ве*л*ми — ве*ль*ми); пунктуация дана современная; упорядочено написание имен собственных с прописных букв. В квадратных скобках помещены слова и буквы, добавленные публикаторами для правильного понимания текста, в ломаных < > — добавленные составителем данного сборника.

Тексты разделены на абзацы соответственно содержанию.

60. Повесть о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по тексту (стр. 7—9) сборника Тихонравова—Миллера (из рукописного сборника Ф. И. Буслаева, № 92, первая четверть XVIII века. ГПБ, 0. XVII, 57). Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым в его статье «Пять былин по рукописям XVIII века» («Этнографическое обозрение», кн. VIII, 1891; оттиск, М., 1891).

Данный текст — самый ранний из известных нам списков былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в старинной записи; принадлежит к той группе списков, которая характеризуется эпизодом освобождения Ильей Муромцем по дороге в Киев города Себежа. Эту группу В. Ф. Миллер относил к единой редакции, которую он назвал «краткой», в отличие от другой, более пространной, с упоминанием не Себежа, а Чернигова (В. С. Миллер. Очерки, I, стр. 391—401; III, стр. 91—96). Еще раньше Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 3—8) тоже было отмечено единство сюжетной схемы былин «себежской» группы. Но Л. Н. Майков, как и В. Ф. Миллер, знал только 4 варианта, действительно объединенных единой композицией. Из найденных же позднее списков, в которых подвиг Ильи Муромца отнесен к Себежу, а не к Чернигову, в нескольких оказались существенные отклонения от исследованного Л. Н. Майковым и В. Ф. Миллером типа (см. в нашем сборнике №№ 61, 63). Таким образом, «себежские» варианты представляют не одну редакцию, а несколько, что свидетельствует о широкой популярности сюжета не только в устной, но и в рукописной традиции.

Публикуемый текст принадлежит к основной «себежской» редакции, представленной наибольшим количеством списков. Ее главные отличительные черты:

повествование начинается сразу с выезда богатыря; далее непосредственно следует бой под городом; упоминаются села Кутузовы, где живут сыновья Соловья-разбойника и хранится его казна; в сцене свиста Соловья не указан злой умысел Соловья погубить окружающих путем нарушения приказа свистеть только в полсвиста; нет и казни Соловья.

Текст характеризуется четкой композицией. Несмотря на большую лаконичность пересказа, хорошо выделен образ могучего богатыря с его устремлением к единой цели — защите родины от врагов. Пересказ заключает все наиболее характерные особенности сюжета, которыми рисуется образ Ильи Муромца и которые неизменно присутствуют во всех вариантах, записанных из уст народа в последующие века: эпизод отказа богатыря от почестей, которые предлагают ему управитель и жители освобожденного города, отвага Ильи (выбор опасной прямоезжей дороги), его неподкупность (отказ от предложенного сыновьями Соловья-разбойника выкупа). Текст включает также эпизод недоверия, который в позднейших изустных вариантах разработан в плане сатирического освещения князя Владимира и его придворных.

Речь пересказа — живая, разговорная. Встречаются отдельные былинные выражения: «дорога залегла от Соловья-разбойника ровно 30 лет»; «человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетовала»; «и тут богатырское сердце разгораетца»; «скачет с горы на гору, а у реки перевозу не спрашивает»; «и сибирский царь згбворит»; «ответ держит» и др. Следы былинного ритма не очень значительны.

В тексте встречаются описки и искажения, свидетельствующие, что писец не всегда разбирал источник, с которого снимал копию, а иногда и переосмысливал. Ср. «завет» Ильи Муромца в данном тексте с соответствующим местом в тексте № 63: «И завет держал на свою вострую саблю и на крепкой лук с стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать». Именно такая формулировка традиционна для былины. Необычное для эпоса сравнение «побил... бутто заичье стадо», быть может, возникло вследствие неверно прочитанного слова «галичье»; ср. в одном из текстов (ГПБ, Q. XVII. 194): «и напущает на их силу великую, как на галечье стадо». В обращении Ильи Муромца к коню «Что ты, волче, спотыкаешся? — явная ошибка, надо «волчье мясо», как и в некоторых других списках. В строке 2 нами исправлено: похот (в рукописи — похоть).

Город Себеж, о котором идет речь в тексте, — псковский пригород, исконно русский город, в XVI—XVII веках неоднократно подвергавшийся набегам польских и литовских интервентов (см.: Вс. Миллер. Очерки, I, стр. 395—397). В устной традиции XIX века встречаются названия освобожденного Ильей Муромцем города, созвучные Себежу: Бéжегов, Бéкешев и др.

Села Кутузовы, упоминаемые в «себежских» вариантах, очевидно, тоже связаны с преданиями псковщины, поскольку с нею издавна связан был род Кутузовых (см.: Труды ОДРЛ, VI, М.—Л., 1948, стр. 358).

«Сибирский» царь вместо «себежский» или «сибежский» — замена, обычная для всех «себежских» вариантов.

Опубликованные тексты, относящиеся к той же редакции:

1) Тихонравов—Миллер, стр. 1—4 (ГПБ, Q. XVII, 194), вторая половина XVIII века.

2) Там же, стр. 4—7. Из собрания И. Е. Забелина, № 71 (Библ. Ленина, 5914), вторая половина XVIII века. Основные отличия: отсутствуют предложение царя себежского остаться в Себеже и эпизод недоверия.

3) Там же, стр. 10—11. Из сборника Н. С. Тихонравова, № 222, вторая четверть XVIII века. Рукопись утрачена. Обрывается на вопросе Ильи Муромца о казне Соловья-разбойника.

4) «Этнография», 1927, № 2, стр. 115—117. Из собрания Е. В. Барсова, № 210 (ГИМ, 1592), 60—70-е годы XVIII века. Те же отличия, что и в тексте из собрания Забелина, № 71.

5) Труды ОДРЛ, VI, стр. 366—370. Из собрания Н. П. Лихачева, № 287 (Инст. ист.), вторая половина XVIII века. Отдельные эпизоды более детализированы: бой с иноземными царевичами (эпический образ боя: «Не столько Илья Муромец бьет, сколько его доброй конь топчет»; царевичи бегут к морской пристани, Илья настигает их); встреча Ильи Муромца после боя с «сибирским» (т. е. себежским) царем; приезд Ильи Муромца ко двору князя Владимира (деталь, постоянно встречающаяся в изустных вариантах: Илья привязывает коня к серебряному кольцу).

6) Русский фольклор, II, стр. 304—307. 2 текста из собрания А. А. Титова, №№ 2776 и 1994 (ГПБ), XVIII век. Текст I — отрывок конца.

61. Повесть о сильнем могучем богатыри Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по публикации М. Протопопова в «Живой старине» (1894, вып. I, стр. 80—82). Из рукописного сборника, найденного М. Протопоповым в 1893 году в деревне Верхние Валдушки Архангельской губ. Рукопись 1748 года. Текст перепечатан у Миллера (стр. 285—288). Местонахождение рукописи неизвестно.

«Повесть» в основной своей части примыкает к «себежской» группе вариантов, но отличается чертами, придающими тексту особый интерес. В него включен эпизод исцеления Ильи-сидня двумя прохожими старичками; говорится о крестьянском происхождении Ильи Муромца; кроме «града Мурома» упоминается как родина богатыря село Карачаево и сельцо Каптяево; рассказывается о выборе исцелившимся Ильей Муромцем коня и оружия. Некоторые отличия от редакции, представленной текстом № 60, имеет эпизод освобождения Себежа: царевичей Илья Муромец не берет в плен, они бегут с остатками разбитого войска на кораблях за море, царь Себежа не фигурирует, Илью Муромца встречает с почестями народ. Особой чертой отмечен эпизод победы Ильи над Соловьем-разбойником: они бьются на поединке — мотив, необычный для устной традиции (имеется в записи только от одного сказителя, см.: Гильфердинг,

II, № 120; Тихонравов—Миллер, № 7) и, возможно, навеянный лубочной картинкой XVIII века, на которой Илья Муромец и Соловей-разбойник изображены на конях (см.: Ровинский, V, стр. 107).

В рассказе о подвиге Ильи Муромца встречаются характерные былинные выражения и явные следы стихотворного ритма, например: «...напущается на рать силу великую, /сколько бьет, а вдвое конем топчет, /куда он не поедеть — улицы, /куда не поворстится — слободы...».

Или: «Богатырское сердце неуимчиво, /и поворачивает своим добрым конем /прямо на грязи черные, /на реку Смородину, /на мосты калиновы». См. еще изображение скачки Ильи Муромца и приезда его в Киев.

Но самое начало текста — рассказ об исцелении — отличается совершенно прозаическим складом и чисто книжными оборотами речи и книжной лексикой: «вельма у бога в милости по убогим и странным приниматель», «вельми были печальны», «яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги», «наутре воста пошли ко святой литоргии» и т. п.

Это отличие начальной части текста от дальнейшего повествования подтверждает мысль о более позднем возникновении в устной традиции сюжета об исцелении Ильи Муромца и первоначально не в форме былины, а в форме легенды, причем некоторые ее пересказы получали житийный отпечаток.

В списке, по сообщению М. Протопопова, многие слова и буквы стерлись. Часть из них в публикации восстановлена (заключены нами в прямые скобки), некоторые восстановить не удалось, и они отмечены в публикации М. Протопопова отточием с примерным числом точек соответственно стертым местам.

Имеется и механический пропуск, допущенный, очевидно, при копировании текста: нет изображения встречи Ильи Муромца с сыновьями Соловья, и слова последнего к детям следуют непосредственно после его поражения (см. стр. 360 нашего сборника).

62. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Мурома к стольному граду Киеву ко князю Владимеру Всеславьевичу. Печатается по тексту, опубликованному И. Ф. Голубевым в сборнике «Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян» [М., 1951, стр. 246—250; из рукописного сборника Калининского государственного областного архива, № 911, вторая четверть XVIII века (около 1740 года)].

Печатаемый текст, а также предшествующий архангельский список являются самыми ранними записями, включающими эпизод исцеления и указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Оба текста сближаются и в характере передачи эпизода исцеления: упоминание деревни Лаптевой в данном варианте и сельца Каптяева в архангельском; отец и мать молят бога и пророка Илью исцелить сына. Вместе с тем вся начальная часть калининского списка изложена значительно пространнее и заключает ряд новых черт, которых ни в одном другом варианте нет (сон Ильи о буром жеребенке, эпическое изображение силы

молодого богатыря и др.). Особенного внимания заслуживает вопрос прохожих, хочет ли Илья богатства или силы богатырской, и ответ Ильи: «Лутче мне взять силу богатырскую».

То же мы видим и в передаче других эпизодов. Перекликаясь в некоторых частях с архангельским вариантом, калининский текст передает соответствующие места значительно подробнее и вносит новые детали в сюжет. Так, свой первый подвиг Илья Муромец совершает не под Себежем или Черниговом, а под Кинешмою. Пышнее изображена встреча Ильи Муромца после победы жителями города. Отказываясь остаться в городе и говоря, что он едет в Киев к князю Владимиру, Илья Муромец добавляет: «Непригоже мне жить у вас в замских городех» (т. е. в земских). И. Ф. Голубев не без основания видит в этом выражении отзвук факта разделения русской земли на опричнину и земщину при Иване IV. С серединой XVI века связывает также, по мнению И. Ф. Голубева, упоминание в конце текста о станичниках, сообщающих о «незнаемых людях» не то из Рима, не то из Орды (введение сторожевой станичной службы относится к середине XVI века, в ту же эпоху особенно часты были нападения на Русь крымских татар и ногайцев; см.: Славянский фольклор. М., 1951, стр. 245). Отсюда И. Ф. Голубев делает предположение о возможном восхождении калининского варианта к неизвестному списку эпохи Ивана IV. Однако эти детали могли принадлежать не оригиналу «Повести», а его устному источнику.

Обращает внимание наименование Соловья-разбойника Соловьем Будимеровым и рассказ о пожаловании его и его сыновей князем в богатыри. Это заставляет вспомнить, как справедливо о том говорит И. Ф. Голубев, упоминание в известном письме 1574 года Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского кастеляну Евстафию Воловичу рядом с Ильей Муромцем и Соловья Будимировича как богатыря-воина: «Не восходит ли наш список былины с Соловьем-разбойником „сыном Будимеровым", ставшим богатырем, — пишет И. Ф. Голубев, — к той „версии" (выражение Н. С. Тихонравова), которая была известна Кмите Чернобыльскому?» (Славянский фольклор, стр. 246).

Отсутствие казни Соловья-разбойника Ильей Муромцем сближает текст со всей группой «себежских» вариантов.

Особенный интерес вызывает разработка в калининском списке сцены в палатах князя Владимира, выделяющая могучий образ Ильи Муромца рядом со сниженным образом князя и бояр. Три раза перебивает князь Владимир рассказ Ильи Муромца о своей поездке, укоряя в лживости его сообщения. Резко подчеркивается неуважительное по отношению к князю поведение Соловья: входя в палату, он кланяется Илье Муромцу, «а великому князю не бьет челом». На приказание князя засвистать, он дерзко говорит: «Потешу я тебя, руку оторву и ногу вырву». От его свиста все бояре падают, а князь Владимир «в своем тереме со страху набегался». Эти детали сообщают сатирическое освещение образу князя Владимира и сближают это место в калининском списке с соответствующим эпизодом лучших устных вариантов.

По языку и стилю данный список стоит, однако, дальше от былинного строя, чем другие публикуемые здесь старинные записи, хотя и он сохраняет в ряде мест былинную фразеологию.

В тексте заметны некоторые дефекты, возникшие при переписывании: пропуск или описка на стр. 364 (см. сноску на указанной странице); после слов Ильи «Соловей-разбойник давно не пивал зелена вина и меду сладкова» (стр. 366) пропущена, очевидно, какая-то фраза, объясняющая, почему Соловей «вина не примаеть и меду не пьет», в конце повествования не досказано, что же сделал князь с Соловьем Будимеровым. Отточием на стр. 363 отменен нами явный пропуск слова, передающего испуг коня («спотыкается» и т. п., см. соответствующее место в других текстах).

Упоминаемые в тексте «поля туковы» не находят истолкования в словарях. И. Ф. Голубев высказал предположение, не собственное ли это имя, подобно выражению «Грязи Черные»? (Славянский фольклор, стр. 249). Не происходят ли «поля туковы» от слова «тук» — перегной?

63. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илие Муромце сыне Ивановиче и о Соловие-розбойнике. Печатается по тексту, опубликованному акад. А. С. Орловым в «Трудах ОДРЛ» (IV, стр. 242—246). Из рукописного сборника Н. П. Лихачева, № 74 (Инст. ист.) 60-х годов XVIII века.

Текст в центральной своей части (отъезд Ильи Муромца из дому, освобождение Себежа, победа над Соловьем-разбойником, сцена в палатах князя Владимира) вполне совпадает по содержанию и композиции с основной «себежской» редакцией, но включает в начало рассказ об исцелении, а к концу присоединяет пространное повествование о новом подвиге Ильи Муромца — победе над басурманской силой царя Тухмана.

Начальная часть, а также последние заключительные слова текста значительно отличаются по языку и стилю, носящим книжный, житийный отпечаток, от рассказа о самих подвигах, простого по стилю и изобилующего былинными выражениями (см. изображение в нескольких местах скачки богатыря, диалог себежского царя и Ильи Муромца, образ царя Тухмана, седлание коня и т. д.). Эти части — явно более позднее присоединение одним из писцов к традиционной в рукописной литературе «себежской» редакции.

Рассказ об исцелении отличается от текстов №№ 61 и 62 включением в качестве исцелителя Николая-чудотворца вместо двух странников. Отсутствует указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца.

С данным текстом тождествен список, опубликованный Б. М. Соколовым в журнале «Этнография» (1927, № 1, стр. 109—113) по рукописи И. Е. Забелина № 244 (ГИМ, 548), второй половины XVIII века, и текст собрания А. А. Титова (ГПБ, 3315), см.: Русский фольклор, II, стр. 307—311.

По указанию А. С. Орлова, обратившего внимание на соединение в текстах таких слов, как «банкет», «церемония», «музыка», «миткалинный», сама редакция, представленная этими тремя текстами, могла возникнуть не ранее начала

XVIII века. Имя царя «сибирского» «Веспасион» могло появиться, как предполагает А. С. Орлов, по ознакомлении с изданным в 1713 году трудом Иосифа Флавия «Иудейская война» (Труды ОДРЛ, IV, стр. 242).

Сюжет о борьбе Ильи Муромца с Тухманом-царем в устном эпосе неизвестен. Вероятно, и этот рассказ, написанный в духе богатырских литературных сказок XVIII века с отзвуками былины об Алеше Поповиче и Тугарине, явился наращением текста уже в рукописной традиции. Вся «Гистория» обнаруживает стремление создать целостное повествование о жизни и подвигах Ильи Муромца — явление, аналогичное процессу образования в устной традиции сводных былин.

64. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье-разбойнике. Печатается по тексту, опубликованному Д. А. Ровинским в его книге «Русские народные картинки» (I, стр. 2—7). Представляет собой текст к лубку, воспроизводящему в восьми картинах содержание былины об Илье Муромце. Картинки занумерованы. Подлинник работы на меди первой половины XVIII века. На стр. 1—2 своей книги Д. Ровинский дает описание картинок.

Текст принадлежит к иной, чем «себежские» варианты, версии сюжета. Главные ее отличия: тексты начинаются с краткого рассказа о внезапном исцелении крестьянского сына Ильи Муромца; отец и мать, отпуская Илью по его просьбе в Киев, говорят, чтобы он ехал через Чернигов; в сцену прощания с родителями включен их завет не делать никому напрасно обиды; Илья Муромец освобождает не Себеж, а Чернигов; перед подвигом освобождения Чернигова включен еще эпизод нападения на Илью Муромца разбойников. При этом Илья Муромец, устрашив разбойников стрельбой из лука, оставляет их в живых, но говорит: «...впредь не отваживайтесь»; в честь Ильи Муромца князь киберский и воевода черниговский устраивают пир, но предложения остаться нет; в эпизоде стычки с Соловьем-разбойником нет мольбы последнего оставить его в живых и нет вопроса Ильи Муромца о казне Соловья, как это видим в «себежской» версии; отсутствует также упоминание сел Кутузовых, где живет семья Соловья-разбойника, — просто по дороге, по которой едет Илья Муромец, оказываются палаты Соловья; вместо сыновей замечают едущего всадника дочери Соловья и спорят, кто кого везет; старшая дочь пытается убить Илью Муромца подворотней; когда князь Владимир сердится, думая, что Илья его обманывает сообщением о Соловье-разбойнике, Алеша Попович и Добрыня Никитич бросаются смотреть Соловья и подтверждают справедливость слов Ильи Муромца; перед свистом Соловья Илья окутывает князя и княгиню собольими шубами, а когда Соловей нарушает его приказ свистеть лишь в полсвиста, Илья убивает его.

К сюжету о Соловье-разбойнике присоединен рассказ о поражении Ильей Муромцем Идолища со всеми характерными для данной былины подробностями: Илья Муромец узнает о бесчинствах Идолища в Киеве от встречного калики;

переодевшись в платье последнего, Илья появляется в палатах князя Владимира; дается обычный гротескный портрет Идолища и изображение его прожорливости, насмешки над ним Ильи Муромца и убийство Идолища шляпой.

Объединение ряда подвигов Ильи Муромца усиливает образ могучего русского богатыря, подчеркивая одновременно его гуманизм, проявившийся в сцене с разбойниками.

Тождественные тексты имеются еще в трех списках, опубликованных Б. М. Соколовым в 1927 году в журнале «Этнография»: 1) № 1, стр. 119—122, из собрания Е. В. Барсова, № 8 (ГИМ, 2399), конца XVIII века (переписчиком допущен целый ряд описок и ошибок); 2) № 2, стр. 302—304, из того же собрания, № 9 (ГИМ, 2400), конца XVIII—начала XIX века; 3) № 2, стр. 304—306, из того же собрания, № 30 (ГИМ, 2421), 30-х годов XIX века. Оба последних текста не имеют конца, обрываются на приезде Ильи Муромца в Киев. Тождественный текст последней части (Илья и Идолище) обнаружен в собрании П. П. Шибанова, № 186 (Библ. Ленина, 6147), см.: Русский фольклор, II, стр. 311.

Упоминания о первом из указанных списков имеются у А. И. Кирпичникова (Поэмы Ломбардского цикла, М., 1873, стр. 158, прим.), Е. В. Барсова (Слово о полку Игореве как памятник дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 415—416), Л. Н. Майкова (Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 4).

Текст в той же редакции, но имеющий незначительные разночтения в лексике, напечатан у Афанасьева (III, № 308). В примечании (т. III, стр. 416) говорится, что текст перепечатан А. Н. Афанасьевым с лубочного издания. Д. А. Ровинский упоминает о трех более поздних, чем опубликованное им, лубочных изданиях «Истории» и отмечает имеющиеся в них, тоже незначительные разночтения (Ровинский, I, стр. 2—6).

Таким образом, все указанные тексты вместе с публикуемым восходят к одному и тому же пересказу былины об Илье Муромце. Вопрос о первоначальном тексте этого пересказа, послужившем источником, и о генетической зависимости текстов друг от друга не изучен.

Незавершенной последней фразе текста к картинке 6 «И за то ево Илья» соответствует в двух более поздних лубочных изданиях фраза: «и за то ево убил». В одном же из рукописных текстов (Из собрания П. П. Шибанова, Библ. Ленина, 6147, соответственное место читается так: «За то ево Илья Муромец взял за ноги, ударил о пол и ударил до смерти, и бросил за окошко, и сказал: „Не люблю я этих неверных слуг“». Возможно, что при печатании лубка строки после слова «Илья» не уместились, и потому фраза оказалась оборванной, в последующие же издания лубка внесена поправка путем замены слова «Илья» словом «убил».

Нумерация отдельных частей текста, соответствующих картинкам, принадлежит Д. А. Ровинскому.

65. Сказание об Илье Муромце, Соловье-разбойнике и Идолище. Печатается по тексту сборника Тихонравова—Миллера [стр. 11—24; из рукописи И. Е. Забелина, № 82 (ГИМ, 536, 5915), второй половины XVIII века]. Упоминания об этом тексте имеются у А. Н. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 295) и у Ровинского (IV, стр. 4). Впервые текст напечатан Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 34—35).

Текст принадлежит к группе былин с эпизодом освобождения Чернигова; во многих местах он совпадает с редакцией, представленной вариантом № 64, но имеет и некоторые свои отличия: царь киберский и воевода черниговский дают Илье Муромцу пасхальные яйца, надпись на которых свидетельствует о подвигах Ильи Муромца. В «Сказании» богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич наделены каждый традиционной для них в былинном эпосе характеристикой: Алеша Попович допрашивает Илью Муромца, кто он и откуда приехал, «нечестно», и Илья его бранит, Добрыня Никитич спрашивает о том же «очесливо», и Илья Муромец отвечает ему. В текст включен ряд эпизодов, которые отсутствуют в тексте № 64: Алеша Попович заботится о коне Ильи, Илья теснит на скамье богатырей; выпуск княжеских лошадей и гибель одной из них от коня Ильи Муромца; зятья Соловья-разбойника привозят его «воровские пожитки».

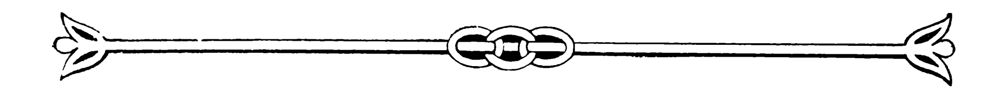
Текст не имеет начала, поэтому неизвестно, как переданы все эпизоды до встречи победителя Ильи Муромца князем киберским и воеводой черниговским. Но, очевидно, как и в тексте № 64, указано крестьянское происхождение Ильи Муромца, так как о нем говорит сам богатырь князю киберскому и воеводе черниговскому.

Публикуемый текст — характерный образец записи былинного сюжета, подвергнувшейся литературной обработке писцом-книжником. В нем имеются сцены и эпизоды, заимствованные из литературы или сказок и разработанные в духе повествовательной литературы XVIII века. Таковы эпизод с пасхальными яйцами, которыми Илья Муромец христосуется с князем Владимиром и княгиней Апраксеевной, не имеющий никаких следов в былинной традиции, сцена в Чернигове, эпизод встречи Ильи с князем Владимиром. Они изобилуют книжными выражениями, часто в «галантном» стиле XVIII века: «не подлежит вам меня, нижайшева раба, брать под руки и вести в полаты белокаменныя»; «подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднес»; «ежели сему не изволите веры понять, то повелите послать справитца чрез почту»; «все это приемлет за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славном Киеве-граде проявляетца» и т. п.

Вместе с тем в тексте видна большая близость к устной былинной традиции не только по содержанию, но и по характеру изложения (особенно в рассказе о встрече с Соловьем и о столкновении с Идолищем): сохранен в ряде мест ритмический склад былины, много чисто былинных оборотов, а в некоторых

случаях они выделены как стихотворные фрагменты. Ряд добавочных эпизодов, отсутствующих в других списках (привоз «воровских пожитков», Илья Муромец, усаживаясь, теснит других богатырей и др. — см. выше), находят соответствие в позднейших устных вариантах.

Некоторые строки выделены в рукописи в виде стихов, они так и помещены в настоящем сборнике. Слова, выделенные нами курсивом, написаны в рукописи киноварью. В двух случаях концы стихов были писцом отделены двумя точками, в настоящем издании точки заменены вертикальными черточками (см. стр. 381, 386). Сохраняем и характерное для многих рукописей конусообразное написание концовки, которым писцы заполняли остающиеся на страницах места. Разделение на абзацы, очень дробное в рукописи, заменяем своим.



АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ С КРАТКИМИ СВЕДЕНИЯМИ О НИХ[1]

Амосов Моисей, 75 лет (№ 37).[2] Крестьянин дер. Красное на Пинеге. Запись произведена А. Д. Григорьевым в 1900 году. Других записей от М. Амосова сделано не было; по-видимому, былин он больше не знал. Данную былину он пел, по словам собирателя, как песню, повторяя в большинстве случаев каждый стих. Выучил ее от старика из другой деревни.

Об Амосове см.: Григорьев, I, стр. 437.

Антонов Максим Григорьевич, 59 лет (№№ 16, 41, напевы №№ 6, 17). Крестьянин дер. Усть-Низема на Мезени. Запись текстов произведена А. М. Астаховой, напевов — Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд в 1928 году. Всего записано от М. Г. Антонова 8 былин и 2 духовных стиха, но знал он больше и былин (впрочем, по его словам, «не стариной, а рассказом») и духовных стихов, а также знал ряд сказок. Былинные напевы записаны на фонограф. Выучил былины еще в детстве от матери. Принадлежит к числу выдающихся сказителей былин советского времени и по высоким идейно-художественным качествам текста и по мастерству исполнения.

М. Г. Антонов хорошо грамотен, много повидал на своем веку. Военную службу отбывал во флоте, в течение трех лет находился в плавании, девять с половиной месяцев — в кругосветном путешествии.

Записанные от М. Г. Антонова былинные тексты и напевы см.: Астахова, I. Об Антонове как исполнителе см. там же, стр. 81—82, 161—162 и в комментариях к его былинам.

Богданов Леонтий, 70 с лишним лет (№ 1). Крестьянин дер. Середка Кижской волости в Прионежье. Запись произведена П. Н. Рыбниковым в 1860 году. Из записанных от Л. Богданова текстов опубликованы 4 былины (2 из них ча-

---

[1] Указанный в списке возраст исполнителей относится ко времени записи от них публикуемых текстов.

[2] В скобках указаны номера былин, опубликованных в настоящем сборнике.

стично переданы прозой), 3 исторических и 3 балладных песни. Другие записанные от Л. Богданова тексты представляли, по словам Рыбникова, варианты неполные и нечеткие, и их Рыбников не счел нужным печатать. Имена учителей Л. Богданова неизвестны.

Леонтий Богданов — первый из сказителей былин, встретившийся Рыбникову, он же и познакомил Рыбникова с целым рядом других певцов, в том числе с известным Трофимом Рябининым. Сам Л. Богданов пел былины старческим разбитым голосом, тем не менее исполнение им былин ночью у костра во время вынужденной остановки лодки, в которой Рыбников переезжал Онежское озеро, у одного из островов, произвело на собирателя неизгладимое впечатление.

Публикацию записей от Л. Богданова см.: Рыбников, I; заметки о нем см. там же, стр. LXIX—LXXVI и 317—318.

Гольчиков Яков Евдокимович, 61 год (№ 9). Крестьянин дер. Лебская на Мезени. Запись произведена А. М. Астаховой в 1928 году. Всего записано от него 4 былины; кроме того, И. В. Карнауховой и А. И. Никифоровым записан ряд сказок.

Напев, на который Я. Е. Гольчиков исполнял былины, записан на фонограф.

Как хороший исполнитель былин и сказочник Я. Е. Гольчиков был известен не только в родной деревне, но и в окрестных. И былины и сказки представляют развернутые, детально разработанные и композиционно стройные тексты с четкими образами. Былинам научился у разных стариков на зверобойных промыслах.

Былины Я. Е. Гольчикова напечатаны в «Былинах Севера» (Астахова, I), несколько сказок в сборнике И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» (Academia, 1934). О Я. Е. Гольчикове как сказителе былин см.: Астахова, I, стр. 109—110 и в комментариях к текстам; о нем как сказочнике — в указанном сборнике Карнауховой, стр. 417, и в рецензии Никифорова на этот сборник (сб. «Советский фольклор», № 2—3), М.—Л., 1935, стр. 418).

Дуркин Игнатий Михайлович, свыше 75 лет (№ 2). Крестьянин с. Усть-Цильма на Печоре. Запись произведена Н. Е. Ончуковым в 1902 году. От И. М. Дуркина записаны 3 былины, знал он и несколько духовных стихов.

Былины И. М. Дуркина четко пересказывают сюжеты, содержат некоторые своеобразные детали в повествовании. Опубликованы в сборнике Ончукова. Там же на стр. 221 краткая, в несколько строк, заметка о самом И. М. Дуркине.

Калистратов И. М. (№ 28). Барнаульский мещанин. Запись произведена С. И. Гуляевым в селе Калистратиха Барнаульского округа в 1840-е годы. Никаких других сведений о Калистратове в рукописи собирателя не имеется.

О публикациях его уникальной былины см. в комментарии к № 28.

Конашков Федор Андреевич, 78 лет (№ 33, напев № 16). Крестьянин с. Семеново Пудожского района, в Прионежье. Запись произведена Е. П. Родиной в 1938 году в Петрозаводске.

В записях от Ф. А. Конашкова известны 22 былины, одна историческая песня, несколько сказок и бытовых песен. Некоторые из его былин имеются в нескольких записях, произведенных различными лицами и в разные годы.

Впервые былины от Конашкова записывал в начале XX века О. М. Добролюбов, но где эти записи — неизвестно. Затем, спустя более 20 лет, в 1928 году произведены были записи сотрудниками экспедиции Государственной Академии художественных наук (Москва) под руководством бр. Б. М. и Ю. М. Соколовых, в дальнейшем повторно и с некоторыми дополнительными текстами былины записаны в 1937—1938 годах сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры. Тогда же были записаны на патефонные диски напевы былин.

Ф. А. Конашков один из самых крупных по величине своего репертуара сказителей былин советского времени. Качество его текстов различно: есть превосходные варианты, имеются и более слабые, поэтически обедненные и незавершенные. Знание былин унаследовал от дяди. Ф. А. Конашков принадлежал к числу энтузиастов былинного сказительства, с вниманием и интересом слушал других исполнителей, сам же был всегда готов петь былины. Он неоднократно выступал с исполнением былин и сказок в Петрозаводске, Ленинграде и Москве. В 1930-е годы Ф. А. Конашков создал несколько новых произведений с современной тематикой. С 1938 года Конашков был членом Союза советских писателей, а в 1939 году за творческую деятельность был награжден орденом «Знак Почета». Умер Ф. А. Конашков в годы Великой Отечественной войны.

Былины Ф. А. Конашкова опубликованы в сборниках «Онежские былины» (Соколов—Чичеров) и «Сказитель Ф. А. Конашков» (Конашков); там же см. сведения о нем. В последнем из указанных сборников имеются автобиографический рассказ сказителя и исследование о Конашкове А. М. Линевского. См. также брошюру «Сказители-орденоносцы Советской Карелии» (Каргосиздат, Петрозаводск, 1939).

Кривогорницын Митрофан, 60 лет (№ 43). Крестьянин дер. Походская Якутской обл. Запись произведена В. Г. Богоразом-Таном в 1896 году. Никаких сведений об исполнителе, кроме того, что он был слеп, не имеется.

Кривополенова Мария Дмитриевна, 72 года (№№ 14, 20, напевы №№ 5, 8). Крестьянка дер. Шотогорка на Пинеге. Запись произведена О. Э. Озаровской в 1915 году. От М. Д. Кривополеновой известно 16 былин, баллад и исторических песен, кроме того — ряд песен и сказок. Основные записи производились дважды: А. Д. Григорьевым в 1900 году и Озаровской в 1915—1916 годах. По сообщению Озаровской, в 1921 году записан был еще ряд песен другими лицами, но где эти записи — неизвестно. Григорьевым и Озаровской записаны были также (на фонограф) напевы М. Д. Кривополеновой. Былинам сказительница научилась еще в детстве от своего деда Н. Н. Кабалина.

М. Д. Кривополенова — выдающаяся сказительница первой четверти XX века. Ее былины и их напевы оригинальны и художественны. Исключитель-

ный интерес представляет в ее репертуаре уникальная былина «Вавило и скоморохи». Исполняла М. Д. Кривополенова былины артистически. В 1915—1916 годах она выступала в Москве и Петрограде, затем на Украине и Кавказе; после Октябрьской революции, в 1921 году, она была снова приглашена в Москву. Советским правительством ей была назначена персональная пенсия. Умерла М. Д. Кривополенова в 1924 году у себя на родине.

Записи от М. Д. Кривополеновой опубликованы у Григорьева, в I томе, в сборнике Озаровской «Бабушкины старины» (изд. «Огни», Пгр., 1916; 2-е изд., М., 1922) и в книге А. А. Морозова «М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки» (Архангельск, 1950; перепечатка записей Озаровской с некоторыми дополнениями). Там же заметки и статьи о жизни и творчестве М. Д. Кривополеновой. Кроме того, см.: Б. М. Соколов. Сказители. М., 1924. Литература о М. Д. Кривополеновой довольно значительна, см. в книге Морозова (стр. 166—167). Образ М. Д. Кривополеновой запечатлен скульптором С. Т. Коненковым и рядом художников (см. у Морозова, стр. 168—169).

Крюков Гаврила Леонтьевич, 77 лет (№ 8). Крестьянин дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Запись произведена А. В. Марковым в 1899 году. Тогда им записано было от Г. Л. Крюкова 19 былин и 2 исторические песни, а в 1901 году — Б. А. Богословским еще 3 былины, 2 шутовые старины и напев одной из былин. По словам Маркова, Г. Л. Крюков знал и еще несколько былин.

Обширный эпический репертуар Г. Л. Крюкова при всем его сюжетном разнообразии обнаруживает все же известное тяготение сказителя к героическим былинам. Среди исполнителей былин в Зимней Золотице Г. Л. Крюков выделялся и высоким качеством своих текстов и напевов. Как замечательный сказитель, он славился в обоих селах Зимней Золотицы (Нижней и Верхней). Большинство своих былин он перенял от золотицких стариков на зверобойных промыслах, несколько былин — от мезенцев, работавших в Золотице покрученниками. Г. Л. Крюков — брат свекра А. М. Крюковой, Василия Леонтьевича, которого Марков уже не застал в живых и который был, по-видимому, одним из крупнейших сказителей Золотицы.

Былины Г. Л. Крюкова напечатаны Марковым (Марков; Марков, Маслов, Богословский, I). О самом Г. Л. Крюкове имеются заметки Маркова в обоих изданиях (в первом — стр. 342—343, во втором — стр. 9).

Крюкова Аграфена Матвеевна, 45 лет (№№ 15, 21, 24). Крестьянка дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Даты жизни — 1855—1921 годы. Запись произведена А. В. Марковым в 1899 году. По величине своего репертуара А. М. Крюкова превосходила всех других известных сказителей конца XIX—начала XX века. От нее Марковым сделаны 62 записи, среди которых, кроме традиционных былин, имеются записи исторических песен и сказок, распетых в виде былин, и несколько духовных стихов. Некоторые из былинных сюжетов А. М. Крюкова передала в двух разных обработках, — в редакции

Терского берега Белого моря, откуда она была родом, и в Золотицкой редакции. Былинам училась она на своей родине от матери, дяди и других стариков, в Золотице, главным образом, от свекра. Некоторые из былин А. М. Крюковой восприняты ею из книги.

А. М. Крюкова отличалась исключительной памятью и большим даром импровизации. Свободно владея былинным стихом, она легко облекала усвоенные сюжеты разных поэтических жанров в форму былин. В исполнение традиционных былин вносила много своего. Былины пела, по словам А. В. Маркова, слабым, но приятным голосом, большей частью на один и тот же напев.

Записи от А. М. Крюковой см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, I. О жизни и творчестве см.: Марков, стр. 27—30; Марков, Маслов, Богословский, стр. 8—9; Э. Г. Морозова (Бородина). Беломорская сказительница Аграфена Крюкова. Альманах «Север», Архангельск, 1946; Б. М. Соколов. Сказители, М., 1924; Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 293—296.

Крюкова Марфа Семеновна, 62 года (№ 36). Крестьянка дер. Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Дочь А. М. Крюковой. Даты жизни — 1876—1953 годы. Запись произведена Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец в 1937 году. От М. С. Крюковой записано более 150 сюжетов, среди которых много новых, сложенных на традиционные эпические мотивы, летописные предания, сказки, песни, повести. Былинам сказительница училась у матери, обоих дедов — Василия и Гаврилы Крюковых, у других сказителй Золотицы и мезенских покрученников, усваивала их также из книг. Начала исполнять былины с 15 лет. Впервые несколько былин от нее записал А. В. Марков в 1899—1901 годах. В советское время записи былин от М. С. Крюковой производились в 1934 году (В. П. Чужимовым) и в 1937—1938 годах (Бородиной, Липец и Астаховой). Записаны от М. С. Крюковой также сказки, несколько песен и новые, ею созданные произведения.

Следуя исполнительской манере матери, М. С. Крюкова еще шире использует импровизацию: отдельные эпизоды она развертывает до больших детализированных повествований, включает новые эпизоды, часто уводящие в сторону от основного повествования, вследствие этого композиция ее былин лишена четкости. В исполнении М. С. Крюковой богатырский эпос нередко получает современное звучание, но общий характер былинных образов выдержан в духе традиции. Выделяя патриотическую направленность эпоса, М. С. Крюкова особенно заостряет его социальные мотивы. М. С. Крюкова принадлежит к тем современным сказителям, которые активно работали над созданием эпических произведений с современной тематикой (сам термин «новина» введен в оборот М. С. Крюковой).

М. С. Крюкова была членом Союза советских писателей. Она много раз выступала с исполнением былин в разных аудиториях Москвы, Ленинграда, Архангельска и др. За свою творческую деятельность награждена в 1939 году

орденом Трудового Красного Знамени и в 1946 году (в связи с 70-летием со дня рождения) — орденом Ленина.

Ранние записи былин от М. С. Крюковой см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, I. Записи 1930-х годов составили два тома в серии «Летописи Государственного литературного музея» (см.: Крюкова), часть же хранится в рукописном виде в архивах Государственного литературного музея и Института русской литературы (Пушкинский Дом). Литература о М. С. Крюковой обширна. Основные работы — вводная статья Липец в I томе «Былин М. С. Крюковой» и статья Астаховой «Беломорская сказительница М. С. Крюкова» (сб. «Советский фольклор», № 6, М.—Л., 1939).

Кубанцев М. М., 60 лет (№ 46). Казак станицы Пятиизбянской на Дону. В 1936 году от него А. М. Листопадовым произведена повторная запись песни № 46, дополнившая текст, впервые записанный от группы певцов в 1903 году (см. комментарий к № 46). Никаких других сведений о Кубанцеве не имеется.

Лопинцев Иван Корнилович, 44 года (№ 58). Крестьянин дер. Кандалакша в Карельском Беломорье. Красный партизан времени гражданской войны. Запись произведена А. М. Астаховой в 1933 году.

Меденик Л. (№ 54). Казак станицы Щедринской на Тереке. Запись произведена М. Карпинским в 1897 году. Сведений об исполнителе не имеется.

Меншиков Петр Яковлевич, 52 года (№ 3). Крестьянин с Тампасезера в Прионежье, к юго-западу от Кенозера. Запись произведена А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Всего записано от Меншикова 3 былины и песня о сынке Степана Разина.

По словам Гильфердинга, П. Я. Меншиков в прежнее время считался хорошим певцом былин, но ко времени встречи с собирателем позабыл бóльшую часть того, что знал. Былинам научился частью от отца, частью от посторонних.

Записи от Меншикова см. у Гильфердинга, там же перед текстами имеется краткая заметка о сказителе.

Миронов Павел Егорович, 58 лет (№ 10). Крестьянин дер. Семеново на р. Шале Пудожского района в Прионежье. Запись произведена Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой в 1928 году. Всего записано от него 3 былины. Кроме них, он знал и мастерски рассказывал сказки. Былины перенял от односельчан, Н. Р. Мироновой и В. А. Карабавина. По словам собирателей, П. Е. Миронов пел былины «спокойно, глубоко чувствуя их красоту».

Былины П. Е. Миронова напечатаны в «Онежских былинах», (изд. Гос. литер. музея, М., 1948), там же, на стр. 322 и 887, — краткие заметки о нем.

Михеев Карп Иванович, 77 лет (№ 39). Крестьянин дер. Засулье на Мезени. Запись произведена А. М. Астаховой в 1928 году. Кроме записанной былины, мог передать прозой сюжет про исцеление Ильи Муромца. Все остальные, ранее известные ему былинные сюжеты позабыл. Краткую заметку о Михееве см.: Астахова, I, стр. 226.

Никитин Федор, около 45 лет (№ 40). Крестьянин дер. Выгозеро Повенецкого уезда в Прионежье. Запись произведена А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Кроме опубликованной в настоящем сборнике былины, Гильфердингом записано еще 4 былины, песня о Грозном и сыновьях и 2 баллады.

Две былины и одна баллада из записанных Гильфердингом текстов были известны еще по собранию П. Н. Рыбникова, но о самом Никитине никаких упоминаний у Рыбникова нет. Гильфердинг же сообщает, что эпический репертуар Ф. Никитина сложился в Поморье, где, в Кемском уезде, Ф. Никитину приходилось часто в молодости работать. Ко времени встречи с Гильфердингом Ф. Никитин уже многое позабыл, так как по характеру службы (лесной стражник) он не имел досуга для исполнения былин. Гильфердинг характеризует Никитина как хорошего певца былин, исполнявшего их «очень приятным голосом и весьма складно».

Публикации записей от Ф. Никитина см.: Рыбников, II; Гильфердинг, II; заметки о нем см.: Рыбников, II, стр. 37—38; Гильфердинг, II, стр. 633.

Палкин Александр Иванович, 75 лет (№ 17). Крестьянин с. Большие Нисогоры на Мезени. Запись произведена И. М. Левиной в 1928 году. Всего записано от А. И. Палкина 2 былины, он знал еще несколько, но не из устной традиции, а из книги и петь их не мог. Обе же записанные былины он усвоил от одного из стариков в Больших Нисогорах, М. Я. Иванова, оставившего после себя славу знатока былин.

А. И. Палкин был большим любителем былинного искусства, исполнял былины с увлечением. Оба записанных от него текста отличаются полнотой, стройной композицией и картинностью. В Нисогорах и окрестных деревнях А. И. Палкина характеризовали как хорошего старинщика, у которого «слово слово родит».

Записанные тексты см.: Астахова, I; стр. 307—308 — заметка о самом А. И. Палкине. См. там же комментарий к его былинам, стр. 580 и 600.

Пашкова Анна Михайловна, 73 года (№ 34). Крестьянка дер. Ярчево Пудожского района в Прионежье. Жительница Петрозаводска. Даты жизни — 1866—1948 годы. Запись произведена Е. С. Шоймером в 1939 году. От Пашковой записано 14 былин и баллад, 3 исторические песни, 10 сказок, много бытовых песен, свадебных и похоронных причитаний, полное описание свадебного обряда, множество пословиц и загадок.

А. М. Пашкова принадлежит к числу наиболее выдающихся сказителей советского времени. Ее обширный репертуар по всем традиционным жанрам фольклора несет отпечаток большого художественного дарования и творческой самостоятельности. Она создавала новые редакции былин, объединяла несколько сюжетов в сложные повествования, развертывала сюжет добавочными эпизодами, стремясь к наиболее полному раскрытию образа центрального героя. А. М. Пашкова известна также как создатель стихотворных сказов, отразивших советскую действительность. Она была членом Союза советских писателей, награждена пра-

вительственными почетными грамотами; неоднократно выступала с исполнением своих произведений в Петрозаводске, Москве и Ленинграде.

Значительная часть эпического репертуара А. М. Пашковой опубликована в сборнике Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова (см.: Парилова—Соймонов), записи других жанров — в петрозаводских изданиях: «Русские плачи Карелии» (1940), «Фольклор Карело-Финской ССР» (1941), альманах «Карелия» (вып. «Фольклор Карелии», 1938) и др. Там же имеются заметки о творчестве А. М. Пашковой. См. также некролог А. М. Пашковой в журнале «На рубеже» (1948, № 1, Петрозаводск).

Поздеев Михаил Алексеевич, 33 года (№ 25). Крестьянин с. Березово на Печоре. Запись произведена А. М. Астаховой в 1929 году во время совместного исполнения Н. С. Торопова и М. А. Поздеева. Когда-то они оба вместе работали печниками, и М. А. Поздеев научился подпевать Н. С. Торопову при исполнении им былин.

Пономарев Федор (№ 53). Казак станицы Щедринской Терской области. Запись произведена М. Карпинским в 1899 году. Вместе с Ф. Пономаревым пел В. Шамин.

Сведений об исполнителях не имеется.

Пономарев Федор Тимофеевич (по прозвищу Почошкин), 72—73 года (№ 29). Крестьянин дер. Верхняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря. Запись произведена А. В. Марковым в 1901 году. Еще раньше, в 1899 году, тем же собирателем записаны от Ф. Т. Пономарева 6 былин (причем 2 пересказаны кратко, прозой), а в 1901 году, кроме публикуемой, — еще 6. А. В. Марков справедливо предполагает, что и 6 былин, записанных в 1870-е годы верхне-золотицким священником И. Розановым и опубликованных П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губ.» (II, М., 1878), принадлежат тоже Ф. Т. Пономареву, поскольку он служил церковным старостой и, дружа с И. Розановым, нередко пел ему былины. В настоящее время предположение А. В. Маркова подтверждено П. Д. Уховым, сличившим «общие места» былин в записи обоих собирателей (см.: Русский фольклор. Материалы и исследования. II, М.—Л., 1957, стр. 137—140).

По качеству текстов Ф. Т. Пономарев должен быть причислен к лучшим сказителям Золотицы. А. В. Марков сообщает и о превосходном исполнении им былин: «Старины он поет сильным приятным голосом и как виртуоз — свободно, легко, не подыскивая выражений». В Золотице он славился как очень хороший сказитель.

Запись от Ф. Т. Пономарева, кроме «Материалов» Ефименко, см.: Марков; Марков, Маслов, Богословский, I. Там же заметки о самом сказителе: Марков, стр. 473—474; Марков, Маслов, Богословский, стр. 10.

Прохоров Никифор (местное прозвище «Утка»), 51 год (№№ 19, 32). Крестьянин дер. Буракова Пудожского уезда в Прионежье. Запись произведена

А. Ф. Гильфердингом в 1871 году; кроме него, записывал еще раньше, в 1860-е годы, П. Н. Рыбников, а в 1906 году — учитель А. С. Лесков. Всего известно от Н. Прохорова 14 сюжетов, некоторые имеются в повторных записях. Знание былин он унаследовал от отца.

По величине репертуара, по качеству текстов и исполнения Н. Прохоров должен быть причислен к лучшим олонецким сказителям. Рыбников, а в 90-е годы В. Н. Харузина рассказывают о том, какое большое впечатление производило на слушателей его мастерское исполнение. Гильфердинг сообщает, что Н. Прохоров пел «очень хорошо и плавно».

Публикация записей от Н. Прохорова: Рыбников, II; Гильфердинг, I; «Живая старина», 1906, вып. III. Литература о Прохорове: Рыбников, I, (Заметка собирателя, стр. LXXXV; II, стр. 77—78; Гильфердинг, I, стр. 411—412; В. Н. Харузина. На Севере. М., 1890, стр. 68—71).

Ростовцева Наталья Алексеевна, 69 лет (№ 38, напев № 18). Крестьянка с. Сумский Посад на Поморском берегу Белого моря. Запись текста и напева произведена А. М. Астаховой в 1932 году. Былин больше не знала. От нее записано несколько старинных песен и частушек, сказки, загадки.

Исполняла Н. А. Ростовцева былину очень музыкально, слабым, но приятным голосом.

О Ростовцевой см.: Астахова, II, стр. 654—655.

Рябинин Трофим Григорьевич (№№ 6, 18, 26, 31). Крестьянин дер. Середка Кижской волости в Прионежье. Родился в начале 90-х годов XVIII века, умер в 1885 году. Запись текста № 18 произведена П. Н. Рыбниковым в 1860 году, №№ 6, 26, 31 — А. Ф. Гильфердингом в 1871 году. Всего от Т. Г. Рябинина известно 26 былинных сюжетов, некоторые в двух вариантах, и два напева, один из них был записан Мусоргским. Главными учителями Т. Г. Рябинина были крупные мастера былинного сказительства первой половины XIX века Илья Елустафьев, Игнатий Андреев и некоторые другие.

Трофим Рябинин — первоклассный певец былин, один из лучших представителей классического былинного стиля. Его былины отличаются яркой образностью, стройной и ясной композицией, чеканным ритмом. Состав репертуара и характер разрабстки сюжетов обнаруживает особенный интерес Т. Г. Рябинина к героическому содержанию русского эпоса. Остро чувствует Трофим Рябинин и социальные мотивы и мастерски выделяет их в своих былинах. Ряд былин Т. Г. Рябинина постоянно включались и включаются в хрестоматии и антологии как лучшие образцы былинного творчества, один из напевов вошел в «Сборник русских народных песен Н. Римского-Корсакова» (СПб., 1876). В 1870-е годы Трофим Рябинин вызывался в Петербург, где выступал в научных обществах. Свое искусство Трофим Рябинин передал своему сыну Ивану Трофимовичу, который тоже был превосходным исполнителем былин.

Былины, записанные от Т. Г. Рябинина, опубликованы в следующих изданиях: Рыбников, I; Гильфердинг, II. Там же см. биографические све-

дения о нем. Записи напевов приведены у Гильфердинга. Образ Т. Г. Рябинина как исполнителя дан у Рыбникова в «Заметке собирателя» (т. I, стр. LXXVI—LXXIX). См. также: Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 280—283; Иван Рябинин-Андреев, стр. 12—22.

Рябинин-Андреев Иван Герасимович, 47 лет (№ 13). Крестьянин дер. Гарницы Кижской волости в Прионежье. Запись произведена В. Н. Всеволодским-Гернгроссом в 1921 году. Им же записаны были и все другие былины сказителя (Рябинин-Андреев знал 15—16 былин), но сохранились записи лишь 7 полных и двух неполных текстов и 8 фрагментов в записи на фонограф. Записи напевов производились С. И. Бернштейном. Рябинин-Андреев — пасынок Ивана Трофимовича Рябинина (сына Трофима Рябинина), от которого и усвоил весь свой репертуар.

И. Г. Рябинин-Андреев принадлежит, как и оба старших Рябинина, к представителям классического стиля былинного сказительства. Все идейно-художественные достоинства текстов Трофима Рябинина и унаследованные его сыном Иваном сохранены и И. Г. Рябининым-Андреевым. Знание былин он передал своему сыну Петру Ивановичу Рябинину-Андрееву, сказителю советского времени.

Тексты, напевы и очерк творчества сказителя см.: Иван Рябинин-Андреев.

Сказкин Михаил Ананьевич, 56 лет (№ 57). Колхозник починка Климовский Уренского района Горьковской области. Запись произведена Н. Д. Комовской в 1939 году. Ею записаны и другие его сказки. В репертуар М. А. Сказкина входят 98 сказок разного типа. Сказок на былинные сюжеты в перечне, данном собирательницей, больше не значится. Но интерес к героической тематике проявился и во включении М. А. Сказкиным в свой репертуар сказок о Еруслане Лазаревиче и Бове-королевиче.

М. А. Сказкин — один из наиболее талантливых современных сказочников. Увлечение сказками проявилось у него еще когда он был подростком, оно-то и послужило причиной его прозвища «Сказкин», которое заменило затем его настоящую фамилию (Лебедев).

Тексты и очерк жизни и творчества этого превосходного сказочника см. в сборнике Н. Д. Комовской «Сказки М. А. Сказкина» (Горьковское обл. гос. изд-во, 1952).

Торопов Николай Самсонович, 79 лет (№ 25). Крестьянин дер. Климовка Усть-Цилемского района на Средней Печоре. Запись произведена А. М. Астаховой в 1929 году. Кроме данного текста, записано еще 4 былины. Былинам научился от стариков на рыбных промыслах. Из других видов фольклора знал еще немного духовные стихи. Сказок не знал и относился к ним с пренебрежением.

Н. С. Торопов — один из лучших печорских сказителей нашего времени. Тексты его отличаются художественностью, стройной и четкой композицией. Пел

былины Н. С. Торопов на один напев, очень складно. Любил, чтобы кто-нибудь ему подпевал (см. заметку о М. А. Поздееве).

Тексты см.: Астахова, I. Там же (на стр. 478—479) см. заметку о сказителе.

Тупицын Леонтий Гаврилович, 40 с лишним лет (№ 7). Крестьянин дер. Ересная на Алтае близ Барнаула. Запись произведена С. И. Гуляевым в 1860-х годах. Всего от Л. Г. Тупицына С. И. Гуляев записал 7 былин, кроме того несколько исторических песен и баллад. Былинам Тупицын научился от отца.

Л. Г. Тупицын — лучший из известных нам сказителей Сибири, его варианты отличаются большой художественностью и своеобразием. Гуляев отмечает артистическое исполнение Тупицыным былин, производившее на слушателей большое впечатление, несмотря на то, что голос певца уже потерял полноту и свежесть.

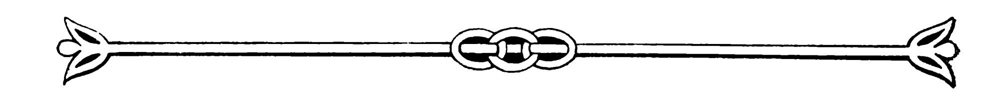
Тексты былин первоначально опубликованы в сборнике Тихонравова и Миллера (см.: Тихонравов—Миллер), а исторические песни — в «Известиях Отделения русского языка и словесности» (т. IX, СПб., 1904). Вновь напечатаны М. К. Азадовским — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939 — и в сборнике «Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева» (под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952). В обоих изданиях помещены извлечения из письма Гуляева к Л. Н. Майкову, содержащие сведения о Л. Г. Тупицыне. Характерные черты былин Л. Г. Тупицына отмечены также Азадовским в его вводной статье (Былины и исторические песни южной Сибири, стр. 24—28) и в комментариях. См. также: Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 2, стр. 296—298.

Чупов Иван Алексеевич, около 30 лет (№ 23). Крестьянин дер. Кильца на Мезени. Запись произведена А. Д. Григорьевым в 1901 году. Всего записано от И. А. Чупова 6 былин и напевы пяти из них. Былины И. А. Чупов перенял от своего отца.

И. А. Чупов — один из хороших сказителей Мезени. Тексты его былин стройные и полные (за исключением былины о Дунае, конец которой сказителем забыт). Пел И. А. Чупов, по словам собирателя, приятным грудным голосом.

Тексты и напевы см.: Григорьев, III. Там же (на стр. 360) см. краткую заметку о сказителе.

Шамин Василий (№ 53). Казак станицы Щедринской Терской области. Запись произведена М. Карпинским в 1899 году при совместном исполнении В. Шамина и Федора Пономарева (см. Пономарев Федор).



УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ К НАПЕВАМ БЫЛИН[1]

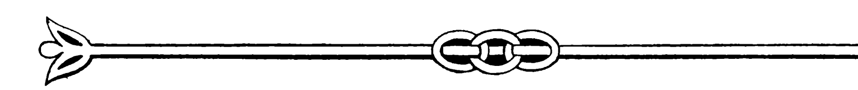
1. Илья-Муромец и Соловей-разбойник — Астахова, II, № XI. (Тексты №№ 6, 13, 26, 31). Запись С. И. Бернштейна 1926 года от Петра Ивановича Рябинина-Андреева, 23 года, Заонежский район, Сенная Губа, дер. Гарницы.
2. Первая поездка Ильи Муровича — Григорьев, II, № 8. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Степаниды Петровны Старопоповой, около 60 лет, Кулой, дер. Карьеполе.
3. Первая поездка Ильи Муромца — Григорьев, II, № 22. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Андреяна Яковлевича Сычова, 40 лет, Кулой, дер. Сояны.
4. Первая поездка Ильи Муромца — Григорьев, III, № 7. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Василия Яковлевича Тяросова, 55 лет, Мезень, дер. Дорогая гора.
5. Илья Муромец освобождает Киев от Калина-царя — Григорьев, I, № 43. (Текст № 14). Запись А. Д. Григорьева 1899 года от Марии Дмитриевны Кривополеновой, 57 лет, Пинега, дер. Шотогорка.
6. Про татарское нашествие — Астахова, I, № II. (Текст № 16). Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Усть-Низема.
7. Камское побоище — Григорьев, III, № 54. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Александра Михайловича Мартынова, 68 лет, Мезень, дер. Малые Нисогоры.
8. Илья Муромец и Чудище проклятое в Цареграде — Григорьев, I, № 44. (Текст № 20). Запись А. Д. Григорьева 1899 года от Марии Дмитриевны Кривополеновой, 57 лет. Мезень, дер. Шотогорка.
9. Илья Муромец и Издолище в Киеве — Григорьев, III, № 13. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Артемия Егоровича Петрова, 35 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.

---

[1] Если на данный напев исполнялась былина, публикуемая в сборнике, в скобках указывается номер текста.

10. Илья Муромец и голи кабацкие — Григорьев, III, № 29. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Ермолая Васильевича Рассолова, 50 лет, Мезень, дер. Печище.
11. Илья Муромец и сын — Астахова, I, № IV. Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Варлама Матвеевича Михеева, 69 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Засулье.
12. Наезд на богатырскую заставу — Григорьев, III, № 3. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Василия Яковлевича Тяросова, 55 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.
13. Наезд на богатырскую заставу — Григорьев, III, № 22. Запись А. Д. Григорьева 1901 года от Ильи Андреевича Тяросова, 37 лет, Мезень, дер. Дорогая Гора.
14. Про старого — Астахова, I, № IX. Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1929 года от Еремея Прововича Чупрова, 39 лет, двух его братьев и сына, Печора, Усть-Цилемский район, дер. Аврамовская.
15. Бой Ильи Муромца с сыном — Марков, Маслов, Богословский, II, № 21. Запись А. Л. Маслова 1901 года от Ольги Семеновны Вопиящиной, 53 года, Архангельская губ., с. Кузомень.
16. Про Илью Муромца и голи кабацкие — Фонограмм-архив, пластинки №№ 208—209. (Текст № 33). Запись 1940 года от Федора Андреевича Конашкова, 80 лет, Петрозаводск, Расшифровка Ф. А. Рубцова.
17. Поездки Ильи Муромца — Астахова, I, № III. (Текст № 41). Запись Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд 1928 года от Максима Григорьевича Антонова, 59 лет, Мезень, Лешуконский район, дер. Усть-Низема.
18. Как ездил стар — Астахова, II, № XXIII. (Текст № 38). Запись А. М. Астаховой 1932 года от Натальи Алексеевны Ростовцевой, 69 лет, Беломорский район, дер. Сумский Посад.
19. Илья Муромец и станишники — Григорьев, II, № 37. Запись А. Д. Григорьева 1900 года от Василия Ефимовича Попова, 22 года, Кулой, дер. Сояны.
20. Ох, не белые снежки забелелися [Илья Муромец и станичники] — Русские народные песни. Музгиз, 1950, № 1. Запись М. Е. Пятницкого 1910 года от Аринушки Колобаевой и других крестьян Воронежской губ., Боровской уезд, с. Александровка.
21. Об Илье Муромце и Тугаровых зверях — А. Лядов, 50 песен русского народа, СПб., 1903, № 6. Запись И. В. Некрасова и Ф. И. Покровского 1901 года, Нижегородская губ., Балахнинский уезд, с. Городец.
22. Илья Муромец и Самсон-богатырь — Русские народные песни казаков-некрасовцев, записанные Т. Сотниковым, М.—Л., 1950, стр. 23. Запись Т. И. Сотникова 1946 года от казаков-некрасовцев на Кубани в колхозе «Красное Знамя» Приморско-Ахтырского района.

23. Илья Мурович — там же. Запись Т. И. Сотникова 1946 года от казаков-некрасовцев на Кубани в колхозе «Красное Знамя» Приморско-Ахтырского района.
24. Илья Муромец выезжает в поле — Листопадов, 1949, № 1. (Текст № 45). Запись А. М. Листопадова 1903 года на Дону, станица Клетская.
25. Илья Муромец-Кузютушка собирается во дики степя — Листопадов, 1949, № 2. (Текст № 46). Запись А. М. Листопадова, 1903, 1936 годов на Дону, станица Пятиизбянская.
26. Илья Муромец на речке Смородинке — Листопадов. 1949, № 4. (Текст № 49). Запись А. М. Листопадова 1903 года на Дону, станица Распопинская.
27. Илья Муромец у ворот Киева — Листопадов, 1949, № 6. (Текст № 50). Запись А. М. Листопадова 1902 года на Дону, станица Усть-Быстрянская.
28. Илья Муромец и целовальнички — Листопадов, 1949, № 7. (Текст № 51). Запись А. М. Листопадова 1902 года на Дону, станица Кочетовская.



УКАЗАТЕЛЬ РАЙОНОВ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ[1]

Архангельский край	— №№ 12, 22, 30.
Горьковский край	— № 57.
Дон	— №№ 45—51.
Зимний берег Белого моря	— №№ 8, 15, 21, 24, 29, 36.
Кандалакшский берег Белого моря	— № 58.
Мезень	— №№ 9, 16, 17, 23, 39, 41.
Оренбургский край	— № 52.
Печора	— №№ 2, 25.
Пинега	— №№ 14, 20, 37.
Поморский берег Белого моря	— № 38.
Прионежье	— №№ 1, 3, 6, 10, 13, 18, 19, 26, 31—35, 40.
Сибирь	— №№ 4, 7, 11, 28, 43.
Средняя Россия	— №№ 5, 27, 44, 57, 59.
Терек	— №№ 53—55.

[1] Указание мест записи не совпадает с административным делением.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

ала́быш (*Кабы дает Добрынюшке потяпышу, а прибавил бы Добрыни по алабышу*) — блин, здесь образно, в значении удара ладонью по телу.

алиента́рный — ориентальный, восточный.

арави́тский — аравийский.

базы́ка (*старая базыка новодревная*) — базыга, старый хрыч.

баса́ (*не ради басы, ради крепости*) — краса, украшение.

басота́ — красота.

безвреме́ньице (*Надо мною будет, братци, безвреме́ньице*) — невзгода.

белоя́ровая пшеница — светлая, отборная. Постоянный эпитет пшена в былинах, указывающий на высокое качество.

блад — млад.

бодра́ — бедро; на косу бодру́ — с размаху.

бо́рзый — проворный, прыткий. В былинах эпитет соболя.

брата́н — здесь в значении названого брата.

браты́ночка — стопа или ковш для напитков.

брузаме́нский (*брузаменское копье*) — искажение слова мурзамецкий. Эпитет копья. См. мурзамецкий.

брусаме́ньчатый — то же, что брузаменский.

була́яова — (*татарева-булановя*) — то же, что улановя, уланы, ханские чиновники, ханский конвой.

бу́ркать (*чтобы по ногам они не буркали* — о веслах) — вертеться, издавая гул.

валья́к (*Как уж пуговки были вальячныя, того ле вальяку красна золота*) — литая, чеканная работа, от льяк, ляк, льяло — форма для литья.

валья́чныый — литой, чеканный, см. вальяк.

ве́лий — великий, большой.

вельма́, вельми́ — весьма, очень.

веретно́ (*Муниця на тебе — ведь веретно́м тряхнуть*) — то же, что веретено; веретеном тряхнуть — в значении простая, бедная. Ср.: не веретеном трясти — о деле, которое требует рассудка (Даль).

взбру́да (*взбруда латная*) — см. сбруда.

взлепетать — заговорить.

винтовать (*шурмует и винтует на коне Илья Муромец*) — джигитовать, наездничать.

в обрат — обратно, назад.

вонный (*Пролетел он на вонную сторону с простеночком* — о ноже) — внешний, наружный.

воспылать (*На тот на славный стольный Киев-град воспылал собака ли царь Калина*) — распалиться страстью, гневом.

втапоры — в ту пору.

вывет (*Они рубили силу нунь без вывету*) — исключение, изъятие.

выздынуть — выздымать, подымать.

вырука — то же, что выручка.

выть (*К выти всё быка я съем*) — пора еды, час еды.

голи — голытьба, бедняки.

гольяшный (*Отвязыват Соловья... от того стременышка гольяшного*) — то же, что вальяжный, см. вальячный.

гривены (*княженецьки-то светлы гривены*) — вместо гридни.

гридня, гридница — приемная палата древних князей.

гуня — верхняя одежда; худая, ветхая одежда, рубище.

держать (*Некому держать-тощить да золотой казны*) — издерживать, тратить.

дети боярские — сословие в древней Руси, получавшее от правительства участки земли с обязательством нести военную и земскую службу.

дивья (*Дивья мне потыкатися*) — не диво.

долонь — ладонь.

домовище — гроб.

дородный (*дородный молодец*) — рослый, плотный; статный, видный.

дыбучий (*лузя дыбучие*) — болотистый, от дыбун (зыбун) — топкое болото, трясина.

елань — поляна в лесу.

ерлык — см. ярлык.

есаул — помощник, подручник военачальника.

есень (*соньчё идет на есени*) — то же, что ясень, ясное небо.

жавролёночек — жаворонок.

жалуха (*Ёны били друг друга да не жалухою*) — жалость; не жалухою — без жалости.

жаровый (*Вышибал выше дерева жарового*) — рослый, высокий.

за беду стало — показалось обидно, оскорбительно.

заведь (*Застоялась у старого да в заведи рука*) — сочленение кисти и предплечья.

завозенка — конюшня, сарай.

заворыдать — зарыдать.

загрезить (*а другую беду они загрезили*) — набедокурить.

загутарить — заговорить.

задлёньшина — житель задлённой стороны, окраины, от слов: за Двиной — задвенный. См.: Марков, стр. 567.

заздынуть (*Заздынул он ручку выше головы*) — поднять.

зазрить — завидеть.

заклинаться — зарекаться, закаиваться.

заколодеть (*Заколодела дорожка, замуравила*) — быть завалену колодьем—деревьями, сучьями.

закори́ться — начать возражать.

залега́ть (*А залегла та дорожка...*) — заглохнуть, быть покинутым.

зале́чь (*И залег ее дорогу Соловей-разбо́йник*) — сделать залеглым, заглохшим.

зама́ть, занимать (*што ты меня замаешь?*) — затрагивать, задирать.

замо́чь (*замогли-то продувать да ветры буйные*) — в значении не мочь.

заму́зга́ть (*Ай замузгал-застонул во цело́й голос*) — см. з а м ы́ з г а т ь.

замура́веть — зарасти травой.

замы́зга́ть — залаять, завыть.

зары́снуть (*Как зары́снула у коничка права́ нога*) — задеть за землю.

затальча́ть (*Да затальця́т мои серебреные колечушка*) — зазвенеть, забрякать.

заши́бчивый (*На речах у мня Добрынюшка зашибчивой*) — невоздержанный.

збунча́ть — зазвенеть.

здреть — то же, что зреть, глядеть.

зды́нуть — поднять.

знаменова́ться (*Тут и Киев-град знаменуется*) — виднеться.

зоба́ть (*Оны зоблют пшеницу белоярову*) — есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

зыча́ть — кричать, гаркать.

игре́ний — конская масть: рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана.

извиха́ться (*А копейца у их да извихалисе*) — изогнуться.

изво́тчина (*Тибя как величают по извотчины?*) — отчество.

издивля́ться — удивляться.

изры́ганье — брань, поруганье

и́скопыть — яма от удара копытом или ком земли из-под копыта.

калена́ стрела — закаленная.

кали́ка (*калика перехожая*) — странник, паломник.

камча́тка — то же, что камка, шелковая цветная ткань с узорами и разводами.

кано́н (*И просили у него пить ѳого канону заветного*) — то же, что канун, сваренные к празднику пиво или мед; (*каноны читать*) — молитва.

карака́, ка́раки (*Привязал ёво коню во ка́раки*) — см. т о р о к а́.

ки́вер — военный головной убор.

клюха́, клю́ша — то же, что клюка.

ко́мель — нижний конец дерева.

конёжки (*Конёжки на ножках семи шелков*) — вместо к е н ё ж к и, к е н ь г и — обувь без голениц, головка с подошвами сверх сапог.

ко́нничек (*Зашел Илья Муромец с конничка*) — то же, что коник — лавка ларем для спанья у дверей.

корзни́ (*А он на корзни́ да потыкается* — о коне) — неровности почвы, от к о́ р з а — неровная поверхность чего-нибудь; валежник, от к о р з а́ т ь — обрубать, соскребать ветки с дерева (?).

корока́ — см. т о р о к а́.

корча́гой согнуть — смять, подломить.

коса́ саже́нь — от конца большого пальца вытянутой ноги человека до конца указательного пальца поднятой руки противной стороны, на́кось (Даль).

косисчатый (*окошечко косисчато*) — то же, что косящетый — с косяками.

косица — висок.

косявчетый — см. косисчатый.

кошулечка — кошуля, крытая сукном меховая шуба.

кравчий — придворный чин в старину: кто рушил за столом жаркое, пироги, от слова кройть — рушить.

крековищо (*дубищо крековищо*) — то же, что кряковистое, кряжистое.

крестовый брат — названый брат, поменявшийся нательным крестом.

кружало — питейный дом, кабак.

крупивчатый — то же, что крупчатый — рассыпчатый.

кукорачь — карачки, четвереньки.

курева, курево (*Во чистом поли курева стоят*) — пыль от подымаемого на воздух песка или сухой земли.

лиственица — лестница.

лохалище — то же, что лоханище, большая лохань.

лузя — то же, что лузи, луга.

мамурский (*Две куницы мамурские*) — с Амура(?).

матёрый (*Стар матёр человек*) — большой, дородный.

матица (*Кого поставить в середку силы, в матицу*) — поперечный брус, поддерживающий потолочную настилку; здесь в значении середины.

медвяный (*питьецо медвяное*) — медовый или сладкий, вкусный, подобный меду.

медь-козарочка — козарская или хазарская медь.

меженный (*меженный день*) — летний, от слова межень — середина лета.

мелкотравчатый (*потянута шуба всё камчаткой мелкотравчатой*) — покрытый мелким узором.

меч-кладенец — булатный, стальной меч.

морок (*В мороку-тумане нынь худо видитце*) — марево, мгла, сухой туман.

мунийця — амуниция, одежда.

муржамецкий, мурзамецкий (*копья муржамецкие*) — татарский, восточный, от слова мурза.

мурзалецкий — см. муржамецкий.

нагалище — ножны.

наедки — сласти.

наиспашечку (*угостил меня Илья да наиспашечку*) — наотмашь, с размаху.

накарач — на карачки, на четвереньки.

након (*размахнулся во второй након*) — раз, прием.

на кукарач — см. накарач.

накурить (*И накурил он беды несносныя*) — набедокурить, напроказить.

налущен, налушник, налучен, налучье — чехол для лука.

намастырь — монастырь.

наотворот (*Наотворот того другй говорят*) — в ответ.

наперелуч — наперерез.

напус — то же, что напуск — натиск.

насадка (*По насадочкам копья повертались*) — место, где железный

конец копья прикрепляется к пике.

нать — надо.

невно́го — немного.

непробо́рный (*дитятко непроборное*) — непроворный.

обза́риться — то же, что позариться, страстно захотеть.

ободве́рина — притолока или косяки у двери.

обра́тно (*Когда выпил, странники обратно начинают спрашивать*) — снова.

о́броть — конская узда без удил для привязи.

оглупа́ться (*Не знать оно оглупается — про* Идолище) — теряться, лишаться присутствия духа и соображения.

одина́кий (*была дочь одинакая*) — единственный.

однова́ (*Вот он его на земле и ударил однова́*) — один раз.

ока́тистый (*горы окатистые*) — с окатами, крутизнами.

око́л (*Он сини моря-ты на око́л скакал*) — окружность, на око́л — в объезд, кругом.

око́ленки — то же, что оконенки, оконные рамы; иногда — оконные стекла.

око́льный — находящийся вокруг чего-нибудь; скамеечки окольные — идущие вокруг столов.

окопы́литься — околеть, издохнуть.

окора́читься (*Под Ильею конь окора́чился и падал ведь на ку́корачь*) — падать на четвереньки.

опережь — то же, что о́передь — наперед, сперва.

опочи́в держать — почивать, спать.

опочи́к, опочи́н — см. опочи́в.

опочи́януться — уснуть.

опру́жника — то же, что подпруга.

опу́тья, опу́тьни — то же, что путы.

орга́ны (*Вот задернули в органы-ти железные*) — вместо арканы, в значении кандалы (?).

оста́веш (*Оставлен есть оставеш на дороженьки*) — оставленный в пути.

остоя́ться (*Остоялся Илейко у ободверины*) — остановиться.

отру́шить (*от ковриги краюшечку отрушаёт*) — отрезать, отломить.

оту́жинка — ремень или веревка для укрепления седла.

о́тчина (*ты скажи нам свою отчину*) — родина, отечество.

оче́сливый — умеющий воздать честь, обходительный.

па́велы (*па́велы и юла́зелы иише та его сила неверна жа*) — вместо панове.

па́возка, па́возок (*Убирался Батый-царь... на мелких судах, на па́возках*) — большая лодка об одном прямом парусе.

пал — выжженное в лесу место для распашки.

палени́ца (*паленица удалая*) — богатырь, богатырка.

па́месть — то же, что память.

па́робок — то же, что парубок, слуга.

па́рух — парубок.

пелозо́й мешок — то же, что пеляной — мешок с золой, с пылью.

перня́счатый — пернасчатый, пернатый, оперенный.

плавь (*чудны иконы по пла́вь реки*) — течение.

плис — бумажный бархат.

пля́штый (*Богатырско серцо... пуще пляштово мороза разгорается*) — палящий, жгучий.

повы́здынуть — поднять.

поджима́ться (*А Владимир-князь... по палаты ходит, поджимается*) — ежиться от тревоги.

подколе́нный (*князья подколенные*) — подвластный, младший, от колено — семья, род.

подколо́дник — разбойник, грабитель.

подмо́лчивый (*злые бояре подмолчивые*) — сплетник, доносчик.

подпина́ться — спотыкаться.

подпру́га, подпру́жка — ремень, которым укрепляют седло.

показа́ться (*И показалась она ему оченно*) — понравиться, полюбиться.

покля́пый (*у березы у покляпыя*) — кривой, наклоненный в одну сторону.

поле́ничать — наездничать.

поло́вка (*все дубовые половки подгибалися*) — половица.

поло́н — плен.

полони́ть — взять в плен.

поло́тно (*Он спустил коня к поло́тну белому*) — в значении шатер.

поля́ковать — ездить в поле воевать.

поляни́ца — см. паленица.

помиту́ситься (*Ставники в его окошках помитусились*) — покривиться.

помозга́ть — см. замызгать, замузгать.

попра́виться (*Постой, баба-яга... я с тобой поправлюсь*) — в значении расправиться.

по́прище (*Не доехал Илья три поприща*) — путевая мера, около 20 верст.

по́прыск (*попрыски богатырские*) — след.

пора́то (*Они порато приросхвасталися*) — очень, сильно.

посме́х — осмеянье, поношенье.

посы́льный (*посыльная грамота*) — посольский.

потыка́ться — спотыкаться.

потя́пыш (*Кабы дает Добрынюшке потя́пышу*) — удар ладонью по телу, от тяпнуть — ударить.

поха́бно (*А не к лицу пришло, стало похабно есть*) — оскорбительно.

похва́тка (*Выучил Святогор Илью всем похваткам, поездкам богатырским*) — прием, ухватка.

пощорба́ться — см. прищербаться.

предви́деть (*Ничего ведь мы от князя не предвидели*) — видеть, получать.

прибира́ть — подбирать.

прибо́рный (*Прибирал свою братию приборную*) — подобранный.

прибо́драть (*Как туман-то в поле прибо́дроло*) — раздернуть.

пристяну́ть — пристегнуть.

пришпе́хи (*ради тех-то пришпехов богатырских*) — то же, что приспехи, доспехи.

прищерба́ться (*А сабе́льки-те у их прищербалисе*) — получить зазубрины.

прогря́знуть (*Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокии*) — обрушиться, провалиться.

пядь (*Да промежду глазами пядь бумажная*) — мера в четверть аршина, протяжение между большим и указательным пальцами.

пята́ (*На пяту-то дверь ты поразмахивай*) — нижний шип. На пяту отворять — распахнуть настежь.

разго́рчивый (*Богатырско серцо разго́рчиво и неуёмчиво*) — пылкий.

раскаря́кою — то же, что раскарячась — растопырив ноги.

реме́нчат стул — складной на ремнях.

росстань, росста́ньюшки — перекресток, пересечение дорог.

рытый (*скамеечки-ти рыта бархата*) — узорчатый.

рыть (*Да он рыл-то ты кусочки по чисту́ полю*) — бросать.

сагайда́к — лук, налучник.

самохи́ньской (*самохиньской шелк*) — то же, что шамаханский, из Шемахи, восточный.

сбру́да — принадлежности военной одежды, от собирать.

середа́ (*Выходил на середу кирпичную*) — передняя часть помещения с каменным полом.

ска́чный (*скачный жемчужок*) — то же, что скатный — крупный, круглый, ровный, точно скатанный.

скинывáть — скидывать.

скошева́ться (*Как неверно собрание скошевалося*) — образоваться, собраться.

скуде́ться (*Подай... мне, нищему, подаяние — я уж очень скудеюся*) — нуждаться.

собруня́ться (*Ишше стал тогды Ильюшка собрунятисе*) — облекаться в броню, в латы.

со́рма (*сормы опасные*) — перекат, порог в реке, поперечная гряда, мель; проток между озерами и болотами.

сосве́тный (*слава сосветная*) — всесветный.

сосла́льник — посланец.

спа́льчив (*Ты не буди ты спальчив, буди милослив*) — гневен.

спи́чечка — деревянный гвоздь в стене, на который вешают полотенце, платье и т. п.

сры́вочный бой — сшибка, отдельное столкновение.

ста́виться (*Он не старится, да й лучше ставится*) — становиться.

ста́вник — ставень, деревянный запор к окну.

стани́чник, станишник — разбойник.

стары́ньшина — старейшина.

стень лошадиная — то же, что степь, степ — хребет конской шеи, вдоль гривы.

столи́чник — доска в верхней части стола.

стре́льная башня — с которой стреляли.

ступе́нь (*Шириною эта шлях-дорожичка... всего три ступня́*) — шаг.

ступе́ньце (*Одеваёт ступеньце на босу́ ногу́*) — лапоть, домашние туфли без задка.

суго́н — погоня.

сыть (*А ты волчья сыть*) — корм, еда.

тасмя́ный (*Накладыват уздицу тасмянную*) — тесьмяный.

тать — вор.

тисовый (*кроватка тисовая*) — из тисового дерева.

тма (*Силы по три тмы, по три тысячи*) — десять тысяч.

то́ко — только.

торока́ (*В торока вяжет палицу боёвую*) — ремни или мешок для привязывания позади седла.

трипе́товый (*А трунь на калики трипетова*) — оборванный, в лохмотьях.

труиь — отрепье, лохмотье, обноски.

тумаши́ться (*Не тумаши́тесь, мои малы́ детушки*) — суматошиться, суетиться.

тусён (*Ишше буду я как баран тусён*) — тучен.

уве́тливый (*слово уветливо*) — приветливый.

уго́ристый (*шо́ломя угористо*) — волнистый.

удро́биться (*Илья Муромец не удробился*) — сробеть, испугаться.

ужахну́ться — ужаснуться.

ука́тистый (*на го́ру на укатисту*) — вместо о к а́ т и с т ы й — крутой, обрывистый.

улива́ться слезами — обливаться.

уло́вное место — место, где встретились.

упа́дка (*Он в гридню идет не с упадками*) — упадок духа; не с упадками — смело, безбоязненно.

упаха́ть (*Ничего не могли упахать с Никитушкой*) — в значении одолеть.

упру́жиика — то же, что подпруга.

уры́вочный бой — в значении случайного боя, урывком.

ути́х (*Как не днем-то не ночью да ути́ха нет*) — успокоение.

уходи́ть (*Ухожу я своёго-то родна батюшка!*) — погубить.

уча́ть — начать.

учёветвовать — учествовать, почтить.

фами́лия (*а короля и всю его фамилию поставил к себе под руки*) — семья.

фланк — вместо ф л а н г — бок, сторона.

ха́йлище — огромная пасть.

хребету́иец — хребет.

цевьё (*у палок цевья отломалися*) — рукоять.

целова́льник — нанятый приказчик, который «целовал крест» на верной службе; наименование утвердилось за торгующими в кабаках.

чаижа́лищо — вместо ч и н ж а́ л и щ о — большой кинжал.

чембу́р (*Связали. . . во крепки чембуры шелковые*) — повод, уздечка.

черка́льский (*черкальское седло*) — черкасский, черкесский.

че́рнедь — чернь, простолюдины.

черни́зиив — черное пятно.

чета́ (*не моя чета*) — ровня.

чота́ — см. ч е т а́.

чули́каться — откликаться.

чумаки́-целовальники — продавцы казенного вина; см. ц е л о в а л ь н и к.

шабёр — сосед.

ша́нцы — окопы.

ше́ймы — якорные канаты.

шело́мчат колпак — шлем.

шелуди́вый — покрытый струпьями, коростой.

шелы́га (*шелы́га подорожная*) — шалыга, плеть, кнут.

шемахи́льский — из Шемахи, восточный.

шиша́к — шлем.

шлях-доро́женька — тракт, торная дорога.

шо́ломя — холм.

шурмова́ть — в значении джигитовать, наездничать.

щепли́вый (*походка у ней щепливая*) — щегольской.

юла́велы — вместо у л а н о в е, у л а н о в ь я — ханский конвой в эпоху татарских нашествий.

ярлы́к — указ, грамота.

яры́га кабацкая — пьяница, шатун.

ясау́л — см. **е с а у л.**

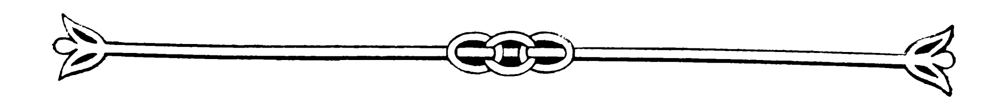
я́сень (*красно солнышко пекло у нас на я́сени*) — ясное небо.

я́сок, яса́к — голос, условный звук.

я́фаит — вместо я х о н т.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ В ТЕКСТАХ [1]

[1] Цифры обозначают страницы. Пояснения в скобках — от составителя, без скобок после запятой — былинные, предшествующие названию; приводятся также сопровождающие имя или название эпитеты.



УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Андреев	— Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.
Астахова	— Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой. Под редакцией М. К. Азадовского, М.—Л., 1938; т. II, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.
Библ. Ленина	— Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.
Вс. Миллер. Очерки	— Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.
Гильфердинг	— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, т. I, М.—Л., 1949; т. II, 1950; т. III, 1951.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Григорьев	— Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.
Гуляев, 1939	— Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.
Гуляев, 1952	— Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под редакцией профессора док-

тора исторических наук В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

Догадин — Былины и песни астраханских казаков, собранные А. А. Догадиным. Астрахань, 1911.

Иван Рябинин-Андреев — Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примечания А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.

Инст. ист. — Институт истории Академии наук СССР, Ленинградское отделение.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, М., 1860—1874 (I, 1860; II, III, 1861; IV, 1862; V, 1863; VI, 1864; VII, 1868; VIII, 1870; IX, 1872; X, 1874).

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.

Конашков — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

Кривополенова — М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова. Архангельск, 1950.

Крюкова — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Редакция акад. Ю. М. Соколова. Т. I, М., 1939; т. II, М., 1941.

Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Листопадов, 1945 — А. М. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945.

Листопадов, 1946 — А. М. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов-на-Дону, 1946.

Листопадов, 1949 — А. Листопадов. Песни донских казаков. Под общей редакцией доктора филологических наук профессора Г. Сердюченко, т. I, часть I. Музгиз, 1949.

Лобода — А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896.

Марков — Беломорские былины, записанные А. Марко-

вым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.

Марков, Маслов, Богословский — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1905.

Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под редакцией профессора В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова, М., 1908.

Озаровская — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е, М., 1922.

Ончуков — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

Панкратов — Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.

Парилова—Соймонов — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

Петр Рябинин-Андреев — Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов, статья и примечания В. Базанова. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

Пропп. Русск. героич. эпос — В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955.

Путилов — Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.

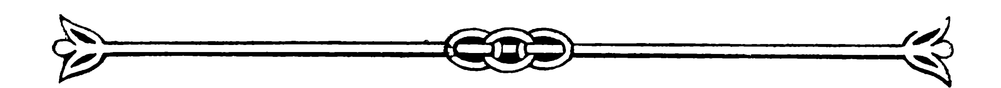
Ровинский — Д. Ровинский. Русские народные картинки, I—V. СПб., 1881.

Русский фольклор, II — Русский фольклор. Материалы и исследования, II, М.—Л., 1957.

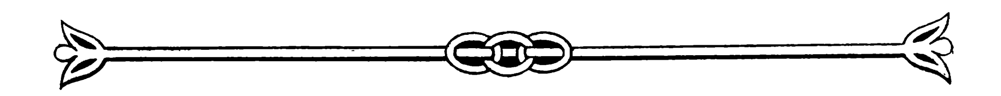
Рук. отд. ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Русск. нар. поэтич. творчество — Руссксе народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков, М.—Л., 1953; т. II, кн. 1, Очерки по истории русского народного поэтического творчества

	середины XVIII—первой половины XIX века. М.—Л., 1955; т. II, кн. 2, Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века, М.—Л., 1956.
Рыбников	— Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд., под редакцией А. Е. Грузинского, тт. I—II, М., 1909; т. III, М., 1910.
Савельев	— А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангарском крае. Известия Среднесибирского русского географического общества, т. III, вып. 3, Красноярск, 1928.
Соболевский	— А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895.
Соколов—Чичеров	— Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, М., 1948.
Соколовы	— Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
Тихонравов—Миллер	— Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.
Труды ОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы. М.—Л., IV, 1940; VI, 1948; VII, 1949.



СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ



СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ[1]

Былины об Илье Муромце в общерусской устной традиции XVIII—XX веков

[1] Первая колонка цифр означает страницу текста, вторая — примечания.

Илья Муромец и Идолище

Илья Муромец и чужеземный богатырь-нахвальщик

Бой Добрыни с Ильей Муромцем

Бунт Ильи Муромца против князя Владимира

Илья Муромец и голи кабацкие

Илья Муромец и разбойники

Три поездки Ильи Муромца

Илья Муромец на Соколе-корабле

Илья Муромец на Волге

Казацкие былинные песни об Илье Муромце

Сказки об Илье Муромце

Былины об Илье Муромце в рукописных пересказах и лубке XVIII века

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Подготовка текстов, статья и комментарии
Анны Михайловны Астаховой

*

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *О. Б. Билинкис, Н. Г. Гилинская*
и *Б. Р. Флакс*

*

Сдано в набор 12/IX 1957 г. Подписано к печати 4/I 1958 г. РИСО АН СССР № 2—103В. Формат бумаги 70×92[1]/16. Бум. л. 17[1]/2. Печ. л. 35 = 40.95 усл. печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 29.76 + + 2 вкл. (0.16). Изд. № 496. Тип. зак. № 302. Тираж 10000.
Цена 19 р. 45 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР (Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР (Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12).

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
54	11 снизу	еде́т,	едёт,
90	5 сверху	дставалась	доставалась
279	6 снизу	И велят, слезыват	И велят слезыват
393	1 „	537	549
451	13—14 сверху	«угрякая»	«угрязая»
455	11 снизу	512	509
473	15 „	были одними	был одним
484	13 „	1938,	1948,
556	1 „	516	517

Илья Муромец